Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ. 2013

Материалы VII международной научной конференции

Белгород 2013

Б0102

0000648601

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ. 2013

Материалы VII международной научной конференции

Белгород 2013

от Болгова Н.Н.

ББК 63.3 (0) 3
К 79

Ответственный редактор-составитель:
д.и.н. Н.Н. Болгов.

Печатается по решению кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения (протокол № 4 от 04.12.2013 г.).

Классическая и византийская традиция. 2013. – Белгород: Издательство ООО ГиК, 2013. – 270 с.

В настоящее издание вошли материалы VII международной научной конференции, проведенной кафедрой всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета 5 октября 2013 г. Среди авторов сборника – начинающие ученые, аспиранты и студенты, работающие в русле научного направления «Классическая и византийская традиция». Книга может быть полезной всем, кто изучает проблемы античной и византийской истории и культуры.

В сборник также вошли материалы научно-практического семинара «История в зеркале художественной литературы» (21 февраля 2013 г.), новые переводы источников, рецензии, хроника научных событий и другие материалы.

К 79

СЕДЬМАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

5 октября 2013 г. в Белгороде прошла VII Международная научная конференция «Классическая и византийская традиция», проводимая с 2007 г. кафедрой всеобщей истории БелГУ. Конференция проводится ежегодно и является своеобразным молодежным филиалом «Кондаковских чтений». В ней принимают участие молодые ученые, аспиранты и студенты.

На этот раз конференция объединила участников из Москвы, Ярославля, Тулы, Смоленска, Саратова, Санкт-Петербурга, Харькова, Донецка, а также Белгорода.

В секции «Классическая Греция и Рим» было заявлено 17 докладов. Наибольший интерес вызвали выступления к.и.н. Е.С. Данилова (Ярославль) «Античные стратегемы в «Записках» Монтекукколи», А.И. Панковой (Донецк) о символике цвета в античной традиции, Н.А. Биленко (Тула) – «Проблемы взаимоотношений Римской империи с варварским миром: между экономикой и политикой».

Секция «Северное Причерноморье в античный и византийский периоды» собрала 11 докладов, большая часть которых была связана с полевыми археологическими исследованиями их авторов. Среди участников секции можно выделить А.В. Вахрамееву (Донецк) с докладом «Спутники Деметры в терракотах Боспора», А.А. Черникову (Тула) – «Праща как источник по военной истории Боспора (на примере раскопок городища Белинское)», Д.В. Дудченко (Харьков) – «О роли церкви и семьи в духовной жизни херсонеситов в XII-XIV вв.»

На заседании секции «Поздняя античность» было представлено 13 докладов. Наибольший интерес участников и слушателей вызвали выступления М.И. Лопатиной (Белгород) о современных исследователях поздней античности и их трудах, О.И. Краюшкиной (Тула) – «Договор Константина I с варварами 322 г.», М.А. Рудневой (Белгород) – «Серапеум в Александрии Египетской».

На секции «Ранняя Византия», собравшей наибольшее количество участников, было заявлено 25 докладов. С.А. Галкина (Тула) представила выступление «Жизнь проповедника Вульфилы и распространение христианства у готов». М.М. Синица (Белгород) выступила с докладом «Истоки римской государственности в представлениях византийской интеллигенции в VI в. (Иоанн Лид)». Н.Е. Третьякова (Белгород) обратилась к теме «Маврусии в событиях эпохи утверждения власти Византии в Африке».

Впервые на конференции работала секция «Античная литература и классическая филология», на которой было сделано 4 доклада.

Традиционно прошло заседание секции «Античность и Византия глазами школьников», на которой было представлено 5 докладов.

Основная задача конференции – развитие научного направления БелГУ «Классическая и византийская традиция» – была выполнена. По сравнению с

предыдущей конференцией расширилась география участников, увеличилось количество выступающих. Целый ряд студентов 2 курса историко-филологического факультета БелГУ сделали свои первые научные доклады на конференции. Аспиранты и магистранты апробировали новые идеи, а также результаты своих наработок.

Обмен мнениями породил немало новых идей, которые будут реализованы в дальнейших кабинетных и полевых исследованиях.

Н.Б.

ДОКЛАДЫ

АНТИЧНЫЙ МИР

ЭМПУСА В АНТИЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Н.А. Жданова

Проблема настоящего исследования состоит в попытке воссоздания образа такого представителя демонических существ греческой мифологии, как Эмпуса[1], который в силу разноречивости источников выглядит неоднозначно. Интересующий нас вопрос, как в отечественной, так и зарубежной историографии, подробно не рассматривался. Отдельные упоминания об Эмпусе мы можем встретить лишь у авторов энциклопедий, словарей и трудов обобщающего характера по мифологии (Х.Л. Борхеса[2], Р. Грейвса[3], К. Королева[4] и др.). Недостаточная практическая разработанность данной темы определяет новизну представленной работы.

Методологической основой настоящего исследования являются комплексный подход к источникам, а также системный подход, позволяющий классифицировать демонические существа греческой мифологии.

Основными источниками по воссозданию образа Эмпусы мы можем определить произведения Аристофана, Лукиана, Филострата, Дионисия, Демосфена, Страбона, Плутарха, Горация и др.

Исследовав имеющиеся в источниках данные, мы можем предположить, что Эмпуса являлась обитательницей подземного мира, она умеет изменять свой облик: «...надо думать, что и в образе Эмпусы, изменявшей свой вид на тысячу ладов...» [Luc. De Salt. 19], «...которую все знают под именем Эмпусы; так как она становилась чем угодно...» [Demosth. Orat. XVIII 130], «...чудище ужасное, оно меняется. То бык, то мул, а то – как будто женщина прелестная... и вот уже не женщина, а страшный пес...» [Aristoph. Ran. 293], т.е. полиморфное существо, хотя и имеет устоявшиеся атрибуты - бронзовую ногу и пылающее лицо: «...Эмпуса, верно...ужасным пламенем лицо пылает. Ноги медные? Одна. Другая же нога – навозная» [Ibid.], «...она - одна из Эмпус, коих многие полагают упырями и оборотнями» [Philostr. Vita Apoll. IV, 25]. Также предположительно

---

[1] Εμπουσα - греческое написание названия Эмпусы (в единственном числе), буквально "та, что движется на одной ноге".

[2] *Борхес Х.Л.* Бестиарий. Книга вымышленных существ. М., 2000. 368 с.

[3] *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992. 624 с.

[4] *Королев К.* Энциклопедия сверхъестественных существ. Иллюстрированный путеводитель по мифам, преданиям и сказкам. М., 2006. 720 с.

это были полуженщины-полузмеи «Ты без сомнения красавец и приманка для красоток, однако сохнешь по змее, а змея по тебе» [Philostr. Vita Apoll. IV, 25].

В другом произведении Аристофана мы можем видеть намёки на соблазняющие функции Эмпусы, что обуславливает, по всей очевидности, умение обращаться в красивую девушку: «...эй, ты там! Куда ты тащишь того юношу, пренебрегая законом? Закон повелевает, что сперва он должен спать со мной... Это не я, а закон уводит тебя. Нет, не закон, а Эмпуса с телом укрытым пятнами и нарывами» [Aristoph. Eccl. 1045].

Также в труде Филострата мы встречаем информацию о вампирских функциях Эмпусы: «И вот она призналась, что она и вправду Эмпуса, и что хотела она откормить Менинна удовольствиями себе в пищу, ибо в обычае у нее выбирать в пищу прекрасные юные тела ради их здоровой крови» [Philostr. Vita Apoll. IV, 25].

Как мы видим, Эмпуса выступает как существо устрашающее и, возможно, опасное. Само упоминание его в драматических произведениях свидетельствует о широкой распространённости знания об Эмпусе, так как постановки были рассчитаны на широкие массы и, соответственно, их реалии должны взывать к традиционному, привычному, разделяемому обществом знанию. Об этом говорит и упоминание этого существа Демосфеном в своих "Речах", которые также произносились при больших скоплениях народа: «...а мать очень торжественно назвал Главкофеей – ту, которую все знают под именем Эмпусы; так как она становилась чем угодно...» [Demosth. Orat. XVIII 130].

Против подобных зловредных существ широко употреблялись разнообразные охранные амулеты, драгоценные камни, которые, как считалось, обладали различными чудесными свойствами. Дионисий упоминает о том, что для Эмпус страшна яшма: «Это море представляет много и другого чудесного для людей, а также производит кристалл и тёмную яшму, страшную для Эмпус и других привидений» [Dion. 718-732].

Часто упоминаемая связь Эмпусы с Гекатой, а также предположение, что Эмпуса - один из эпитетов этой богини, происходит, по-видимому, не из античности, а из византийского словаря X в. "Суда", информация которого восходит, тем не менее, к античным памятникам, до нас не дошедшим. В изображении "Суды", Эмпуса - демонический призрак, насылаемый Гекатой злополучным людям.

Безусловно, слишком обрывочные и разнородные упоминания не позволяют нам полно осветить историю этого существа, но нам удалось выяснить, что Эмпуса являлась отрицательным полиморфным демоническим, пьющим кровь существом. По своим функциям это существо в значительной степени напоминает нам другой, не менее пугающий, образ Ламии: «это чудовище каждый день совершало вылазки и похищало с полей людей и домашний скот» [Ant. Liber. 8, 2]. В отместку за убийство своих детей Ламия убивала и ела чужих [Horat. De arte poetica 340] и проявляла при этом такую жестокость, что со временем ее лицо превратилось в кошмарную личину [Diod. Sic. XX. 41; Strab. I.11.8; Plut. De curios. 2, etc.]. Она совращала юношей и выпивала их кровь, пока они спали

[Philostr. Vita Apoll. IV, 25]. Ламия изображалась в виде полуженщины-полузмеи и, также как Эмпуса, могла принимать облик прекрасной девы. Таким образом, здесь мы наблюдаем смешение отличительных черт внешности и образа действия двух персонажей античной мифологии, входивших в группу так называемых мормоликов (от др.гр. μορμολυκεῖον - страшилище), существ, не знавших наслаждений любви и подменявших это чувство кровавыми пиршествами.

Образ Эмпусы восходит, скорее всего, к народной мифологии Греции и относится к разряду суеверий и народных представлений о демонических существах подземного мира, он был достаточно известным в Древней Греции и, по сути, являлся причудливым воплощением мучительного страха потерять человеческий облик или ужас перед деяниями, которые людская фантазия приписывала чудовищам.

ПОНЯТИЕ «ЦВЕТНОСТИ» В АРХАИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ (2-я пол. VIII – VI вв. до н.э.): АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

А.И. Панкова (Донецк)

В данной статье автор делает попытку комплексного анализа некоторых памятников письменности эпохи архаики с целью выявления особенностей чувственного восприятия древними людьми «цветности» окружающего их мира. Особое внимание акцентируется на связи цвета с мифологией и материальной культурой соответствующего периода. Также предпринимаются первые шаги к изучению специфики происхождения отдельных элементов цветового спектра в древнегреческой культурной традиции.

Ключевые слова: цвет, свет, архаическая эпоха, мифологическое мироощущение, чувственное восприятие.

В свете последних лингвокультурных и психофизиологических исторических исследований значительно актуализировалась проблема цветовосприятия в древних культурах. Рассмотрение этих вопросов в контексте античной цивилизации будет способствовать успешному продвижению ученых в установлении истинного цветового спектра греков, в проблеме происхождения некоторых спорных цветообозначений в древнеэллинском языке и т.д.

Феномен «цветности» в архаическом творчестве еще не нашел заинтересованного исследователя. Некоторые попытки в изучении явления предпринимались в британских энциклопедических и музейных изданиях; огромный вклад сделал философ А.Ф. Лосев. Однако все эти исследования касались, преимущественно, изобразительного искусства и пластики.

Источниковую базу данной работы составляют: поэмы «Илиада» и «Одиссея» Гомера; любовная поэзия и панегирики Алкея, Анакреонта, Алкмана и др. меликов.

В отличие от прочих индоевропейских народов – современников, древние эллины выработали весьма рациональную, многокомпонентную мифологическую систему, что свидетельствует не только о высочайшем уровне организации архаического сознания, но также позволяет исследователям говорить о сложности мировосприятия древних эллинов, о зачатках в их мифологии черт сенсуализма.

Представления о цвете в архаическом эллинском обществе были далеки от системности. Все ощущения и их понятийные аппарат: вкус, запах, форма, цвет – не выделялись в отдельные категории бытия, но существовали в тесной связи с так называемой эстетикой мифологии.

Наиболее ранние взгляды на феномен цветности в античном мире проявляются в творчестве Гомера. Точнее было бы сказать, что его известнейшие поэмы, «Илиада» и «Одиссея», содержат в себе не только ценнейшие сведения об архаическом миропонимании, но также и отголоски более древних исторических периодов, микенской и дорической эпох. Этим обусловливается исключительная ценность данного письменного источника для нашего исследования.

По свидетельству А.Ф. Лосева, именно в произведениях Гомера заложены начала эстетического восприятия мифологизированной природы (о чем мы не можем говорить до этого)[1]. В частности, в поэмах содержатся упоминания о художественных ремеслах, зачатках декоративно–прикладного искусства (художественная ковка, литье, воронь и др.) (τέχνη)[2].

Говоря о цвете в «гомеровском» толковании, обратим внимание, прежде всего, на отсутствие самого абстрактного понятия «цвет». При этом цветовые значения в «Илиаде» и «Одиссее» выделяются весьма опосредованно – наиболее часто упоминаются различные вариации с золотом и серебром (*«златотронный», «златокудрый», «сребролукий»* и т. д.); черный цвет употребляется лишь при описании ахейских суден, а также при исключительно негативных характеристиках – «черная боль», «черная погибель», «черная кровь» и т. д.; много реже встречаются значения пурпурного, белого и лазурного цветов. Эта ситуация породила определенный парадокс в научных кругах, который получил особенно абсурдное выражение в работе британского исследователя XIX в. У. Гладстоуна.

---

[1] См.: *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. В 8 т. Т. 1. Ранняя классика. М., 1963. 264 с.
[2] См.: *Лосев А.Ф.* История античной эстетики: В 8 т. Т. 3: Высокая классика. М.: Искусство, 1994. 322 с.

Он объяснял отсутствие цветового разнообразия у Гомера дальтонизмом древних из-за примитивного зрения и узкого мышления, что не позволяло им обогатить свой лексический запас новыми значениями. Такая точка зрения бытовала в науке долгое время. Однако мы вынуждены не согласиться с подобным утверждением, иначе как объяснить давние традиции полихромии в скульптуре, фресковой живописи, храмовой архитектуре эпохи архаики[1]. Очевидно, причина этого лежит в плоскости специфики архаического мировосприятия.

Эстетика Гомера проявляется, прежде всего, в нестандартном для современного понимания слиянии ремесленной, производительной деятельности с мифологическим типом мышления. Отсюда такая любовь к золотому и серебряному, ведь драгоценные металлы были основным ресурсом для изготовления оружия, украшений, металл был частью духовной и материальной культуры ахейцев. Кроме того, цвет в древнегреческом обществе «гомеровского» времени выполнял функцию некоего символического статуса для обозначения определенных категорий понятий и форм. Так, Афина Паллада всегда именуется *«...светлоокой дщерью Эгиоха»*, а ахейский герой Менелай Атрид награждается эпитетом *«русокудрый»* [Гомер. Илиада. Песнь первая. Стих 205][2]. Зевс же всегда изображается *«златотронным»*. В противовес богам и героям, обычные люди и прекрасные смертные женщины упоминаются, как *«темноокие»* (*«...черноокая дева...»* Хрисеида), *«чернокудрые»* и т. д. Таким образом, Гомер и люди его эпохи проводят границу между светлым священным началом, исполненным целомудрия и олимпийского покоя, и темной низменной природой человека. Это также означает, что цвет был неотъемлемой частью таких эстетических понятий, как «красота» и «гармония».

Из данного вывода исходит следующее предположение: Гомер не видел принципиальной разницы между цветом и светом, и блеск золотых доспехов Ахилла значил для него столько же, сколько блеск росистой травы на рассвете битвы. Единство цвета и света сохранится надолго и будет использоваться в хроматических теориях таких великих мыслителей эпохи классики, как Эмпедокл, Аристотель и др.

Следует отметить, что цвет в гомеровской трактовке также использовался в качестве обозначения социального статуса. Так, пурпурный пояс с драгоценными вставками из слоновой кости сопутствовал великому воину - царю Аяксу, и мог принадлежать знатнейшему и сильнейшему из мужей (пурпур – цвет роскоши) [Гомер. Илиада. Песнь 5][3]. Из золотых кубков пили вино и амброзию наиболее значительные олимпийские боги и герои во время триумфа.

Стоит также обратить внимание на метафоричный характер некоторых синтаксических конструкций с использованием цветовых значений: *«черное горе»*, *«черная гибель»* - исключительно негативная окраска. Однако: *«светлая*

---

[1] См.: The Oxford Encyclopedia of Ancient Greece and Rome [Electronic resource] / Edited by Michael Gagarin. Vol. 1. P. 18–22. Mode access: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/> - Title from screen

[2] См.: Гомер. Илиада. Одиссея / Пер. В. Жуковского. М., 1993. С. 286–345.

[3] Там же. С. 545–621.

слава», «светозарная Эос» и т.д.; *«...зелена...Одиссеева... старость»* (старость, исполненная сил и свежести) [Гомер. Одиссея. Стих 791]. Здесь для нас фундаментальное значение имеет глубокое значение цвета в морально-этическом противостоянии добра и зла, света и тьмы, чистоты и порочности.

Итак, анализируя проблему «гомеровского» цветового восприятия, мы можем утверждать, что данный феномен является органичной частью архаической эстетики, который бытовал на основе мифологического мироощущения. Цвет в творчестве Гомера не выступал в качестве самостоятельного ощущения или категориальной единицы, но являлся неотъемлемой частью процесса эмпирического познания природы. Очень часто цветовые обозначения подчеркивали статус того или иного понятия, что породило использование у Гомера устойчивых эпитетов и синтаксических конструкций – «...златопрестольная Эос», «...сребролукий Феб...», «...краснопоясанная дева...» и т. д. Цвет также использовался для моральной характеристики предмета, что обусловило «богатство» гомеровских метафор.

К периоду поздней архаики (ранней классики) относится творчество таких известнейших мелических поэтов–лириков, как Алкман (2-я пол. VII в. до н.э.), Алкей из Митилен (620/626 – после 580 гг. до н.э.) и Анакреонт (570/559 - 485/478 гг. до н.э.)[1]. В их творчестве органично отражаются древнейшие мировоззренческие народные представления не только о природе и мироустройстве, но, в еще большей степени, об ощущениях и человеческих чувствах, чего практически не встречалось в творчестве Гомера. Однако существенным недостатком данной группы источников является их фрагментарность и трудность восприятия для современного исследователя.

Цветовые обозначения в архаической поэзии - довольно редкое явление, уступающее свое место запахам и звукам. Особенно, «недостаток» цветности ощущается в стихах Алкея. Однако некоторые строки его все же покажутся нам интересными:

... Там вода с высоты
льется студеная,
***Голубеющих** лоз —*
всходов кормилица.
По прибрежью камыш
*в шапках **зеленых** спит...*
(Алкей. Весна. Пер. Я. Голосовкера).
Или такой фрагмент гимна реке Гебр:
Гебр, близ Эны, ты, красивобережный,
*В **пурпурную** зыбь убегаешь к морю,*
Пенясь и гремя, по фракийским гребням
Славный купаньем...
(Алкей. Гимн Гебру. Пер. Я. Голосовкера).

---

[1] См.: Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э. М.: Ладомир, 1999. С. 354–362.

Невозможно обойти вниманием и знаменитый фрагмент послания Алкея к поэтессе Сапфо[1]:

Сапфо фиалкокудрая, чистая,
С улыбкой нежной!..
(Алкей. К Сапфо. Пер. В. Вересаева).

Здесь мы видим, что цветовая гамма в общих чертах подобна таковой у Гомера. Однако, в поэзии греческих меликов, цвета неразрывно связаны с миром природы и очень часто выполняют чисто декоративную функцию, поэтому, цветовосприятие в культуре и искусстве этого времени не всегда совпадает с нынешним пониманием красоты и гармонии.

В лирике Анакреонта представлено подобное гомеровскому понимание цвета. Это очень заметно в таких отрывках–словосочетаниях: *«...вино бронзовоцветное...»*, *«...златовласый Эрот...»* и др. Он использует также весьма разнообразный набор метафор с использованием цветообозначений: *«...пурпуровый шар Эрота...»* (имеется в виду внезапная любовь, влюбленность), *«...среброликое Убежденье»* (абсолютная истина) и т. д.[2]

Таким образом, характеризуя феномен цвета и взгляды на его сущность в архаическую эпоху, мы можем говорить о том, что цвет, как и все человеческое сознание вообще, не мыслился без природы. В системе мифологической эстетики, мифологической трактовки красоты и прекрасного, цвет функционировал не как результат зрительного восприятия внешних качеств предмета, но как неотъемлемая часть предмета (или же даже как еще один предмет). Древние люди очень часто отождествляли цвет и свет, как два нерасторжимых понятия, что породило предположение современных исследователей о так называемой «светозарности» цветового спектра эллинов. В свою очередь, для них цветность материальна, она постоянно сопровождает богов, смертных, явления природы, она неотделима от прочих ощущений человека (вкус, запах, звук и т.д.) и очень часто даже замещает их собой (особенно в поэтических произведениях).

A CONCEPT OF «COLOR» IN THE ARCHAIC LITERARY TRADITION
(the 2nd half of the 8th – 6th centuries B.C.): THE ANALYSIS OF SOURCES

A.I. Pankova (Donetsk)

In this article the author makes an attempt of a comprehensive analysis towards some of the archaic written sources to identify the special features of ancient people's perception of color in their relations with the surrounding world. Particular attention is paid to the relationship of the color with the mythology and the material culture of the appropriate period. The first steps of learning the specifics of an origin of the certain color spectrum elements in ancient cultural tradition are made as well.

---

[1] См.: Античная лирика. М.: Художественная литература, 1968. С. 77–101.
[2] См.: там же. С. 80–83.

ЧАСТНОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО В ГРЕЦИИ V–IV ВВ. ДО Н.Э.*

А.А. Казначеева

В статье рассматриваются ксенические и проксенические отношения в двух разных по устройству полисах: в Афинах и Спарте. Определены социальные категории, которые принимали участие в заключение такого рода мирных договоров.

Каждый грек, оказавшись за пределами родного полиса, был иностранцем, поэтому защитить его в другом полисе могли только гуманность и освященный религией обычай гостеприимства.[1] К гостю относились с почтением и оказывали ему радушный прием. Нанесение всякой обиды гостю считалось тяжким преступлением против бога Зевса-Ксения (гостеприимца). Поэтому страх перед гневом и наказанием богов стимулировал к соблюдению законов гостеприимства. Помимо религиозных мотивов, основанием для доброжелательного отношения к чужестранцу служила надежда встретить и от него радушный прием, если возникнет необходимость побывать в родном городе гостя[2]. Не только мораль и религия, но и сам закон был на стороне чужеземцев[3].

Узы гостеприимства, как в Афинах, так и в Спарте были очень прочны. Всякий, кто принимал гостя, обязан был оказывать помощь и поддержку, давать помещение и пищу. По свидетельству Геродота в этом отношении показательно гостеприимство афинского государственного деятеля и полководца Мильтиада, который принимал под свой кров любого чужеземца (VI , 35).

За оказанные услуги граждане полиса могли наградить гостя, например Фемистоклу за удачный исход битвы лакедемоняне вручили оливковый венок и подарили колесницу. При отъезде ему устроили торжественные проводы как никому из других чужеземных гостей (Thuc. I. 74).

Ксения, как правило, представляла собой отношения между людьми одинакового социального статуса, а значит, предполагала взаимный обмен равнозначными подарками [4]. Ксенофонт, также говорит об обмене дарами, но в отличие от Фукидида уточняет, что такие отношения не прочны, приводя в пример союз Ксенофонта и Севфа (Xen.VII,VI, 15). То есть такие соревнования в щедрости характерны только для представителей элиты, поскольку остальные граждане полиса не могли себе этого позволить. Чтобы добиться соблюдения усло-

---

* Статья подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта для аспирантов и студентов НИУ «БелГУ» 2013 г.

[1] *Латышев В.В.* Очерк греческих древностей. - [эл. ресурс] - Режим доступа URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/skrzhinskaya_prazdniki_v_ellade/6.htm

[2] Там же

[3] *Шарнина А.Б.* Эллинское единство и общегреческие празднества. - [эл. ресурс]- Режим доступа URL: http://centant.spbu.ru/centrum/publik/kafsbor/mnemon12.htm

[4] *Казаков Д.В.* Проксения как проекция ксенических отношений на межполисную коммуникацию // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 1(96). Вып. 17. 2011. С. 5–9.

вий договора, представители элиты, заключившие союз гостеприимства, эффективно апеллировали к чести и чувству стыда (Xen. I, II, 11-12; VII, VII, 4-56).

По данным «Анабасиса» Ксенофонта отношения личного гостеприимства строились на основе взаимного доверия и верности, поскольку там, где встает вопрос о жизни и смерти, личное расположение приобретает особую значимость, и становится гарантом поддержки и взаимопомощи. Ксенофонт рассказывает о дружбе Проксена и Клеандра, считая, что в основе союза гостеприимства лежат честные, не противоречащие моральным принципам взаимоотношения. Такая дружба превращается в добродетель, поскольку предполагает в своей основе нравственные отношения.[1]

Как мы видим, союз гостеприимства, заключенный между двумя лицами, оказывающими друг другу взаимные услуги, придавал наиболее надежную и оптимальную форму. Поскольку такого рода отношения были официально и юридически закреплены, то действовали не только механизмы по исполнению принятых обязательств, но и моральные ценности. Так, Кир Младший заключил именно такой союз со стратегами-эллинами, хотя некоторые из них, став изгнанниками, не могли уже выступать в роли гостеприимцев (Xen. 111,1,2).

Отношения личного гостеприимства играли важную роль в связях представителей элиты различных греческих полисов между собой, а также со знатными и влиятельными варварами. Ксенофонт приводит в качестве примера слова Проксена о том, что «Кир стал для него дороже отчизны» (Xen. III,1,4). То есть Проксен мог предпочесть союз с другим высокопоставленным лицом служению родному полису, причем это для него не было позорным.

В основе частного гостеприимства лежала, так называемая «ритуальная дружба», которая отличалась от другого рода связей тем, что она заключалась между жителями разных полисов[2]. Договоры с союзными общинами о правовых гарантиях чужеземца способствовали развитию институтов международного права[3].

Ксенофонт рассказывает историю о ксении между спартанским царем Агесиласием и персидским сатрапом Фаранобазом, которые участвовали в мирных переговорах в 395 г. в Даскилеею (Xen. IV. 1. 39-40). Несмотря на провал переговоров, Агесилай стал ксеносом сына Фарнабаза и продолжал заботиться о нем даже после того, как юноша лишился гражданства и был изгнан.

Алкивиад умело налаживал взаимные контакты с представителями других полисов, что неоднократно подтверждается в источнике. Алкивиад убедил мантинейцев, входивших в состав Пелопоннесского союза, примкнуть к афиноаргосской коалиции и участвовать в военных действиях против Спарты. В 415 г.

---

[1] *Дорофеева В.* Союзы частного гостеприимства между представителями аристократии (по сочинению Ксенофонта "Анабасис") - [эл ресурс]- Режим доступа URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/96395/%D0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7%D1%8B

[2] *Шарнина А.Б.* Эллинское единство и общегреческие празднества. - [эл ресурс] - Режим доступа URL: http://centant.spbu.ru/centrum/publik/katsbor/mnemon12.htm

[3] *Новиков М.В., Перфилова Т.Б.* Вопросы этнопсихологии античных народов // Ярославский педагогический вестник № 2. 2009. С. 59.

до н.э. по побуждению Алкивиада граждане Мантинеи (τῶν Μαντινέων τινές), вместе с аргивянами, приняли участие в Сицилийской экспедиции афинян (Thuc. VI. 29. 3). Алкивиад не пренебрегал приобретением гостеприимцев даже в малозначительных греческих полисах, поскольку и там ему могли оказать необходимую помощь (Thuc. VI. 61. 5).

В течение всей политической деятельности Алкивиада, Афины и Спарта, как известно, вели Пелопоннесскую войну. И, тем не менее, по мнению И.Е. Сурикова, это не мешало Алкивиаду поддерживать со спартанской знатью ксенические отношения, проявлять близость к ее представителям, и отнюдь не только тогда, когда он сам оказался в роли перебежчика.[1] Фукидид также говорит о «старинной проксении», которую спартанцы имели с семьей Алкивиада, и от которой отрекся его дед, а Алкивиад в конце 420-х гг., в период Никиева мира, то есть, на самой заре своей политической карьеры, упорно и тщетно пытался возобновить (Thuc. V. 43. 2; VI. 89. 2). Ничего не известно о деталях этой проксении, о том, почему она была разорвана и была ли она все же впоследствии восстановлена

Ксеном Алкивиада был Эндий, сын Алкивиада, один из виднейших политических деятелей Спарты в конце V в. до н.э. Эндий был эфором в 412 г. и, вероятно, еще раз в 404 г. до н.э.; в этот же период он несколько раз выступал в качестве спартанского посла в Афинах. Отношения семей Алкивиада и Эндия – типичнейший случай полной ксении. В пору своего пребывания в Спарте. Алкивиад активно пользовался своей ксенической связью с Эндием, чтобы внушать через него спартанской верхушке те планы дальнейших действий, которые казались ему предпочтительными. Кроме Эндия, Алкивиад находился в близких отношениях с еще одним знатным спартанцем – Халкидеем (Thuc. VIII. 17. 2).

Таким образом, в классическую эпоху обычаи гостеприимства получают широкое распространение. Доброжелательное отношение к иноземцам было обусловлено рядом факторов: во-первых, религиозными мотивами, во-вторых, личными побуждениями гостеприимцев и, в-третьих, права лиц, принимающих гостей, охранялись законом. Институт частного гостеприимства, то есть «ксения» существовала между людьми, равными по своему социальному статусу. Ксения предполагала обмен равнозначными дарами, поэтому посоревноваться в щедрости могли позволить только богатые граждане полиса, представители элиты. Отношения «ксении» были характерно не только для населения Афин, но и для жителей противоположного по устройству полиса – Спарты. Несмотря на то, что отношения Афин и Спарты осложнялись Пелопоннесской войной, ксенические связи представителей знати обоих полисов оставались прочными. Между Афинами и Спартой были установлены как ксенические, так и проксенические отношения. Однако, по данным источника, частное гостеприимство было более распространено, чем государственное.

---

[1] *Суриков И.Е.* Ксенические связи в дипломатии Алкивиада. - [эл ресурс] - Режим доступа URL:http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1351614226

PRIVATE AND GOVERNMENT HOSPITALITY IN GREECE IN THE 5th -4th CENTURIES B.C.

A.A. Kaznacheeva

The paper considers ksenic and proksenic relations in the structure of two different city-states like Athens and Sparta. Social categories have been defined that concluded this kind of peace treaties.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ И МУЖСКОЙ ПРОСТИТУЦИИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ

Д.Н. Баруткин

Будучи для отечественного исследователя направлением достаточно новым, гендерные исследования уже сейчас подвергаются влиянию категориального традиционализма, в большой степени свойственного советской и постсоветской научной традиции. В русле такого развития событий наблюдается практическое отсутствие исследований в сфере истории сексуальности, которые требуют от исследователя выхода за рамки существующих ныне полоролевых стереотипов. Так и проблема проституции, в частности, старательно обходится современным отечественным исследователем как «непотребная», однако, бесспорен тот факт, что проституция в античном мире была одним из социальных институтов, и без исследования данного феномена понять античную цивилизацию правильно невозможно.

Круг современных отечественных исследований по данной проблематике ограничивается работами И.С. Кона, который уделял ей некоторое внимание в русле социокультурных исследований мужской сексуальности. В зарубежной науке наиболее обширным, и фактически единственным является исследование Иоганна Блоха «История проституции», а также, частично, труды Ганса Лихта и Пьера Брюле.

В собственно греческой традиции, как и социальной сфере, дело обстояло по-иному. Максимальная поляризация мужского и женского в греческом обществе неизбежно приводила к практически полному отрыву одного от другого. Но если женщина была «заложницей» в стенах дома своего мужа, на мужчину, соответственно, возлагалась вся социальная, политическая и экономическая деятельность. «Характерный для греческого общества дух соревновательности, одинаково сильный в спорте и в политике, порождал для мужчины определенную потребность в эмоциональном тепле и самораскрытии»[1].

Именно в этом месте и «выступают на арену событий два важнейших социальных института поддержания мужчин: гетеризм (и женская проституция); педерастия (и мужская проституция).

Оба этих социальных механизма преследовали разные цели и с успехом их достигали, о чем свидетельствует многовековая античная традиция. О педерастии, ее задачах и функциях речь пойдет ниже, а сейчас необходимо уделить внимание женской проституции как механизму защиты и поддержания системы

---

[1] *Кон И.С.* Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М., 2003. С. 148.

брачно-семейных отношений в античной Элладе. Одной из основных характеристик афинского брака, как и отношения к женщинам вообще, служит отказ мужчин называть их имена. Этот факт был «частью главной «заглушки» женщин в Афинском обществе... он продолжал существовать вплоть до середины III в. н.э., что явно прослеживается в работах Плутарха, Ксенофонта, Платона, а также в различных комедиях»[1]. Упоминаются лишь имена женщин вне «дома» (гетер, проституток), а также мифических или уже умерших реальных женщин. В качестве примера следует рассмотреть отрывок из жизнеописания Перикла: «У него была законная жена, его родственница, бывшая прежде замужем за Гиппоником, от которого она имела сына Калия «Богатого»; и от брака с Периклом у нее были сыновья – Ксантипп и Парал»[2]. Итак, можно сказать, что при возникновении у мужчины необходимости описать женщину «дома», «он идентифицировал ее посредством родственной связи с тем, кто имел над ними эту власть, с тем, кто нес за них юридическую ответственность: сначала это отец, потом муж, потом сын. Когда умирал один, его заменял следующий за ним»[3].

Характерная черта женской проституции в античности заключается в том, что она развивалась «на основе дуализма между строгим моногамным принудительным браком с одной стороны, и необыкновенной половой свободой мужчин – с другой»[4]. Строгие воззрения греческого законодательства на внебрачные половые связи с замужними и незамужними свободнорожденными женщинами «дома» ярко контрастируют со снисходительным взглядом на сношения мужчин с проститутками. Такая позиция «рисует нам античную проституцию как оборотную и необходимую сторону брака»[5].

Дифференцировались женщины «теневой репутации» на три категории: *гетеры и дамы полусвета*, которые стояли на высшей ступени этой иерархии и были предназначены не только для плотских утех, но и для известной романтической привязанности, которой греки так пренебрегали в семейной жизни. «Они нередко пользовались уважением со стороны общества»[6]; *проститутки Муз и Вакха*, контингент которых составляли флейтистки (авлетриды) и девушки, обученные игре на других инструментах: цитре, самбуке, а также певицы. Они занимали срединное положение между обыкновенными проститутками и гетерами; *бордельные и уличные проститутки*, к коим принадлежали обитательницы порнейона. «Они занимали низшую ступень «социальной» лестницы девочек для развлечения»[7].

Другой сферой общественной жизни, призванной сбалансировать гомосоциальное мужское сообщество, в классической Греции стала педерастия (и

---

[1] *Bremmer J.* Plutarch and the naming of Greek women // American Journal of Philology. 1981. Vol. 2. P. 425.
[2] Плутарх. Перикл.
[3] *Брюле П.* Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2005. С. 125.
[4] *Блох И.* История проституции. СПб., 1994. С. 184.
[5] Там же. С. 188.
[6] *Лихт Г.* Сексуальная жизнь в Древней Греции. М., 2003. С. 274.
[7] Там же. С. 269.

мужская проституция). Преследуя туже цель, что и гетеризм, педерастия, тем не менее, достигала ее иными способами. Она была направлена на подержание культа маскулинности, своеобразное сохранение «мужского в мужском», замыкая возникающее напряжение внутри мужского сообщества и позволяла ему сгорать, не достигнув уровня конфронтации. Однако с развитием цивилизации в греческом обществе нашлось место проблемам феминизации и мужской проституции[1]. Хотя и этому факту находится логическое объяснение, если искать его в теории Зигмунда Фрейда о всеобщей врожденной бисексуальности[2]. Не вдаваясь в психоаналитические подробности данной теории, нужно сказать лишь, что «не все мужчины способны выполнять мужскую роль»[3].

Классическая концепция прогресса нравов в направлении смягчения человеческих отношений оказывается привязанной к женскому роду. О чем свидетельствует и развитие мужской проституции. Ведь наивно полагать, что феминизация, при таком уровне гомосоциальности и развитии гомосексуальных отношений, оставит «древнейшую профессию» в распоряжении лишь женского пола. Более того, как на основании источников утверждает Иоганн Блох, «мужская проституция играла в древности почти такую же роль, как и женская»[4].

Именно V век до н.э. стал поворотным в истории греческой педерастии, когда принцип «духовности» пайдейи, постепенно исчезает, и на первый план выходят собственно плотские отношения. Однако здесь важным препятствием к проституированию свободных мужчин становится законодательство, жестоко наказывающее каждого, кто посмел прикоснуться к свободнорожденному гражданину. Именно поэтому контингент для мужской проституции (как и для женской) составляли рабы, военнопленные, чужестранцы и вольноотпущенники. «Среди проституированных мужчин различались две категории: высший и низший класс»[5]. К первому принадлежали *музыкально образованные мальчики*, цитристы и лирники, танцоры, актеры и др. Особую категорию составляли *кастрированные храмовые «проститутки»*.

Наконец были и такие юноши, которые, будучи гетеросексуалами, промышляли проституцией, как легким заработком. «Что думать о подростке редкой красоты, совсем юным оставившем отчий «дом», чтобы уйти спать к иностранцам, участвующем, не затратив ни гроша, в изысканных ужинах, окружив себя флейтистами и самыми дорогими куртизанками, играющем, наконец, но, позволяющем платить за себя другим?.. Дело ясное... юноша, принимающий от других подобные расходы, должен, очевидно, оказывать им в свою очередь некоторые услуги»[6].

Подводя итоги, можно сказать, что само существование института проституции, несмотря на сильнейшую его дифференцированность, поддержива-

---

[1] См.: Страбон География, VIII, 3, 19; Фукидид История, 79, 4.
[2] *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. Минск, 2007. С. 3-185.
[3] *Брюле П.* Указ. соч. С. 114
[4] *Блох И.* Указ. соч. С. 188.
[5] *Arkins B.* Sexuality in Fifth Century Athens // Classic Ireland, 1995. Vol. 1. P. 5.
[6] Эсхин // Ораторы Греции. М., 1985. С. 143.

лось государством лишь для сохранения института брака, как «формы подавления женской свободы»[1] и, следовательно, удовлетворения мизогинических представлений мужчин, которые, как видно из вышеперечисленных категорий проституток, в большинстве своем отнюдь не испытывали сексуального отвращения к женщинам, а лишь стремились господствовать над ними во всех сферах общественной и политической жизни. В условиях такой модели построения общества, развитый институт гетеризма и женской проституции явился важнейшей социальной реалией в древнегреческом обществе, которая, составляя противовес патриархальному «дому», одновременно выступала в роли гаранта его стабильности и процветания. Мужская же проституция, являла собой продукт феминизации общества. Она не была связана с системой греческой пайдейи, отражая общую тенденцию античной цивилизации, все более стремившейся к обогащению, легкой жизни и сексуальным наслаждениям.

НОРМАТИВНО-СТАТУСНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ЦЕННОСТИ ТРУДА В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ СОЦИУМЕ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА[2]

В.А. Дюкарев

Одним из важнейших элементов в структуре ценностей, как и всей аксиологической системы конкретного социума, является трудовая деятельность и возникающие в процессе труда взаимоотношения, а также собственно отношение субъектов данной деятельности к труду как социально значимому явлению повседневной жизни человека. Важнейшим элементом изучения ценностей является их нормативно-статусная репрезентация. Специфика институциональной традиции позволяет определить корреляцию идеологической и социально-политической сфер жизни социума

Ключевые слова: ценностные категории, труд, институт, ораторы.

Исследование ценностных ориентаций древних обществ сопряжено с проблемой верификации полученных путем анализа эмпирического материала выводов. Возникает вопрос: насколько отраженная в письменных источниках система ценностей совпадает с реальным положением дел в общественной практике? Поэтому важным представляется определение устойчивых социальных отношений, в которых и реализуется то или иное отношение к исследуемым ценностям, а именно институтов (институций), представляющих собой опредмеченные структуры общественной деятельности[3]. Их оформление и изменение является практическим воплощением происходящих в сознании человека изменений ценностного статуса изучаемых категорий.

Так как древнегреческая нормативная традиция не сохранила крупных кодификаций законов, которые могли бы стать основой для изучения существовавших институтов, то базу для исследования происходящих институциональных изменений и социальных трансформаций, ставших причиной и реализацией

---

[1] *Donaldson J.* Woman: Her Position and Influence in Ancient Greece and Rome. London, 1893. P. 178.

[2] Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № № 12-31-01009).

[3] Political and social life in the great age of Athens / Ed. by J. Ferguson, K. Chisholm. London, 1978. P. 87.

динамики ценностного статуса категории «труд» составили известные нам по литературной традиции реформы, проведенные в древних Афинах в исследуемый период, а также законы и установления, упоминаемые в речах ораторов классического периода (Эсхина, Лисия, Исократа, Демосфена).

Все упомянутые авторы свидетельствуют о существовании обычаев, правил и законов (как высшей формы институализации), осуждающих и запрещающих праздный образ жизни. Исократ говорит о том, что праздность губительна для молодых людей и «поэтому каждому определялось то занятие, которое подходило к его имущественному положению. Менее состоятельных обращали к земледелию и морской торговле, ибо бедность порождается праздностью, а преступление – бедностью <...> Тех же, кто обладал достаточными средствами, они заставляли заниматься верховой ездой, физическими упражнениями, охотой и философией» (Isoc., VII, 45-46). Еще дальше идет в своих высказываниях Демосфен – он прямо указывает, что «всего афинян двадцать тысяч. Из них каждый занят, клянусь Гераклом, по крайней мере, одним из общественных или частных дел. Аристогитон же, пожалуй, не сможет представить на обозрение никакого умеренного и хорошего занятия, в котором он проводил бы свою жизнь. Он не занят ни ремеслом, ни земледелием, ни какой-либо другой полезной деятельностью...» (Dem. XXV, 51).

В другой своей речи Демосфен прямо указывает на существование «закона о праздности» (Dem. LVII, 33). Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что обязанность осуществления трудовой деятельности закреплена законодательно, что свидетельствует о высоком ценностном статусе производительного труда в Афинах классического периода.

Кроме того, выявленная нами ранее на основе нарративных текстов ценность отдельных видов труда[1], на законодательном уровне в некоторой степени нивелируется – государство заинтересовано в развитии ремесел и торговли. Именно поэтому появляются акты, «по которым человек, стыдящий какого-нибудь – гражданина или гражданку – за занятие промыслом на агоре, может быть привлечен к суду за оскорбление» (Dem. LVII, 31). В данном случае закон становится не только результатом произошедших идеологических изменений, но и попыткой их ускорения, интенсификации. Возрастание значения ремесленного производства для процветания Афин привело к принятию данного акта, призванного повысить ценностный статус данных видов труда.

Примерно то же самое можно сказать о государственной поддержке торговли. В середине IV в. до н.э., как свидетельствует Демосфен, были приняты меры для поощрения морской торговли. Интересы чужеземных купцов и судовладельцев защищались теперь наравне с интересами афинских граждан и мете-

---

[1] *Дюкарев В.А.* Ценностный статус земледельческого труда в Афинах в IV в. до н.э. // Ученые записки исторического факультета БелГУ. Вып. 3. Белгород, 2011. С. 42-46; *он же.* Ценностный статус наемного труда в Древней Греции (по данным исторического нарратива) // Белгородский диалог – 2012. Материалы международного научного форума молодых историков. Белгород, 5-6 апреля 2012 г. Белгород, 2012. С. 13-14; *он же.* Ценностный статус ремесла и торговли в Афинах в IV в. до н.э. // Образ прошлого: Историческое сознание и его эволюция. Воронеж, 2011.

ков. В то же время сам Демосфен говорит о том, что «среди людей, занимающихся крупной торговлей и денежными операциями, удивительной находкой считается человек, который окажется одновременно предприимчивым и честным» (XXXVI, 44). То есть торговля поощряется государством, в то время, как простые граждане с недоверием относятся к субъектам данного труда и, следовательно, сам их труд оценивают соответствующим образом.

Итак, изучение институциональной традиции на основе законов, принадлежащих к эпохе классики, позволило проследить некоторую эволюцию ценностного статуса отдельных видов труда в исследуемый период, а также определить роль труда в жизни древних афинян в целом. Следует отметить, что в период классики важнейшей причиной принятия тех или иных законов становится экономическая необходимость и социально-политическая ситуация. Сложившийся социальный строй Афин, сформировавший определенные стереотипы мышления различных групп граждан вступает в противоречие с происходящими изменениями, которые закрепляются нормативно и которые общество вынуждено исполнять.

В то же время, принятие законов невозможно без поддержки проводимых изменений со стороны широких слоев общественности. Необходимо отметить диалектическую связь между социально-экономическими и идеологическими процессами.

Изученные источники позволяют говорить о том, что разрушительный для личности и полиса характер праздности и высокий ценностный статус производительного труда признается всем обществом, в то время как отдельные его виды по-прежнему сохраняют различную ценность в глазах принадлежащим к разным тритиям гражданам. Сам факт принятия закона о наказании стыдящего за торговлю свидетельствует о распространенности данных обвинений и дифференциации в сознании гражданина ценности отдельных видов труда. Таким образом, данные нарративной и институциональной традиции коррелируют и позволяют говорить о существовании как инвариантных ценностных норм, отрицающих праздность и утверждающих высокое место категории «труд» в иерархии повседневных ценностей, так и о вариативных характеристиках ценностного статуса исследуемой категории. Критериями такой дифференциации являлись: наличие созидательного начала, технологическая ёмкость производимого продукта (сложность воспроизводства и необходимость специальных навыков), общественная полезность деятельности и её продуктов.

INSTITUTIONALIZING THE VALUE OF WORK IN THE CLASSICAL PERIOD OF ANCIENT GREEK SOCIETY

V.A. Dyukarev

One of the most important elements in the structure of values, as well as all the axiological system specific society, is the work activity occurring during labor relations, and the ratio of the actual subjects of the activities to work as a socially significant phenomena of everyday life. The most important element in the study of values is their institutionalizing. The specificity of the institutional tradition to determine the correlation between the ideological and social and political spheres of social life.

Keywords: category of value, labor, the institution, speakers.

КРИТЕРИИ РАЗЛИЧИЯ "СТАРОЙ" И "НОВОЙ" ВОЕННЫХ ШКОЛ СТРАТЕГОВ-НАЕМНИКОВ В ГРЕЦИИ IV В. ДО Н.Э.[1]

М.И. Дорохов

Основными источниками для исследований по данной проблематике являются фундаментальные сочинения греческих историков – современников и участников военных столкновений, непосредственно связанных с греческими наемниками. В основном это труды Ксенофонта: «Анабазис»[2], «Греческая история»[3] и «Киропедия»[4]. Эти сочинения имеют ценные сведения о походах греческих наемников в Азии, так как Ксенофонт сам являлся военачальником в наемном греческом войске, о котором ведется повествование.

Также ценны для нас и записки Диодора Сицилийского[5], Плутарха[6], Арриана[7] и Полиена[8] о походах Александра Македонского и внутриполитической борьбе в державе Ахеменидов, дающих различные версии и взгляды на события, датировку и количество войск.

Исследования, касающиеся проблемы греческих наемников в IV в. до н.э., в основном являются составляющими компонентами более крупных работ, посвященных, например, греко-персидским войнам, либо событиям, происходившим на военно-политической арене исследуемого периода. Данный факт неудивителен, так как без тщательного исследования данной проблемы невозможен компетентный анализ таких глобальных вопросов как греко-персидские войны и кризис греческого полиса. Однако нас интересует конкретика проявлений воззрений стратегов в повседневной жизни наемного войска и в острейших внутриполисных ситуациях IV в. до н.э. В антиковедении значительное внимание уделяется проблеме политической борьбы в Греции периода IV в. до н.э. Но в историографии большее внимание уделяется описательной составляющей части военно-политических процессов на международной арене того времени, а научные труды носят, в основном, описательный характер.

Отдельные исследователи (Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов) связывают в своих работах феномен греческого наемничества с кризисом полиса, исследуя их взаимодействие, опираясь на труды наемных стратегов того времени[9]. Однако крупных монографий, посвященных мировоззрению наемников, их личностно-политической ориентации и духовной составляющей жизни фактически нет,

---

[1] Статья подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта для аспирантов и студентов НИУ «БелГУ» 2013 г.
[2] Ксенофонт. Анабасис / Пер. И. М. Максимовой. М., 1951. 299 с.
[3] Историки античности. М.. Правда, 1989. 624 с.
[4] Ксенофонт. Киропедия / Пер. В. Г. Боруховича. М., 1976. 334 с.
[5] Diodorus of Sicily in twelve volumes / Transl. by C.H. Oldfather, Ch.L. Sherman, C.B. Welles, R.M. Geer, F.R. Walton. Cambridge; London, 1967. 394, 335, 420, 435, 424, 430 p.
[6] Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. / Пер. С. Маркиша. М., 1964. 504 с.
[7] *Разин Е.А.* История военного искусства. Т. 1. М.; СПб.: Полигон-АСТ, 1999. 697 с.
[8] Полиэн. Стратегемы / Пер. Дм. Пападопуло. М., 1999. 576 с.
[9] *Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 105

и данным проблемам уделяется очень мало внимания. Некоторые исследователи дают ошибочные характеристики личностям-наемникам, связанным с социально-политической борьбой в Греции.

В доказательство приведем вопрос о социально-политических симпатиях Энея, который не был предметом специального изучения до 60-х годов XX в. Некоторое внимание ему уделил Пельман в своем общем труде по «Истории античного коммунизма и социализма». Описывая Энея только как защитника богачей, а исследуемое произведение – как направленное против охлоса, Пельман, несколько упрощенно подошел к этой проблеме. Он не в полной мере учел, что «Комментарий» – прежде всего руководство, которое должно помочь в борьбе с врагом, будь то стоящий под стенами города неприятель (как сказано в заголовке произведения и как это обычно понимают) или внутренний враг (как это представляется нам)[1]. Л.П. Маринович внесла определенные изменения в положения данной концепции, однако, общей сравнительной работы мировоззрений Энея с другими военачальниками не проводилось.

Остаются неизученными на предмет земельных отношений с подвластным демосом, как последствия его восстания с помощью наемников в Гераклее Понтийской, под предводительством Клеарха. А ведь аспекты отношений с должниками как катализатор внутриполитических выступлений отмечают стратеги наемных войск, имею четкую схему поведения, во многом общую и универсальную. Некоторые военные авторы того времени, выделяют разные типы поведения наемников и их обязанностей перед городом, в зависимости от стадии войны и баланса внутриполитических сил в городе.

Во-первых, очень частыми стали «внутренние переходы» наемников от демоса к олигархии и, наоборот, в пределах одной замкнутой политической системы полиса, а в некоторых случаях, наемники, сыграв на таком противостоянии, становились полноправными фактическими правителями полиса, как Клеарх в Гераклее[2]. Военачальники, тесно связанные в той или иной степени со своим полисом, исполняя, зачастую, свои гражданские обязанности либо преследуя личные интересы, становились частично идеологами своего полиса, либо просто описывали его политическое устройство, выделяя его характерные черты, как Ксенофонт.

Во-вторых, особенно интересны те мысли, а порой и законодательные акты стратегов-наемников, направленные на урегулирование земельных и долговых отношений в полисах. Необходимо отметить сильно контрастирующие рекомендации, касающиеся жесткого подавления неимущих слоев населения, до очень демократичного равного раздела земли и мер, направленных на погашение долгов из казны полиса, а также установление ценза на роскошь и крупные владения землей.

---

[1] *Пёльман Р.* История античного коммунизма и социализма / Пер. с нем. Под ред. М.И. Ростовцева. СПб., 1910. С. 146.

[2] *Маринович Л.П.* Социально-политическая борьба и наемничество в Греции в IV в. до н.э. в трактате Энея Тактика // ВДИ. 1962. № 3. С. 72.

В-третьих, заслуживает внимания и степень участия стратегов в городском самоуправлении в мирное время. Здесь их статус неоднозначен, так как в ряде случаев наемники выступали только как военные советники и военачальники-исполнители, в других, несмотря на отсутствие гражданства полиса, могли играть решающую роль. Поэтому, учитывая достаточный объем вопросов по сравнительной проблематике трудов различных стратегов, данное исследование является актуальным для изучения военной истории Греции IV в. до н.э., а также для выделения более конкретных причин и противоречий во внутриполисной структуре социального устройства.

Проанализировав записки Исократа, военный трактат Энея Тактика «Commentarius poliorceticus», посвященный именно вопросам правового регулирования для «проблемных» полисов, а также рекомендации к поведению наемников-военачальников в ситуациях внутреннего разброда в полисах, записки Мемнона о Гераклее Понтийской, в частности, о периоде установления тирании Клеарха и правлении его приемников, записок Ксенофонта на предмет наличия отдельных упоминаний о выборе наемников-стратегов между двумя существующими режимами в ряде городов Греции и её периферии, можно составить определенное сводное представление, о степени различия между школами военачальников.

Соответственно, впервые внимание уделяется именно вопросу об усилении связи с ним у военачальников или, напротив, о смене гражданской позиции и разрывом с родным полисом в 40-50 гг. IV в. до н.э.

Результатом анализа является выделение основных ключевых различий между военачальниками «старой» (до 50-х годов IV в. до н.э.) и «новой» (после 50-х гг. IV в. до н.э.) школы. Название условно, как и граница между двумя школами для удобства, ибо переходный период начинается сразу с началом кризиса полиса в Греции.

По привязанности к полису-родине:

- Военачальники - стратеги так называемой «старой школы» (подавляющее большинство до 50-х годов IV в. до н.э.) привязаны к родному полису либо непосредственно военным заказом, либо проводя политику, выгодную родному полису, даже находясь на службе у других областей.

- Военачальники-стратеги «новой школы» не связаны с родным полисом обязательствами, зачастую становятся для полиса вне закона и являются единоличными, независимыми командирами отрядов.

По вмешательству в политическую жизнь полиса-нанимателя:

- вмешательство военачальников-стратегов «старой школы» в жизнь полиса-нанимателя минимально. Основные занимаемые должности - военные советники и зависимые от представительного органа полиса военачальники;

- военачальники-стратеги «новой школы» зачастую активно вмешиваются в политику полиса, могут иметь право голоса в совещательных и представительных органах полиса.

По степени поддержки нанимателю:

- поддержка военачальников-стратегов «старой школы» высока именно непосредственно нанимателю, либо, по большей части нейтральна;

- военачальники-стратеги «новой школы» из-за активного включения в политическую жизнь полиса зачастую лавируют между олигархами и демократами, что создает угрозу военного переворота.

По решению земельного вопроса:

- записки военачальников «старой школы» представляют собой подавляющие рекомендации по урегулированию земельного вопроса в пользу правящей олигархии, непосредственно военные меры часты;

- у военачальников-стратегов «новой школы», особенно в случаях захвата власти, преобладают меры, смягчающие жизнь демоса, направленные на укрепление популярности, распространены кассация долгов, раздел арестованных земель.

По свободе выбора перехода в гражданство:

- военные предписания по наемному войску содержат большие ограничения для перехода в полис-наниматель в качестве гражданина (такие случаи массового перехода единичны, упоминания практически отсутствуют);

- переход воинов-наемников в разряд военнообязанных оседлых граждан учащается, в основном в тиранических режимах. Известен опыт Клеарха в Гераклее Понтийской, когда после раздела земель олигархов, войны наемники получили право на землю и оседлый образ жизни, постепенно уравниваясь в правах с гражданами.

Таким образом, можно говорить о зарождении качественно нового вида стратегов, не только по принципам тактики, комплектования войск и ведения боя, но и в различных взглядах на ведение образа жизни и политики в полисе, зависящих от ментальности, начинавшей зарождаться на переломном моменте истории Греции - периоде кризиса полиса.

ЗНАЧЕНИЕ ВСТРЕЧИ НА КИДНЕ В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ МАРКА АНТОНИЯ[1]

Л.Н. Богомазова (Харьков)

Статья представляет собой попытку определить роль встречи М. Антония и царицы Клеопатры на Кидне в восточной политике триумвира. Особое внимание уделяется определению смысловой нагрузки экстравагантного появления царицы. Автор приходит к выводу, что исход тарсийской встречи открыл новую страницу в истории римско-египетских отношений.

Ключевые слова: Антоний, Клеопатра, Тарс, Дионис, Афродита.

В скором времени после разгрома республиканцев в битве при Филиппах триумвир Марк Антоний отправился на Восток. В марте 41 г. до н.э. он прибыл в киликийский город Тарс, расположенный на реке Кидн, где увиделся с цари-

[1] Все события – до н.э.

цей Птолемеевского Египта Клеопатрой VII. В годы гражданских войн в римско-египетских отношениях возникли определенные неясности, поэтому первая встреча Антония в качестве восточного триумвира и победителя республиканцев с правительницей богатого независимого, но слабого царства обещала иметь непреходящее значение.

О встрече на Кидне повествуют такие античные авторы, как Аппиан Александрийский и Плутарх, однако первый ограничивается лишь несколькими фразами (App. B.C., V, 8), в то время как второй, известный своим неравнодушием к живописным описаниям и эффектным сценам, не жалеет красок для изображения торжественности прибытия Клеопатры к Антонию (Plut. Ant., 26). Это обстоятельство позволило Е.В. Смыкову, вслед за К. Пиллингом[1], сделать вывод о том, что визит царицы был «лишь незначительным эпизодом в калейдоскопе событий 41 г.»[2], который сам триумвир вряд ли считал знаковым[3]. На самом деле, представление о значении тарсийской встречи, как правило, напрямую зависит от того, как тот или иной исследователь предлагает оценивать ее зрелищность. Со слов Плутарха, венценосная египтянка появилась на Кидне в подобии богини Афродиты, в окружении мальчиков с опахалами, изображающих эротов, в сопровождении женщин, наряженных харитами и нереидами, на роскошном корабле с позолоченной кормой, посеребренными веслами и под пурпурными парусами (Plut. Ant., 26, 1-2).

Таковое свидетельство натолкнуло Я.Ю. Межерицкого на мысль, что Антоний воспринял столь эффектное прибытие царицы не иначе, как бутафорию[4]. В свою очередь, А.Б. Егоров предполагает, что триумвир хотел придать ее визиту личный характер, а (квази-) политическим значением его наполнила уже Клеопатра[5]. Действительно, нельзя сбрасывать со счетов, что Плутарх мог несколько преувеличить роскошь, окружавшую царицу, его скептическое отношение к монаршим церемониям известно (Plut. Luc., 21), однако, это вовсе не означает, что ему нельзя доверять.

По нашему мнению, следует обратить особое внимание на сакральную составляющую свидания на Кидне. Вероятно, представ в образе Афродиты, Клеопатра тем самым выразила поддержку религиозной политике Антония[6]. Дело в том, что еще зимой 42-41 гг. во время своего пребывания в Греции (Plut. Ant., 23) триумвир принял участие в Малых мистериях, где выдающаяся роль

---

[1] Plutarch. Life of Antony / Ed. by C.B.R. Pelling. Cambr., 1988. P. 179.

[2] *Смыков Е.В.* Антоний и Дионис (из истории религиозной политики триумвира М. Антония) // Античный мир и археология (АМА). 2002. Вып. 11. С. 86.

[3] Там же.

[4] *Межерицкий Я.Ю.* Республиканская монархия: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.-Калуга: Изд-во КГПУ, 1994. С. 156; *Смыков Е.В.* Антоний и Дионис... С. 86.

[5] *Егоров А.Б.* Антоний и Клеопатра. Рим и Египет: встреча цивилизаций. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; Нестор-История, 2012. С. 187-188.

[6] *Левек П.* Эллинистический мир; пер. с франц. М., 1989. С. 145; *Машкин Н.А.* Принципат Августа: происхождение и социальная сущность. М.-Л., 1949. С. 218; *Флетчер Дж.* Клеопатра Великая: женщина, стоящая за легендой; пер. с англ. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 338.

принадлежала афинскому союзу технитов Диониса[1].Таким образом, Антоний, принявший посвящение, оказался связан и с богом, и с его служителями[2]. Когда римлянин переправился в Азию, он попал в сферу деятельности другого союза - технитов Азии и Геллеспонта, центром которого был Эфес. Именно он, судя по всему, играл ведущую роль в организации грандиозного торжества по случаю прибытия Антония на Восток[3]. Праздничная церемония в украшенном плющом городе сопровождалась песнопениями и театрализованными сакральными представлениями, в которых принимали участие толпы напряженных вакханками женщин, а мужчины и мальчики в костюмах представляли собой сатиров и лесного бога Пана (Plut. Ant., 26). Обожествление правителей на Востоке было многовековой традицией[4]. Эллинистические монархи, особенно Малой Азии, охотно отождествляли себя именно с Дионисом[5]. Римляне, соприкоснувшись с Востоком, также не избежали воздействия этих обычаев, как и греко-македонские завоеватели задолго до них. Отсюда и ведет свое происхождение практика предоставления божественных почестей некоторым римским военачальникам[6]. Дионис отождествлялся с почитаемым в Риме богом Либером (Vell. II, 82), популярность которого в конце Республики только усилилась, и боровшиеся за власть полководцы отождествляли себя с Либером-Дионисом, несущим «золотой век»[7].

На основании этих фактов И.С. Свенцицкая делает вывод о том, что основой обожествления Антония могли послужить местные традиции и пример Цезаря[8]. Учитывая тот факт, что именно Восток стал военно-экономическим донором обеих противоборствующих сторон в предыдущей гражданской войне, особый интерес представляют эпитеты, применявшиеся к Антонию: новый властитель должен был стать в глазах провинциалов и зависимых царей Подателем радости и Источником Милосердия[9]. Уже сама пышная церемония его въезда в Эфес импонировала населению восточных провинций больше, нежели продвижения Брута и Кассия, проповедовавших свободу и разорявших города[10]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что жители Тарса восприняли столь экстравагантное появление Клеопатры не иначе, как доказательство того, что «Афродита шествует к Дионису на благо Азии» (Plut. Ant., 26, 4). Другими словами, религиозная окраска приветствия Антония Клеопатрой была продиктована обо-

---

[1] *Шарнина А.Б.* Союз технитов Диониса в эллинистических полисах // ВДИ. 1987. №1. С. 113.
[2] *Глускина Л.М.* Асилия эллинистических полисов и Дельфы // ВДИ. 1977. №2. С. 94.
[3] *Смыков Е.В.* Антоний и Дионис... С. 86.
[4] *Lindsay J.* Marc Antony, his World and his contemporaries. L., 1936. P. 223.
[5] *Смыков Е.В.* Марк Антоний и политика clementia Caesaris // АМА. 1990. Вып. 7. С. 62.
[6] *Межерицкий Я.Ю.* Указ. соч. С. 154; *Смыков Е.В.* Марк Антоний и политика clementia Caesaris... С. 61.
[7] *Штаерман Е.М.* Либер // Мифы народов мира. М., 1982. С. 589.
[8] *Свенцицкая И.С.* Марк Антоний и малоазийские полисы (некоторые аспекты политической характеристики) // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 126.
[9] *Смыков Е.В.* Антоний и Дионис... С. 86.
[10] *Машкин Н.А.* Указ. соч. С. 217.

жествлением римлянина несколько ранее, о чем царица могла узнать как из его писем, так и от его людей (Plut. Ant., 26, 1). К тому же, в своей стране Клеопатра была воплощением Исиды, которая отождествлялась с Афродитой[1], и великолепие, сопровождавшее царицу, было неотъемлемой частью почитания царицы из рода Птолемеев в ипостаси названной богини (Feokr. Eidyll., XV, 22–24).

Еще одним важным, если не важнейшим, аспектом встречи на Кидне было то, что чествованием Антония в Эфесе проводилась параллель с Александром. Последнее имело большое пропагандистское значение, поскольку триумвир собирался в скором времени покорить Парфию[2]. К этому его толкало не только воинское честолюбие, память о деле Цезаря, но и понимание того, что материальные ресурсы римского Востока были на пределе, необходимы были новые источники денежных средств, каковыми могли стать только независимые государства, коих в регионе было три: Парфия, Армения и Египет[3]. Царица Клеопатра могла распахнуть перед Марком Антонием не только двери своей опочивальни, но и египетскую казну, что было очень кстати, т.к. именно за деньгами для выплаты солдатского жалования зимой 42 г. римлянин и отправился на Восток[4]. Триумвир, в свою очередь, стал бы щитом для Птолемеевского государства в условиях римской завоевательной деятельности на Востоке[5], которая лишь наращивала обороты.

По просьбе Клеопатры Антоний устранил младшую дочь Птолемея XII, которая все еще пребывала в храме Артемиды Эфесской после александрийского триумфа Цезаря, как возможную претендентку на власть в Египте (Jos. Ant. Jud., XV, 4, 1; Bell. Jud., I, 18, 4; Contra Ap., II, 5). Дж. Флетчер делает предположение, что, будучи в Эфесе, восточный триумвир встречался с Арсиноей IV[6]. Возможно, это событие имело место быть, стало известным Клеопатре VII и вызвало у нее беспокойство за судьбу отцовского наследия. Ситуация для нее осложнялась тем, что в июле 44 г. скоропостижно ушел из жизни Птолемей XIV (Jos. Ant. Jud., XIV, 4, 1; Bell. Jud., I, 18, 4; Contra Ap., II, 5), а т.к. в Египте женщина не могла править одна, то она избрала себе в соправители собственного сына Птолемея Цезаря, которого античные авторы именуют Цезарионом. Мальчик стал Птолемеем XV без санкции Рима, т.к. его в очередной раз поглотила пучина гражданских междоусобиц, и ему было не до престолонаследования в заморской стране. Несмотря на то, что Птолемеевский Египет считался суверенным государством, фактически уже с 60-х гг. I в. до н. э. он находился в зависимости от Сената. Теперь же, когда Антоний прибыл на Восток, точка над «i» в

---

[1] *Bevan A.* A History of Egypt under Ptolemaic Dynasty. L., 1927. P. 29; *Hölbl G.* History of the Ptolemaic Dynasty. L., N. Y., 2001. P. 104.
[2] *Смыков Е.В.* Антоний и Дионис… С. 84; *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 325.
[3] *Ростовцев М.И.* Рождение Римской республики. М.: Книжная находка, 2003. С. 82.
[4] *Кравчук А.* Закат Птолемеев; Пер. с пол. М.: Наука, 1973. С. 165; *Машкин Н.А.* Указ. соч. С. 218; *Межерицкий Я.Ю.* Указ. соч. С. 156; *Парфенов В.Н.* Рим от Цезаря до Августа. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. С. 109; *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 338
[5] *Машкин Н.А.* Указ. соч. С. 218; *Межерицкий Я.Ю.* Указ. соч. С. 156.
[6] *Флетчер Дж.* Указ. соч.

этом вопросе должна была быть поставлена. Стоит также упомянуть о самозванце, появившемся в Араде, который выдавал себя за чудом спасшегося во времена Александрийской войны Птолемея XIII, который также был лишен жизни по слову триумвира для успокоения царицы (App. BC., V. 9).

Возвращаясь к предыстории встречи на Кидне, важно отметить, что Г. Ферреро ставит под сомнение достоверность того, что царица была вызвана в Тарс для объяснения пассивности александрийского двора в последней кампании цезарианцев, в то время как наместник зависимого от Лагидов Кипра послал флот Кассию[1]. Исследователь считает возможным, что царица отправилась к триумвиру добровольно или по совету его друзей[2]. Достойным внимания представляются соображения Ю.Б. Циркина на сей счет. В частности, он отмечает, что отпадение Египта от Рима могло повлечь за собой новые сложности для триумвирата и державы в целом[3]. Предпосылки этому были – Клеопатра действительно вела переговоры с парфянами в неспокойные годы гражданской войны, содержание которых, правда, осталось нам не известным и на тот момент ни к чему не привело. В условиях истощения римского Востока только эллинистический Египет мог стать гарантом осуществления парфянского похода.

По нашему мнению, предоставляя Клеопатре аудиенцию, триумвир хотел убедиться в том, что неизменным внешнеполитическим ориентиром александрийского престола является Вечный Город. Именно этим объясняется та настойчивость, с которой Антоний приглашал царицу на встречу и то внимание, которое было оказано ее персоне, чего не удостоился по отношению к себе ни один зависимый царь (Jos. Ant. Jud., XIV, 12, 2-6; XIV, 13, 1-2; Bell. Jud., I, 12, 4-7; Plut. Ant., 25-27). По нашему мнению, и приказ 42 г. об украшении храма Исиды в Филиппах колонами, и совершении в нем благодарственных молебствий богине[4] преследовал выполнение этой же задачи. В свою очередь, медля с визитом, царица, должно быть, «набивала себе цену» в глазах римлянина. Похоже, эту же цель имела под собой нарочитая демонстрация богатства в Тарсе (Plut. Ant., 26).

Известно, что Антоний и Клеопатра знали друг друга до 41 г. Их знакомство могло состояться во время египетского похода Авла Габиния или при жизни Юлия Цезаря, когда Антоний был его первым соратником, а Клеопатра жила на вилле диктатора в рамах своего официального визита в Рим. Мы не можем сказать, на какой ноте закончилось общение этих двух политиков в 44 г., однако их переговоры три года спустя открыли новую страницу в истории римско-египетских отношений. По нашему мнению, исход встречи на Кидне с полной уверенностью можно назвать дипломатической победой обоих. Антоний, не вынимая меч из ножен, не отделяя от римских восточных владений ни югера земли, заполучил рог изобилия по имени Птолемеевский Египет, а Клеопатра,

---

[1] *Ферреро Г.* Величие и падение Рима в трех томах. СПб.: Наука, 1998. Т. 3. С. 158.
[2] Там же.
[3] *Циркин Ю.Б.* Гражданские войны в Риме. Побежденные. Изд-во СПбГУ, 2006. С. 273.
[4] *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 322.

устранив всех возможных конкурентов, укрепила свое положение на престоле. Визит царицы в Тарс стал краеугольным камнем осознанного взаимовыгодного сотрудничества упомянутых политиков, а также имел далеко идущие последствия для Римского мира и последнего эллинистического государства.

MEETING AT CYDNUS' MEANING IN THE ORIENTAL POLICY OF MARCUS ANTONIUS

L.N. Bogomazova (Kharkov)

The article represents an attempt to determine the role of the Meeting of M. Antonius and Queen Cleopatra at Cydnus in the Oriental policy of Triumvir. A particular attention is paid to determination of the meaning of eccentric appearance of the Queen. The author comes to conclusion that the outcome of the Tarsus Meeting has opened a new page in history of Roman and Egyptian relations.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Н.А. Биленко (Тула)

В статье рассматривается характер и основные принципы внешних торговых связей Поздней Римской империи с варварским миром. Отмечается различное функциональное назначение торговли, её необходимость для Рима.

Ключевые слова: Рим, внешняя торговля, варвары, лимес.

Изучение развития внешних экономических связей Римской империи, прежде всего торговли, является важной и актуальной на сегодняшний день задачей. Однако её решение сопряжено со многими трудностями. Во-первых, в письменных источниках ей уделяется мало внимания, а во-вторых, археологические данные без опоры на эти источники чрезвычайно сложно интерпретировать (особенно это касается находок импортных изделий). Кроме того, существует опасность преувеличить степень развития экономических отношений[1].

В современной историографии существует точка зрения, что экономические отношения в древних государствах, тем более внешнеторговые связи складывались в значительной мере стихийно, без помощи правительств[2]. Действительно, данные нарративных источников свидетельствуют о наличии развитых торговых отношений в приграничных районах Римской империи. Аммиан Марцеллин указывал, что торговля являлась жизненной необходимостью для народов за пределами империи: «запрет всяких торговых отношений ввергал варваров в крайний недостаток в самом необходимом» (Amm. Marc. XXVII. 5. 7).

Интенсивность товарооборота на границе подтверждается и исследованиями Ю.К. Колосовской: «В социальном и культурном развитии племенного мира торговля имела большое значение; важнейшим местом этих контактов являлся

---

[1] *Скрипкин А.С.* К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время // ВДИ. 2003. №3. С. 194, 199.

[2] *Ермолова И.Е.* Экономический аспект отношений поздней Римской империи с внешними народами // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». 2010. №18 (61)/10. С. 20.

лимес. Торговля на границе происходила постоянно, и только со временем менялся её характер и объем»[1].

Однако И.Е. Ермолова утверждает, что развитие внешнеторговых связей римлян не было заботой императоров. С её точки зрения, они даже не стремились к организации торговли, т.к. «огромная территория и разнообразные возможности включенных в империю стран позволяли аккумулировать ресурсы»[2]. Варварские же общества не могли предоставить на римский рынок товары достаточно качественные или интересующие римский мир.

Такая концепция саморазвития внешних экономических связей является слишком категоричной. Действительно, торговый баланс был в пользу Рима[3], однако нельзя упускать из вида то, что римляне не могли самостоятельно получать все необходимые ресурсы лишь из своих провинций. Они неизбежно обращались к варварским племенам для получения, к примеру, янтаря. Он был необходим для проведения гладиаторских игр. Янтарь предназначался для изготовления сетки, ограждающей ложу императора в амфитеатре от возможных случайностей[4]; применялся он и при изготовлении оружия и необходимых атрибутов игр.

Торговля янтарем была в древности связующим фактором в культурной и экономической жизни народов. Янтарная дорога начиналась в Аквилее. Пересекая Дунай у Карнунта (близ Вены), она следовала далее на северо-восток, достигая Балтийского побережья и Северного моря. Доставка янтаря в древности всецело находилась в руках венетов.

В связи с отсутствием необходимого количества янтаря во времена Нерона была послана конная экспедиция, во главе которой стоял римский всадник. Она была продолжительной и заняла около двух месяцев. По свидетельству Плиния Старшего, путешествие потребовало переводчиков, т.к. путь от Дуная до Моравы, Вислы и Немана пролегал через значительные территории различных племен (Plin. NH. XXXVII. 45).

Подобная ситуация складывалась и вокруг сырья, поступавшего в Империю из-за Дуная: скота (лошадей и быков), кожи, меха, шкур зверей, диких животных - медведей для римских амфитеатров (Dio Cass. LXXI. 1; SHA: Probi. 14.3). Плиний Старший указывал и на поставки лиственницы, для сооружения государственных храмов (Plin. NH. XVI. 66).

Кроме того, средством платежа являлись римские деньги, которые были хорошо известны племенам. Римские клады монет показывают, что варвары отлично разбирались в реальной стоимости денег и охотно меняли свои товары

---

[1] *Колосовская Ю.К.* Рим и мир на Дунае. I-IV вв. н.э. М.: Наука, 2000. С. 185.
[2] *Ермолова И.Е.* Ук. соч. С. 21.
[3] *Bernardy A.* The Economic Problems of the Roman Empire at the Time of its Decline // The Economic Decline of Empires / Ed. C.M. Cipolla. L., 1970. P. 20.
[4] *Ляпустина Е.В.* Гладиаторские бои в Риме: жертвоприношение или состязание? // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 148.

на полновесную серебряную монету.[1] Это является подтверждением ценности для римлян, жертвующих «живым» серебром, именно хозяйственных связей[2].

В поддержании такой политики властей были заинтересованы не только жители лимеса, имевшие постоянный товарооборот с племенами, не прекращавшийся, зачастую, даже во время войн (Tac. Ann. II. 62. 3; Tac. Hist. IV. 15. 3). В торговле участвовали те, кто получал от неё выгоду[3]. В экономическом освоении племенных территорий деятельное участие принимал и римский капитал. К примеру, торговый дом Барбиев, ведший свое происхождение из Средней Италии[4].

Базой для торговых операций между римлянами и племенами являлись не только заграничные территории, но и сами римские города и провинции. Показательным примером в этом отношении является провинция Реция. Она стала своего рода зоной свободной торговли. В данном случае племя гермундуров вступало в провинцию без оружия и без охраны. При наличии этих обстоятельств Реция быстро стала сферой приложения капиталов из Рима и Италии – Юниев, Лоллиев, Домициев, Клавдиев (CIL. III.5800; 5831; 11882).

Таким образом, Римская империя действительно нуждалась в связях с миром варваров, хотя бы из-за поставок янтаря и сырья, ввиду нехватки таковых во внутренних пределах государства. А наличие экспедиции за янтарем к Балтике лишний раз доказывает заинтересованность римских властей в наличии торговых отношений с племенами исходя из хозяйственных соображений.

Внешнеторговый курс римлян основывался не только на выгодах от торговых операций. Существовали и политические мотивы. По словам Диона Кассия, римляне пришли в страну германцев ради установления торговых связей (Dio Cass. 53. 26.4). Но торговля здесь подразумевается как средство проникновения римлян в племенную среду. Плиний Старший также пишет, что римские полководцы (как представители и носители власти) в войнах всегда заботились о торговле (Plin. NH. XXVI. 9. 19), ибо торговые связи с покоренными или умиротворенными племенами использовались как средство давления на них.[5]

Римские власти показывали заинтересованность торговлей (как политического фактора) через её законодательное регулирование. Это видно из договора «дружбы» между римскими правителями и сенатом с вождями и царями чужеземной общины. Показательным является случай заключения договора

---

[1] *Казаманова Л.Н.* Введение в античную нумизматику. М., 1969. С. 68, 76.

[2] Хотя необходимо признать, что не все римские деньги поступали к племенам посредством торговых операций. Это происходило и вследствие военной службы, и подарков вождям. После Маркоманнских войн деньги поступали в качестве дани варварам за согласие не переходить ими границу.

[3] В историографии существует точка зрения, что торговцы могли и не быть императорскими агентами, но законодательство Гонория и Феодосия предполагало, что торговлю с Персией часто вели legati императора. См.: *Whittaker C.R.* Late Roman Trade & Traders // Trade in the Ancient Economy / Ed. by P. Garnsey, K. Hopkins, C.R. Whittaker. Berkeley; Los Angeles, 1983. P. 179.

[4] *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен ... С. 164.

[5] *Колосовская Ю.К.* Правовые основы торговли римлян с варварами // Торговля и торговец в античном мире. Доклады «круглого стола» 29 января 1997 г. М., 1997. С. 100. *Она же.* Рим и мир племен... С. 158.

«дружбы» Августом в 27 г. до н.э. с британскими царями, о котором упоминает Страбон. Вступив в «дружбу» Римом, племена одновременно подтвердили и торговое соглашение, т.к. «дружба» являлась первым условием для ведения торговых дел, а весь остров, благодаря этому, фактически сделался достоянием римлян (Strabo. IV. 5.3.).

Более конкретное регулирование торговых отношений с племенами видим в запрете или разрешении продажи определенных стратегических товаров варварам. В первую очередь это касалось металлов и оружия. В 70-е годы IV в., императоры Валентиниан и Валент, видя финансовые затруднения империи, ограничили отток золота. В 370-375 гг. вступил с силу запрет на экспорт варварам вина, масла, уксуса (Amm. Marc. XXVII. 5. 7), что предположительно являлось экономической блокадой алеманнов.

Однако римские власти все-таки стремились к получению доходов от торговли с внешним миром. Этому служили пошлины на экспорт и импорт товаров. При Октавиане Августе доходы от пошлин с Британии с успехом заменяли дань с острова (Strabo. IV. 5.3.). А жители Агриппиновой колонии во время восстания Цивилиса спасли себя и город ценой отмены пошлин (Tac. Hist. IV. 65).

Последовательная торговая политика ограничения проводилась в отношении Персии. Согласно договору между Диоклетианом и шаханшахом Нарсе 299 г., торговля между Римом и Персией должна была быть сосредоточена лишь в одном городе[1] – Нисибине на Тигре[2].

Но самое важное, при наличии политики торгового ограничения в отношении Персии, императоры зачастую действовали из хозяйственных соображений или попросту собственной алчности. В этом отношении наиболее ярким примером может служить деятельность императора Константина. В 337 г. он согласился продать персидскому царю Шапуру II железо, хотя, по мнению Либания, Константину было известно, что персы собираются начать против него войну. «Вскоре он умер, а его преемник наблюдал, как римлян убивают римским же металлом»[3]. Однако Либаний посвятил свою речь сыновьям Константина и очень изящно обошел столь острый вопрос: «Но государь отлично знал действительную причину ... хотя можно было воспротивиться, охотно дал ..., совестясь оставить сыну врагов безоружными <...>. Ведь блеск побежденных содействует славе победителей» (Lib. Or. LIX. 67).

Таким образом, внешнеэкономические торговые связи поздней Римской империи были обусловлены рядом причин и характеризовались двумя направлениями с серьезными внутренними противоречиями. Первое исходило от центральной власти и лично от императора. Оно заключалось в использовании торговых операций в качестве эффективного оружия для борьбы с внешними вра-

---

[1] Это являлось характерной чертой торговой политики Рима не только в отношении Персии. Для контроля над внешней торговлей назначались определенные пункты, при закрытии остальной границы (См.: *Моммзен Т.* История Рима. Т.5. СПб., 1995. С. 315, прим. 2).

[2] *Ермолова И.Е.* Ук. соч. С. 26.

[3] *Томпсон Э.А.* Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб., 2003. С. 13.

гами Империи (ограничение экспорта или импорта стратегических товаров) и политического давления на племена в целях удовлетворения интересов империи. Противоречие этой политики заключалось в том, что сырьевой базы для римского ремесла было недостаточно (ощущалась нехватка, в частности янтаря, меха, шкур и даже диких животных для представлений). Это требовало развития торговых связей с варварским миром все же исходя из хозяйственных соображений и внимание к этому вопросу со стороны императоров. Второе направление заключалось в самостоятельно развивающейся торговле с варварами в приграничных территориях на лимесе и не только. Однако здесь движущими силами являлась жажда наживы и личная инициатива торговцев, что вступало в серьезные противоречия с внешнеполитическими установками Римской империи.

ON THE QUESTION OF THE NATURE OF LATE ROMAN EMPIRE TRADE CONNECTIONS

N.A. Bilenko (Tula)

In the article the nature and the main principles of foreign trade connections of the Late Roman Empire and barbarian world are observed. The different functions of trade and its necessity for Rome are mentioned.

Key words: Rome, foreign commerce, barbarians, limes.

ИДЕИ МИТРАИЗМА В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ РИМСКОГО ВОИНА I–IV ВВ.

К.А. Владимиров

В статье рассматривается вопрос о степени взаимодействия идей культа Митры и традиционных римских воинских ценностей. Анализируются основные категории системы ценностей римского воина Выявлены изменения в восприятии воинских добродетелей в связи с распространением митраизма.

Римское государство возникло и развивалось в условиях постоянной войны. Несмотря на то, что армия представляла собой совершенно особую социальную группу со своими традициями, верованиями и системой самоидентификации, в основе мировоззрения и гражданских, и военных, лежали одни и те же ценности.

Однако эти моральные категории не оставались неизменными: менялось их восприятие, они подвергались влиянию различных факторов, в том числе религии. К III веку одним из самых «популярных» культов в римской армии стал митраизм.

Вопрос о степени этого влияния до сих пор изучен недостаточно: от самого культа осталось крайне мало памятников. Отдельно стоит отметить тот факт, что чужеземный культ проник в главную опору Римского государства – армию, и на его популярности не сказались многолетние и ожесточённые конфликты с его родиной – Персией. Вышесказанное определяет актуальность и наличие исследовательской перспективы заявленной проблемы.

Традиционные римские добродетели включали в себя мужество (virtus), верность (fides), благочестие (pietas). Эти качества требовали самоотречения во

имя римской идеи и составляли основу идеологической и нравственно-политической системы: гражданская и военная доблесть, верность общественному долгу, верность заветам предков[1].

Римская virtus, при всей своей многозначности, изначально, в силу исторических условий развития Рима, базировалась главным образом на военных компонентах. В армейской среде акцент тем более делался на военном характере доблести, которая практически отождествлялась с моралью как таковой, оттесняя на задний план даже такие понятия, как «долг» и «служение отечеству»[2].

В своих военных проявлениях virtus считалась важнейшим фактором могущества и непобедимости Рима, основой всей его государственности. Цицерон утверждал, что «воинская доблесть, бесспорно, превосходит все остальные [науки]. Это она возвысила имя римского народа; это она овеяла наш город вечной славой; это она весь мир подчинила нашей державе. Все городские дела, все наши прославленные занятия и эта наша хваленая деятельность на форуме находятся под опекой и защитой воинской доблести. При малейшей угрозе чрезвычайного положения наши науки умолкают» (Cic. Mur. 22.10).

Нормативный идеал истинно римской доблести предполагал, что она может быть выказана лишь при определённых условиях[3]. Настоящая доблесть, vera virtus, обнаруживается только в открытом и честном сражении с достойным противником, который действительно мог бы стать для римлян, по выражению Ливия, «оселком их доблести и славы» (Liv. VI.7.3). Понимание доблести в духе «нравов предков» исключало не только всякого рода грязные средства ведения войны вроде отравления источников, но даже применение тактических уловок: «Предки вели войны, не прибегая ни к засадам, ни к ночным вылазкам, ни к притворному бегству и неожиданному нападению на беспечного врага; не гордились они и коварством в большей степени, нежели истинной доблестью. У них был обычай сначала объявлять войну, а уж потом вести ее; иногда даже заранее назначали сражение и определяли место и время, где намеревались биться» (Liv. XLII.47.5). Таким образом, в понимании римлян, не было доблести в победе над слабым противником, добытой «нечестным» путём или с помощью хитрости.

Верность (fides) также всегда считалась одной из главных римских добродетелей. Вообще же fides имела огромное значение не только в качестве морального ориентира, но и в качестве своеобразного юридического гаранта верности договора. На ней зиждились отношения между патронами и клиентами, между вступившими в сделки гражданами. Важнейшую роль fides играла в присяге воинов[4].

Римские ценности во многом перекликались с моральными качествами, пропагандируемыми митраизмом. Не входя в число официальных богов, Митра,

---

[1] *Кнабе Г.С.* Корнелий Тацит (Время. Жизнь. Книги). М., 1981. С. 22.

[2] *Махлаюк А.В.* Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 301.

[3] *Махлаюк А.В.* Указ. соч. С. 302.

[4] *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 99.

тем не менее, до начала IV в. оставался одним из самых популярных адресатов индивидуальных обращений, к которому с просьбами обращались легионеры, таможенники и другие представители нижнего звена императорской администрации, обитатели приграничных поселений.

Поклонники рассматривали Митру не только как личного спасителя, но и как гаранта вечного «золотого века» Римской империи[1].

Европейский митраизм, насколько можно судить из скудных источников, вполне соответствовал менталитету римской армии III в. и тесно связанного с армией населения пограничных провинций[2].

М.И. Ростовцев называл Митру «великим богом римской армии и защитником римских легионов в III в.[3]» и считал, что он «был особенно популярен в Римской империи во II–III вв. н.э. В определённое время это был культ [*подчёркнуто Ростовцевым*] римской армии»[4].

Космологические и астрологические аспекты занимали в митраизме значительное место, но Митра привлекал верующих не столько возможностью познать истоки мироздания и его законы посредством приобщения к мистическому знанию, сколь надеждой на преодоление смерти, воскресение и обретение индивидуального бессмертия. В римском митреуме Санта Приска зафиксирована надпись, которая читается как «Сила Митры превосходит смерть»[5].

Чудо обретения жизни вечной в митраизме напрямую связано с центральным событием основного мифа – жертвоприношением быка – тавроктонией. Как персонажи мифа обретают бессмертие, так и земные члены общины, братья-митраисты (fratres) обретают надежду на жизнь вечную. Подвиг Митры с жертвой быка – акт творения. Он повторяет космогонию – создает новую жизнь, что дает шанс и человеку совершить то же самое – возродиться. Не случайно на стене одного из митреумов адепты персидского бога выражают надежду «возродиться в Вечности» (In Aeternium renatus)[6].

Кровь быка дает не только плодородие земле, но и бессмертие тем, кто причастен к священной трапезе митраистов. Согласно мифологическому сюжету, зафиксированному в ряде иконографических памятников (римский митреум на бычьем рынке, митреумы в Марино, Сидоне, Штокштадте) Митре с большим трудом удается поймать, связать, а затем и заколоть быка. Выполнение приказа Высшего божества (Солнца, Юпитера) требует тяжких усилий. Не меньших усилий требует отраженное в иконографии митраизма противоборство Митры и Солнца (Helios-Sol). Таким образом, лишь в конце своего земного бытия, при-

---

[1] *Колобов А.В., Гущин В.Р., Братухин А.Ю.* Античная мифология в историческом контексте. – [эл. ресурс] – Режим доступа URL: http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1337302144

[2] Там же.

[3] *Бонгард-Левин Б.Г., Гаибов В.А., Кошеленко Г.А.* Открытие митреума в Дура-Европос и современная митраистика // ВДИ. 2004. №1. С. 125.

[4] Там же. С. 126.

[5] *Иванов П.В.* Сотериологические аспекты митраизма // Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Symposium». Вып. 31. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 85.

[6] *Ле Боэк Я.* Культурная роль римской армии: культура обыденная и культура сакральная. – [эл. ресурс] – Режим доступа URL: http://www.roman-glory.com/le-bohec-kulturnaya-rol

мирившись с Солнцем, Митра возносится вместе с ним на колеснице на небеса. Также последователи культа несут свое земное бремя, служа Митре на земле, и обретают надежду на бессмертие в потустороннем мире. Одна из надписей в римском митреуме Санта Приска гласит: «И до конца вынесу приказы богов на своих плечах». Тот, кто «не несет ярмо», не может и надеяться на спасение. Митраист был убежден, что верное служение богу приведет его к вечному блаженству[1].

Митраизм не только не «конфликтовал» с традиционными ценностями, но имел собственную аксиологическую шкалу, призванную нравственно укрепить человека на его пути к бессмертию[2]. Митра (в понимании его почитателей) – источник жизни, непобедимый бог, но вместе с тем он был покровителем людей, нравственно «поднимавшим» их, дарующим бессмертие всем тем, которые по своей стойкости, непреклонности и душевной чистоте были достойны его милостей[3]. Идея непобедимости была крайне важна для солдат. Возможно, даже важнее всех остальных составляющих культа[4].

Культ Митры не только давал ответы ищущим во время напряжённого религиозного поиска II-III вв. Он оперировал и более привычными римлянам категориями – преодоление препятствий, напряжение всех сил, состояние борьбы. Во многом, наряду с идеями непобедимости и бессмертия, эти условия предопределили популярность митраизма среди воинов[5].

Не меньшее влияние оказывала на солдат идея боевого братства, товарищества и верности, которые объединяли митраизм и традиционные римские ценности. Участники мистерий после посвящения были связаны одной тайной, поклонением одному богу, что укрепляло их единство[6]. Митраистские общины были не просто объединениями единоверцев, но выражаясь современным языком, «юридическими лицами», со своими имущественными и деловыми интересами[7]. В состав таких общин входили практически все слои римского общества – социальный состав не ограничивался армейской средой и ветеранством[8]. Стоит также указать на то, что положение члена общины могло не соответствовать

---

[1] *Иванов П.В.* Сотериологические аспекты митраизма . С. 86.

[2] *Чередниченко А.Г., Шенцов М.Е.* К вопросу о причинах нравственного прогресса в идеологии римского митраизма в IV–V вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2 (28). 2010. С. 20.

[3] Римская Империя. Сборник статей в пер. А.С. Милюковой. М., 1900. С. 410.

[4] *Гвоздиков Д.С.* «Товарищи непобедимого солнца»: проблема «взгляда носителя» в мистериях Митры – [эл. ресурс] – Режим доступа URL: http://www.roman-glory.com/gvozdikov-mitra

[5] *Nock A.D.* The genesis of Mithraism. – [эл. ресурс] – Режим доступа URL: http://www.ecclesia.relig-museum.ru/Researches/nock.htm

[6] *Thayer B.* Mithraism. The Legacy of the Roman Empire's Final Pagan State Religion. – [эл. ресурс] – Режим доступа URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Gazetteer/Periods/Roman/Topics/Religion/Mithraism/David_Fingrut**.html

[7] *Иванов П.В.* Распространение митраизма как проявление маскулинных тенденций в религиозной жизни поздней Римской империи // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. Гуманит. науки. Вып. 4. Тамбов, 2004. С. 66.

[8] *Иванов П.В.* К вопросу о социальном и этническом составе митраистических общин в Транспаданской Галлии // Державинские чтения: материалы научной конф. препод. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р.Державина, 1995. С. 69.

его статусу «в миру»: например, высшим иерархом общины митраистов в умбрийском Сентине был отпущенник города – Сентиний Януарий, фигурирующий в списке как «Отец львов»[1]. По аналогии с этим примером можно предположить, что рядовые солдаты и младшие офицеры также могли беспрепятственно занимать руководящие должности в общинах, не принимая в расчёт армейскую субординацию.

Митра также был богом, «следящим» за верностью слову и клятве, карающим клятвопреступников, он выступал в качестве бога-охранителя границ и договора, что было особенно актуально в пограничных областях империи[2].

Таким образом, для легионера-почитателя Митры такие «старые» римские ценности как мужество, верность, стойкость приобретали новое значение. На протяжении столетий эти качества, по мнению самих римлян, были основной причиной успеха римских завоеваний. Мужество, стойкость и доблесть для потомков Ромула были главными составляющими победы.

Культ Митры не просто принял римскую систему ценностей, но и всячески способствовал её развитию среди неофитов. Добродетели истинного римлянина и воина не только не вступали в противоречие с идеями митраизма, но и органично дополняли друг друга. Теперь они означали не просто ответственность перед гражданской общиной, городом, Римским государством в целом, верность не только полководцу – консулу или императору – солдат представал перед высшей силой мироздания, которая в состоянии одолеть смерть.

Военная служба приобретала характер тяжёлого, но необходимого и почётного «ярма», вынеся которое воин мог рассчитывать на возрождение и бессмертие. Стойкость перед лицом врага и перипетий лагерной жизни - необходимое условие «обновления».

Добродетели римского гражданина получали не просто статус нравственных ориентиров (об их ценности в этом качестве писали авторы ещё республиканского периода), но теперь были окружены для почитателей культа ореолом спасительности и верой в бессмертие.

THE IDEAS OF MITHRAISM IN THE ROMAN SOLDIER'S SYSTEM OF VALUES IN I–IV CENTURIES A.D.

K.A. Vladimirov

The paper is considering the interaction the ideas of Mithraism and the traditional Roman martial values. It analyses the main categories of the Roman soldier's system of values. It recognized the changes in the perception of the Roman soldier's virtues because of the spreading of the Mithras's worship.

---

[1] *Иванов П.В.* Распространение митраизма... С. 66.

[2] *Маргарян Е.Г.* На стыке римского и восточноэллинистического цивилизационных «номосов». Из истории приефратской контактной погранзоны // Критика и семиотика. Вып. 16. 2012. С. 87.

КРИЗИС III В. В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ КАК КАТАЛИЗАТОР ВОЗВЫШЕНИЯ ПАЛЬМИРСКОГО ЦАРСТВА

А.Б. Сулейманова

В данной работе рассматривается влияние внешних факторов, в данном случае феномена кризиса III века, на возникновение и развитие Пальмирской державы. Осуществляется анализ причин кризиса, определяется его сущность. Показана степень проявления в различных сферах общества. Так же дан анализ состояния и самой пальмирской провинции до всплеска сепаратизма, в период независимости и после падения. Выявлена степень влияния общеимперского кризиса на статус Пальмиры. Работа основана на комплексном анализе источников в рамках концепции поздней Античности.

Ключевые слова: кризис, Пальмира, сепаратизм, империя.

В истории мы можем найти много государств, возникших на руинах великих империй. Одним из ярчайших примеров может служить Пальмирская держава, превратившаяся из небольшой провинции в «сепаратную империю». Безусловно, столь стремительный подъем этой территории не был возможен без накопления внутреннего экономического, социального и политического потенциала, но, в то же время, очевидно и то, что без ослабления «цепей» центральной власти попытка обретения независимости не была бы возможной. Посему рассмотрение социально-политической ситуации в самой империи как фактор катализатора возвышения Пальмирского царства, представляется весьма интересным.

История Римской империи в современном антиковедении традиционно подразделяется на три периода. Большинство историков считает, что III век н.э. занимает в ней особое место, отделяя период Ранней империи (принципата) от периода Поздней империи (domината)[1]. Фактически это был момент решения вопроса: «Будет далее существовать империя или нет». Хотелось бы определиться с хронологическими рамками рассматриваемого феномена.

Некоторые историки придерживаются точки зрения, согласно которой кризис III века начался в 193 г.[2] Однако, мы не согласимся с этим утверждением, ведь политический кризис, вылившийся в гражданскую войну 193-197 гг., закончился не ликвидацией, а «усовершенствованием системы (Eutrop. 18.1). При Септимии Севере и его преемниках она вполне успешно функционировала, и армия в ней оставалась важной опорой императорской власти, гарантом безопасности римских границ и порядка внутри государства (Eutrop.19.1). Однако стоит отметить и тот факт, что именно при Северах римская цивилизация пришла к полной зависимости от собственной военной мощи[3].

По нашему мнению, началом кризиса III века стоит считать 235 год, так как именно с провозглашением императором Максимина Фракийца стало оче-

---

[1] *Сергеев И.П.* Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. Харьков: Майдан, 1999. С. 145.

[2] *Солонимский М.М.* Периодизация древней истории в советской историографии. Воронеж, 1970. С. 202.

[3] *Вэрри Дж.* Войны Античности. От греко-персидских войн до падения Рима. М., 2009. С. 203.

видно, что солдаты стали претендовать на право решения вопроса о передаче императорской власти (Herod. VI.8.5). Преодоление кризиса также относят к разному времени: 268 г., 274 г., 284 г., началу IV в. Такое количество мнений связано как с неопределенностью самого термина «кризис» так и с его многогранностью. Отдельные ученые делали акцент на какой-то одной сфере жизни империи, в которой, по их мнению, спад проявился более всего. В таком случае все их умозаключения подстраивались под определенную концепцию, которая не учитывает всех аспектов.

В качестве даты окончания кризиса III в. примем 284 г. Именно в достаточно продолжительное правление императора Диоклетиана окончательно решилась историческая судьба системы Принципата (Aur. Vict. De Caes. XXXIX., 1). Конечно, замена этой системы новой была осуществлена не в первый год его правления. Но Диоклетиан сразу после провозглашения его императором отказался от идеи выхода из политического кризиса путем привлечения авторитета римского сената для укрепления позиций центральной власти и восстановления прежней политической системы (Aur. Vict. De Caes. XXXIX., 4, 5). Поиски новых опор, создание новой структуры государственных органов требовали времени, но началось это уже в 284 г., а, следовательно, с этим годом, а не с окончанием правления Диоклетиана, т.е. с началом IV в., нужно связывать преодоление кризиса III в.[1]

Учитывая специфику рассматриваемого нами вопроса, нас более интересует вторая четверть и середина III века, так как возвышение Пальмирского царства приходится именно на это время (Zos. I. 44, 45).

Напомним, что селение Тадмор впервые появилось на исторической арене около 1000 до н.э. Благодаря выгодному географическому расположению, с течением времени, одна из непримечательных деревень в пустынном оазисе превратилась в быстро растущий центр караванной торговли под именем Пальмира. В позднеэллинистическое время, под защитой Петры, Пальмира стала не только сильным нейтральным государством, но также наиболее значительным торговым центром между римской Сирией и Парфией[2]. При Траяне Пальмира вошла в состав Римской империи, а политика данного правителя хорошо отражалась на караванной торговле (Paus. Graec. Des. 4.35.2). На рубеже тысячелетий Пальмира приобрела значение как крупнейший караванный центр. В нее стекались огромные богатства. К середине III века пальмиряне проводят автономную экономическую политику, которая никоим образом не регламентировалась Римом. Т.е. Пальмира получила экономическую независимость.

В это же время в самой Римской империи проходили обратные процессы: разорялись многие ранее доходные хозяйства, основывавшихся на эксплуатации труда рабов, распространением латифундий с колонами в качестве основной рабочей силы, упадком благосостояния городов вследствие развития ремеслен-

---

[1] *Ковалёв С.И.* История Рима. СПб.: ООО "Издательсво "Полигон", 2002. С. 770.
[2] *Ростовцев М.И.* Караванные города. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. С. 86-89.

ных производств в латифундиях[1]. При этом советские историки (например, Е.М. Штаерман) датируют возникновение кризисных явлений в экономике уже концом II в. Разумеется, в различных провинциях данные процессы проходили не одновременно и с различной спецификой. Однако трансформация экономической системы проходила крайне «болезненно».

Следствием экономической разрухи стал культурный упадок и идеологические брожения. Римские духовные ценности хоть и были ещё достаточно широко распространены, но всё более растёт популярность восточных культов: египетской Исиды, фригийской Кибелы, сирийского Солнца Непобедимого (Sol Invictus), персидского Митры и христианства. Все данные культы предлагали людям то, чего не могли дать традиционные античные религии – веру в бессмертие, возрождение после смерти и лучшую жизнь в загробном мире.

В пальмирской провинции мы видим совсем другую ситуацию. Она становится красивейшим городом Римской империи. Ее архитектура поражает путешественников своим великолепием, а храмы сравнимы с римскими. Будучи караванным городом, она представляла собой лоскутное одеяло из культур разных этносов. На пальмирской земле удачно синтезировались элементы западной и восточной культуры.

Однако наиболее ярко кризис проявил себя в политической сфере - по подсчетам А. Демандта, между 235 и 285 гг. число императоров и претендентов на императорский престол достигало 70. Частая смена императоров, многочисленные попытки узурпации императорской власти, решение вопроса о занятии императорского престола с помощью оружия, отказ населения значительной части территории государства признавать над собой власть Рима стали неотъемлемыми признаками данного периода. Огромную роль в данной составляющей кризиса сыграла римская армия.

Напротив, в Пальмире наблюдается сплочение верхов. Более того происходит перерастание одной из богатейших семей данной территории в династию местных князей Юлии-Септимии. Более того происходит увеличение автономной милиции, которая постепенно превращается в своеобразную армию (Zos. 39.1). Но в отличие от центра, где армия приводила к дезорганизации, пальмирские формирования преданно служили своему князю и являлись его опорой.

Сравнивая различные области жизни Римской империи и Пальмирской провинции, мы находим разительный контраст увядающего и расцветающего мира. Многие ученые определяют кризис III века как, внутри- и внешнеполитический, социальный, экономический, военный и культурный, т.е. всеобщий. В новых исторических условиях прежние государственные институты показали свою несостоятельность и нуждались в реформировании. Однако неблагоприятное совпадение внешних и внутренних факторов привело к тому, что всю систему охватил коллапс. Началось разрушение прежней рабовладельческой экономической системы. Рим испытывал огромное давление со стороны западных и

---

[1] *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях римской империи. М., 1957. С. 24.

восточных границ. Императоры, сменяющиеся с калейдоскопической скоростью, были не в силах стабилизировать ситуацию. В то время как в Пальмире правит мудрый и последовательный правитель – Оденат (Zos. 39.1,2) с женой Зенобией[1].

Таким образом, мы видим, что к середине III в. Пальмира накопила значительный экономический и культурный потенциал. Появление «пассионарной» личности (Оденат) определило вектор развития в сторону независимости. Обострение же кризиса в самой империи (260 г. многие ученые считают датой фактического распада Римской империи) стало катализатором событий.

МОЗАИЧНОЕ ИСКУССТВО: ДРЕВНЕРИМСКАЯ ВИЛЛА ДЕЛЬ КАЗАЛЕ

С.В. Бабаян

В статье рассматривается такое понятие как античная мозаика, также дана характеристика мозаики как виду искусства. Отмечены основные приемы и техника изготовления мозаики в античном обществе. Особое внимание было уделено такому историческому памятнику мозаичного искусства как древнеримская Вилла дель Казале, рассмотрены основные сюжеты и мотивы.

Ключевые слова: история, мозаика, античность, Вилла дель Казале, Сицилия.

Формирование конкретного периода развития общества тесно связано с его культурой, с развитием искусства, а именно – архитектуры, литературы, живописи, истории. Следовательно, рассматривать историю какого-либо народа, общности невозможно без знания его достижений и продвижений в сфере культуры. При изучении культурной и духовной жизни внимание было остановлено на таком виде искусства как мозаика. Ведь данный вид исторического наследия никого не может оставить равнодушным. Искусство мозаики и в современном мире остается актуальным, востребованным и вызывает восхищение у любого образованного человека. «Начало искусствам, находящимся в зависимости от рисунка, положила необходимость точно так же, как и всем вообще изобретениям; в дальнейшем проявилось стремление к прекрасному, за которым под конец последовало излишество»[2].

Мозаика – изображение или узор, выполненные из цветных камней, смальты, цветных керамических плиток, особая отрасль живописи, преимущественно монументальной и декоративной. Она используется главным образом для украшения зданий, храмов, домов, галерей. Сложная по исполнению требующая точности расчёта на слияние цветовых пятен на расстоянии, мозаика обладает большой прочностью и позволяет создавать величественные монумен-

[1] *Stoneman. Richard.* Palmyra and Its Empire: Zenobia's Revolt Against Rome. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992.

[2] *Винкельман И.И.* История искусства древности. Малые сочинения / Изд. подг. И.Е. Бабанов. СПб.: Алетейя, Государственный Эрмитаж, 2000. - С. 19.

тальные произведения, красочные декоративные убранства. Камни, смальта укрепляются обычно на цементе или более вязкой мастике[1].

Возникновение самого слова «мозаика» окутано тайной. По одной версии, оно происходит от латинского musivum и переводится как «посвященная музам»; по другой – это всего лишь opus musivum, то есть разновидность кладки стены или пола из мелких камешков. В эпоху поздней Римской империи мозаику можно встретить практически везде: и в частных домах, и в общественных сооружениях. По большей части отделке подвергался пол, при украшении стен предпочтение отдавали фрескам. В результате рождались нарядные и по-настоящему величественные пространства.

«Кто не любит всем сердцем, всей душою живописи, тот грешит перед чувством правдивой наглядности, грешит и перед научным знанием»[2].

Таким образом, мозаика является одним из видов искусства, берущего свое начало в древности и имеющего продолжение в современном мире. В свою очередь мозаика имеет множество проявлений и методов, которые разнообразны по своему применению и назначению.

Истоки декоративной мозаики в Греции имеют множество споров. В античную эпоху мозаика постепенно развивалась от несложных узоров и надписей, выложенных галькой на глиняных полах, к пышным многоцветным композициям, в частности настенным, набранным из камней и смальты[3]. Высокого совершенства мозаика достигла в I-IV вв. н.э. в Древнем Риме. Она отличалась реализмом трактовки, разнообразием бытовых, исторических, мифологических, пейзажных мотивов. Некоторые из мозаик воспроизводят греческие живописные оригиналы. Замечательные мозаики были созданы также в городах Северного Причерноморья, в Малой Азии, Северной Африке.

Существует множество памятников мозаичного искусства на территории Древнего Рима, однако более подробно хотелось бы остановиться на таком интересном и прекрасно сохранившемся комплексе – Вилла дель Казале. Это позднеримская вилла, построенная в первой четверти IV в. н.э. и расположенная примерно в 5 км от города Пьяцца-Армерина на Сицилии. Она была центральной усадьбой крупного поместья и представляет собой одно из самых роскошных строений подобного рода. Известна в первую очередь благодаря прекрасно сохранившимся мозаикам, украшающим почти каждую комнату. Эти мозаики являются одной из богатейших коллекций древнеримского искусства. Вилла дель Казале является одним из 44 объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Италии[4].

Ученые-историки предполагают, что свою роль вилла выполняла на протяжении примерно полутора сотен лет после строительства, а затем долгое вре-

---

[1] *Ларионов А.И.* Мозаичное искусство античности – URL: http://www.portal-slovo.ru/art/36147.php?PRINT=Y (дата обращения 28.04.13)

[2] Филострат Старший. Картины. I.10.

[3] *Dunbabin K.M.D.* Mosaics of the Greek and Roman World. Cambridge University Press, 1999. С. 6.

[4] Villa Romana del Casale [Эл. ресурс] 1997. – URL: http://www.worldheritagesite.org/sites/villaromanadelcasale.html (дата обращения - 8.09.13).

мя была заброшенной. Вокруг нее выросла небольшая деревушка, получившая название Платия (от слова «палатиум» - дворец). Во время господства вестготов на Сицилии сама вилла была разрушена, но различные надворные постройки еще какое-то время использовались. Только в XII в. это место было окончательно заброшено, когда вилла оказалась погребена под сошедшим оползнем.

В начале XIX в. здесь были обнаружены фрагменты мозаик и некоторые обломки колонн, а в 1929 г. были проведены первые официальные археологические работы под руководством Паоло Орси. В 1930-х гг. его дело продолжил Джузеппе Культрера. Последние крупные раскопки имели место в 1950-1960-х гг., в результате чего над мозаиками был возведен купол.

Скорее всего, вилла выполняла сразу несколько функций. Некоторые ее комнаты были полностью жилыми, другие служили административными помещениями, а предназначение части комнат остается неизвестным. Вероятно, здесь постоянно или почти постоянно жил ее владелец, который отсюда же управлял своим поместьем. Здание имело один этаж. В его северо-западной части располагались термы, в северной – комнаты для гостей и прислуги, а в восточной – личные апартаменты хозяев и большая базилика.

В 1959-1960 гг. археолог Джентиле, проводивший раскопки на вилле, обнаружил на полу одной из комнат мозаику, изображающую десятерых девушек – она получила название «девушки-бикини». Молодые девушки представлены в образе спортсменок, которые занимаются бегом, играми с мячом, метанием диска. Одна из них одета в тогу и увенчана короной, а другая держит в руках пальмовую ветвь. Другая хорошо сохранившаяся мозаика изображает сцену охоты с охотником и собаками.

Комплекс виллы расположен на холме и включает вход, помещение терм, центральную часть с перистилем, базилику, личные комнаты, а также триклиний и эллиптический перистиль. Мозаики являются произведением африканских мастеров и их можно рассматривать сверху благодаря приподнятым проходам для посетителей. Из полигонального атриума с колоннадой, центральным фонтаном и частично сохранившимися мозаиками пола проходят в вестибюль с красивыми напольными мозаиками и затем в большой перистиль с мраморной колоннадой, центральным бассейном и мозаичным декором, который также присутствует и в помещениях с северной стороны, среди которых мозаичное панно «Малая охота». Длинная крытая галерея полностью оформлена мозаиками, представляющими сцены охоты на диких зверей, а рядом расположен зал гимнасток, называемый также “Залом 10 девушек”, пол которого декорирован мозаичным изображением гимнастических соревнований молодых девушек в костюмах мини, напоминающих современные бикини. В соседнем зале с фонтаном в центре изображён Орфей. В восточной части галереи Большой охоты расположен зал, предназначенный для собраний. Южная сторона с жилыми помещениями также была украшена мозаиками. Другие залы в восточной части декорированы мозаиками на мифологические сюжеты, а в эллиптическом перистиле расположен дворик с портиком и фонтаном в центре, откуда можно увидеть мозаики в других комнатах с изображением амурчиков во время рыбной ловли и сбо-

ра винограда. После триклиния с мозаиками на мифологические сюжеты осматривают Салон цирка с мозаичными сценами соревнований в Большом римском цирке, а затем проходят к фригидарию, термидарию и калидарию, которые сохранили очень хорошо видимые остатки системы обогрева[1].

Таким образом, без римской мозаики невозможно представить себе древнеримское искусство. Композиции мозаики из цветных камней, смальты, стекла, керамики встречаются на всей территории Древнего Рима. Старейшие мозаичные образцы римской укладки, найденные при археологических раскопках, относятся к IV в. до н.э., а в период расцвета Римской империи мозаика стала самым распространенным способом декора интерьера, как дворцов, так и частных атриумов[2].

Рис. 1. Вилла дель Казале. Мозаика. «Сцена охоты».

MOSAIC ART: ANCIENT ROMAN VILLA DEL CASALE

S. Babayan

The article is devoted to the concept of «ancient mosaics»; also the characteristic of the mosaic as an art form is given. The main methods and techniques of the mosaic manufacturing are noted. Special attention was paid to the masterpiece of the mosaic art like ancient Roman Villa del Casale; the main themes and motives are described.

---

[1] Древнеримская Вилла дель Казале [Эл. ресурс] // Сицилия. – URL: http://siciliadom.ru/ (дата обращения – 8.09.2013).

[2] *Соколов Г.И.* Искусство Древнего Рима. М.: Просвещение, 1966. С. 206-207.

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ, ОБРАЗЫ И СЮЖЕТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Я. БРЮСОВА

З.В. Гусева

В данной статье рассматриваются античные сюжеты, образы и мотивы в творчестве поэтов Серебряного века на примере произведений В.Я. Брюсова.

Ключевые слова: античность, русская литература, «серебряный век», Брюсов.

Понятие «русская античность» укоренилось в литературоведении и историографии, благодаря трудам Г.С. Кнабе. Под этим термином понимаются не привычная совокупность реминисценций из мифологии, истории Древней Греции или Древнего Рима и литературы в русском изобразительном искусстве или в поэзии, а те «стороны античного наследия, которые были усвоены национальной культурой в соответствии с внутренними ее потребностями и стали ее органической составной частью»[1].

Античные мотивы, образы, сюжеты культуры послужили богатейшим арсеналом для развития русской классической литературы. Серебряный век русской поэзии – это еще одна попытка воскресить мир утраченных иллюзий, придать действительности гармоничную форму, облечь содержание в этико-нравственные идеалы. Таким образом, античность занимает отнюдь не промежуточное положение, а является универсальным культурным пластом для русской культуры в целом.

Русская литература не просто заимствовала античные образы, сюжеты и мотивы, но трансформировала, детализировала, подвергала их стилизации, придавала им новое философско-эстетическое звучание.

В.Я. Брюсов – русский поэт, литературовед, переводчик, драматург, прозаик, литературный критик и историк, один из основоположников русского символизма.

М.Л. Гаспаров, работавший над подготовкой издания сочинений В.Я. Брюсова, сделал одно замечание относительно нескольких периодов в творчестве Брюсова, когда античность играла особенно важную роль, отразив серьезные сдвиги в истории страны и духовной биографии писателя[2]. Следует подчеркнуть непрерывность античных пристрастий Брюсова на протяжении всей его творческой жизни. Интерес к античности возникал не периодически, а присутствовал постоянно. Античность прослеживается на протяжении всего жизненного пути Брюсова.

Прослеживая влияние античных мотивов в творчестве Брюсова, можно пойти простым хронологическим путем, год за годом, но прежде хотелось бы обобщить и инвентаризировать весь арсенал эстетически содержательных и формальных средств, использованных Брюсовым: мифы, боги, герои; историче-

---

[1] *Кнабе Г.С.* Русская античность. Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 2000. С. 9.

[2] *Брюсов В.Я.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973–1975. Т. 5. С.431.

ские события, ситуации, известные культовые персонажи; реалии, явные и скрытые цитаты. Давно замечено: оживление интереса к эпохам перелома, смены веков и тысячелетий связано с осознанием краха уходящих ценностей, ощущением «конца света», эсхатологическими настроениями и потребностью найти для себя выход, обрести возможность спасения, воспеть новые идеалы. Для этих целей античность предлагает богатейшую коллекцию образов, мотивов, сюжетов и коллизий, теорий и рецептов, годных при любой ситуации.

К античности Брюсова подталкивали переживания и особая мистическая чувствительность, привлекали поздние периоды коренных перемен.[1]

В разгар мировой войны возникла небольшая повесть из жизни VI в. «Рея Сильвия» (1914). В ней предстает Рим, захваченный готами. Разруха, грабежи, пожары, голод. Жители то покидали город, то возвращались. На этом фоне развертывается судьба Марии, молоденькой дочери бедного переписчика рукописей. Девушка немного не в себе: живет в мире преданий, мифов и видений прошлого. В таком состоянии она бродит среди руин вечного города. На развалинах Золотого дома Нерона находит старинный барельеф с изображением Реи Сильвии, дочери царя Нумитора. Приглянувшись богу Марсу, царственная весталка родила ему близнецов Ромула и Рема. Полубезумная Мария вообразила себя Реей. В разгромленном городе она встречает прекрасного юношу. Они сходятся, и она должна родить. Мария живет встречами с ним, но молодой человек исчезает. Ожидания напрасны – юный гот убит. Окончательно сойдя с ума, Мария бросается в Тибр, как некогда легендарная Рея. Тем временем на Рим движутся дикие полчища лангобардов. Таков незавидный конец «золотой» столицы некогда могучей империи[2].

Описания исторических реалий, подробностей быта, достопримечательностей Рима, свидетельствуя о фундаментальных знаниях и богатом воображении автора. В раздвоенном сознании Марии, в ее фантазиях идеальное прошлое сталкивается с бедствиями действительности, что и ведет ее, в конечном счете, к гибели.

Возможно, Брюсов обладая большими знаниями в истории античности, мог избежать в своем историческом сочинении натяжек и ошибок. Но являясь творческим человеком выше его сил отрешиться от «разницы во времени», от изменений в менталитете, психологии разных поколений, от новых восприятий. Здесь коренится источник силы и слабости любого произведения о былом, претендующего на художественность. Фиксация промахов, разночтений, описок и прямых ошибок – дело полезное и нужное, долг добросовестных составителей примечаний и комментаторов. Но есть и другая сторона. Глубокий экзегет видит в них зеркальное отражение сдвигов в сознании, идеологии, мировоззрении и самой действительности. История не стоит на месте, но знает и повторения. Классицизм, романтизм, реализм, символизм, импрессионизм, авангардизм по-

---

[1] *Латышев М.* Пути и перепутья Валерия Брюсова // *Брюсов В.Я.* Час воспоминаний: Избранное. М., 1996. С. 113.

[2] *Брюсов В.Я.* Стихотворения и поэмы. Л., 1961. С. 543.

вторяются в истории культуры, но они предстают на новом витке каждый раз по-разному, по-особому. Вот и весь несложный, но поучительный вывод, который напрашивается при чтении мелодраматической «повести из жизни VI в.», написанной эрудированным автором, в начале века двадцатого. Мир литературный, как и реальный, неоднозначен и многополярен.

К тому же трагическому периоду мировых общественных потрясений, что и «Рея Сильвия», относятся «римские» романы Брюсова: «Алтарь Победы. Повесть IV века» (1911-1912) и его незавершенное продолжение «Юпитер поверженный» (1918). В них писатель поднимает все те же вопросы и темы – сохранение достоинства, метания между бытием и бытом; предощущение тяжелой поступи рока; выбор между героизмом, подвигом и пассивностью; между эскапизмом, уходом в мир чувственных радостей и нравственным долгом.

В затянувшуюся закатную пору Римской империи IV век предоставлял классической античности не только передышку, но даже открывал второе дыхание, раскрывал, казалось, новые горизонты. В этом веке, пояснял Брюсов, «заканчивалось объединение народов древности в единой греко-римской культуре – совершился великий переворот в религиозном сознании, приведший Европу от античного язычества к христианству; создалась та наука, которой потом жили почти целое тысячелетие, и то право, которое легло в основание юридических понятий всего нового мира; наконец, выработались многие такие основы государственной и общественной жизни, которые продолжают оставаться жизненными до последних дней»[1]. Влюбленный в римскую старину, писатель принял недолгий подъем Римской империи в эпоху Юлиана за «время высшего расцвета римской идеи, когда римский мир пожинал плоды посеянного»[2].

Перенося свою продуманную точку зрения и недюжинные знания «эпохи» на страницы «повести», Брюсов часто отходит от темы произведения, и пускается в подробные описания, и страницы заполняются подробными описаниями топографии Рима, его улиц и площадей, известных и малоизвестных строений, памятников, дворцов, статуй, а то и перечислением складок одеяний или блюд для гурманов. Пространные разговоры героев пестрят скрытыми и явными цитатами из древних авторов. Довольно часто Брюсов употребляет латинизмы. В пример можно привести отрывок из «Алтаря Победы»: «У входа в вестибуле дворца меня встретил номенклатор, которому я показал мою диплому. Номенклатор записал мое имя в пугиллар...»[3] и далее в том же духе. На каждом шагу попадаются требующие специальных объяснений латинские слова в русской транскрипции: омикула, папины, каррука, реда, пансиона, колобий, доместики, пугионы и т.п.

Автор окунул с головой читателя в круговерть символов и аллегорий, ассоциаций, параллелей и подтекстов. Без них живописная картина лишается глубины, стереоскопичности, тускнеет, получается самотождественной, скучной и

[1] Русская мысль. Кн. 1. М., 1910. С. 206.
[2] *Брюсов В.Я.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1973–1975. Т. 5. С. 544.
[3] *Брюсов В.Я.* Стихотворения и поэмы. Л., 1961. С. 324.

плоской. Образы, созданные художником, выходят за свои исторические пределы и, обретая новое качество, живут новой жизнью. Реальность и символы взаимозаменяемы, все перемешано, как в жизни. Возникает представление о преемственности культур и религий.

Античность как культурное наследие Древней Греции и Рима оказала огромное влияние на политическое и религиозное мышление, литературу и искусство, на философские и юридические взгляды всех народов Европы и мира в целом. Гуманистическое начало античности стало идейным арсеналом почти всех эпох.

Первая половина XX века, заимствуя античные темы, переосмысливает их, наполняет новым содержанием и отражает в произведениях разного вида искусства. Впоследствии огромного влияния античной культуры на общество всех времён, следует подчеркнуть главное: античность пробудила мысль человечества и в этом, может быть, величайшее достижение и наиболее ценное наследие античности.

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАХОРОНЕНИЙ IV В. ДО Н.Э. НЕКРОПОЛЕЙ МИЛЕТА И ПОСЕЛЕНИЯ «БЕРЕГОВОЕ 4»

Ю.В. Бузанаков

В статье производится анализ и сравнение погребального обряда древних греков на основе материала IV в. до н.э. из некрополей Милета и поселения «Береговое 4». Исследуются причины изменений в погребальном обряде греческих колонистов.

Ключевые слова: некрополь, могила, поселение, погребальный обряд.

Погребальные обряды и культ мертвых – это не просто религиозные верования, а часть сложной системы идеологических представлений (синтез различных форм общественного сознания – религии, философии, мифологии.), включавшей разновременные и разнородные верования и идеи. Хотя главное положение – смерть неотвратима – едино для всего человечества, представления о ней отличаются огромным разнообразием и определяются условиями быта, традициями, религиозными верованиями.

Для древних греков погребение умершего считалось священной обязанностью, неисполнение которой - прегрешение не только перед умершим, но и перед богами, как вышнего, так и подземного мира. Вот почему для Антигоны было так важно правильно похоронить ее брата. Непогребенный труп осквернял место, на котором он лежал; душа умершего в таком случае не могла проникнуть в царство мертвых, и боги подземного мира гневались, не получая того, что им принадлежало; душа умершего, не находя себе покоя, носилась по земле и мучила живых.

В Греции существовало большое количество различных погребальных обрядов. В работе произведена попытка сравния погребений ионического Милета IV в. до н.э. и Боспорского царства, на примере захоронений из некрополя Милета и некрополя боспорского поселения Береговое 4.

Некрополь Милета располагался на холмах Казартепе, Калабактепе, Зейтинтепе, Дегирментепе. Согласно данным археологических раскопок в указанный период захоронения в Милете производились в гробницах, каменных могилах, грунтовых могилах с каменным перекрытием. Умерших укладывали в положении лежа на спине, рядом клали погребальный инвентарь среди инвентаря встречались глиняные сосуды, изделия и метала, терракотовые изделия. В некрополе Милета существовала практика сооружения новых могил на месте старых при этом останки костей и погребального инвентаря перезахоранивали в другом месте[1].

---

[1] См.: *Форбек, Эльке*. Некрополь Милета // Ausgrabungen in Milet. [Эл. ресурс]. Режим доступа - http://www.ruhr-uni-bochum.de/milet/ Дата доступа - 1.10.2013.

Греки прибыли на Боспор Киммерийский преимущественно из Милета, но мы понимаем, что одному полису было бы не под силу создать такое количество колоний, поэтому здесь уместно сказать о том, что иногда Милет был просто инициатором создания поселения, объединяя представителей различных полисов. Они приносили с собой различные погребальные обряды и практики, которые были известны в их городах-метрополиях. Несомненно, колонисты на освоенных территориях встречали местное население – варварские племена. У каждого из племен имелись свои погребальные обряды и практики. Но, по мнению ученых, говорить о влиянии варварских обрядов на погребальную практику боспорян можно только начиная со II в. до н.э. Скорее мы можем говорить о взаимовлиянии греков, приехавших из разных греческих городов, с различными погребальными обрядами[1].

Поселение Береговое 4 располагается на западной оконечности Фанталовского полуострова, на берегу Таманского залива, примерно в 5 км к северо-западу от Патрея. В 2004 г. на территории поселения был выявлен некрополь. В 2005 г. в северной части памятника были проведены георадарные исследования с целью выяснения границ некрополя. Было выяснено, что некрополь простирается не менее чем на 500 метров по линии запад-восток и не менее чем на 200 метров по линии север-юг. Стало известно, что погребения на данной территории в основном представляли собой грунтовые ямы. В качестве перекрытия использовали деревянные доски перекрытые камкой, реже каменные плиты так же перекрытые камкой. Этот признак позволяет нам говорить, что данный некрополь находит параллели в некрополях Пантикапея, у м. Тузлы, Панагия, и отличается от некрополей Кеп, Нимфея, Гермонассы.

К интересующему нас периоду времени относятся два погребения, наиболее сохранившееся из них – погребение взрослого человека, оно представляло собой простую грунтовую яму, перекрытую деревянными плахами и камкой, ориентировано погребение головой на север-восток. Также в нем встречен почти полностью собравшийся кувшин-ойнохоя IV в. до н.э., бронзовое колечко и железный нож. Вероятно, данное погребение является женским[2].

Сравнивая захоронения Милета и Береговое 4 (IV в. до н.э.), мы можем отметить, что в некрополе Милета большее количество погребений представлено каменными гробницами, в поселении Береговое 4, напротив, все из найденных захоронений являются грунтовыми могилами. Очевидно, это связано с тем, что Милет был крупным развивающимся полисом, а Береговое 4 сельским поселением. Но если сравнить грунтовые могильники из обоих некрополей, то можно отметить в обрядах много схожего. В обоих случаях в могилах используются перекрытия. Отличие в том, что в Милете они по преимуществу каменные, а в некрополе поселения Береговое 4, для перекрытия могил использовалось дерево.

---

[1] См.: *Сударев Н.И.* Новые погребальные памятники Азиатского Боспора (по материалам раскопок Восточно-Боспорской экспедиции в 2006-2008) // Фонд Археология [Эл. ресурс]. Режим доступа - http://www.archae.ru/helpful-information/helpfull-information_186.html. Дата доступа - 1.10.2013.

[2] См.: *Сударев Н.И.* Поселение и некрополь «Береговой 4 (итоги исследований в 1999-2005 гг.) // Боспорские чтения. Вып. VII. Керчь, 2006. С. 271-279.

Это связано с тем, что в Ионии имеется большое количество выходов камня на поверхность, а на Таманском полуострове наоборот: камень практически отсутствует, основным строительным материалом выступали сырцовый кирпич и дерево, поэтому о широком использовании камня в захоронениях говорить не приходится. В некрополе поселения Береговое 4 нет подтверждений существования практики сооружения новой могилы на месте старой. Это связанно с тем, что поселение было не слишком большим и место для захоронения хватало всем.

В целом, сравнив два некрополя мы можем отметить, что погребальный обряд в поселении Береговое 4 схож с обрядом Милета. Отличия несущественны, они связаны по большей части с приспособлением колонистов к местным условиям жизни.

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF GRAVES OF THE 4th CENTURY B.C. IN CEMETERIES OF MILETUS AND SETTLEMENT "BEREGOVOE-4"

Y. Buzanakov

In this paper there is an analysis and comparison of funeral rites of the ancient Greeks on the basis of the material of cemeteries of Miletus and settlement "Beregovoe 4" in the 4th century B.C. establishing the cause of changes in the funeral rites of Greek colonists.

Key words: cemetery, tomb, settlement, funeral rites.

ГРЕЧЕСКИЕ ГОРОДА, КАК ТОРГОВЫЕ ПАРТНЕРЫ БОСПОРА В VI – ПЕРВОЙ ТРЕТИ III В. ДО Н.Э.[1]

Е.В. Репина

В данной работе рассматриваются греко-боспорские торговые отношения в VI – первой трети III в. до н.э. Автор выделяет основных торговых партнеров Боспорского царства в рассматриваемый период на основании письменных, археологических, эпиграфических и графических источников.

Ключевые слова: Боспор, греческие города, торговля.

В VI – первой трети III вв. до н.э. Боспорское царство стремилось наладить и правильно организовать сбыт в греческий мир значительного избытка сырья, главным образом, хлеба и рыбы, которым Боспор располагал, чтобы, в свою очередь, обеспечить себя теми продуктами сырья и промышленного производства, которых Боспор не имел, и которые были ему необходимы для организации своего производства. Торговля между ними существовала в форме обмена греческого специализированного сельского хозяйства (вина, оливкового масла) и ремесленных изделий на натуральные продукты Северного Причерноморья. Также из греческих центров на Боспор привозили дорогие ткани, драгоценные металлы, предметы искусства: статуи, терракоту, художественные вазы. Следует отметить, что часть этого импорта оседала в боспорских городах, дру-

[1] Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта НИУ «БелГУ» для аспирантов и студентов, проект «Место и роль Боспорского царства в греко-варварской торговле в VI – первой трети III вв. до н.э.» (ВКАС-19-13).

гая часть переправлялась боспорскими торговцами в степь для знати окружающих племён.

В данной работе мы рассмотрим греко-боспорские торговые отношения, выделив основных торговых партнеров Боспорского царства в VI-первой трети III вв. до н.э.

Все источники по теме можно разделить на четыре группы:

1. Письменные свидетельства античных авторов. Круг письменных источников по обозначенной теме невелик. Прямых сведений о торговых отношениях Боспора с греческими центрами античная традиция почти не сохранила. Мы имеем лишь отрывочные сообщения из общих трудов исторического, географического и этнографического характера. Стоит отметить речи Исократа (IV в. до н.э.), интересные нам освещением сторон экономического и политического взаимоотношения Афин и Боспора, содержания и формы торговли, кредита и финансового и торгового права. Уникальными источниками для исследования экспортных поставок Раннего Боспора являются речи Демосфена (IV в. до н.э.) «Против Лептина о беспошлинности», «Против Формиона о займе», «Против Лакрита». Анализируя их, мы можем получить представление об объеме и организации хлебной торговли Боспора с Афинами, о льготах и привилегиях, которыми пользовались афинские торговцы на Боспоре.

Отдельного упоминания заслуживают сведения Геродота, Теофраста, Гиппократа и др. о климатических условиях и культивируемых на Боспоре растениях. Учитывая роль и значимость сельского хозяйства в античном мире, недооценивать эти сведения нельзя.

Следует упомянуть и декрет афинского совета и народного собрания (IG, II, 212 = SIG, 206) 346 г. до н.э. в честь боспорских правителей Спартока и Перисада, который устанавливает привилегии (беспошлинный вывоз, очередь в отгрузке зерна и др.), как со стороны Боспора, так и со стороны Афин, и афинский декрет в честь Спартока (IG, II, 653 = SIG, 370) 288 г. до н.э., в котором говорится о том, что Боспор продолжает торговать хлебом с Афинами. Позже торговые связи между Боспором и Афинами, хотя и не прекратились, но сократились в своих размерах.

Стоит отметить и источники по экономике и хозяйственной деятельности на Раннем Боспоре, созданные позже рассматриваемого нами периода, например, отрывки из произведения Страбона. Ретроспективно информация из данного вида источников может быть использована для изучения развития торговых отношений Боспора с греческими городами в VI – 1-й трети III в. до н.э.

2. Эпиграфические материалы. Данный вид источников представлен т.н. «проксениями»[1]. Это эпиграфические документы, закрепившие ряд привилегий, в том числе и в сфере торговли, лицам, не являвшимся боспорянами за оказанные услуги Боспорскому царству. Данный вид письменных свидетельств особенно полезен для уточнения направления связей внешней торговли Боспорского государства в IV-1-й трети III в. до н.э. Надпись IOSPE, II, № 35 от 284 г. до

[1] Корпус боспорских надписей. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1965. № 1-5.

н.э., найденная в Пантикапее говорит о том, что крупные родосские купцы имели постоянные связи с Боспором.

3. Археологические источники. Для нашего исследования особую значимость имеет комплекс археологических артефактов обнаруженных на Боспоре и за его пределами, включивший массовый керамический материал, остатки средств транспортировки грузов и т.д. Многочисленные амфорные ручки с клеймами Родоса[1], находимые на территории Боспорского царства, свидетельствуют о торговых отношениях Боспора и Родоса. Что касается керамических находок, то для первоначальной эпохи боспорского государства, связанной с династией Археанактидов, керамический материал относится к различным центрам Ионии, Афинам, Коринфу. С последней четверти V в. до н.э., с началом правления на Боспоре династии Спартокидов, аттический импорт доминирует, и в IV - начале III вв. до н.э. количество найденных от этого времени сосудов аттического происхождения очень велико[2]. Археологические данные свидетельствуют о том, что в Северное Причерноморье, а, следовательно, и на Боспор, поступали товары из Менды, Хиоса, Фасоса, Коса[3].

4. Графические источники. В данной группе источников особенной значимостью обладает нумизматический материал. В конце V в. до н.э. на Боспоре начинает ощущаться влияние афинских типов монет на местные в некоторых пунктах Боспора, например, в Феодосии и Синдике[4].

Таким образом, развитие греко-боспорской торговли проходило в рамках трех этапов: Первый этап (2-я четв. VI – 1-я четв. V вв. до н.э.) – период освоения древними греками берегов Керченского пролива, независимое и автономное существование апойкий региона. Этот этап характеризуется адаптацией древних греков к местным условиям, поэтому наличие систематического экспорта и импорта в этот период трудно представить. Эпизодический экспорт был политоварным. Основными торговыми партнерами выступали метрополия (Милет), Хиос, Аттика[5]. С конца V в. до н.э. Афины и Боспор находятся в оживленных торговых отношениях. Об этом нам говорит ряд письменных источников (Lys., XVI, 4; Isocr., XVII, 4; Isocr., XVII, 57; Herod. VII. 147).

Второй этап (2-я четв. V – 1-я четв. IV вв. до н.э.) – период правления Археанактидов и первых Спартокидов, начало проявления объединительных тенденций на Боспоре, и оформление надполисного государства. Это время бурных как внутриполитических, так и внешнеполитических событий в начале этапа и во второй его половине. В этот период увеличивается объем экспортных поставок Боспора, которые из-за нестабильности политической ситуации, в систему так и не сложились. Направления и наименование товаров экспорта остаются

---

[1] *Крушкол С.Ю.* Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху // ВДИ. 1957. № 4. С. 112-113.
[2] *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М.-Л., 1953. С. 139.
[3] *Брашинский И.Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI-II вв. до н.э. М., 1963. С. 96-97.
[4] Там же. С. 32-33.
[5] *Прокопенко С.Н.* Торговый баланс Раннего Боспора // Кондаковские чтения–III. Белгород, 2010. С. 67-68.

идентичными первому этапу, а именно: зерновые (преимущественно пшеница), рыба, шерсть, рабы, лес и др. Тесные экономические связи Боспора и Афин продолжаются на протяжении IV - первой трети III вв. до н.э. (Thuc. III. 2. 2; Dem. adv. Lept. 32; Din. adv. Dem. 43).

Третий этап (2-я четв. IV – 1-я треть III в. до н.э.) – период правления Спартокидов, расцвет Боспорского царства. Доминирование зерновых в экспортных поставках. Экспорт зерновых основной фактор развития государства и укрепления династии. Исходя из сведений письменных источников, зерновые поступали на внешний рынок в большом количестве. Данный период характенризуется оживленной торговлей Боспора с греческими центрами. Основными торговыми партнерами выступали Милет, Хиос, Аттика, Родос.

GREEK CITIES AS A TRADING PARTNERS OF BOSPORUS IN THE 6th – 1st THIRD OF the 3rd centuries B.C.

E.V. Repina

This paper discusses the Greek-Bosporus trade relations in the 6th – 1st third of the 3rd centuries B.C. The author highlights the main trade partners of Bosporus in the period under review on the basis of written, archaeological, epigraphic and iconographic sources.

Keywords: Bosporus, the Greek city-states, trade.

АНАЛИЗ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ НА МОНЕТАХ ПАНТИКАПЕЯ VI – НАЧ. III В. ДО Н.Э.

Я.А. Кочергина

Статья посвящена анализу визуальных образов на монетах Пантикапея VI - нач III в. до н.э. В работе рассматриваются основные типы изображений на монетах данного периода. львиной головы, головы сатира, головы барана, рыбы, грифона, колоса.

Ключевые слова: монеты, Боспор, реверс, аверс, чеканка.

Из ранних нумизматических памятников Боспора наибольший интерес представляют монеты Пантикапея. Пантикапей раньше других боспорских городов начал чеканить свою монету и делал это непрерывно. Пантикапейское серебро VI-V вв. до н.э. составляло основу денежного обращения на Боспоре в рассматриваемую эпоху.

Вся история пантекапейской чеканки делится на несколько периодов. Первый период денежного обращения начинается с автономной чеканки пантикапейского серебра около середины VI в. до н.э. Период этот продолжался более 150 лет до начала IV в. до н.э.[1] В выделении этого хронологического отрезка мы следуем за А.Н. Зограф, который также определял границы первого, архаического периода, с одной стороны, началом пантикапейской чеканки (в середине VI в. до н.э.), с другой – переходом (в начале IV в. до н.э.) к чеканке пантикапейских монет с новым типом и введением в чеканку новых монетных металлов – золота

---

[1] См.: *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора. М.: Наука, 1956. С. 15.

и меди[1]. Вероятно, эти новшества являются следствием политических и экономических преобразований на Боспоре.

Наиболее ранние боспорские серебряные монеты имеют на лицевой стороне изображение львиной морды (см. табл. I.), называемой львиным скальпом или львиной шкурой, что является не верным, так как скальпом собственно это изображение не является, здесь нет раздвоения нижней челюсти. Изображение льва на монетах стоит в непосредственной связи с образом почитаемого божества на Боспоре – Аполлоном, среди атрибутов которого присутствовал лев. Очевидно, сюжет льва на пантикапейских монетах был заимствован вместе с самим культом Аполлона из Милета. Сюжет этот перестает доминировать только с появлением нового типа изображения на лицевой стороне (головы сатира) на рубеже V-IV вв. до н.э., впоследствии он эпизодически встречается на пантикапейских монетах среди других типов только уже на реверсе. А на оборотной стороне изображено – квадратное углубление (quadratum incusum), не получившее еще правельной формы[2]. Этот рисунок получает дальнейшее развитие: в неглубоком вдавленном квадрате помещается профильное изображение головы барана (см. табл. I.1). Над бараньей головой вдоль верхнего края углубления идет надпись ПАNTI. Но это совсем не обязательно объяснять какими-то политическими причинами, поскольку, как справедливо указал А.Н. Зограф, чеканка изображения с надписью, на оборотной стороне – законный этап в развитии монетного типа[3]. Новый сюжет часто встречается в греческой нумизматике и имеет различные значения. Б.В. Кёне связывал появление этого образа с культом Диониса. Но нам ближе предположение А.Н. Зограф, он относит это изображение к культу Аполлона. Голова барана на реверсе является символом главного божества Пантикапея. Но есть основания и для другой трактовки этого типа. Разведение домашних животных, особенно баранов, быков и лошадей, играло в экономике Боспора значительную роль и возникновение нового типа оборотной стороны, возможно, связано с задачами демонстрации основных богатств государства.

К основному типу оборота, бараньей головы, присоединяется в качестве добавочного символа: рыбы. На монетах фигурирует один и тот же вид. Возникают споры по поводу того, что за рыба изображена – у исследователей нет единого мнения по этому поводу. Например, Д.Б. Шелов видел в этом изображении русского осетра, А.Н. Зограф называет рыбами семейства осетровых. По мнению В.Ф. Столбы, на монетах изображены севрюга или звездный осетр[4]. Осетровые в античный период на Боспоре водились в большом количестве и являлись, по-видимому, ценным объектом промысла. Ученые предположили, что изображение осетра на монетах (см. табл. I.5), возможно, является визуальным

---

[1] См.: *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.: Наука, 1951. С. 164-168.
[2] См.: *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... С. 13.
[3] См.: *Дюков Ю.Л.* О монетной чеканке Боспорского царства в V-IV вв. до н.э. // Нумизматика. 1971. №4. С. 5.
[4] См.: *Stolba V.F.* Fish and Money: Numismatic Evidence for Black Sea Fishing // Black Sea Studies. Vol.2. Ancient Fishing and Fish Processing in the Black Sea Region. Aarhus, 2005. P. 122-123.

обозначением столицы Боспора Пантикапея, так как свое название город получил от имени реки Пантикапа, что в переводе означает «рыбный путь»[1]. Но следует отметить также и то, что изображение осетра носит и чисто местный мотив – это один из предметов черноморского экспорта. Этот образ указывает на богатство Боспора и на значение рыбной торговли для экономики страны.

В начале IV в. до н.э. в Пантикапее начинается чеканка монеты с новым типом лицевой стороны. Представляющий несомненно ионическую традицию, державшийся более века мотив львиной головы развивается в целую фигуру или протоме того же зверя и переходит на оборотную сторону монеты. Лицевую же сторону занимает голова божества с козлиными ушами, зачастую трактуемая как Пан[2] - «говорящая эмблема», обозначающая Пантипапей.

Проанализировав это изображение, мы видим, что здесь отсутствуют характерные для этого божества козлиные рога и какие-либо другие намеки на его «козлоподобность». Таким образом, истолкование этого божества как Пана отнюдь не доказано. По мнению А.Н. Зографа, на монетах изображен сатир, и, действительно, взлохмаченная прическа и заостренные уши, схожие с козлиными, указывают на правильность такого истолкования. Развивая эту идею, А.Н. Зограф также высказывал еще одно предположение: по его мнению, голова сатира на этих монетах, возможно, является «говорящей эмблемой» не города, а Боспорского царя – Сатира I, поскольку вхождение головы этого божества в типологию пантикапейских монет совпадает с концом его долгого правления. Зарубежные нумизматы при описании монет с этим типом не упускаю случая отметить и присутствия национальных «скифских черт». Однако изображение уродливого лица с карикатурно курносым носом и шишкой на лбу не находят параллели в других памятниках боспорского искусства[3]. На монетах Пантикапея сатира изображали как бородатым (см. табл. I.4), так и без бороды (см. табл. I.6), в профиль или в трехчетвертном развороте. Появление изображения этого бога на боспорских монетах, возможно, показывает близость и тесную связь Боспорского государства с миром Диониса, в чью свиту входил и сатир[4]. Образ сатира на долгое время закрепился в нумизматике Боспора – вплоть до конца III в. до н.э.

Обратимся теперь к типу оборотной стороны статера. Одним из таких явилась сцена, на которой во всей красе выступает мифологическое существо – грифон (см. табл. I.3). Грифон – самый популярный персонаж боспорского искусства. Коренастое, мускулистое животное обращено влево. Голова же, с длинными ушами и козьими рогами, повернута к зрителю. В пасти грифон держит дротик. Уверенная сила бьющего передней лапой хищника хорошо передана положением фигуры. Задние лапы в твердой стойке, грудь же и передние лапы откатывают назад и вниз, создавая образ мгновенного зафиксированного движе-

---

[1] См.: *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М., 1958. С. 183-189.
[2] См.: *Зограф А.Н.* Указ. соч. С. 171
[3] См.: *Дюков Ю.Л.* Указ. соч. С. 6.
[4] См.: *Шелов Д.Б.* К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК. Вып. XXXIV. 1950. С. 64.

ния атаки. Стремительность момента передает и завитый кольцом хвост животного. Наследием архаического искусства являются крылья, изображенные с характерным изгибом вверх. Под грифоном в качестве добавочного символа изображается лежащий хлебный колос. Слева от зверя и над его спиной изображены буквы сокращенного названия ПAN[1].

Изображение «Грифона на колосе» было не случайным выбором патикапейского мастера. Население Боспорского царства было самым близким к Рифейским горам носителем греческих традиционных мифологических знаний о грифонах и их функциях. Животное, чьё тело состояло из головы, груди и крыльев царствующего в небе орла и энергичного туловища и крепких лап царствующего на земле льва, охраняло подступы к царскому металлу – золоту – сокрытого в упомянутых горах. Но, похоже, что боспорцы несколько переосмыслили роль грифона в своём греко-варварском мире. Золото в Пантикапей шло не с далёких Рифейских гор, известных по рассказам племенных сказителей, а по вполне реальным путям в обмен на зерно. Именно хлеб был настоящим сокровищем, золотоносной жилой, для жителей степного Боспорского царства. Поэтому хлебный колос и был поручен охране легендарного грифона. То есть, это не грифон стоит НА колосе, а колос находится ПОД охраной грифона, о чём свидетельствуют и поднятая лапа хищного охранника и общее напряжение его фигуры[2].

Другим добавочным элементом к изображению грифона, в типе оборотной стороны, были рыбы из породы осетровых, о чем мы рассказали ранее. Голова того же осетра или стерляди также фигурирует в качестве самостоятельного изображения с буквами ПAN (сокращенное название города)[3].

В результате исследования мы можем выделить несколько типов изображений на монетах. Некоторые изображения связаны с экономическим развитием региона, т.к. на них нашли отражение местные ресурсы, важные в обеспечении конкретного города или региона. В этой связи интерес представляют серебряные и золотые монеты Пантикапея конца V в. до н.э. с изображением осетра и зерновых колосьев. Это еще один тип изображений на монетах, связанный с мифолого-религиозными представлениями эллинов Боспора (изображение грифона, сатира и др.), важными для анализа происхождения полисов Боспора и их роли в древнегреческом мире.

THE ANALYSIS OF VISUAL IMAGES ON THE COINS OF THE PANTICAPAEUM IN THE 6th – THE BEGINNING OF THE 3th CENTURIES B.C.

Y. Kochergina

The article is devoted to the analysis of visual images on the coins of the Panticapaeum in the 6th – the beginning of the 3th B.C.The paper examines the main types of images on coins of that period. As a result of the study we can identify several types of images.

Key words: coins, the Bosporus, reverse and obverse, coining.

---

[1] См.: *Гончаров Е.Ю.* Сатир из Пантикапея // Нумизматика. 2012. №1 (31). С. 135.
[2] Там же
[3] См.: *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора... С. 176.

Табл. I. Монеты Пантикапея VI- первой четверти III вв.

1. Пантикапей. 413-403 год до н.э. Серебро. Диобол, вес 1.55 г, d13.0 мм. Av. Голова льва в фас. Rv. Вдавленный квадрат с головой барана вправо, вверху надпись ПАNTI.

2. Пантикапей. 403-393 год до н.э. Серебро. Диобол, вес 1.74 г, d13.0 мм. Av. Голова льва в фас. Rv. ПАNTI. Голова барана влево, внизу осетр.

3. Пантикапей. 344-334 год до н.э. Золото. Статер, вес 9.12 г, d20.0 мм. Av. Голова бородатого сатира в венке влево. Rv. ПАN. Грифон с копьем в пасти влево, внизу колос.

4. Пантикапей. 345-310 год до н.э. Медь. Тетрахалк, вес 7.45 г, d20.0 мм. Av. Голова бородатого сатира. Rv. Протома Грифона, ниже осетр, по сторонам ПАN.

5. Пантикапей. 393-389 год до н.э. Медь. Лепта, вес 1.15 г, d0.0 мм. Av. Голова бородатого сатира в венке влево. Rv. ПАN. Голова осетра вправо.

6. Пантикапей. 344-334 год до н.э. Серебро. Гемидрахма, вес 2.41 г, d15.0 мм. Av. Голова безбородого Сатира в венке в 3/4 влево. Rv. льва в фас.

СПУТНИКИ ДЕМЕТРЫ В ТЕРРАКОТЕ БОСПОРА

А.В. Вахрамеева (Донецк)

В статье рассматриваются спутники Деметры в Элевсинских мистериях в терракотовой пластике Боспора. Деметра и Кора почитались совместно с такими божествами и героями как Дионис (Иакх), Афродита, Геракл, Триптолем. Отмечается элевсинский характер культа Деметры на Боспоре.

Ключевые слова: Боспор, терракота, Деметра, Дионис, Геракл, Афродита.

В древнегреческой религии каждое божество почиталось в тесной взаимосвязи друг с другом. Наиболее яркое проявление синтеза культов Деметры и Коры-Персефоны с культами других богов прослеживается в Элевсинских мистериях[1].

В элевсинской традиции Деметра и ее дочь Кора-Персефона почитались совместно с божествами и героями, которые фигурировали в мифе о Деметре (Hom. Hymn. V).

Изучение идеологических явлений, каким является культ Деметры - сложная задача. Почитание богини происходило в различных формах, среди которых церемонии, мифы и другие. Особое место занимают терракотовые статуэтки, в которых воплощался образ богини и ее спутников. Они позволяют конкретизировать и прослеживать изменения культа богини, особенно в Боспорском царстве, для которого характерна плохая сохранность сакральных комплексов.

На территории Боспорского царства терракоты Деметры и ее спутников, как импортные, так и местные, находят при раскопках городских и сельских святилищ, некрополей, мастерских коропластов и частных домов. Чаще всего они являются единственным источником, который позволяет определить сакральную принадлежность археологического комплекса.

Археологические исследования последних десятилетий в городах и сельских поселениях Боспора существенно расширили, базу источников и в связи с этим тема сакральной жизни Боспора приобрела особую актуальность.

В конце XX - XXI в. исследователи активно рассматривают вопросы, посвященные различным аспектам сакральной жизни населения региона и, в частности, культ Деметры[2]. Вопросы религийной жизни в Боспорском царстве обычно рассматриваются в связи с открытием и публикацией сакральных комплексов, анализом и интерпретацией материалов культовых сооружений. Однако отдельные существенные вопросы особенностей развития культа Деметры на Боспоре, взаимодействие ее культа с культами других божеств, остаются фактически вне поля зрения исследователей.

Культ Деметры с VI в. до н.э. распространяется по всей территории Боспорского царства. В этот период Деметра и божества, связанные с ней, в первую очередь, были связаны с плодородием и подземным миром.

---

[1] *Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. К.: Наукова думка, 1979. С. 35; *Кузина Н.В.* Элевсинские сакральные традиции и культ Диониса в античных государствах Северного Причерноморья // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 6. С.178-182.

[2] *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 242 с.; *Бутягин А.М.* Пять лет работ Мирмекийской экспедиции // Материалы V Боспорских чтений. Керчь, 2004. С. 48-54; *Чистов Д.Е.* Святилище Деметры в Мирмекии: попытка реконструкции комплекса // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. СПб., 2004. С. 131-142; *Завойкин А.А.* Святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове: природная среда и сакральная топография // ВДИ. 2006. №3. С. 61-76; *Масленников А.А.* Сельские святилища Европейского Боспора. Тула: Гриф и К., 2007. 564 с.; *Молев Е.А.* Боспорский город Китей. Симферополь, Керчь: Изд. Дом АДЕФ Украина, 2010. 316 с.

В V-IV вв. до н.э. в боспорских святилищах достаточно отчетливо про-леживается совместное почитание Диониса с элевсинскими богинями, которое имело место и в III в. до н.э.[1]

Так при раскопках Китейского святилища были обнаружены дионисий-кие вотивы: терракоты и фрагментами сосудов для вина на территории, примы-авшей к участку, где совершались жертвоприношения Деметре и Коре. Анало-ичная ситуация наблюдается в святилищах Мирмекия, Нимфея и Горгиппии[2]. Уникальной и, на наш взгляд, одной из интереснейших терракот, является ста-гуэтка двух богинь, несущих на плечах детскую фигурку. Исследователями она ю аналогии с вазовыми рисунками была интерпретирована как Деметра, Кора-Персефона и Иакх. В элевсинских мистериях культ Иакха (Диониса) играл большую роль. Одной из первых и ключевых сцен в мистериях была сцена брака Зевса и Деметры и рождения у них сына Иакха. В честь новорожденного Иакха овершались возлияния, песни и пляски, ему приносились в жертву игрушки. Позднее культ Иакха слился с культом Диониса. Такое отождествление объяс-иялось мифологической неопределенностью Иакха[3].

Также в одном из захоронений Пантикапея, статуэтка богини на троне была найдена вместе с «возлежащим богом». Аналогичная ситуация наблюдает-ся в Нимфейском святилище. В этой статуэтке можно увидеть Аида, мужа Ко-ры-Персефоны, или Диониса[4]. Для нашего исследования интересен восточный комплекс Генеральских бухт. Там был найден мотивный рельеф – находка, ис-ключительная для боспорской хоры. На нем изображены четыре фигуры в оди-наковых позах и одеждах. Одна пара – взрослая, вторая – детская. Руки у всех огнуты и подняты к груди. В руках, возможно, они держат плоды. Взрослые фигуры можно интерпретировать как Деметру и Кору. Гораздо сложнее дело с детской парой. Однако если обратиться к элевсинским божествам, то можно предположить, что это – Триптолем – первый земледелец, и Плутос, или Иакх и Плутос, или другая божественная пара близнецов, играющих заметную роль в элевсинских мистериях[5].

Подобные находки могут свидетельствовать о том, что в церемонии, по-священные Деметре, входили обряды в честь Диониса[6].

Также идея персонификации сил природы олицетворялись, помимо обра-ов элевсинских богинь Деметры и Коры и Диониса, в Афродите. Археологиче-кие свидетельства о данных культах дают нам возможность сделать вывод о овместных святилищах божеств, олицетворяющих производительные силы природы. Ее протомы были найдены совместно с протомами Деметры, Коры-

---

Кузина Н.В. Указ. соч. С. 178-179.
Там же. С. 179.
Русяева А.С. Указ. соч. С. 68
Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.: Наука, 1961. С. 28-29.
Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула: Гриф и К., 2007. С. 132-134.
Кузина Н.В. Указ. соч. С. 179.

Персефоны, Диониса, Геракла в святилищах Китея, Майской горы, святилище на горе Бориса и Глеба (Тамань)[1].

В эллинистический период можно проследить синкретическое слияние образов Деметры, Коры-Персефоны и Афродиты[2].

Помимо божеств, греки чтили героев. В их честь приносились жертвы, воздвигались святилища – герооны.

Среди героев особое место занимал Геракл. В Боспорском царстве этот культ получил большое распространение. Составляющей культа Геракла является хтонизм образа героя. Идея постоянного возобновления жизни звучит в теме росписи на стенах так наз. «склепа Геракла», найденного в Горгиппии. Он считался родоначальником боспорских царей, что позволяет предположить официальный характер культа Геракла в Боспорском царстве[3].

Согласно мифологической традиции, Деметрой в честь Геракла были учреждены малые Элевсинские мистерии, для очищения героя от крови (убийство кентавров). Вместе с Диоскурами Геракл был посвящен в Элевсинские таинства[4]. Наиболее ярко синтез культа Геракла с богинями плодородия зафиксирован при раскопках кургана Большая Близница. Здесь были обнаружены две аттические глиняные статуэтки Геракла IV в. до н.э. Фигурки героя составляли часть терракотового комплекса, посвященного Элевсинским мистериям[5].

К V в. до н.э. относится протома Деметры с башенной короной па голове, украшенной плодами. Она была обнаружена в гробнице близ Феодосии вместе с терракотой актера Геракла и двух женщин[6]. На наш взгляд, данные изделия свидетельствуют о популярности среди населения Боспора элевсинских культов. Именно в элевсинских мистериях Деметра, Кора и Иакх выступали вместе, а актер Геракл и женщины могли изображать участников таинства.

В эллинистических слоях святилища Китея была также найдена статуэтка юного Геракла, который держит поднятую вверх палицу[7].

Данные находки позволяют говорить о хтоническом культе Геракла через культ элевсинских богинь.

Таким образом, обрядовая сторона культа Деметры в Боспорском государстве VI-II вв. до н.э. отвечала общеэллинского сакральным традициям. Здесь получили известность и свое дальнейшее развитие традиционные функции Деметры, как хтонической богини, покровительницы земледелия и законодательницы. Необходимо сделать акцент, что в мировоззрении боспорян Деметра вы-

---

[1] *Марченко И.Д.* О культе Афродиты на Тамани // История и культура античного мира. М: Наука, 1977. С. 121-122.
[2] *Русяева А.С.* Указ. соч. С. 20-21.
[3] *Кругликова И.Т.* Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М.: Наука, 1975. С. 82.
[4] *Захарова Е.А.* Об особенностях культа Геракла в Северном Причерноморье // Мнемон. 2006. Вып. 5. С. 390-392.
[5] Там же.
[6] *Петрова Э.Б.* О культах античной Феодосии // Боспорские исследования. 2001. Вып. I. С. 233-239.
[7] *Захарова Е.А.* Указ. соч. С. 392-393.

ступала прежде всего как элевсинская богиня, с земледельческо-хтоническим культом, несущая идею плодородия и возрождения.

Деметра Элевсинская почиталась вместе со своей дочерью Корой-Персефоной и божествами, связанными с ними в элевсинских мистериях: Гераклом, Афродитой, Дионисом и другими. Терракоты данных божеств, совместно с терракотами Деметры и Коры-Персефоны были найдены при раскопках сакральных комплексов Боспора (Пантикапей, Нимфей, Китей, Горгиппия и т.д.). Аналогичная ситуация прослеживается в греческих святилищах Деметры и Коры-Персефоны (Элевсин, Приены, Хиос т.д.). Божества культа Деметры и Коры-Персефоны олицетворяли производящие силы природы и вбирали эпихтонические и хтонические функции. Особенно яркое проявление культа элевсинских богинь прослеживается в IV в. до н.э. – в период расцвета экономических связей Боспорского царства с Афинами, где Элевсинские мистерии играли важную роль в политической, экономической и духовной жизни.

SATELLITES OF DEMETER IN THE TERRACOTTAS OF BOSPORUS

A.V. Vahrameeva (Donetsk)

The paper discusses the satellites of Demeter at Eleusis mysteries in terracotta plastic of Bosporus. Demeter and Cora honored with such deities and heroes like Dionysus (Iacchus), Aphrodite, Hercules, Triptolemos Besides, it views the celebration of Demeter's Eleusinian cult in the Bosporus.

Keywords: Bosporus, terracotta, Demeter, Dionysus, Heracles, Aphrodite.

МЕТАТЕЛЬНЫЕ ЯДРА ПРАЩИ КАК ИСТОЧНИК ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ БОСПОРА (на примере раскопок городища Белинское)

А.А. Черникова (Тула)

В статье рассматривается вопрос применения пращи в военных действиях на западных рубежах Боспорского царства в первых веках нашей эры. На основе раскопок городища Белинское, делается вывод о том, что данный тип оружия применялся, в основном нападающей стороной и в первую очередь, германцами.

Ключевые слова: праща, Римская империя, Боспорское царство, варвары, германцы

Городище Белинское (II-V вв.)[1] расположено вблизи одноименного села в Восточном Крыму, в непосредственной близости от Узунларского вала. Городище занимало узловое место в системе обороны западных рубежей Европейского Боспора и одновременно находилось на скрещивании путей, ведущих в Центральный, и Западный Крым[2]. При этом первоначально оно служило базой для крупного военного соединения, участвовавшего в военных действиях про-

---

[1] Раскопки городища ведет с 1996 г. международная российско-украинская Белинская археологическая экспедиция Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Начальник экспедиции с российской стороны д.и.н., проф. В.Г. Зубарев, с украинской к.и.н. Н.А. Сон.

[2] *Зубарев В.Г.* Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М., 2005. С. 284-285.

тив крымских скифов[1]. По периметру городище (площадью около 9 га) было окружено оборонительной стеной, соответствующей рельефу местности. В наиболее уязвимых местах стена усиливалась глубоким рвом. Последний не давал возможности подвести осадные орудия непосредственно к куртине. Возможный штурм крепости должны были осложнить и башни, выявленные на южном и западном участках, на угловых стыках оборонительных стен[2]. Общая планировка и расположение городища напоминало римский военный лагерь и первоначально предполагало размещение здесь, в первую очередь, воинского контингента[3].

За время своего существования городище Белинское два раза подвергалось основательному разрушению. Первый раз, судя по новейшим монетным находкам на городище и некрополе (царя Рескупорида V)[4] это произошло в ходе борьбы боспорского царя Тейрана с варварами, которых пытался расселить на границах Боспора, предыдущий царь Савромат. В это время пострадало практически все Крымское Приазовье[5]. Второй раз городище было взято штурмом в период дестабилизации обстановки в Северном Причерноморье в конце первой четверти IV в. н.э. Теперь врагами Боспора выступили меотийцы, которые во главе со своим вождем Равсимодом напали на Боспор, а затем ушли грабить дунайские провинции империи. В это же время угроза могла исходить и с запада, от варваров, живших в Предгорном Крыму на бывших землях Боспора[6].

В этой связи огромный интерес представляют многочисленные находки ядер от пращи, которые встречаются, как возле разрушенных оборонительных

---

[1] *Зубарев В.Г.* Городище «Белинское» в системе фортификации Европейского Боспора в I-II вв. н.э. // Боспорские чтения. Керчь, 2008. Вып. IX. С. 116-122.

[2] *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Противотаранный пояс оборонительных сооружений городища Белинское // Древнее Причерноморье. Вып. X. Одесса, 2013. С. 250.

[3] *Зубарев В.Г., Седых Е.Е.* Городище «Белинское» во II – первой половине III вв. н.э. // Боспорские чтения. Вып. XIII. Керчь, 2012. С. 167.

[4] Монета, чеканенная незадолго до 267 г., была найдена на некрополе (*Зубарев В.Г., Леонтьева В.А., Пономарев Д.Ю.* Некоторые вопросы истории Европейского Боспора во второй половине III в. н.э. (по материалам раскопок склепа № 19 некрополя городища «Белинское») // Боспорские чтения. Вып. XIV. Керчь, 2013. С. 204-212), монета чеканенная после 267 г., была найдена на городище в основании кладки фундамента стены (*Зубарев В.Г., Куликов А.В.* Монетные находки с городища «Белинское» // Древности Боспора. Вып. 15. М., 2011. С. 180). Это означает, что городище было разгромлено позже 267 г.

[5] *Зубарев В.Г.* К вопросу о периодах дестабилизации на Боспоре во второй половине III – начале V вв. н.э. // Боспорские чтения. Вып. VI. Керчь, 2005. С. 125-126; *Зубарев В.Г.* Из истории Боспорского царства во второй половине III – начале V вв. н.э. // Боспорские исследования. Вып. XI. Симферополь, 2006. С. 190; *Ярцев С.В.* Война «Боспорских скифов» с римлянами 276 г. (новая интерпретация неоднозначных событий) // Боспорские чтения. Вып. IX. Керчь, 2008. С. 319-323; *Ярцев С.В.* Последний морской поход меотийских варваров // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXII. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. С. 69-85; *Зубарев В.Г., Леонтьева В.А., Пономарев Д.Ю.* Ук. соч. С. 209.

[6] *Зубарев В.Г.* Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у села «Белинское» // Древности Боспора. Вып. 5. М., 2002. С. 123-124; *Зубарев В.Г.* К вопросу о западной границе Боспора во второй половине IV – начале V в. н.э. // Боспорский феномен. СПб., 2011. С. 246; *Ярцев С.В.* Херсонес и Боспор в эпоху Константина Великого // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 1(39). М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2013. С. 25-43

стен Белинского городища, так и на территории самого поселения, в развалинах помещений[1]. Такие ядра, безусловно, являются ярким свидетельством военных действий под стенами городища и на его улицах, являясь ценным источником по военной истории Боспорского царства. Однако не совсем понятно, кто использовал это оружие: нападающие на городище или же обороняющие его крепостные стены? Проблема состоит в том, что, судя по Т-образным кавказским склепам II-III вв. н.э. на некрополе городища, первый его период (II-первая половина III вв. н.э.), однозначно связывается с выходцами из аланской воинской среды[2]. Однако в работах по военному делу сармато-алан праща не упоминается совсем, что не удивительно, ведь речь идет о кочевниках и конном войске[3]. Даже в Риме, возможно, ввиду постепенного увеличения роли и веса тяжелой пехоты в римском войске, этот вид боевого искусства постепенно атрофируется и, к примеру, Полибий (VI, 19-42), описывая набор, состав и вооружение собственно римских легионов, пращу не упоминает вовсе, говоря, что легковооруженные (велиты) имели лишь дротики и мечи. Видимо, как минимум уже в то время, контингент пращников начинает комплектоваться либо союзниками, либо наемниками[4].

Похоже, что в римской армии пращу использовали в основном варварские контингенты. Так, у Помпея в 49-48 гг. до н.э. были фракийские пращники (App. Bel. Civ., II, 49). В Иудейской войне (66-73 гг.) использовались сирийские пращники (Jos. Bel. Jud., III, 7, 18). На колонне Траяна, посвященной захвату Дакии (106-107 гг.) изображенный пращник римского войска, по мнению Д.А. Скобелева, тоже не римлянин, а варвар. Диаметр снаряда, зажатого в праще этого пращника, около 7,5 см (тех, что в изгибе праща – около 5 см). Это тот размер, о котором писал Ксенофонт, сообщая, что персы «употребляют камни в обхват рукой» (Anab., III, 3, 17). Подобными ядрами пользовались и германцы, и хорезмийцы, и армяне, и греки и многие другие народы. Следовательно, этот вес снаряда для пращи является наиболее приемлемым, ведь он был принят различными народами, независимо друг от друга[5]. Надо сказать, что это вполне соответствует каменным ядрам от пращи из раскопок Белинского городища, ведь все они каменные и размером 3,0-7,5 см. При этом, заметим, что на городище не были встречены глиняные или свинцовые ядра, которые нередко также применялись римлянами (Veget. I, 16; II, 23).

В этой связи, можно предположить, что данным метательным оружием в основном пользовались нападающие на Белинское городище варвары. При этом заметим, что Вегеций в своем трактате «О военном деле» (390-410 гг.) упомина-

---

[1] *Зубарев В.Г.* Некоторые вопросы позднеантичной истории ... С. 123.
[2] *Зубарев В.Г.* К вопросу об этническом составе жителей сельских поселений Европейского Боспора в III-IV вв. н.э. (по материалам городища Белинское и его некрополя) // Боспорские чтения. Вып. X. Керчь, 2009. С. 175-181.
[3] *Нефёдкин А.К.* Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н.э. – V в. н.э. СПб., 2004; *Симоненко А.В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб., 2009.
[4] *Скобелев Д.А.* Праща: Снаряды и способы метания в античности // Para bellum. СПб., 2001. С. 75-96.
[5] Там же. С. 75-96.

ет особый тип пращи, появившийся в позднеантичное время (Veget. I, 16; II, 17). Ее устройство состояло в том, что один конец ременной пращи крепился к палке, а второй, который должен был отпускаться (слетать) в момент броска, либо, имея кольцо (петлю), одевался на противоположный рукоятке конец, либо удерживался как-то иначе. Праща-бич держалась двумя руками. Техника метания заключалась в броске, который осуществлялся замахом из-за спины[1]. Ядро, брошенное такой пращей, летело далеко и могло легко поразить живую силу противника. Если допустить, что именно таким оружием пользовались нападающие на Белинское городище варвары, то можно себе представить всю его важность во время штурма, в момент, например, когда надо было с минимальными потерями подвести к оборонительным стенам осадные орудия.

Учитывая, что последующие периоды Белинского городища связаны с германским этническим компонентом[2], было бы логичным связать применение пращи на городище именно с ним. Вообще Тацит упоминает использование пращи варварами в битве на Рейне в 69 г. (Tacit. Hist., V, 17). Однако больше, на этот счет сведений у нас нет. Известный исследователь этого воинского искусства Д.А. Скобелев, решая вопрос о применении германцами пращи, обратил внимание на рельеф на колонне императора Марка Аврелия, рассказывающий о походе римлян под его руководством против германских племен квадов и маркоманов в 70-е гг. II в. Здесь были изображены, в частности, германские пращники в длинных, до щиколотки, штанах, обстреливающие навесным огнем римлян на другом берегу реки. Запас снарядов они держат в изгибе праща, как и пращник с колонны Траяна. Ядра шаровидной формы имеют в диаметре около 7-7,2 см, если принять рост мечущих их германцев равным 180 см (5,8-6 см при 170 см. роста). По размерам и весу они весьма сходны с ассирийскими, персидскими, хорезмскими и прочими снарядами[3]. Напоминают они и пращу с Белинского городища, что косвенно может подтверждать наш вывод об использовании этого оружия, в первую очередь, именно нападающей стороной.

SLING BULLETS AS THE SOURCE OF THE BOSPORIAN MILITARY HISTORY (BY THE EXAMPLE OF HILLFORT BELINSKOE'S EXCAVATIONS)

A.A. Chernikova (Tula)

[1] *Скобелев Д.А.* Праща Происхождение, устройство, материалы // Para bellum № 10. СПб., 2000. С. 54.

[2] *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* К вопросу о расселении приазовских германцев в Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры Вып. XVII. М., Магнитогорск; Новосибирск, 2007. С.329-338; *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* К вопросу о религиозной жизни и этнической идентификации варваров Северного Приазовья и Крыма позднеантичного периода // Боспорские исследования. Вып. XIX. Симферополь; Керчь, 2008. С.113-128; *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* К вопросу об этнической принадлежности позднеантичного населения городища «Белинское» // Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований: Материалы III Всерос. науч.-практ. конф.. В 5 т. Т.3. Тула, 2008. С. 17-26; *Ярцев С.В.* Некоторые вопросы сакральной защиты городища Белинское в позднеантичный период // Древнее Причерноморье. Вып. IX. Одесса, 2011. С. 505-511; *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Ритуальные захоронения в сакральной практике жителей городища Белинское // Боспорские исследования. Вып. XXVI. Симферополь; Керчь, 2012. С. 275-289.

[3] *Скобелев Д.А.* Праща. Снаряды ... С. 75-96.

In the article the problem of using the sling in the military operations at Bosporian Kingdom's western borders in the first centuries A.D. is observed. On the basis of the hillfort Belinskoe's excavations it is concluded that this kind of weapons was used in most cases by the attacking troops, above all by Germans.

Key words: sling, Roman Empire, Bosporian Kingdom, barbarians, Germans.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У САРМАТО-АЛАН В ПЕРВЫХ ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

С.В. Ярцев (Тула)

Статья посвящена сложному процессу изменения религиозных представлений у сармато-алан в первые века нашей эры. На основании тщательного анализа письменных и археологических источников автор приходит к выводу об усилении хтонической составляющей традиционных индоиранских верований в указанное время.

Ключевые слова: сарматы, аланы, хтонические культы, женское божество, фарн, сарматские зеркала.

Чередование в первых веках н.э. на обширных пространствах степной Евразии микроплювиальных и микроаридных периодов периодически меняло ландшафтные и метеорологические условия проживания сарматских племен[1]. Это приводило не только к изменениям маршрутов, сроков сезонных перекочевок и региональным и глобальным миграциям[2], но и к трансформациям традиционных верований и культов кочевников. Увеличение индивидуальных подкурганных погребений, узких прямоугольных ям, подбойных могил, появление аланского типа склепов и многие другие характерные особенности позднесарматской культуры, сменившей с конца II в. н.э. на степных просторах от Урала до Дона среднесарматскую общность не могли сформироваться без изменений в религиозном сознании сарматских племен.

К сожалению, почти полное отсутствие письменных источников не позволяет нам надежно интерпретировать духовную жизнь сарматских племен данного времени. Поэтому очень сложно определить, в какой степени они подверглись трансформации. Судя по изображению «мирового древа» на сарматских

---

[1] Известно, что «позднесарматский микроплювиал» II-IV вв. н.э., с максимумом увлажненности в III-IV вв. стал причиной исхода населения из Приуралья в степи Волго-Донского междуречья, где во второй половине II – первой половине III в. н.э. установился более засушливый климат (*Берлизов Н.Е.* О влиянии климатических изменений в Южнорусских степях на расселение савромато-сарматских племен // Интеграция науки и высшего образования в социально-культурной сфере / Приложение к журналу «Культурная жизнь Юга России. Вып. 2. Краснодар, 2004. С. 333-335; *Дёмкин В.А., Золотарева Б.Н., Дёмкина Т.С., Хомутова Т.Э., Ельцов М.В., Удальцов С.Н., Кузнецова Т.В., Каширская Н.Н.* Подкурганные палеопочвы как индикаторы динамики увлажненности климата нижневолжских степей в сарматскую эпоху (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) // Проблемы эволюции биосферы / Серия «Геобиологические процессы в прошлом» М., 2013. С. 293-294).

[2] *Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Алексеев А.О., Хомутова Т.Э., Золотарёва Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Алексеева Т.В., Борисов А.В., Дёмкина Е.В., Журавлёв А.Н.* Палеопочвы и климат степей Нижнего Поволжья в I-IV в. н.э. Пущино, 2009. С. 84-85.

диадемах[1], данная концепция, известная у многих народов, изначально лежала в основе космогонического мифа кочевников. В пользу этого свидетельствует и ее присутствие в нартовском эпосе, ядро которого сформировалось еще в аланской среде[2] (в виде противопоставления «Древа жизни» и Древа смерти», за листьями которого отправился в страну мертвых солнечный герой Сослан)[3]. С другими, известными нам сарматскими представлениями и культами, дело обстоит сложнее. Так, обряды скальпирования аланами черепов у врагов, поклонения мечу и гадания с помощью ивовых прутьев, о которых подробно рассказал Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXXI. II, 12-25), явно были заимствованы им из «скифского логоса» Геродота[4] (Herod. IV. 62, 64, 67). Конечно, если учитывать, что сарматы были тесно связаны с сако-массагетским миром, даже больше чем со скифским[5], можно допустить, что особенности религии сарматских племен были свойственны всей индоиранской общности[6]. Косвенно на это указывает то обстоятельство, что независимый анонимный источник Псевдо-Арриан назвал Феодосию «на аланском или таврском наречии... Ардабда, т.е. Семибожный» (Ps.-Arr., PPE, 77-78). Если действительно культ семи богов продолжал занимать у сармато-алан центральное место, как и в предыдущее время у скифов[7] (Herod. IV.59), можно предположить, что возглавляло сарматский пантеон традиционное скифское женское божество Табити[8]. Наличие у сармат представлений, связанных с «мировым древом» – символом великой богини[9] – косвенно свидетельствует в пользу этого предположения. Не противоречит такому выводу и довольно любопытный варварский сюжет (сидящая на троне богиня, слева от нее – «мировое древо», справа – приближающийся всадник) из пантикапейского склепа I в. н.э. («склепа Анфестерия»). С.А. Яценко обратил внимание на детальную схожесть этой росписи с изображением на скифской пластине женской диадемы IV в. до н.э. и рельефом из средневекового аланского склепа на р. Кривой в Прикубанье (X-XII вв.). В целом же данный сюжет хорошо известен в скифо-

---

[1] *Гугуев В.К.* Кобяковский курган (к вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. до н.э. – II в. н.э.) // ВДИ. 1992. №4. С. 117-119; *Прохорова Т.А.* Некоторые аспекты идеологии сармато-ал (по материалам кургана 10 Кобяковского могильника) // ВДИ №4. 1994. С. 174-179.

[2] *Абаев В.И.* Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского НИИ. Дзауджикау, 1945. Т.10. Вып. 1. С. 8.

[3] Сказания о нартах. Осетинский эпос. М., 1978. С. 50, 214.

[4] *Балахванцев А.С.* Сарматы I-IV вв. н.э. по данным античных авторов // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. М., 2009. С. 14.

[5] *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М., 1964. С. 251.

[6] *Русанова И.П.* Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. Черновцы, 2002. С. 143.

[7] *Абаев В.И.* Культ семи богов у скифов // Древний мир. М., 1962. С. 446-450.

[8] *Мошкова М.Г.* Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. С. 210.

[9] *Мачинский Д.А.* Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока. Л., 1978. С. 135; *Шауб И.Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII-IV вв. до н.э.). СПб., 2007. С. 103.

сарматском мире от Северного Причерноморья до Алтая[1]. Учитывая, что его иконография сохранялась у индоиранцев не менее полутора тысячелетий, можно допустить, что она, так или иначе, была связана с богиней огня и домашнего очага Табити и ее «священным браком» с солярным героем и первоцарем Колаксаем[2].

Однако если во времена Геродота Табити представлялась, в первую очередь, богиней огня во всех его проявлениях, в том числе, небесного и солярного[3], которому и приносили в жертву лошадей[4], то в сармато-аланский период верховное женское божество все более стало соотноситься с заупокойным культом и культом предков[5]. Похоже, что и религиозная основа обряда захоронения коней в позднесарматской культуре также подверглась трансформации. При безусловном сохранении связи с солнцем и с великой богиней[6], культ этого благородного животного начинает отдаляться от традиционных представлений о посреднической функции коня между миром живых и миром мертвых.

Видимо, в новых условиях необходимость отправки коня вместе с умершим в потусторонний мир, стала диктоваться, в первую очередь, желанием родственников обеспечить умершего знатного сородича престижным животным, без которого он, на том свете, не смог бы вести жизнь настоящего воина и поддерживать свой высокий статус[7].

---

[1] Там же С 188.

[2] *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977. С. 94-109; *Яценко С.А.* О сармато-аланском сюжете росписи в пантикапейском «склепе Анфестерия» // ВДИ. №3. 1995. С. 188-191.

[3] *Раевский Д.С.* Ук. соч. С. 92.

[4] Культ коня хорошо известен у многих народов (*Кузьмина Е.Е.* Конь в религии и искусстве скифов и саков // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 96-119). Например, массагеты «из богов чтут только солнце, которому и приносят в жертву лошадей. Смысл этой жертвы тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное» (Herod. I.216); «богом они почитают только солнце, и ему приносят в жертву коней» (Strabo. IX. VIII, 6). Археологические источники подтверждают, что конь являлся одним из самых ценных жертвенных животных у кочевников. Конское мясо занимает второе место после мяса овцы в качестве заупокойной пищи в погребениях кочевников (*Очир-Горяева М.А.* Предметы конской узды и конь в погребальном обряде кочевников Евразии в скифскую эпоху // Боспорский феномен. СПб., 2002. Т. II. С. 140).

[5] *Яценко С.А.* Ук. соч. С. 191.

[6] Считается, что лошадь была заместителем образа великой женской богини (*Мачинский Д.А.* Ук. соч. С. 135). Такие представления прослеживаются у многих народов (*Широкова Н.С.* Мифы кельтских народов. М., 2005. С. 132-155), но видимо у кочевников данная традиция приобрела особую актуальность. Дело в том, что только богиня-мать обеспечивающая плодородие и изобилие своему народу могла защитить главное богатство кочевников – стада и способствовать их приумножению.

[7] Солнечная символика лошади никогда не мешала ей играть роль демона, связанного с загробным миром. Путешествуя по небу, солнце проходило через подземный, потусторонний мир, что позволяло небесному скакуну – лошади быть проводником душ в царство мертвых (*Широкова Н.С.* Ук. соч. С. 135). Однако жертвоприношение коней в позднесарматское время все чаще стало заменяться размещением в могиле конской упряжи (*Симоненко А.В., Зубарь В.М.* О снаряжении боевых коней в первые века н.э. на территории Северного Причерноморья // Золото, конь и человек. Киев, 2012. С. 93). Такие уздечный наборы, скорее всего, были связаны с «посвященными» конями, которые только после естественной смерти должны были попасть в потусторонний мир к своему хозяину (*Нестеров С.П.* Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск,

Из осетинского героического эпоса нам известно, что Сослан (аналог скифского Колаксая) совершил путешествие в иной мир, где был принят богиней и получил от нее дары[1]. Богиня из росписи «склепа Анфестерия», действительно причащает главного героя питьем, однако сидит она при этом на символе власти – троне. Видимо, не случайно еще в скифские времена ее называли «царицей» (Herod. IV.127), а клятва царским очагами считалась наивысшей (Herod. IV.68). По нашему мнению, речь в сюжете из росписи «склепа Анфестерия», помимо прочего, может идти о каком-то варианте дара мужскому персонажу царской власти[2] и необходимом элементе ее получения – питье священного напитка[3]. С подобными представлениями о фарне как о светящейся жизненной силе, передающейся человеку[4] и придающей сакральной характер царской власти, индоиранцы были знакомы уже давно[5]. Однако в первых веках нашей эры этот культ, похоже, трансформировался в сторону более широкой и многогранной божественной благодати[6]. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует массовое распространение обряда искусственной деформации головы в позднесарматское время[7].

По-видимому, для подтверждения своей богоизбранности каждый сармат знатного рода должен был иметь ту или иную степень деформации головы. Именно на такую причину этого обряда указывал еще Псевдо-Гиппократ в сочинении «О воздухе, водах и местностях», объясняя, что самыми благородными из варваров считались те, у кого «самая длинная голова» (Ps.-Hipp. 21). Греческий софист II в. н.э. Зенобий уточнял, что «сираки дают царский венец самому рослому или, по словам некоторых, имеющему самую длинную голову» (Zen. V. 25). Хорошо известно, что высокий социальный статус у многих народов определялся степенью деформации головы, а позднесарматское общество в этом

1990. С. 59-63; *Очир-Горяева М.А.* Ук. соч. С. 140). Следовательно, в таких случаях, конь не являлся проводником души в царство мертвых, во всяком случае, сразу после погребения.

[1] В древнейших пластах алано-осетинского эпоса имя богини огня было запретным. Она фигурирует как на Небесной равнине, так и в нижнем потустороннем мире, тесно связана с мотивом «священного брака», а также с лошадью и собакой. Приходящим к ней мужчинам, в первую очередь, она дает огонь, а из ее рта выпадают горячие угольки. Основные ее атрибуты – столик с неубывающей едой и войлочная плеть, способная превращать людей в животных и оживлять мертвецов (Нарты. Осетинский героический эпос. М., 1989. Т.2. С. 439-441; *Яценко С.А.* Ук. соч. С. 191).

[2] *Ростовцев М.И.* Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49. 1913. С. 6 сл.; *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977. С. 95 сл.

[3] Известно много изображений на золотых бляшках с сидящей на троне богиней и почти всегда стоящим перед ней и пьющим из сосуда, мужского персонажа (*Шауб И.Б.* Ук. соч. С. 127).

[4] *Duchesne Guillemin J.* Fire in Iran and in Greece // East and West. Vol. 13. P. 203.

[5] *Шауб И.Б.* Ук. соч. С. 123.

[6] *Топоров В.Н.* Фарн // Мифы народов мира. Т.2. М., 1982. С. 557.

[7] *Мошкова М.Г.* Анализ сарматских погребальных памятников II-IV вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура. М., 2009. С. 93; *Кривошеев М.В., Скрипкин А.С.* Формирование и развитие позднесарматской культуры в Нижнем Поволжье (по данным погребального обряда) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Ростов-на-Дону, 2011. С. 149.

смысле отличалось особой исключительностью из-за своей военизированности[1]. Учитывая, что упомянутые выше предметы с изображениями богини как подательницы власти всегда происходили с головного убора, И.Ю. Шауб пришел к справедливому выводу, что фарн еще со скифских времен ассоциировался не только с великой богиней и питьем священной жидкости, но и с головой человека, которая представлялась вместилищем особой магической силы[2]. Деформация головы в первых веках нашей эры, по всей вероятности, стала демонстрировать принадлежность человека к особой группе людей (социальной или профессиональной)[3], имеющей сакральную основу происхождения своего высокого статуса. Именно широкое распространение этого обряда в первых веках нашей эры и изменение в представлениях о сакрализации царской власти могли вызвать отмирание древней иранской традиции, ассоциирующей фарн с образом животных, и в первую очередь, с бараном[4]. Не исключено, что указанную функцию барана взял на себя конь, который в иранской традиции также считался воплощением фарна[5], а в новых условиях превратился в самое престижное отображение высокого социального статуса человека в обществе[6].

Таким образом, трансформация сакральных функций великой богини от подательницы власти царю до наделения божественной благодатью широкого круга знати[7] говорит не только о воинственности позднего сарматского общества, но и об усилении хтонической сущности традиционных индоиранских верований в первые века нашей эры. Такой вывод лежит в рамках хорошо проработанной связи верховного женского божества с загробным миром, которая является основополагающей для этого культа[8]. В пользу данной гипотезы свидетельствует и широкое распространение в интересующее нас время на сарматских могильниках от Южного Приуралья до Северо-Западного Причерноморья специальных сооружений, связанных с почитанием предков и заупокойными культами. Они представляют собой круглое или прямоугольно-квадратное пространство, ограниченное валом или ровиком[9]. В то же время в погребальном

---

[1] Это проявляется, например, по половозрелому перекосу (резкое преобладание, безусловно, знатных мужчин-воинов (71,7 %) над женщинами (28,3%)), почти полному отсутствию детских захоронений и т.д. (*Балабанова М.А.* Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. №4. С. 110-111).

[2] *Шауб И.Ю.* Ук. соч. С. 128.

[3] *Балабанова М.А.* Ук. соч. С. 111.

[4] В позднеримское время сосуды в виде баранов и другие изображения этого животного из сармато-аланских захоронений довольно редки и встречаются лишь эпизодически (*Храпунов И.Н.* Керамические сосуды в виде баранов из могильника Нейзац // РА. 2007. №1. С. 167-175).

[5] *Кузьмина Е.Е.* О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // СА. 1976. №3. С. 59.

[6] *Симоненко А.В., Зубарь В.М.* Ук. соч. С. 93.

[7] «Все они [аланы] благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах» (Amm. Marc. XXXI. II, 25).

[8] Это заложено в самой основе образа богини-земли, покровительницы плодородия и матери всего живого (*Шауб И.Ю.* Ук. соч. С. 80-123).

[9] Погребальные памятники с квадратными, прямоугольными или круглыми ровиками появляются на Нижнем Дону и в Северо-Западном Причерноморье во 2-й пол. II – сер. III в. н.э., а на реке Воронеж

обряде формируемой аланской культуры появляются курганы с довольно четко выраженной сакральной границей (в виде ровиков) и подкурганные Т-образные катакомбы с коротким и узким дромосом[1]. Последние создавали серьезные трудности при выкапывании погребальных камер и при внесении умерших людей и иногда жертвенных животных (лошадей). Поэтому люди при создании таких неудобных, жестко унифицированных погребальных конструкций, в первую очередь, руководствовались идеологическими представлениями о существовании границы между миром живых и миром мертвых[2]. Скорее всего, узкий дромос указанных склепов и являлся своеобразными воротами в потусторонний мир. Видимо, не так далек от истины был ритор IV-V вв. Виктор (Клавдий Марий), упомянувший в пересказе книги Бытия культ мертвых у алан: «дело тем более дурное, что имеет видимость добродетели, ибо изначально все народы посвящали себя этой бесконечной скверне, совершая приношения духам умерших, чему ныне свидетельством аланы; каждый из них вместо богов почитал своих предков» (Mar. Vic. Aleth. 3, 189-193)[3]. Не исключено, что и увеличение количества ориентировки погребенных головой на север в позднесарматской культуре[4] могло быть также связано с изменениями представлений о смерти, которая теперь, как и у германцев[5], устойчиво ассоциировалась с этой стороной света.

Если данная гипотеза верна, то и другие особенности погребального обряда сармато-алан интересующего нас времени, безусловно, также должны отражать усиление в религии кочевников хтонического начала. В этой связи отметим, что при сохранении в той или иной степени древней традиции применения в погребальной практике курильниц (правда теперь квадратной формы, вместо круглой), кремня[6], мела или меловой подсыпки[7], кусочков угля и напутственной

- не позже I в. н.э. Они были связаны с культом огня (выявлены остатки кострищ и ям со следами пережженной земли, золы и угля, которые, впрочем, не всегда имели отношение к культовым сооружениям) или проведением ритуальных трапез (*Мошкова М.Г.* Культовые сооружения Лебеде ского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 196-201; *Она ж* Анализ сарматских погребальных памятников ... С. 91; *Русанова И.П.* Ук. соч. С. 144-147; *Медведе А.П.* Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008. С. 52-53). Истоки таких святилищ уводят нас в древн традиции племен Средней Азии (*Русанова И.П.* Ук. соч. С. 145-146; *Медведев А.П.* Ук. соч. С. 5 или Центральной Европы (*Симоненко А.В.* Еще раз о рвах в погребальном обряде сарматов // Стар житності I тисячоліття нашої ери на территориії Україні. Київ, 2003. С. 148-157).

[1] *Габуев Т.А., Малашев В.Ю.* Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М 2009. С. 155-156.

[2] *Храпунов И.Н.* Сарматизация Предгорного Крыма (до середины III в. н.э.) // МАИЭТ. 2003. Вып. С. 51-52. Прим. 2.

[3] Ценность этого сообщения повышается, в связи с полным отсутствием данной информации в каких-либо предшествующих источниках (*Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменны источниках. М., 2003. С. 81-82).

[4] *Мошкова М.Г.* Хозяйство ... С. 192; *Кривошеев М.В., Скрипкин А.С.* Ук. соч. С. 146, 148.

[5] Языческие божества Западной Европы / Под. ред. К. Королева. М.; СПб., 2005. С. 429, 438.

[6] *Кривошеев М.В., Скрипкин А.С.* Ук. соч. 151-152.

[7] Использование мела в погребальном обряде достаточно древний обычай, связанный или с культо огня (*Дзиговский А.Н.* Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса, 2003. С. 39 или с обрядом ритуального очищения погребального сооружения (*Медведев А.П.* Ук. соч. С. 55).

пищи (кости барана, реже лошади)[1], некоторые из категорий погребального инвентаря в первые века нашей эры довольно резко меняют вид и характер своего использования. Речь идет о появлении новых зеркал-подвесок с боковой петлей, генетически связанных с сарматскими зеркалами предыдущего времени. Наиболее ранние подобные изделия, представленные неорнаментированными находками с коническим выступом в центре, получают известность в Северном Причерноморье еще в первой половине I в. н.э. Зеркала с орнаментом на обратной поверхности появляются приблизительно в конце I или в начале II в. н.э. и широко распространяются во II-III вв.[2], иногда встречаясь даже в более позднее время[3].

На связь зеркал с магией и колдовством, помимо помещения их в могилы, указывают и многочисленные изображения богини Табити с зеркалом в руках[4]. Это не противоречит тому, что приблизительно со II в. н.э. на указанных зеркалах появляется знак, состоящий из крестообразно расположенных «птичьих лапок»[5], хорошо известный на готских могильниках[6]. В Северной Европе, судя по неразрывной связи с некрополями и погребениями, он имел прямое отношение к магии и явно выполнял посреднические функции между миром живых и миром мертвых. Несмотря на критические замечания, что одинаковые знаки могли иметь у различных народов независимое происхождение и, соответственно, разное значение[7], здесь мы не можем полностью исключить элемент чистого заимствования. На эти мысли наводит то, что нам известно мало вариантов северного знака на сарматских зеркалах в чистом виде, гораздо большее распространение у сармат получает уже свой степной комбинированный вариант креста из «птичьих лапок» и солярной «свастики»[8]. В пользу этой гипотезы может свидетельствовать и хронология, позволяющая утверждать, что именно Северное Причерноморье явилось тем районом, где и сформировались зеркала нового орнаментированного типа[9]. Таким образом, принимая во внимание магическую нагрузку указанного хтонического знака, очевидно, что размещение его именно на сар-

---

[1] *Мошкова М.Г.* Хозяйство ... С. 192-193.

[2] *Хазанов А.М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. №4. С. 65, 67; *Абрамова М.П.* Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 121-132; *Скрипкин А.С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 48; *Труфанов А.А.* Зеркала-подвески первых веков н.э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 173; *Вагнер Е.В.* История изучения сарматских бронзовых зеркал // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Волгоград, 2012. №1(21). С. 171-172.

[3] *Дзиговский А.Н.* ... С. 183

[4] *Шауб И.Ю.* Ук. соч. С. 248; *Фиалко Е.Е.* Зеркала в обрядах скифов // БИ. 2011. Вып. XXV. С. 79-94; *Вагнер Е.В.* Ук. соч. С. 173-175.

[5] *Труфанов А.А.* Ук. соч. С. 178-180.

[6] *Щукин М.Б.* Ук. соч. С. 32. Рис. 3.

[7] *Соболева Н.А.* Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета. М., 2006. С. 15-66; *Сергеева М.С.* Перекрещенный круг («колесо со спицами») как символ // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 33.

[8] *Труфанов А.А.* Ук. соч. С. 178-180.

[9] Там же. С. 180.

матских зеркалах не являлось простой случайностью[1]. Можно согласиться с утверждением, что эти предметы воспринимались как окна в потусторонний мир[2], через которые в момент смерти людей уходили их души[3]. Вот почему для безопасности нужно было срочно избавиться от зеркала умершего человека, лучше всего поместив его вместе с ним в могилу, причем нередко предварительно испортив[4]. Видимо, это и есть суть тех представлений, которые лежали в основе религиозно-магического значения зеркал[5].

Таким образом, анализ письменных и археологических источников погребального обряда сармато-алан в первые вв. н.э. позволяет говорить о трансформации религиозных представлений в сторону усиления хтонической составляющей традиционных индоиранских верований и широкого распространения магии и колдовства. Причины этих изменений, безусловно, были связаны с климатическими изменениями и глобальными миграциями на просторах Евразии.

THE TRANSFORMATION OF SARMATIAN-ALANI RELIGIOUS BELIEFS IN THE FIRST CENTURIES ANNO DOMINI

S.V. Yartzev (Tula)

The article is devoted to the complicated process of Sarmatian-Alani religious beliefs changes in the first centuries of Anno Domini. On the basis of the detailed analysis of written and archeological sources the author comes to the conclusion about the strengthening of chthonic component in the traditional Indo-Iranian beliefs of the above mentioned times.

Key words: Samaritans, Alani, chthonic cults, woman goddess, Sarmatian mirrors.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГОНЧАРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОИЗВОДСТВЕ АМФОРНОЙ ТАРЫ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (по материалам хазарского времени многослойного поселения Тиритака)[6]

Е.В. Суханов

---

[1] Если это так, то и расположенный в центре на орнаментированных зеркалах раннего типа круг или четырехугольник (*Труфанов А.А.* Ук. соч. С. 176-177), также ассоциировался с сакральным местом некрополя, ведь он, скорее всего, изображал круглое или прямоугольно-квадратное пространство, ограниченное валом или ровиком на сарматских могилах.

[2] *Толстая С.М.* Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 114

[3] Это подтверждают и многочисленные этнографические наблюдения. У многих народов сущест традиция завешивать тканью все зеркала, если в доме покойник, чтобы не умножить смерть, душа живого человека может быть унесена в потусторонний мир ушедшей по ту сторону зер душой умершего (*Гаджиев Г.А.* Пережитки древних представлений в похоронно-погребальных рядах лезгин // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980. С. 42, ***Фиалко Е.Е.*** Ук. соч 81).

[4] *Медведев А.П.* Ук. соч. С. 56; ***Фиалко Е.Е.*** Ук. соч С. 81-85.

[5] *Вагнер Е.В.* Ук. соч. С. 173-174; ***Фиалко Е.Е.*** Ук. соч. С. 81. Скорее всего, амулеты в виде кус зеркала (при условии, что целое оно принадлежало умершему человеку) использовались для вы души с того света с целью гадания, а не для поисков близкого человека в загробном мире (*Кубе В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. С. 160).

[6] Работа выполнена при поддержке Внутривузовского гранта НИУ «БелГУ» ВКАС-62-13.

Статья посвящена анализу профилировки ручек причерноморских амфор VIII-X вв. Использование статистико-комбинаторных методов исследования позволило выяснить, что в профилировке амфорных ручек прослеживается четыре гончарные традиции, которые являются отражением региональных особенностей производства амфорной тары. В порядке предположения автором выдвигается тезис о принадлежности одной из гончарных традиций профилировки ручек к центрам Юго-Восточной Таврики, которая в последующем появляется в Херсонесе.

История изучения производства раннесредневековой амфорной тары Северного Причерноморья насчитывает более 60 лет. Однако, ряд вопросов, связанных с бытованием амфорной тары VIII-X вв., остается не решенным, в частности ее типология и хронология. К сожалению, из разработанных на сегодняшний день классификаций причерноморских амфор, большинство является локальными и построены на материалах нескольких комплексов в отдельно взятом регионе.[1] Типология А.Л. Якобсона,[2] несмотря на ее универсальность, к сегодняшнему дню заметно устарела, поскольку за последние 40 лет в научный оборот были введены новые морфологические варианты причерноморских амфор. Некоторые недостатки в использовании имеют и херсонесские классификации 1971 и 1995 гг. (ХК-71, ХК-75), первая из которых является довольно устаревшей, а вторая содержит достаточно слабое хронологическое обоснование датировок тех или иных типов. Классификация А.В. Сазанова[3] объединяет представления о хронологии средневековых амфор, однако, большинство датировок в ней обусловлены вышеупомянутой ХК-95. Следует отметить, что при разработке классификаций традиционным является игнорирование исследователями профилировки амфорных ручек, что с нашей точки зрения является серьезным недостатком любых хронологических разработок амфор «причерноморского» типа. Не решенной остается и проблема привязки конкретных находок амфор или их фрагментов к центрам производства, которых на сегодняшний день насчитывается около 30, 18 из них подвергались раскопкам[4].

В настоящей работе предпринимается попытка проследить региональные гончарные традиции в амфорном производстве на территории Крыма в хазарское время на основе анализа профилировки амфорных ручек. Корреляционному анализу были подвергнуты 400 профилей амфорных ручек из раскопок слоя VIII-X вв. Тиритаки (материалы опубликованы)[5]. После первоначального осмотра исследуемого материала, был составлен список морфологических признаков: 1. Закругленные ребра; 2. Заостренные ребра; 3. Два разных ребра (одно закруг-

---

[1] См.: *Чхаидзе В.Н.* Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 2008. С. 144-161; *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Гончарная керамика VIII-X веков с сельской округи Боспора // АИБ. Т.3. Керчь, 1999. С. 190-205; *Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. К., 2004. С. 184-185; *Hayes J.* The Pottery / Excavations at Sarachane in Istanbul. V.2. Princeton, 1992. P. 61-77.

[2] *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 29-32.

[3] *Sazanov A.* Les amphores de l'antique tardive et du moyen age: continuite ou rupture? Le cas de la mer noire // La ceramique mediavale en Mediterranee. Actes du 6-e congres. Aix-en-Provence, 1997. P. 87-102.

[4] См.: *Чхаидзе В.Н.* Средневековые амфоры VIII-XIV вв. (история изучения) // РА. № 2. 2005. С. 66-74.

[5] *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Киев, 2009. 328 с.

ленное, одно заостренное); 4. Выпуклость верхней части ручки; 5. Выемчатость верхней части ручки; 6. Ассиметрия верхней части ручки; 7. Выпуклость нижней части ручки; 8. Выемчатость нижней части ручки; 9. Ассиметрия нижней части ручки; 10. Продольный валик. С целью уточнения порядка расположения столбцов в корреляционной таблице, нами был использован метод высчитывания коэффициентов ассоциации между признаками.[1] Ниже прилагается переработанный вариант корреляционной таблицы, расположение признаков в которой приводится исходя из их изначальной нумерации.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Группа I										
Тип 1	+				+		+			+
Тип 2	+					+	+			+
Тип 3	+					+	+			
Тип 4	+			+			+			
Тип 5	+			+			+			+
Группа II										
Тип 1			+		+		+			+
Тип 2			+		+				+	+
Тип 3			+		+			+		+
Тип 4		+			+			+		+
Тип 5		+			+				+	+
Тип 6		+				+			+	+
Тип 7		+				+		+		+
Группа III										
Тип 1		+			+		+			+
Тип 2	+				+			+		+
Тип 3		+		+			+			+
Тип 4			+	+			+			+
Тип 5			+			+	+			+
Тип 6			+			+	+			
Тип 7		+				+	+			
Группа IV										
Тип 1			+	+			+			

[1] См.: *Шер Я.А.* Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода в археологии) // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.С. 8-24.

Тип 2	+			+					+	
Тип 3	+					+			+	
Тип 4	+			+					+	+
Тип 5	+				+				+	+

Выделение из комплекса амфорных ручек Тиритаки 4 групп вполне объяснимо тем обстоятельством, что в хазарское время на территории Крыма располагалось множество гончарных центров по производству амфорной тары. Вряд ли в данном случае речь может идти о наличии в выборке гончарной продукции лишь 4 центров производства.

Учитывая протяженность крымского черноморского побережья, а так же прослеживаемую схему эволюции морфологии в каждой из групп, их следует связывать с регионами, в которых локализовались группы гончарных центров, использовавшие определенные производственные традиции. При этом, в настоящий момент судить о локализации той или иной производственной традиции весьма сложно.

Преобладание в материалах бытовых памятников тех или иных типов амфорных ручек может являться не столько показателем принадлежности их к продукции местного производства, сколько отражать направления торговых контактов на территории Северного Причерноморья. В то же время, результаты анализа материалов раскопок гончарных печей могут быть противоречивы. Это обусловлено совокупностью двух обстоятельств:

- производственные традиции древних гончаров, как известно, передавались из поколения в поколение, в виду чего перемещения групп ремесленников по территории крымского побережья, которые были неизбежны вследствие различной динамики социально-экономического и политического развития различных регионов Северного Причерноморья, могли приводить к синкретизму производственных традиций;

- почти все известные крымские центры по производству амфор не имеют узких дат своего функционирования, поскольку единственной группой находок, встречающейся на них, является непосредственно та продукция, которую они изготавливали.

Очевидно, что попытка решения обозначенной выше проблемы требует более глубокого исследования, в частности корреляции типов ручек с производимыми типами амфорной тары. Именно поэтому приводимые ниже выводы о наблюдениях за встречаемостью тех или иных типов ручек на крымских памятниках носят предварительный характер.

Преобладание в материалах Тиритаки амфорных ручек группы I, учитывая отсутствие на поселении местного керамического производства, объясняется тесными торговыми контактами с другими регионами Крыма, поскольку Боспор являлся на протяжении античного и средневекового времени основной торговой артерией черноморского бассейна.

Отметим, что в материалах гончарных печей Радиогорка и Песочная Бухта, расположенных в округе Херсонеса, содержатся типы амфорных ручек с выпуклой нижней частью, т.е. отнесенные нами к группе I, исключение составляет лиш тип 5 группы IV.[1] Появление указанных печей в Херсонесе Л.Е. Седикова относит ко времени не ранее начала IX века. Амфорные ручки группы I встречаются и в материалах некоторых гончарных центров Юго-Восточной Таврики, в частности в Чабан-Куле,[2] в материалах бытовых памятников Юго-Восточного и Восточного Крыма: например Тепсень,[3] (наряду с ручками группы IV), Героевка-2, Героевка-3[4]. Отсутствие узких дат функционирования у гончарных печей Юго-Восточного Крыма, позволяет предполагать, что на этой территории традиция профилировки ручек с выпуклой нижней частью появляется раньше, поскольку в середине VIII в. именно этот регион переживает стремительный социально-экономический подъем, в результате чего в Юго-Восточной Таврике появляется множество центров производства амфорной тары. Затем, с развитием гончарного производства в Херсонесе и появлением в IX в. вышеуказанных центров, эта гончарная традиция перекочевывает на юго-запад.

Таким образом, ручки группы I в материалах Тиритаки являются как продукцией центров Юго-Восточной Таврики, так и Херсонеса, при этом, по всей видимости, большинство из них имеет юго-восточное происхождение, учитывая общее преобладание в материалах поселения фрагментов бороздчатых амфор, центры производства которых сосредоточены как раз-таки в Юго-Восточной Таврике[5]. Относительно других групп мы ограничимся упоминаниями о встречаемости амфорных ручек, к ним отнесенных, в разных частях Крыма.

В Южном Крыму наблюдается следующая ситуация: в материалах центра Ливадия преобладает продукция группы I, встречается группа IV; центр в урочище Суат близ Ялты — преобладает группа I, встречается IV и II; Кипарисный - группа I.[6] Немногочисленная выборка ручек группы II, которая не находит прямых аналогий среди опубликованных материалов, позволяет предполагать их восточнокрымское происхождение, либо же слабую интенсивность торговых контактов Тиритаки с регионом локализации данной гончарной традиции.

Нельзя исключать наличия в материалах Тиритаки продукции византийского производства, к которой могут принадлежать амфорные ручки группы III.

---

[1] *Рыжова Л.А.* Гончарная печь VIII-IX вв. вблизи Херсона (в районе Радиогорки) // Античная древность и средние века. Свердловск, 1982. Вып. 19. Византия и ее провинции. С. 152, рис. 2,3; *Седикова Л.В.* Керамические печи IX века в Херсонесе // МАИЭТ. 1995. Вып. 4. С. 78-92, рис. 1-2.

[2] *Якобсон А.Л.* Указ. соч. С. 30, Рис. 12.1,2.

[3] *Майко В.В.* Указ. соч. С. 180-183. Рис. 100-103.

[4] *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Гончарная керамика VIII-X веков с сельской округи Боспора // АИБ. Т.3. Керчь, 1999. С. 190-196, рис.1.

[5] *Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Тиритака. Раскоп XXVI. Киев, 2009. С. 45.

[6] *Паршина Е.А.* Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965-1969 гг.) // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма. К., 1974. С. 58-61, рис. 3-4.

ПРО РОЛЬ СІМ'Ї ТА ЦЕРКВИ В ДУХОВНОМУ ЖИТТІ ХЕРСОНЕСИТІВ В XII-XIV СТ.

Д.В. Дудченко (Харків)

У статті здійснена спроба дати оцінку характеру стосунків Церкви та сім'ї, розглянувши їх під перспективою духовного життя херсонеситів XII-XIV ст..

Ключові слова: духовне життя, Церква, сім'я, Візантів, Херсонес.

Тема духовного життя цікавить людство повсякчас, протягом всієї історії його існування. Однак багатовікова зацікавленість даною тематикою й досі не привела вчених, філософів, мислителів до одностайної думки стосовно значення словосполучення «духовне життя». Представники церкви трактують це поняття переважно так: «Духовне життя є спілкування з Богом, уподібнення йому, єднання з ним».[1] В наукових колах частіше звертаються до слова «духовність» і вже потім піддаючи його певному аналізу пояснюють значення терміну «духовне життя». Так в психологічній науці під «духовним» аспектом активності людини розуміють такі форми його діяльності, які не обумовлені на пряму його спадковими генетичними програмами, не направлені на реалізацію нижчих біологічних потреб та не приносять людині прямої матеріальної вигоди.[2] Поняття «духовність» у філософії набуває особливого значення при осмисленні його головної сутнісної основи - духу. «Дух є сила - стверджував відомий російський філософ І.А. Ільїн, - яка має дар посилити себе і подолати в собі те, що відкидається; дух має силу і владу створювати форми і закони буття, творити себе і способи свого життя»[3]. Різними філософськими школами дух розглядався і досі розглядається як якась субстанція, як особлива внутрішня енергія і як прояв розуму, волі, здатності до творчості, напруга всіх інтелектуальних сил людини. Якщо філософія претендує на роль вчителя життя, то вона не може не осмислювати проблему стану людського духу, що створює ту атмосферу в суспільстві, яка формує спосіб життя і думки людей. Апелюючи даними визначеннями «духовність», «духовне життя» дослідник в своїй науковій діяльності вже сам визначає, які сторони духовного життя йому вивчати чи розглядати їх комплексно.

Наша ціль – на основі комплексного поєднання писемних та археологічних джерел, наукових праць зрозуміти: представляла собою церква та сім'я єдиний симбіоз співвигідних стосунків чи, в силу багатьох протиріч, знаходились в протистоянні одне з одним.

Поступове відокремлення від Візантії, постійні напади ворогів на місто, зменшення площі території Херсонеса безперечно не могли не вплинути на са-

---

[1] Азбука веры. - [Електронний ресурс]. Режим доступа: azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/ponyatie Доступ – 08.09.2013.

[2] *Щербатых Ю.В.* Словарь психологических терминов. - [Електронний ресурс]. Режим доступа www.no-stress.ru/psy-dictionary/psy-process/spirit.html Доступ – 11.09.2013.

[3] *Нестеров А.В.* И.А. Ильин о духовном смысле человеческой свободы // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского. 2011. №3. С. 84

мих жителів, більшість з яких являлось сповідниками християнства. Проводя паралель між історією гибелі даного міста та всієї Візантійської імперії, врах вуючи той факт, що Херсон був типовим прикладом візантійського класично міста можна побачити багато схожих елементів це дає нам підстави проводи та порівнювати психологічний стан жителів, як міста, так і імперії, говорити п вплив на них церкви та місце в їхньому житті сім'ї.

Період XII-XIV ст. є досить суперечним в сфері дослідженні духовно життя. Оскільки з однієї сторони джерела того часу переповнені згадками п падіння моральності серед жителів імперії. Один із візантійських історик Нікіфор Григора, пояснює загальний занепад на теренах земель, що підчинял Константинопольському патріархату, зникненням звичаю вчити народ: в буди ках, в сімейному колі, через священників. Моральна порча проникала в усі кла суспільства: вищі класи проводили розбещене життя, грабували скарбницю д задоволення прагнення до роскоші, плели інтриги; простий люд обмежував благочестивим виконанням одних обрядових приписів, загрузнувши в забоб нах. Слід зауважити, що в забобони вірили всі класи суспільства. Тому астр логія, магія, ворожбицтво, гадання, були в широкому вжитку серед херсон ситів.[1] Народ нібито забувши про приписи Православної Церкви хлинув в пра тикування астрології, магії, ворожбицтва, гадання, нічим вже не відрізнячи від своїх предків-язичників.

По-друге, духовний примітивізм, що проявлявся у зверненні до первісни вірувань тісно переплітався з більшим зверненням людей до християнства, д церкви. Разом з тим нерідко результат магічних дій сприймався як воля та доп мога вищої сили, якою для християн став Бог. Саме в цей період для херсон ситів-християн найвищим виразом цінностей стає Бог, що являв собою для т гочасних людей абсолют моральності.[2]

Дана двоякість була типовою для всіх без виключення: починаючи в простого набожного селянина та закінчуючи членами імператорської сім'ї т самим імператором. Так Анна Комніна повідомляла про свого батька Олекс «Імператор написав на двох дощечках по питанню, чи слід виступати проти к манів чи ні, запечатав їх і велів корифею покласти на святий престол. Н пройшла в співі молитов. На світанку у вівтар увійшов поклав дощечки, вз одну з них, виніс і на очах у всіх розкрив і прочитав. Це рішення самодержец прийняв як Божий глас, він з головою поринув у турботи про майбутній похід став листами збирати звідусіль військо»[3]. Подібне переосмислення результаті гадання, думка про те що вищою силою у вирішення всіх проблем є Бог є досит типічною для даного часу так і для попередніх років, коли християнство оста точно стало пануючою релігією в Візантії. Подібну трансформацію в суспільств можна пояснити перш за все політикою Церкви та влади, які розуміючи що всі пережитків язичництва не позбутись просто підміняли чи вводили їх в христи

---

[1] *Тальберг Н.Д.* История христианской церкви. Ч. 2. 2008. С. 33.

[2] *Полякова М.А.* Византия, византийцы, византинисты. Екатиринбург, 2003. С. 25.

[3] Комнина Анна. Алексиада. X, 2.

янське русло. Тому нерідко в джерелах можна знайти свідчення співіснування з подальшою заміною язичницького свята християнським. Зокрема 24 листопада в православному світі відзначається день преподобних Федора Студита та Мартірія Зеленецького. В народі збереглись прикмети стосовно цього дня, наприклад: «З Федора Студита буде холодно и сердито»[1]. Уявлення стосовно цього дня були запозичені православними ще у язичників: «Демокріт і Апулей кажуть, що судити про те, якою буде зима, можна по дню свята, який римляни називають Брум, тобто по 24-го числа місяця Дія, або листопада»[2].

Попри суперечності в розвитку духовного життя слід говорити про симбіоз Церкви та сім'ї, який склався набагато раніше та був вигідний для обох сторін.

З однієї сторони Церква, проповідуючи в суспільстві дотримання людьми християнських цінностей, консервувала в ньому уявлення про основні сімейні цінності. Як і раніше можна було почути зокрема: «Шануй свого батька та матір свою, як наказав тобі Господь, Бог твій, щоб довгі були твої дні, і щоб було тобі добре на землі, яку Господь, Бог твій, дає тобі»[3]. Жінки, що шанувались православною церквою стали духовним ідеалом для херсонеситок, тому не даремно візантійці вище всього цінували в жінках лагідність, граціозність, м'якість характеру.[4] Проповідування серед прихожан ідей милосердя, готовності прийти на допомогу, співпереживання не проходили повз херсонесита, залишивши по собі згадки і в агіографічній літературі.[5]

Православна церква з її догматикою, положення в суспільстві направляла прихожан, допомагала їм у вирішенні певних питань духовного плану. Сама сім'я виникала лише з проведенням обряду вінчання, що приходив в стінах церкви. Надалі хрещення, похороні, великі православні свята, освічення приміщення, надання благословення – важливі події в житті херсонеситів відбувались за участі Церкви.

Церква, беручи на себе функцію покращення людського життя на землі була ініціатором будівництва богаділень, притулків тощо.[6] Крім того, миряни могли отримати від церкви втіху та важливі для життя настанови, саме церква допомагала херсонеситам стати освіченими людьми.

З іншої сторони – сім'я була одним із головних елементів впливу Церкви на людину, постійним джерелом поповнення прихожан в Церкві. Зокрема,в процесі археологічних розкопок на території херсонеського городища було знайдено 2 приміщення центричних композицій, 5 хрестоподібних, 7 хрестовокупольних храмів й близько 20 порівняно невеликих квартальних храмів-

---

[1] *Модина М.* Церковные празники, народные обычаи, приметы. - [Електронний ресурс]. Режим доступа: http://lib.rus.ec/b/37766/read. Доступ – 07.09.2013.
[2] Геопоники. I, 5.
[3] Второкнижье. V,16.
[4] Культура Византии: XIII — первая половина XV в. [отв. ред. Г.Г. Литаврин]. М., 1991. С. 371.
[5] *Фрейберг Л.А., Попова Т.В.* Византийская литература эпохи расцвета XI-XV вв. М., 1978. С. 168.
[6] *Райс Т.* Византия. Быт, религия и культура. - [Електронний ресурс]. Режим доступа: admw.ru/books/Tamara-T--Rays_Vizantiya--Byt--religiya--kultura/3. Доступ – 10.09.2013.

каплиць XI-XVст.[1] Велика кількість споруд є твердженням того, що Церква ма
багато прихожан, які в своєму серці ще зберігали любов до Бога, вірили
незмінні догмати християнства. Крім того, новостворена в стінах Церкви сім
автоматично переходила під її опіку.

Отже, не зважаючи на суперечливу оцінку стану духовності серед жі
телів православного світу в XII-XIVст. не слід говорити про їх повний морал
ний занепад. Підтвердженням цього є існування тісних зв'язків між сім'єю т
Церквою.

О РОЛИ ЦЕРКВИ И СЕМЬИ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ХЕРСОНЕСИТОВ В XII-XIV ВВ.

Д.В. Дудченко (Харьков)

В статье предпринята попытка дать оценку характера отношений Церкви и семьи, р
смотрев их под перспективой духовной жизни херсонеситов XII-XIV вв.

Ключевые слова: духовная жизнь, Церковь, семья, Византия, Херсонес.

THE ROLE OF THE FAMILY AND THE CHURCH IN THE SPIRITUAL LIFE OF CHERSONESITES AT XII-XIV CENT.

D.V. Dudchenko (Kharkov)

The article is an attempt to assess the nature of the relationship of the Church and the family c
sidered them under the perspective of spiritual life Chersonesites XII-XIV centuries.

Key words: spiritual life, Church, family, Byzantium, Chersonesos.

---

[1] *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Монография 2 т. Т. 2. Тюмень, 2008. С. 333.

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ – РАННЯЯ ВИЗАНТИЯ

ВЫДАЮЩИЕСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

М.Ю. Лопатина

Данная статья посвящена выдающимся ученым, которые занимаются изучением такой сложной эпохи, как поздняя античность. Рассматривается краткая биография историков, их главные достижения в научной деятельности, а также кратко освещаются их основные научные труды, предназначенные для понимания мира поздней античности.

Ключевые слова: поздняя античность, Питер Браун, Алан Кэмерон, Глен Бауэрсок.

Поздняя античность в различных ее проявлениях на сегодняшний день является одной из самых актуальных и обсуждаемых в исторической литературе проблем. В современной историографии данный период определяется по-разному. В зависимости от своей профессиональной специализации одни называют его «периодом поздней Римской империи», другие – «ранним Средневековьем», третьи – «ранневизантийским» или «протовизантийским» периодом. Наконец, в последние десятилетия в иностранной историографии возобладала тенденция рассматривать данный период как самостоятельную эпоху – «эпоху поздней античности» (Late Antiquity).

В 70–80-е гг. XX века в исторической науке, по меткому выражению итальянского исследователя Андреа Жардины, произошел настоящий «взрыв» в изучении поздней античности[1].

Выдающимися историками поздней античности являются Питер Браун, Алан Кэмерон, Глен Бауэрсок.

1. Peter Brown (Питер Браун) родился 26 июля 1935 г. в Дублине (Ирландия), ирландско-шотландской протестантской семье. Он получил образование в школе Аравон, самой старой подготовительной школе в Ирландии, а затем в школе Шрусбери в Шропшире, одной из больших "общественных" школ в Англии. С 1953 до 1956 он преподавал современную историю в Новом Колледже в Оксфорде. Браун, который изучил, по крайней мере, пятнадцать языков, утвердился в ученом мире в возрасте 32 лет, чему способствовала написанная им биография Августина Гиппонского. С тех пор появился непрекращающийся поток книг и статей, и в настоящее время, Браун, самый выдающийся историк поздней античности. П. Браун способствовал популяризации поздней античности, фигуры "святого человека" и изучения культа святых.

В книге «Мир поздней античности»[2] он выдвинул новую интерпретацию периода между III и VIII столетиями. Традиционная трактовка этого времени была сосредоточена вокруг идеи упадка «золотого века», классической цивили-

[1] *Ващева И.Ю.* Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 6 (1). С. 220.
[2] См.: *Brown P.* The World of Late Antiquity 150-750. Thames and Hudson, 1989.

зации. Напротив, Браун предложил смотреть на данный промежуток времени позитивно, утверждая, что поздняя античность была периодом огромного культурного новшества и глобальных постепенных трансформаций.

На Брауна в его ранних работах повлияла французская историческая школа «Annales». После этой школы Браун проанализировал культуру и религию как социальные явления и как часть более широкого контекста исторических изменений и преобразований. Его исследование было посвящено в основном религиозному преобразованию позднеримского мира. Ранние его исследования касались фигуры «святого человека». Согласно Брауну, харизматические, христианские отшельники (святые люди) были особенно знамениты в поздней Римской империи и раннем византийском мире как посредники между людьми и Богом. Эти отношения выразили важность патронажа в римской социальной системе, которая была принята христианскими отшельниками. Но еще более важно, как отмечает Браун, что возвышение «святого человека» было результатом более глубоких религиозных изменений, которые затронули не только христианство, но также и другие религии позднего античного периода - а именно, в контексте потребности в более личном доступе к божественному.

Его взгляды эволюционировали в восьмидесятые годы. В новых работах Браун заявил, что более его ранние выводы, которые вскрыли противоречия во многих религиозных аспектах его области исследования, должны быть переоценены. Его поздние работы показывают глубокую оценку определенных христианских слоев. Дальнейшие исследования П. Брауна сосредотачиваются на изучении богатства и бедности в поздней античности, особенно у христианских писателей. Одна из его работ так и называется: «Poverty and Leadership in the Later Roman Empire»[1]. В трех эссе этой книги Питер Браун исследует появление в позднем римском обществе "бедных" как особый социальный класс, за который христианская церковь требовала от верхов специальной ответственности. Это – история того, как общество осознало себя ответственным за заботу об особом классе людей – классе, о котором ранее не заботились – и того, кто извлек выгоду из-за смены социальных акцентов.

В характерной изящной и ясной прозе Браун стремится возродить дохристианский статус бедных людей, фактическую природу отношений между христианской церковью и бедными, истинными побуждениями – иногда искренними, иногда корыстными – после христианской риторики любви к бедным. Он привлекает не только стандартные греческие и латинские источники для поздней Римской империи, но также и еврейские источники, чтобы зарегистрировать взаимодействия между ближневосточными провинциальными обществами и классическими традициями Рима. Браун изящно освещает решающий переход от классической к христианской культуре: появление нового понимания того, что общество и церковь обязаны бедным.

2. Alan Cameron (Алан Кэмерон) родился 13 марта 1938 г. Является британским классическим историком, профессором латинского языка и литературы

---

[1] См.: *Brown P.* Poverty and Leadership in the Later Roman Empire. Hanover, 2001.

в Колумбийском университете. А. Кэмерон получил степень бакалавра в Оксфордском университете, и степень магистра в 1964 г. Он преподавал в Колумбийском университете с 1977 г. В марте 1997 г. был удостоен премии Ч. Гудвина Американской филологической ассоциацией за заслуги в классической истории.

В книге «Claudian: Poetry and Propaganda at the Court of Honorius»[1] он показывает, как поэт и пропагандист Клавдиан предлагает уникальные освещения интриг внутри и между соперничающими дворами Милана и Константинополя в решающие годы после смерти Феодосия Великого. Будучи греком по происхождению, Клавдиан возродил латинскую поэзию с талантом, не виданным с Серебряного века. В этой книге содержится исследование политического и пропагандистского методов Клавдиана, его освещение кампаний Стилихона и его соперников, влияние на него греческой риторической теории и современной поэзии, его культура, отношение к Риму и его проблемам и, что немаловажно, его положение как язычника при христианском дворе.

«Porphyrius the Charioteer»[2]. Порфирий Возничий (также известный как Каллиопа) был известным столичным колесничим в V и VI вв. Во времена Порфирия гонки колесниц как зрелище были в самом разгаре. Колесничие были знаменитостями, и Порфирий - не исключение. Он прославился тем, что в его честь было построено семь памятников на ипподроме. Эти памятники помогают заглянуть в историю того времени, и в жизнь Порфирия. Дата его смерти неизвестна, но он ушел из гонок колесниц в конце 50-х или 60-х гг. VI в.

3. Glen Warren Bowersock (Глен Уоррен Бауэрсок) - родился 12 января 1936 г. в Провиденсе, Род-Айленд. Современный американский ученый древнего мира древней Греции, Рима и Ближнего Востока. Учился в Школе Риверс в Уэстоне, Массачусетс. В 1957 г он получил диплом с отличием в Гарвардском университете, а в 1959 г – диплом с отличием в Оксфордском университете. В 1960-1962 гг. читал лекции по античной истории в Бейлиол, Магдален и в Новом колледже в Оксфорде. В 1962-1980 гг. – профессор классической истории в Гарвардском университете. С 1980 по 2006 г. являлся профессором античной истории в институте Специальных исследований. В 1989 г. Бауэрсок был избран членом Американского философского общества – самого старого научного общества в Соединенных Штатах, созданного в 1743 г. Бауэрсок получил многочисленные почетные ученые степени доктора: в университете Страсбурга (1990), Парижа (1999), в университе Афин (2005). В 2004 г. он стал почетным членом Бейлиол-Колледжа в Оксфорде.

Глен Бауэрсок - автор более дюжины книг, около 300 статей об истории, культуре, а также традициях Греции, Рима, и Ближнего Востока. Бауэрсок был удостоен приза James Henry Breasted Американской исторической ассоциации за работу «Эллинизм в поздней античности»[3]. В его честь была проведена научная конференция в Принстонском университете 7 апреля 2006 г., под названием

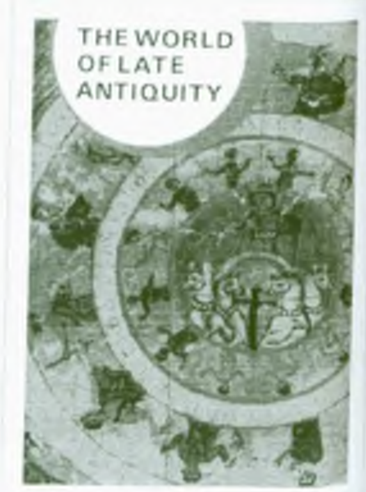
---

[1] См.: *Cameron A.* Claudian: poetry and propaganda at the court of Honorius. Oxford: Clarendon, 1970.
[2] См.: *Cameron A.* Porphyrius the Charioteer. Oxford, 1973.
[3] См.: *Bowersock G.W.* Hellenism in Late Antiquity. Michigan and Cambridge U.P., 1990.

«Восток и Запад: конференция в честь Глена Уоррена Бауэрсока», доклады и сообщения которой были изданы издательством Гарвардского университета в 2008 г.

В книге «Эллинизм в поздней античности» раскрывается удивительная приспособленность и долговечность греческой культуры в эпоху грандиозных перемен, и Бауэрсок стремится интерпретировать эллинизм преимущественно в христианском мире. В этой работе он проливает на свет конец язычества, которое часто видят умирающим, но при этом оно продолжает активно существовать и влиять на культурно-исторические процессы. Эллинизм, включающий язык, мышление, мифологию и образы греков, внес существенную эволюцию в раннее христианство. Оно распространилось по всей стране, в восточной части Средиземного моря за много веков до того, как Константин ввел христианство в качестве привилегированной религии. Но эллинизму выпала не менее важная роль – распространять и укреплять язычество, что до сих пор мало понимается или изучается. Местные традиции Малой Азии, Египта и Ближнего Востока выжили в большинстве случаев, разделяя общие формы выражения с христианами. Эллинизм чётко принимает во внимание поздних язычников, сильно различающихся по традициям, чтобы общаться друг с другом. В то же время он дал христианству и исламу языческий контекст, что имело гораздо большее общественное признание, чем сейчас. И поэтому автор показывает, что эллинизм освещает целостность позднего античного мира на Востоке, взаимодействие язычества и христианства. Дионис и Христос процветали вместе.

Англо-американская школа поздней античности ныне занимает ведущие позициив теоретическом содержательном обосновании этого исторического периода.



OUTSTANDING RESEARCHERS OF LATE ANTIQUITY

M.Yu. Lopatina

This article is devoted to outstanding persons who are engaged in study of such difficult epoch as Late Antiquity. The short biography of historians, their principal achievements in scientific activities is considered, and also the main scientific works intended for understanding of the world of Late Antiquity are provided as an example.

Keywords: Late Antiquity, Alan Cameron, Peter Brown, Glen Bowersock.

ДОГОВОР КОНСТАНТИНА I С ВАРВАРАМИ 332 г.

О.И. Краюшкина (Тула)

В статье рассматриваются некоторые вопросы дипломатического искусства поздней Римской империи. На основании тщательного анализа всех аспектов связанных с заключением договора 332 года, автор приходит к выводу, что Константин, одержав победу над готами, вернул Дакию в состав империи. С помощью готов ему удалось создать буферную зону на границах государства, с чем связано возникновение института федератства.

Ключевые слова: Римская империя, готы, дипломатия, федераты.

Одним из общепризнанных достижений дипломатического искусства поздней Римской империи являлись союзные договоры с варварами, которые были необходимы из-за стремительно меняющейся этносоциальной ситуации на границах империи. Особенный интерес в контексте изучения данного вопроса представляет договор императора Константина с варварскими племенами 332 г., особенно если учесть тот факт, что его истинное значение до сих пор неясно, так как его письменная фиксация не сохранилась. Восприятие этого договора в исторической науке далеко неоднозначно. Если в отечественной историографии бытует мнение о дипломатическом новаторстве императора, проявленном им при составлении данного акта[1], то зарубежные исследователи гораздо более скептично смотрят на заслуги императора в заключении этого мира[2]. Кроме того, весьма дискуссионный характер имеет вопрос об отношении этого договора к возникновению в Риме института федератства[3]. В связи с этим задачей данной статьи яв:яется на основании источников проанализировать договор 332 г., дать оценку его юридической составляющей и определить его историческое значение.

Говоря о событиях, предшествующих заключению договора, необходимо остановиться на политической ситуации в бассейне Дуная 2-й пол. III – нач. IV вв. Достоверно неизвестно, когда римлянами была оставлена Дакия, вошедшая в состав империи благодаря завоеваниям Траяна[4]. По наиболее заслуживающей доверия точке зрения Ю.К. Колосовской, император Галлиен вывел войска из Дакии в 256 г., а мирное население эвакуировал уже Аврелиан в 270-271 гг.[5] Естественно, большое количество мирного римского населения не могло оставаться почти двадцать лет на оккупированной готами территории без защиты

---

[1] *Щукин М.Б.* Готский путь. СПб., 2005. С. 200; *Рябцева М.Л., Болгов Н.Н.* Готские "федераты" Боспора и готы - федераты Византии на Боспоре // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. №1. Вып.13. С. 19-20.

[2] *Kulokowski M.* Rome's Gothic Wars. Cambridge University Press, 2007. P. 84-87.

[3] См.: *Ермолова И.Е.* Римская империя и федераты в IV веке // Новый исторический вестник. 2001, № 2 (4). С. 33-44; *Рябцева М.Л., Болгов Н.Н.* Ук. соч. С. 19-26.

[4] См.: *Miriam Griffin*: Trajan // *Alan K. Bowman, Peter Garnsey, Dominic Rathbone* (eds.): The Cambridge Ancient History 11. The High Empire, A. D. 70-192. Cambridge University Press, Cambridge 2000. P. 96–131; *Gunnar Seelentag*: Taten und Tugenden Traians. Herrschaftsdarstellung im Principat. Franz Steiner Verlag, Stuttgart, 2004.

[5] *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н.э. М.: Наука, 2000. С. 156-157.

римских войск и без каких-либо гарантий со стороны варваров[1]. Это позволяє нам утверждать, что, скорее всего, Галлиеном был заключен с варварами неки мирный договор, по которому местному населению гарантировалась безопа(ность. В обмен на это Галлиен вполне мог отдать им задунайские территори империи, фактически уже занятые готами. Опять же, на существование этої договора указывает факт, что после побед Клавдия II Готского Аврелиану прі шлось срочно эвакуировать мирных жителей Дакии, чья жизнь и интересы н могли быть защищены после фактического аннулирования договора одной и сторон. При этом de jure Дакия уже перестала находиться в составе Римско империи.

И если обстоятельства создания договора 332 г. не вызывают особых ди(куссий среди историков (общепринятой является точка зрения, что Константи пришел на помощь сарматам в их конфликте с готами, и, используя принци нейтрализации одного варварского племени другим, вышел победителем и з: ключил с готами мирный договор, весьма выгодный для обеих сторон)[2], то м(тивы, приписываемые Константину, как правило, неточны и противоречат дру другу. Необходимо заметить, что прогрессивный характер договора отходит н задний план, когда речь идет о тех значимых уступках готам, на которые поше император. Кроме титулов и больших денежных вложений он отдал им Молд: вию, Валахию и Трансильванию (с этим также связывают распространение этих землях черняховской культуры)[3]. Опять же, принять в свою армию 40 ты сяч враждебно настроенных готов, пусть даже и на достаточно выгодных усл(виях, – решение весьма смелое для императора. С другой стороны, в Риме Ко стантин праздновал свою победу весьма широко: получил третий титул Gothici maximus (CIL. XI. 5265.), устроил масштабные Готские игры[4], воздвиг статун посвященную своему военному триумфу (Themist. Or. 15.191a.). Нумизматич ские источники, в свою очередь, удивляют нас тем, насколько Константин бы уверен в себе, ведь, несмотря на то, что мир был заключен достаточно тяжелым усилиями, а в состав его армии теперь входили большие готские соединения, с позволял себе, по сути, оскорблять своих новых союзников (на монетах тех л(есть изображение римского воина, который тащит за волосы пленного гота) Казалось бы, Константин исполнил полувековую мечту римлян о возвращени Дакии в состав империи, но и римское общество осталось недовольным: е племянник Юлиан, выражая интересы римской элиты тех лет, достаточно рез отозвался об этом триумфе, обвинив Константина в том, что он купил мир н: готами слишком дорого, «хотя он и отвоевал Траянову Дакию, но стыдит(предстать перед богами, поскольку обязался выплачивать варварам денежнь субсидии» (Julian.Caesares. 30.11.2). Чем же объясняется такая двойственнос политики Константина?

---

[1] См.: Там же. С. 150.
[2] *Буданова В.П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001. С.146.
[3] *Колосовская Ю.К.* Ук. соч. С. 154.
[4] *Вольфрам Х.* Готы. СПб., 2003. С. 96.
[5] *Колосовская Ю.К.* Ук. соч. С. 154.

Наиболее верной нам кажется следующая трактовка мотивов Константина. По нашей версии, Галлиен все-таки заключил договор с варварами, причем договор очень невыгодный для Римской Империи, по которому Дакия была потеряна для римлян, которые к тому же вывели все свои военные силы с этой территории. Хотя идея о возвращении Дакии (Dacia restituta) на рубеже III - IV вв. была очень популярной среди римлян, в империи, разобщенной благодаря непрекращающимся спорам между тетрархами, было достаточно других проблем. Но задунайские племена (в частности, сарматы) активно вмешались в политическую борьбу, причем, видимо, выбрав сторону Лициния[1], который сам происходил из этих мест (Socrat. Hist.eccl. IV. 1), Надо полагать, что Константин не забыл об этом даже когда встал на сторону сарматов в их борьбе с готами. Одержав победу над последними, он заключает с ними взаимовыгодный договор, при этом не вспоминая о сарматах, которым должен был помогать в этой войне. Естественно, сарматы не могли быть довольны таким отношением со стороны недавнего союзника. Но Константин поступил как истинный политик: договорился с готами о создании буферной зоны между империей и иными задунайскими варварскими племенами. Впрочем, в Риме к такому решению отнеслись настороженно, если не сказать враждебно. Поэтому для поддержания своей репутации как победителя готов и для сокрытия истинной цены мирного соглашения Константин устроил обширные празднества. Впрочем, несмотря на все данные готам деньги и титулы, Константин добился главного: вернул Риму большую часть Дакии, утерянной его предшественниками.

В связи с вышеизложенной версией сущности договора 332 г. перед нами встает важный дискуссионный вопрос о том, какой политический статус получила Дакия. С одной стороны, мы согласны с утверждением, что часть Дакии вернулась в состав империи. Но на этой территории продолжали жить готы. Следовательно, они становились римскими подданными, но со специфичным правовым положением. Иного определения их статуса, кроме как статуса федератов, хотя он и появился в источниках лишь в начале V века, быть не может. Ведь готы становились подданными империи, хотя и без права получения римского гражданства, при этом сохраняя лишь выборность вождей и свое обычное право[2]. Следовательно, мы полагаем, что заключенный Константином договор можно отнести к типу foedus aequum, так как он был взаимовыгодным для обеих сторон и никак не стремился изменить внутреннюю политику готов[3]. Необходимо заметить, что договоры такого типа Римская империя заключала еще со II в. до н.э. с рядом эллинистических государств[4], так что же тогда было юридическим новшеством в договоре? На наш взгляд, именно этот договор закреплял

---

[1] *Ярцев С.В.* Последний морской поход меотийских варваров // ПИФК. XXII. 2008. С. 69–85.

[2] *Chrysos Ev.* Gothia Romana. Zur Rechtslage des Föderatenlandes der Westgoten im. 4 Jh. // Dacoromania: Jahrbuch für östliche Latinität. Freiburg, München, 1973.N.1. S.52.

[3] *Souza de. France.* War and Peace in Ancient and Medieval History. Cambridge University Press, 2010. P. 58-59.

[4] *Erich S. Gruen.* The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol.1. University of California Press, 1986. P. 17-34.

ряд специфических обязанностей по отношению к Римской империи неримского населения приграничных областей и первым определял статус тех варваров, кто поступал к римлянам на военную службу, формируя государственную политику по отношению к ним[1]. В таком случае, появление института федератства необходимо относить именно к этому периоду времени[2]. В качестве еще одного дипломатического новшества в данном договоре можно упомянуть и новый формат гарантий выполнения юридического соглашения – институт заложников[3].

Следовательно, Константин весьма умело использовал свою победу над варварами с той целью, чтобы вернуть Дакию в состав империи, и одновременно с этим создать буферную зону от весьма беспокоивших его сарматов. Так, с одной стороны, он удовлетворил общественное мнение Рима, уже полвека мечтавшего о возвращении Дакии, и с другой заручился поддержкой новых союзников. При этом, хотя мирные отношения с готами сохранялись недолго, Константину удалось начать процесс ассимилирования варваров при помощи института федератства, тем самым увеличивая их лояльность по отношению к империи. Также этот договор увеличил товарообмен между готами и римлянами, благотворно повлияв на экономическое развитие Дакии[4]. В какой-то степени, данный договор предвосхитил соглашение 382 г., что в свою очередь говорит о дальновидности варварской политики Константина.

CONSTANTINE'S I TREATY WITH THE BARBARIANS IN 332 A.D.

O.I. Krayushkina (Tula)

In the article some questions of Late Roman Empire diplomatics are observed. In according with the thorough analysis of concluding the treaty of 332 A.D. the author comes to a conclusion that Constantine got Dacia back to the Empire after his victory on the Goths. With their help he managed to arrange a buffer zone on the state's borders, with this fact author associates the foederati appearing.

Key words: Roman Empire, Goths, diplomacy, foederati.

АВИАН – РИМСКИЙ БАСНОПИСЕЦ

С.В. Алымова

Изучение позднеантичной поэзии Западной Европы вызывает огромный интерес, как с точки зрения историка, так и филолога, поскольку эти произведения являются важным историческим источником и одновременно памятником литературы. Кроме того, кризисное время, каковым, несомненно, является Поздняя античность, предоставляет нам превосходные примеры трансформации одних явлений и консервации других. Выявление причин и закономерностей

---

[1] *Глушанин Е.П.* Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. 1987. № 2. С. 71.

[2] *Щукин М.Б.* Ук. соч. С. 200; *Вольфрам Х.* Ук. соч. С. 95-96.

[3] *Там же*. С. 96.

[4] *Kulokowski M.* Op. cit. P. 86-87.

данных явлений особенно актуальны в наше время, когда современная культура также переживает не лучшие времена.

На пороге позднеантичного периода, во II в. все громче заявляют о себе христианские писатели, тогда как языческая литература оскудевает, ограничиваясь по преимуществу грамматикой и риторикой. Лишь на короткое время в IV в. языческая литература еще попытается напомнить о себе, в частности в баснях Авиана. В его творчестве ярко выражены противоречия между усиливающимся воинствующим христианством и угасающим язычеством.

В эпоху поздней античности также происходило общее понижение культурного уровня, вследствие чего усиливался спрос на стихи «полезного» содержания с практической точки зрения. Это обстоятельство привело к возрождению в IV-V вв. нравоучительного жанра басни.

Басня была введена в римскую литературу Федром. В литературе IV-V вв. прежняя, низовая традиция в басенном жанре представлена сборником, известным под названием «Ромул»; новая, светская традиция представлена творчеством поэта-баснописца Авиана (Flavius Avianus).

Авиан (Avianus) - римский баснописец, писавший в конце IV в. О его жизни нам ничего не известно. Однако своей манерой изложения он оказал сильное влияние на литераторов последующих веков. С IX по XVI вв. ему подражали, его охотно пересказывали в прозе, комментировали, к его сборнику добавляли новые произведения.

До нас дошел сборник его стихотворных басен, посвященный некоему Феодосию, обычно отождествляемого с Феодосием Макробием, автором «Сатурналий». Сборник включает в себя сорок две басни.

Очень тесна связь с греческим баснописцем Бабрием (в 31-й басне[1]). В числе своих источников он называет также Эзопа, Горация и Федра. Его стихи пестрят реминисценциями из произведений латинских поэтов, особенно Вергилия[2].

Принадлежность к бабриевской традиции сказывается, прежде всего, в том подчиненном положении, какое занимает в его баснях поучительный элемент. Авторский голос почти не звучит в баснях: идейная установка остается неосвещенной. Подбор басен в сборнике также не позволяет судить об идейных установках автора: баснописец с одинаковым усердием разрабатывает все традиционные басенные темы, ни одной не отдавая предпочтения. Для обоих на первом месте стоит художественная разработка содержания. Но по самому направлению художественной разработки Авиан резко отличается от Бабрия. Причина сходства между баснями – единство литературного направления, причина отличий – разница эпох и вкусов[3].

---

[1] *Альбрехт М. фон.* История римской литературы / Пер. А.И. Любжина. М., 2005. Т. 3. С. 1458.

[2] XX, 5; ср. «Энеида», XI, 41; 7,2 ср. «Энеида», X, 733; V,9 ср. «Энеида», II, 559; XX,10 ср. «Георгики», III, 287; X, 4 ср. «Энеида», I, 156, X, 576; IX,1 ср. «Энеида», II, 748; XXXIX, 13 ср. «Энеида», VII, 74, «Георгики», I, 85; VII,9 ср. «Георгики», IV, 151; II,10 ср. «Энеида», XII, 641; VII,15 ср. «Энеида», V, 465.

[3] *Гаспаров М.Л.* Античная литературная басня. М., 1972. С. 205.

Для своих басен Авиан неудачно избрал элегический размер, в языке его много вульгаризмов[1]. Ему не удалось добиться органической связи формы и содержания своих произведений. Четкая строфика элегического дистиха нарушает плавное течение басенного повествования.

Тем не менее, басни Авиана, несмотря на невысокий художественный уровень, имели блестящую судьбу в истории литературы. Даже самая скучная часть басни – мораль – привлекала особое внимание: сборники моралистических вступлений и заключений к басням Авиана имели хождение независимо от самих басен.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в творчестве Авиана проявляются черты язычества. Это отчетливо прослеживается в баснях, где он обращается к древнеримским богам, упоминает о жертвоприношениях. Если говорить в целом о творчестве римского баснописца, то Авиан в своих произведениях практически не проявляет чуткости ни к религиозным, ни к социально-политическим проблемам общества. Для него на первом месте – художественная разработка повествования, а лишь на втором – раскрытие идейного содержания.

ЯЗЫЧЕСКАЯ АРИСТОКРАТИЯ РИМА И ХРИСТИАНСТВО (312-380 ГГ.)

М.А. Ведешкин (Москва)

В настоящей статье исследуются отношение языческой аристократии Рима к христианству. Не смотря на обращение части сенаторской знати в христианство, большая часть столичной аристократии сохраняла приверженность язычеству и активно сопротивлялось христианизации, что выразилось в проведении различных мероприятий, направленных на укрепление и поддержания статуса традиционных римских культов.

Ключевые слова: Поздняя античность, Римская империя, Рим, сенат, язычество, христианство

Вплоть до начала IV в. сенаторская знать города Рима была фактически не затронута процессами христианизации[2]. Обращения представителей столич-

---

[1] I, 5; I,9; IV,2; V,10; VII,1; XIII,9; XIII,12; XXII,4.

[2] Серьезным препятствием на пути христианизации римской аристократии долгое время служила остававшаяся неизменной отрицательная позиция Церкви по отношению к общественной и политической жизни паствы. Еще Тертуллиан предостерегал христиан от занятия государственных должностей, так как они были неразрывно связаны с жертвоприношениями и отправлением государственного культа (Tertull. Idol. 17.3). Еще одной причиной непопулярности новой религии у столичной знати был сохранявшийся, вплоть до начала IV в., «народный» характер христианства. Ригористическая мораль ранней Церкви, сформировавшаяся на основе этических воззрений низших слоев населения Римской империи была глубоко чужда элитарной культуре сенаторского сословия, основанной на идеализации традиционных римских ценностей. Принятие христианства вынуждало членов римской аристократии отказаться от сословной системы ценностей и от традиционного образа жизни римской знати. Вследствие вышеназванных причин христианизация сенаторского сословия проходила заметно медленнее обращения в новую веру прочих групп населения империи.

ной аристократии[1] носили единичный характер и к началу IV в. приверженцы христианства составляли ничтожное меньшинство среди сенаторской аристократии Рима[2].

Однако, уже при императоре Константине I начался процесс активной христианизации римской знати[3]. Стремясь поднять престиж новой религии в глазах членов столичной аристократии, задававшей тон религиозной жизни не только в Риме, но и во многих провинциях, в течение двух последних десятилетий своего правления Константин активно поощрял обращение представителей сенаторского сословия путем выдвижения последователей новой веры на высшие административные должности в западной половине Империи[4]. Из пятнадцати представителей сенаторской аристократии, занимавших пост префекта Рима в период с 317 по 337 гг., шестеро были христианами, из чего следует, что проводимая правительством политика пропаганды христианства имела определенный успех. Количество представителей сенаторской знати обратившихся в христианство непрерывно росло и уже к середине столетия христиане составили заметное меньшинство среди римской аристократии[5].

Несмотря на определенные успехи проповеди христианства, на протяжении IV в. большая часть римской знати продолжала почитать отеческие культы[6]. Приверженность представителей столичной аристократии язычеству происходила из неразрывной связи между древними культами и политическими традициями римского сената[7].

---

[1] Киприан Карфагенский в письме к епископу Сукцессу упоминает среди прочих антихристианских акций императора Валериана меры специально направленные против сенаторов – христиан (Cypr. Ep. LXXXI.1). Нескольких последователей новой веры из числа членов сенаторского сословия упоминает в своем труде и Евсевий Кесарийский (См. Euseb. HE. VII.16; VIII.14.17).

[2] *Eck W.* Das Eindringen des Christentums in den Senatorenstand bis zu Konstantin d. Gr. // Chiron. 1971. P. 381-406. Ср. *Barnes T.D.* Statistics and the Conversion of the Roman Aristocracy // The Journal of Roman Studies. 85. 1995. P. 135–6.

[3] См. *Barnes T.D., Westall R.W.* The Conversion of the Roman Aristocracy in Prudentius' «Contra Symmachum» // Phoenix 45. 1991 P. 50–61.

[4] *Barnes T.D.* Statistics and the Conversion of the Roman Aristocracy... P. 143.

[5] См. Jerom. Ep. 66.4

[6] Автор анонимного трактата «Expositio totius mundi», датируемого серединой IV в., писал: «Римляне чтут богов, в особенности Юпитера и Солнце; сообщают, что они справляют также обряды в честь Матери богов» (Exp. 55). Еще одним доказательством приверженности большей части римской знати к язычеству является свидетельство Аврелия Августина. Освещая религиозную ситуацию в Риме середины IV в. епископ писал о «нечестивых таинствах, увлекаясь которыми почти вся тогдашняя римская знать чтила младенца Озириса» (Aug. Conf. VIII.2.3) (О культе Изиды и Осириса в Риме IV в. см.: *Salzman M.R.* On Roman Time: The Codex-Calendar of 354 and the Rhythms of Urban Life in Late Antiquity. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991. P. 169–176). На приверженность столичной аристократии язычеству вплоть до конца IV в. указывали языческий историк Зосим и христианский поэт Пруденций (См. Zos. IV.59; Prud. C. Symm. I. 506-607).

[7] Так, с ритуалами языческого культа было связано отправление сенаторских магистратур. Еще Тертуллиан предостерегал христиан от занятия государственных должностей, так как они были неразрывно связаны с жертвоприношениями и отправлением государственного культа (Tertull. Idol. 17.3). Государственные праздники, торжественные шествия и игры, организация которых почетным бременем ложилась на плечи людей сенаторского достоинства, всегда носили языческий характер.

По мнению представителей староримской знати, жизнь государства и традиционные культы были тесно связаны между собой. Римский государственный культ отправлялся во благо всего общества и, таким образом, служение богам также являлось формой служения государству[1]. По этой причине исполнение высших жреческих обязанностей было обличено почетом, сравнимым с почетом наиболее престижных магистратур[2]

Отправление официального языческого культа было, не только чрезвычайно почетным, но и весьма доходным занятием. Занятие жреческих должностей, к началу IV в. монополизированное узкой группы наиболее родовитой части столичной аристократии, обеспечивало представителям сенаторской знати контроль над сформированным за столетия земельным фондом жреческих коллегий[3]. Средства, получаемые членами жреческих коллегий от эксплуатации храмовых земель, зачастую расходовались не на поддержание римских культов, но служили личному обогащению представителей столичной знати[4]. Кроме того, вступление в одну из жреческих коллегий Рима предоставляло представителям сенаторской аристократии налоговые иммунитеты[5]. Таким образом, экономические и социальные позиция столичной аристократии были тесно связаны с официальными римскими культами.

Несмотря на обращение в христианство части столичной аристократии, многие представители римской знати продолжали почитать христианство «недостойной религией» и с пренебрежением относились к последователям новой веры[6]. До самого конца IV в. в среде столичной знати сохранялось презрительное отношение к христианскому клиру. В глазах римской аристократии, вступление в клир не являлось достойной альтернативой традиционным жреческим должностям, так как закрывало пути дальнейшего продвижения по традиционной карьерной лестнице, не давало возможность продолжить фамилию и, по мнению представителей столичной знати, не было достойно человека сенатор-

---

[1] См. Symm. Rel. III.3; Zos. IV.59.

[2] Так, язычник Тертулл, занимавший чрезвычайно почетную в римской империи должность консула, лелеял надежду получить и должность понтифика (Oros. VII.42.8).

[3] *McGeachy J.A.* Quintus Aurelius Symmachus and the senatorial aristocracy of the West. Chicago: University of Chicago, 1942. P. 151.

[4] Как отмечал епископ Амвросий Медиоланский: «... они (языческие жрецы) ... расходовали не на религию, то, что защищалось правом религии» (Amb. Ep. 18.16).

[5] См. CTh. XII.5.2. Так, в одном из своих писем, Симмах, ходатайствуя за попавшего в затруднительное финансовое положение сенатора Туентия, рекомендовал предоставить своему протеже жреческую должность, которая, по словам оратора, должна была обеспечить сенатора защитой от обременительных литургий (Symm. Ep. IV.61.1). По свидетельству Амвросия Медиоланского, некоторые представители сенаторского сословия, ранее перешедшие в христиане, даже возвращались к традиционным культам ради получения привилегий и иммунитетов, сопряженных с отправлением жреческой должности (Amb. Ep. 17.4).

[6] Августин Гиппонский отмечал, что знаменитый философ Марий Викторин был вынужден долгое время скрывать от римского общества сам факт своего перехода в христианство, «боясь оскорбить своих друзей, этих горделивых демонослужителей, полагал, что с высоты их вавилонского величия, словно с кедров ливанских, которых еще не сокрушил Господь, тяжко обрушат они на него свою ненависть» (Aug. Conf. VIII.2.3-5).

ского звания[1]. За весь период IV в. лишь трое представителей сенаторской аристократии предпочли епископский чин светской карьере[2]. В то же время, рост влияния высших иерархов Церкви на политическую жизнь Рима вызывал открытое недовольство представителей римской знати[3].

Однако в Риме не было кровопролитных столкновений между язычниками и христианами. Столичная церковная организация была вынуждена считаться с влиянием языческой знати, а римская аристократия, в свою очередь, опасалась любых крупных брожений народных масс и, следовательно, была заинтересована в поддержании межрелигиозного мира в столице[4]. В значительной степени способствовали поддержанию мира между проживавшими в столице последователями обеих религий и личные связи родственного или дружеского характера между сенаторами - язычниками и представителями римской знати, принявшими христианство[5]. Большинство воцерковленных членов аристократических фамилий разделяли общесословные интересы, равно как и культурные ценности сенаторской аристократии[6].

---

[1] По свидетельству Амвросия Медиоланского, римская знать была возмущена, узнав, что аристократ Павлин предпочел принятие священнического сана членству в сенате. «То, что человек такой семьи, такого происхождения, такого таланта, одаренный таким красноречием», - пишет епископ, - «отделится от сената, что исчезнет наследие благородной семьи, такого, скажут они, снести нельзя. И они, хоть отправляя обряды в честь Изиды, бреют головы и брови, тем не менее, называют недостойным, ежели христианин из ревности к святой религии меняет свои обыкновения» (Amb. Ep. 58.3).

[2] См. *Gilliard F.D.* Senatorial Bishops in the Fourth Century // The Harvard Theological Review. 77. 1984. P. 153–175

[3] Аммиан Марцеллин, выражавший в своем труде интересы языческой аристократии Рима, нещадно критиковал роскошный образ жизни иерархов Церкви, разительно отличавшийся от проповедуемых ими идеалов евангельской простоты. «Наблюдая роскошные условия жизни Рима, - пишет историк, - я готов признать, что стремящиеся к этому (епископскому) сану люди должны добиваться своей цели со всем возможным напряжением своих легких. По достижении этого сана им предстоит благополучие обогащаться добровольными приношениями матрон, разъезжать в великолепных одеждах в экипажах, задавать пиры столь роскошные, что их блюда превосходят царский стол» (Amm. XXVII.3.14-15). Один из лидеров язычников Рима сенатор Веттий Агорий Претекстат насмехался над стяжательством епископа Дамаса «получившего власть подобную царской» (Coll. Avell. 2.83), говоря, «сделай меня римским епископом и в тот же час стану я христианином» (Jerom. C. Iohan. 8).

[4] Так, язычник Веттий Агорий Претекстат, находясь на посту префекта Рима, положил конец кровопролитной борьбе за римскую кафедру между дьяконом Урсином и пресвитером Дамасием, изгнав Урсина из Рима (Soz. VI.23) и «…своим авторитетом и правильными, самой истиной продиктованными приговорами… успокоил волнение, которое вызвало раздоры христиан» (Amm. XXVII.9.9).

[5] *Brown P.R.L.* Aspects of the Christianization of the Roman Aristocracy // The Journal of Roman Studies. 51. 1961. P. 6; *Salzman M.R.* On Roman Time... P. 225. Зачастую представители разных религий уживались в пределах одной семьи. Наши источники сохранили множество свидетельств о существовании полирелигиозных семей среди сенаторской знати. Ярким примером сосуществования последователей христианства и язычников в среде сенаторской аристократии может служить свидетельство Иеронима Стридонского. В письме к Лете Иероним оставил описание общения понтифика Юпитера Цейнония Цецина Альбина со своей христианской внучкой Паулой: «Кто поверил бы, что у понтифика Альбина, вследствие материнского обета, родится внучка, которая, в присутствии обрадованного деда, еще лепечущим языком малютки будет петь Христово «аллилуия»?» (Jerom. Ep. 107.1(87)).

[6] Крайний аскетизм некоторых, принявших христианство представительниц высшего римского общества одинаково возмущал как сенаторов – язычников, так и представителей столичной знати,

Вместе с тем, постепенная потеря языческими культами популярности среди городского плебса и возрастающая на протяжении IV в. враждебность к ним представителей государственной власти, очевидно, вызывали у представителей сенаторской знати опасения за судьбу жреческих привилегий и храмовы земель. По этой причине, на протяжении всей второй половины IV в. сохрани шие веру в древних богов члены сенаторского сословия активно пытались н допустить падения престижа языческих культов среди населения столицы и вся чески препятствовали распространению христианства и пропагандировали вер ность отеческим богам[1].

Одним из способов пропаганды язычества в Риме было распространени среди населения столицы конторниатов – монетовидных бронзовых медальоно с языческой символикой[2]. На конторниатах изображались языческие боги например Изида и Серапис[3], мифологические сценки, а так же такие легендар ные и исторические личности как, например, император Нерон и Аполлоний Тианский[4], образы которых, очевидно, оскорбляли религиозные чувства христи ан. Выпуск конторниатов, впервые зафиксированный в 354 или в 356 г., про должался вплоть до конца IV в.

Стремление поддержать позиции язычества проявилось и в строительной деятельности представителей сенаторской аристократии. Так, в 350-380 гг представители языческой знати были ответственны за реконструкцию древних

принявших новую веру. См. *Yarbrough A.* Christianization in the Fourth Century: The Example of Roma Women // Church History. 45. 2009. P. 154–157.

[1] Активная деятельность язычников в Римском сенате, направленная на поддержание традиционных культов, даже дала некоторым исследователям повод говорить о «языческом возрождении» во вто рой половине IV в. См.: *Moore C.H.* The Pagan Reaction in the Late Fourth Century // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 50. 1919. P. 122–134; *Bloch H.* A New Document o the Last Pagan Revival in the West, 393-394 A.D... P. 199–244; *Robinson D.N.* An Analysis of the Pagan Revival of the Late Fourth Century, with Especial Reference to Symmachus... P. 87–101; *Watts D.* Religion in late Roman Britain: forces of change. London; New York: Routledge, 1998.

[2] Как предположил В.М. Брабич, конторниаты были памятными или наградными жетонами подарками, которые раздавали на зрелищах в дни январских календ, как символ грядущего процве тания. Вероятно, передача конторниата символизировала пожелание дарителя счастливо и благоче стиво прожить будущий год «по заветам предков» (*Брабич В.М.* Конторниаты из собрания Государ ственного Эрмитажа // ВДИ. 1966. №2. С. 168-169). О конторниатах см.: *Alföldi A.* Die Kontorniaten, ein verkanntes Propagandamittel der stadtrömischen heidnischen Aristokratie in ihrem Kampf gegen das christliche Kaisertum. Budapest; Leipzig, 1943; *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропоганды офи циальной политики Римской Империи. М.: Ин-т археологии РАН, 1995. С. 467-469.

[3] *Turcan R.* The Cults of the Roman Empire. Oxford: Wiley-Blackwell, 1996. P. 124.

[4] В III–IV вв. Аполлоний Тианский выступал языческим «святым» и героем, противопоставляемым Иисусу Христу (См. *Dzielska M.* Apollonius of Tyana in legend and history. Roma: L' Erma di Bretschneider, 1986. P. 153-158). Интересно отметить, что Аполлонием Тианским интересовался один из лидеров языческой оппозиции в римском сенате Вирий Никомах Флавиан. По свидетельству Сидония Аполлинария, Флавиан перевел на латынь труд Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского» (Sid. Ep. VIII.3.1).

[5] В 367-368 гг. один из лидеров римских язычников Веттий Агорий Претекстат, находясь на посту префекта города Рима, распорядился восстановить и заново освятить портик двенадцати богов-покровителей римского народа и сената, установленный еще во времена республики (CIL VI 102). Кроме того, стремясь защитить римские храмы от частых пожаров, Претекстат приказал разрушить

и возведение новых[1] храмов и алтарей. Мероприятия языческой знати по защите объектов языческого культа не ограничивалась территорией Римом и окрестностями столицы – активизировалась и патронажная деятельность сенаторов-язычников по отношению к провинциальным культам[2].

Вышеперечисленные примеры поддержки язычества не следует объяснять исключительно материальной заинтересованность представителей столичной знати в судьбе языческого культа. Наблюдаемый в IV в. рост вотивных надписей посвященных языческим богам представителями сенаторского сословия, свидетельствует о том, что последователи древних богов продолжали сохранять живое религиозное чувство и искреннюю веру в ритуалы отеческой религии. Можно предположить, что угроза, нависшая над язычеством, вследствие распространения христианства, усиливала ревность сенаторов-язычников к древней вере и, тем самым, способствовала укреплению позиций языческих культов в среде римской аристократии. Так, с начала IV в. в Риме наблюдается возрождение культа Великой Матери и Атиса, выраженное в стремительном росте популярности обряда тавроболий, служившего аллегорией перерождения, среди римской аристократии[3]. В полной мере сохранилась и даже укрепилась среди столичной аристократии популярность культа Митры[4]. Согласно свидетельствам христианских авторов, множество представителей сенаторского со-

---

мэнианы - частные пристройки, примыкавшие к культовым строениям (Amm. XXVII.3.10; о реставрационной деятельности Претекстата в Риме см.. *Kahlos M.* The Restoration Policy of Praetextatus // Arctos., 1995. P. 39–47; *Ведешкин М.А.* Веттий Агорий Претекстат и языческая оппозиция в римском сенате // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 13 (108). Вып. 19. 2011. С. 29–30). Множество старинных построек, в том числе и языческих храмов, было восстановлено стараниям префекта Рима - язычника Клавдия Цезария в 374 г. (Amm. XXIX.6.17). Около 375 г. префект ан…ны Семпроний Фауст восстановил один из храмов Изиды (PLRE I. Faustus 9).

[1] В 357-359 г по приказу префекта Орфита в столице было заложено новое святилище Аполлона (ILS. 3222), около 360 г. сооружен грандиозный храм на Яникуле (*Gee R.* The Lucus Furrinae and the Syrian Sanctuary on the Janiculum: Encroachment? Or Renovation and Transformation? // Bollettino di Archeologia on line. Volume speciale. 2008. P. 45), а в 384 г. префект Рима Квинт Аврелий Симмах построил храм Венеры (CCP. 114).

[2] Так, в 364 или в 365 г., благодаря ходатайству Веттия Агория Претекстата, занимавшего должность проконсула Ахайи, был снят запрет на отправление ночных жертвоприношений, не связанных с запрещенными гаданиями и волхвованием (Zos. IV.3.3). Активно содействовал восстановлению культовых зданий и статуй во вверенной ему провинции ревностный язычник Цейоний Цецина Альбин, занимавший в 364-367 гг. пост консуляра Нумидии (*Sears G.* The Fate of the Temples in North Africa // The Archeology of Late Antique «Paganism». Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 235; *Дилигенский Г.Г.* Северная Африка в IV-V веках. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961. С. 151). Согласно сообщению Евнапия, некий сенатор Юст, отправлявший обязанности викария Азии около 380 г., «воздвел алтари в Сардах (где их дотоле не было); также не оставлял без внимания развалины ни одного храма, где бы не встретил таковые, намереваясь восстановить их» и, кроме того, покровительствовал представителям местной языческой интеллигенции (Eunap. V. Soph. 503-504).

[3] См. *Duthoy R.* The taurobolium. Its evolution and terminology. Leiden: Brill, 1969. P. 14–24. Косвенным свидетельством популярности культа Кибелы среди представителей сенаторского сословия является и многочисленные обличения связанных с ним мифов и практик у христианских писателей западных провинций. См. Arnob. I.41; II.73; III.32; IV.29; 35 etc; Firm. III.1-5; Prud. Peris. X. 1000-1050; Aug. De Civ. VII.26; CCP. 106-109.

[4] См. *Griffith A.B.* Mithraism in the private and public lives of 4th-c senators in Rome. Electronic Journal of Mithraic Studies. 1. 2000. P. 1-26.

словия являлись ревностными приверженцами культа Изиды, Сераписа и Осириса[1]. Некоторые сенаторы–язычники были почитателями сразу нескольких языческих культов[2].

Таким образом, на протяжении IV в. большая часть столичной аристократии не только сохраняло приверженность язычеству, но и активно сопротивлялось христианизации, что выразилось в проведении различных мероприятий направленных на укрепление и поддержания статуса традиционных римских культов.

THE PAGAN ARISTOCRACY OF ROME AND CHRISTIANITY (312-380 AD.)

M.A. Vedeshkin (Moscow)

This article explores the relationship of a senatorial aristocracy of Rome to Christianity. Despite the conversion of part of the roman nobility to Christianity, most of the capital's aristocracy remained committed to paganism and actively resisted Christianization, which was expressed in various activities designed to strengthen and maintain the status of traditional Roman cults.

Key words: Late Antiquity, Roman Empire, senate, paganism, Christianity.

NEMO SE HOSTIIS POLLUANT ФЕОДОСИЯ ВЕЛИКОГО[3]

В.Н. Кузнецов

К концу IV в. в Римской империи противостояние христианства и язычества достигает своего апогея. Император Феодосий издает ряд законов направленных на окончательное уничтожение язычества. Эти события протекают на фоне усилившегося кризиса империи.

Ключевые слова: Феодосий Великий, поздняя Римская империя, религиозная политика, борьба с язычеством

Весной и летом 391 г. Феодосий возвращается в Константинополь, после трех лет пребывания на западе империи. В Италии и Галлии в то время было относительно спокойно. В этот период большинство представителей политической верхушки все еще придерживалось язычества. Например, Никомах Флавиан, в то время преторианский префект Италии, был ярым приверженцем язычества[4].

В 391 г. перемирие Феодосия с языческой элитой обрывается новым законом, который не только запрещал любые жертвоприношения, но и впервые

---

[1] См. CCP. 97-102; Amb. Ep. 58.3; Aug. Conf. VIII.2.3.

[2] Так, сенатор Луций Арадий Валерий Прокул был авгуром, старшим понтификом, квиндецемвиром и понтификом Флавиев (CIL. VI.1694; VIII.24521). Сенатор Веттий Агорий Претекстат за свою жизнь занимал почти все возможные магистратуры, сопряженные с отправлением государственного культа, был адептом культов Изиды и Кибелы, достиг высших степеней посвящения в Элевсинских мистериях и таинствах Митры. Супруга Претекстата Фабия Акония Паулина была посвящена в Элевсинские и Лернийские мистерии, являлась ревностной почитательницей культов Цереры, Гекаты, Великой Матери и Исиды (CIL. VI.1779-1780).

[3] Статья подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта для аспирантов и студентов НИ «БелГУ» 2013 г.

[4] *Martindale J.R.* Prosopography of the Later Roman Empire (PLRE I), Cambridge, 1980. P. 347.

ограничивающий доступ к святыням[1]. Вслед за этим законом последовал и ряд других, еще более жестких, которые не должны были оставить и следа язычества. Теперь, Феодосий для языческой верхушки не представлялся терпимым правителем, а все больше в их глазах превращался в религиозного фанатика. Старательно построенный религиозный баланс был разрушен[2].

Существует ряд мнений о столь внезапной жесткости религиозной политики Феодосия[3]. Предполагается, что это была первая фаза искоренения ереси, и теперь он был готов приступить ко второй, более радикальной[4]. Считается, что на Феодосия оказали сильное влияние Флавий Руфин и епископ Амвросий Медиоланский[5].

Все это могло быть возможным, но прослеживается политическая неосмотрительность в проведении этих законов. Первый закон от 24 февраля 391 г. обсуждался в Милане с префектом Флавианом, который должен был следить за соблюдением закона, к которому он, будучи язычником, относился крайне негативно[6]. Второй был адресован непосредственно Флавиану, который в этот момент замещал императора[7]. Это не было похоже на действия ловкого и умелого политика, но у Феодосия окруженного языческой аристократией просто не было другого выбора. Он готов был продолжать эту политику несмотря на очевидные сложности в ее осуществлении[8]. Поскольку в языческих кругах считали, что эти законы, по сути, легализовали разрушение языческих храмов и покрывали вандалов и мародеров.

Учитель Иоанна Затоуста Либаний, в ответ на такую реакцию на политику Феодосия замечает, что здесь нужно действовать силами убеждения, а не принуждения. С одной стороны, Феодосий, безусловно, побаивался действовать только силами принуждения после казни испанского еретика Присциллиана и его последователей[9]. С другой стороны, в окружении языческой элиты, у Феодосия не было причин действовать мягче. И лишь политическая обстановка не давала ему насильно обращать в христианство свое окружение[10].

В остальных направлениях политики Феодосию удавалось удержать баланс между противоборствующими политическими течениями, но в религиозной политике это не представлялось возможным. Представители христианства и язычества тянут Феодосия в разные стороны, ему трудно совмещать в себе хри-

---

1 C.Th. X 1.12.
2 *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 248-602: A social economic and administrative survey. P. I., Johns Hopkins University Press, 1986. P.168.
3 *Matthews J.F.* A Pious Supporter of Theodosius I: Maternus Cynegius and his family // JThS. Vol. 18. 1967. P. 136.
4 *Friell G., Williams S.* Theodosius, The empire at bay. Yale university press, 1995. P. 90.
5 PLRE I 778–781.
6 C.Th. XVI, 10.
7 C.Th. XVI, 7, 4–5.
8 *King N.* The Emperor Theodosius and the Establishment of Christianity, Philadelphia: The Westminster Press, 1961. P.36.
9 *Friell G., Williams S.* Theodosius, The empire at bay. Yale university press, 1995. P. 91.
10 Там же.

стианина и политика. В итоге он строго подавляет язычество, запрещая даже самые рядовые обряды.

Первый закон, *Nemo se hostiis polluant*[1], решительно запрещает любые жертвоприношения, и впервые, традиционные государственные церемонии, которые до сих пор практиковались в Риме. Закон запрещал приближаться к святыням, а нарушившие закон, должны были быть оштрафованы. Причем мужчины, которые занимали высокое положение в обществе, в случае пренебрежения закона должны были заплатить пятнадцать фунтов золотом[2]! Эллинистическое многобожие, а вместе с ним важнейшая часть классической традиции рассматривалось теперь через призму христианского отношения к любым проявлениям язычества. Разумеется, большинство людей понимали, что в буквальном смысле слова язычники не поклонялись своим артефактам, но относились к ним как к зримым символам своих богов[3].

Следующий закон от 9 июня прямо запрещает отступничество, которое теперь наказывалось лишением завещательного права. Третий закон от 16 июня повторяет февральский закон специально для Египта, где Александрия, как и Рим пользовалась особыми привилегиями для проведения своих культов, в том числе и обрядов жертвоприношения[4]. Жертвоприношения в Египте были, как и в Риме, широко распространены. Поскольку считалось, что без этих обрядов пострадает река Нил, которая для египтян была крайне важна. Без нее возделывание земли в регионе было невозможно[5].

По мнению Либания, предыдущие правители из числа христиан не отваживались на столь радикальные меры не только потому, что не хотели вступать в жесткую конфронтацию со сторонниками язычества на политической арене, но и попросту боялись, что их покарают языческие божества, которых они оставили[6]! Феодосий был первым, кто не побоялся «гнева богов».

Сейчас сложно говорить насколько точно соблюдались эти законы. Поскольку многие из тех, кто должен был следить за соблюдением этих законов, сами оставались язычниками. Можно лишь утверждать то, что в Риме официальные жертвоприношения и обряды, которые, как верили язычники, способствовали защите города, больше не проводились, так как они теперь были лишены финансирования. Но по дошедшим до нас археологическим данным жертвоприношения теперь продолжали осуществляться в частном порядке. Можно предположить, что теперь частные дома становятся местами языческого поклонения, подобно тому, как ранее они выполняли функцию христианских храмов. К этому периоду относится множество надписей посвященных Либеру, Исиде, Гекате и другим языческим богам в одном из таких «частных» храмов недалеко

---

[1] *Nemo se hostiis polluant* – Никто себя да не пятнает жертвами.
[2] *Friell G., Williams S.* Theodosius, The empire at bay. Yale university press, 1995. P. 91.
[3] PLRE I. 140–141.
[4] C.Th. XVI, 10, 11
[5] Ammianus XXII, 15.
[6] Libanius, Or. 30, 18.

от современного Ватикана[1]. Известно, что в ряде важнейших языческих ритуалов использовались благовония, запах которых выдавал места проведения обрядов. Поэтому, в условиях гонений, язычникам становится довольно сложно скрываться даже в частных домах[2].

Эти законы были серьезным потрясением в аристократических кругах, где по-прежнему оставалось еще множество язычников. Их лидеры Веттий Агорий Претекстат[3], Квинт Аврелий Симмах, Руфий Альбин[4], идеализируются в Сатурналиях Макробия.

В отличие от городов, в сельской местности за счет отсутствия сильного административного управления с вступлением в силу законов мало что меняется. Святыни сохраняются, языческие храмы продолжают посещаться. Например, на территории современной Великобритании есть примеры строительства языческих храмов древнеримского типа относящихся к последней четверти IV в.[5] Здесь старались избегать только незаконных жертвоприношений. Скорее всего, это не было сознательным уклонением от соблюдения закона, поскольку языческими ритуалами здесь была пропитана повседневная жизнь. И пусть несколько в ослабленной форме, в сельской местности язычество оставалось.

В Александрии на почве антиязыческого закона вспыхивают беспорядки между христианскими и языческими группировками. Здесь основной целью осуществлявших указ Феодосия становится большой храм Сераписа. Серапис – эллинистическое божество, культ которого был широко распространён на территории Египта, сочетавшее в себе атрибуты Зевса и Осириса[6]. В этом храме проводились церемонии связанные с измерениями разлива Нила. И, по мнению местных язычников, состояние Нила напрямую зависело от Сераписа. Храм был одной из наиболее впечатляющих построек того времени. Аммиан говорит о нем следующее: «Слабые слова могут только умалить его величие. Его залы украшены огромными колонами, статуи настолько реалистичны, что почти дышат. Из произведений искусства он на втором месте в мире после Капитолия, что поднимает Рим к вечности. В мире нет ничего пышнее»[7]. В центре храма возвышалась колоссальных размеров статуя Сераписа[8].

Язычники были окружены в храме, где они убивают нескольких заложников из числа христиан. По словам христианского историка Руфина, ответ Феодосия на эти беспорядки не заставил себя долго ждать. По требованию Феодосия, убитые христиане должны были считаться святыми мучениками, по отношению к их убийцам не должно было предприниматься жестких мер, но любые языческие символы, как причина беспорядков, должны были быть уничтожены,

---

[1] *Friell G., Williams S.* Theodosius, The empire at bay. Yale university press, 1995. P. 92.
[2] C.Th. XVI, 10, 16–17.
[3] PLRE. I. 722–724.
[4] PLRE. I. 38.
[5] *Friell G., Williams S.* Theodosius, The empire at bay. Yale university press, 1995. P. 92.
[6] Там же.
[7] Ammianus XXII, 16, 12.
[8] *Friell G., Williams S.* Theodosius, The empire at bay. Yale university press, 1995. P. 93.

а их храмы должны были теперь стать светскими зданиями.[1] С принятием этого решения, христиане во главе с епископом Феофилом и префектом Евагрием, принялись исполнять указ Феодосия.

Руфин сообщает, что даже после этого решения, множество христиан боялись уничтожать языческие статуи, опасаясь «божественного возмездия». И лишь после того как епископ Феофил сам нанес первый удар, толпа осмелела и принялась уничтожать языческие символы. Как сообщает Евнапий, то, что христиане не смогли разрушить, они восполняли мародерством, и сняли бы даже полы в храме, если бы смогли сдвинуть плиты. Все это было далеко от постановления Феодосия. Язычники были удручены, а христиане ликовали. Египетские христиане всерьез боялись, что с уничтожением храмов вода в Ниле перестанет прибывать, но уровень воды вырос как обычно, и люди успокоились.

Считается, что вместе с храмом была и уничтожена огромная библиотека, по крайней мере, судьба тысяч томов неизвестна. Вполне вероятно, что это дело рук тех, кто уничтожил храм. Эпизод с уничтожением храма Сераписа считался важной вехой, как и христианами, так и язычниками.

Либаний считал, что храмы для сельской местности были крайне важны. Они являлись главной опорой для местного населения и плотно вошли в повседневную жизнь. С разрушением храмов крестьяне стали полагать, что их усилия теперь бесплодны и хорошего урожая теперь не будет[2].

Храмы были уничтожены во многих местах без каких-либо имперских неодобрений. В Галлии аналогичная компания «очистки» была начата Мартином Турским[3]. После десяти лет перемирия, язычество снова было вынуждено отступить. Конечно, еще множество представителей аристократии, будучи язычниками, избегали наказаний. Например, префекты Флавиан на Западе и Татиан на Востоке оставались язычниками[4]. Для соблюдения собственных интересов императоры могли пойти на такое несоблюдение закона.

В то время интеллектуальная культура была неотделима от языческой традиции и, как правило, лучшие учителя были язычниками. И множество представителей христианской аристократии учились у языческих учителей. Таким очевидно существование мощных социальных связей между христианством и язычеством, и вбить клин между ними до Феодосия не решался никто. И не смотря на наличие у власти многих открытых язычников, обеспечить надежную защиту язычникам среди широких слоев населения они не могли. На местах они могли сорвать или приостановить выполнение законов, спасти людей от судебного преследования, но в долгосрочной перспективе они были бессильны перед волной вандализма под управлением епископов и монахов, действовавших под прикрытием указа императора[5].

---

[1] Rufinus 11, 22.
[2] Libanius. De Templis.
[3] Sozomen 7, 15.
[4] PRLE. I. 867–868.
[5] *Friell G., Williams S.* Theodosius. The empire at bay. Yale university press, 1995. P. 94.

Четвертый закон от 8 ноября 392 г. был абсолютно бескомпромиссен. По сути это выглядело так, как будто бы сейчас тоталитарный атеистических режим ввел бы уголовную ответственность за любые религиозные проявления, например, за обычай красить яйца на пасху предавали бы суду. Новый закон запретил любые жертвоприношения независимо от социального положения совершающих обряд. Нарушение закона каралось смертью. Любое выражение языческой символики запрещалось, а дома, в которых совершались языческие ритуалы, должны были быть конфискованы. Даже безвредные ритуалы, ставшие со временем социальными обычаями, были под строжайшим запретом. В глобальной идеологической войне «Света против Мрака» не было ничего безвредного[1]. Амвросий по этому поводу сообщает следующее: «Феодосий по примеру Иакова вытеснил вероломных тиранов и изгнал языческих идолов, ведомый своей верой запретил поклонение идолам и их церемонии»[2].

Закон вызывает бурю негодования среди простого населения. Язычество было в какой-то степени универсально, оно принимало новых богов. В свою очередь христианство было в этом отношении бескомпромиссным. Таким образом, начинает образовываться пропасть между христианством и язычеством. Язычество было древним, традиционным и имело глубокие культурные корни, но в отличие от христианства не имело столь высоко дисциплинированной церкви и строгих догматов. Язычники столкнулись с объединенными силами императора, законов и воинствующего клерикализма. Язычество теперь могло лишь быть прерогативой высшего общества, чье социальное положение было неотделимо от их религиозных традиций[3]. Стараниями Феодосия, принадлежность к христианству теперь была наравне со статусом римского гражданина.

О сопротивлении христианству как ранее теперь не могло быть и речи. Христианство опиралось на императора и поддерживалось законами. Если при Константине христианство только начало обретать государственный статус, то теперь при Феодосии оно серьезно укрепилось в империи. С осторожностью мы можем предположить, что при Феодосии духовная власть становится выше светской.

Финальный из антиязыческих законов, вышедший в 392 г. из Константинополя, когда уже серьезно ощущалась разница между Востоком и Западом многими историками отмечается как последняя агония единой Римской империи. Существуют множество причин распада империи, но мало кто уделяет внимание тому, что языческая культура была серьезной опорой единой империи.

Вероятно, что Феодосий видел в христианстве гарант единства империи. Возможность того, что империя окажется в сильных руках, было маловероятно, так как его сыновья еще были малы. Аркадию было 14, а Гонорию всего 7 лет. Понятно, что положение было крайне нестабильным, и после 388 г. Феодосий уже мало что мог изменить.

---

[1] Ibid.

[2] Ambrose, De Obitu.

[3] *Friell G., Williams S.* Theodosius. The empire at bay. Yale university press, 1995. P. 95.

Свод антиязыческих законов закрепил победу христианства в Римско империи, но одновременно с этим усугубил кризис между частями империи.

NEMO SE HOSTIIS POLLUANT OF THEODOSIUS THE GREAT

V.N. Kuznetsov

By the end of the IV century in the Roman Empire, Christianity and paganism confrontation reaches its climax. Emperor Theodosius issued a number of laws aimed at the final destruction of paganism. These events take place against the background of intensified crisis of empire.

Key words: Theodosius the Great, later Roman empire, religious policy, fight against paganism.

КОНФЛИКТ ПОЛКОВОДЦЕВ ФЕОДОСИЯ ВЕЛИКОГО (ПРОМОТА, АБУНДАНЦИЯ И ТИМАСИЯ) С «ЕВНУХОМ-КОНСУЛОМ» ЕВТРОПИЕМ В ИЗОБРАЖЕНИИ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ АВТОРОВ

Д.Е. Богданов

В статье рассматривается вопрос о причинах конфликта евнуха-кувикулярия Евтропия, возвысившегося после подготовленного им убийства Руфина, и соратников Феодосия Великого, и его результатах, предопределивших положение Евтропия в следующие несколько лет.

Преобразование античного общества в средневековое до недавнего времени не находилось в центре внимания исследователей, несмотря на то, что это одна из наиболее сложных и комплексных проблем в исторической науке[1].

Процессы трансформации общественных институтов в этот период времени сопровождались ожесточенной политической борьбой, масштабы которой превосходили многократно перипетии прошедших лет: всё IV столетие было заполнено bella omnia contra omnes, многочисленными религиозными и социальными конфликтами[2]. В V в. смута возрастала: после смерти Феодосия Римская империя, единству которой неустанно угрожали сепаратистски настроенные западные провинции, оказалась разделена между наследниками императора, фактическими правителями при которых являлись его соратники – magister militum praesentalis Флавий Стилихон на Западе (Zos.IV, 59.3) и патриций Флавий Руфин на Востоке (Zos.V, 1.1).

Противостояние между дворами, начатое ещё в последние годы правления Феодосия, привело к желанию могущественных царедворцев распространить свою власть и на другую часть империи. Приступая к достижению этой цели, Руфин желает породниться с императором Востока Аркадием, выдав замуж за него свою достигшую брачного возраста дочь, однако, становится объектом народной ненависти «из-за своей жестокой надменности и постоянно растущей похвальбы» (Zos.V, 1.1).

---

[1] См.: *Болгов Н.Н., Литовченко Е.В., Смирницких Т.В.* Поздняя античность: специфика эпохи и новые подходы к изучению // Гуманитарная наука в современной России: состояние, проблемы, перспективы развития. Материалы IX Региональной НПК. Т. 1. Белгород: 2007. С. 47-55.

[2] См.: *Bury J.P.* History of the Later Roman Empire. Vol. I. L., 1923.

Флавий Руфин, являвшийся объектом ненависти большинства влиятельных вельмож Восточного двора из-за его постоянного желания обогатиться за их счёт (Zos.V, 3.1), не сумел претворить в жизнь свои планы, поскольку его соперники тайно договорились о совместных действиях со Стилихоном (Zos. V, 7). Обвинённый в заговоре против Аркадия и тайных переговорах с варварами, Руфин «был заслуженно обезглавлен перед городскими воротами воинами из Италии, которые были отправлены к Аркадию вместе с комитом Гайной» (Marcell.Chron. 395, 5).

Не последнюю роль в этом убийстве сыграл евнух Евтропий (см о нём PLRE II, 440-444), возглавлявший одну из влиятельнейших придворных партий, объединявшую карьеристов и честолюбцев, которые на первое место ставили устроение своих личных дел. Греческая аристократия и народ, по оценкам византинистов классической школы, не были союзниками Евтропия и не могли поддерживать его даже в том случае, если бы он резко выступил против германцев[1].

Именно Евтропий, занимавший важный пост praepositus sacri cubiculi или кувикулярия (Marcell. Chron. 395, 5), воспрепятствовал осуществлению династических планов Флавия Руфина, устроив при помощи Стилихона брак императора Аркадия с Евдоксией, дочерью франкского военачальника и одного из командиров римской армии Баутона (Zos. V, 3.3). Активное участие в устроении этого брака приняли и сыновья Промота, воспитывавшие в своём доме дочь боевого товарища своего отца, погибшего вместе с ним, по косвенным данным, от руки убийц-варваров, подосланных Руфином.

Стилихон, после успешного устранения конкурента, надеялся захватить в свои руки Восток, но встретил отпор в лице временщиков «изнеженного» Аркадия[2] и повел себе крайне благоразумно, стараясь предупредить междоусобную войну и не принимая активного участия в дальнейшей политической борьбе политических сил за влияние на Востоке.

Император, попав под сильное влияние жены, был вынужден признать, что свершившееся деяние не было сокрыто от него. Выражая своё предпочтение, он тут же конфисковал все имения Флавия Руфина, накопленные вымогательством и угрозами, но не стал возвращать их законным владельцам, а передал в качестве дара своему резко возвысившемуся фавориту – Евтропию.

Так, фактически, евнух-кувикулярий обрёл всю полноту императорской власти и даже позволял себе выступать от его имени, используя это положение себе на пользу и не считаясь с интересами иных влиятельных вельмож, что, в свою очередь, предопределило возникновение заговора против него.

После свержения Руфина, одним из наиболее мощных политических блоков становится коалиция влиятельных вельмож: Тимасия и Абунданция, заработавших авторитет во время походов императора Феодосия Великого, удостоен-

---

[1] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. I. М., 1996. С. 158.
[2] *Кулаковский Ю.А.* История Византии. 395-518 годы. СПб., 1996. С. 163.

ных почётного консульского звания (389 г. – Тимасий, 393 г. – Абунданций) и принимавших непосредственное участие в устранении «опекуна» Аркадия.

Первым делом евнух-кувикулярий удаляет с политической арены Абунданция (PLRE 1: 4-5) и Тимасия (PLRE 1: 914-915) (Zos. V, 9), которые вынуждены бежать от него в Пифий на побережье Чёрного моря. Он неоднократно посылает к ним убийц и конфискует их имущество. Теперь его всемогуществу, при беспомощности императора Аркадия, препятствует только Стилихон, союзник в устранении Руфина, командующий многочисленным, закалённым миссией в Персии войском варваров[1].

Отношения со Стилихоном превращаются из дружественных во враждебные, и он становится для Стилихона противником, гораздо более опасным, чем Руфин. В 397 г. Евтропий объявил Стилихона врагом государства, конфисковав все его имения[2].

Летом 398 г. Евтропий разбил гуннов и с триумфом вернулся в Константинополь, где был десигнирован на консульство следующего года. Как и сан патриция, полученный Евтропием, консульство никогда не доставалось евнухам[3].

Получение должности консула Евтропием стало шоком для всего тогдашнего мира. Стилихоновская пропаганда не могла упустить возможности разработать тему надругательства над обычаями предков (mosmaiorum) и Клавдиан рисует поистине жуткую картину: «евнух-консул» превосходит все дурные знамения:

«Полузвериный плод, и дитя, ужаснувшее матерь,
И среди стен градских в нощи раздавшийся волчий
Вой, и обретшее речь, ужасая пастыря, стадо,
Камнями сеющий тягостный дождь и то, как багрится
Тучей кровавой Юпитер немилостный, кровью вскипевши
Кладези и в небесах сретающись луны двойные,
Солнцы сугубы – пусть более мир сему не дивится.
Дивам всем отступить перед евнухом-консулом должно...»

(Eutr., I, 1-8).

Возвращение изгнанных вельмож состоялось уже после краха Евтропия, переоценившего свои возможности и пытавшегося контролировать всех без исключения царедворцев. Мятежное выступление Гайны, предпринятое по инициативе царицы Евдоксии, полностью подчинившей себе молодого императора и, возможно, посчитавшей Евтропия теперь бесполезным, стало концом могущества Евтропия: консульство и зенит славы для евнуха-кувикулярия сменились стремительным падением и потерей всего состояния и всего могущества – недовольные и обиженные им объединились, требуя возмездия, от которого не спасло и заступничество Иоанна Златоуста, и отправленный в ссылку на Кипр по

[1] See: *O'Flynn J.M.* Generalissimos of the Western Roman Empire. Edmonton, 1983.
[2] *Кулаковский Ю.А.* Там же
[3] Клавдий Клавдиан. Указ соч. С. 544

указу императора Евтропий вскоре был обезглавлен по обвинению в ношении императорских одежд.

THE CONFRONTATION OF THE MILITARY LEADERS OF THEODOSIUS THE GREAT (PROMOTUS, ABUNDANTIUS AND TIMASIUS) AND EUNUCH-CONSUL EUTROPIUS IN REPRESENTATION OF THE LATE ANTIQUITY AUTHOURS

D.E. Bogdanov

The paper is considering the confrontation of the military leaders of Theodosius the Great (Promotus, Abundantius, Timasius) and eunuch-consul Eutropius. It analyses the reasons of this situation and the results of that confrontation which predetermine the Eutropius's position in the following years.

К ПРОБЛЕМЕ СОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РИМА С ВЕСТГОТАМИ В IV – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ V В.

Д.В. Наумов

В статье рассматриваются отношения Рима с вестготскими племенами в IV - первой четверти V в. Подчеркивается противоречивость и неоднозначность союзнических отношений рассматриваемых политических сил. Также предпринимается попытка выявить причины, приводившие к противоречиям римлян и вестготов.

Ключевые слова: Поздняя античность, Рим, вестготы, союзники.

Римляне издавна умели использовать чужие силы для решения своих проблем, прежде всего военных[1]. Однако в эпоху Поздней империи ситуация начала резко меняться в неблагоприятную для римлян сторону – союзники стали жизненны необходимы для защиты своих границ и сохранения государства. Здесь необходимо сказать о том, что термин «союзник» теснейшим образом связан с термином «федерат». Различить союзников и федератов в источниках не представляется возможным[2]. Как правило, в роли подобного рода союзников Рима выступали те племена и народы, которых не удавалось покорить силой римского оружия, и военное могущество которых можно было обратить во благо империи.

С усилением натиска варваров на римские рубежи и серьезными внутренними проблемами государства, римлянам все чаще приходилось идти на такие шаги. В созданной Римом державе взаимодействие с миром «варваров» было для римских властей не только геополитической пограничной проблемой, но и актуальным вопросом военного строительства и внутренней социальной политики[3]. Важное место в системе внешнеполитических связей Рима этого периода занимают племена вестготов, которые с 322 г. имели статус римских федератов, и здесь уместно привести характеристику, данную Э. Гиббоном франкам и ала-

---

[1] *Ермолова И.Т.* Римская империя и федераты в IV в.- URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml (дата обращения 28.09.13)

[2] Там же

[3] *Махлаюк А.В.* Процесс «варваризации» римской армии в оценке античных авторов // Античный мир и археология. Саратов, 2002. Вып. 11. С. 123.

нам, которую с успехом можно применить и к вестготам – «эти варварские союзники были не менее страшны для подданных Рима, чем для его врагов»[1].

С этого периода Рим и вестготы вступают в период сложных и противоречивых отношений, когда они, то вступали в военный конфликт друг против друга, то выступали в качестве союзников в борьбе с общей опасностью. В 315 г. Константин воевал против готов на Дунае и укрепил дунайскую границу. Вестготы оставались федератами империи и в 324 г. участвовали в битве при Хризополисе на стороне Лициния против Константина. В 328 г. Константин построил мост на Дунае и продолжал вести военные действия против готов. В 332 г. он нанес поражение готам, пытавшимся захватить земли сарматов между Тиссой и Дунаем. После этого готы вновь признали себя федератами. Был заключен договор: готы должны были ежегодно получать от римского правительства продовольствие и деньги, обязуясь в свою очередь предоставлять империи вспомогательные войска, нести сторожевую службу на Дунае.

Таким образом, уже в III-IV вв. вестготы оказывали существенное и разнообразное воздействие на ход исторического развития Римского государства. Характер взаимоотношений между данными двумя политическими образованиями определялся соотношением сил.[2] То варвары опустошали римские территории и захватывали военную добычу, получали дань от римлян, то упрочение Империи давало ей возможность частично истреблять варваров, обращать пленных в рабов и колонов. Относительное равновесие сил вело к тому, что варвары, остававшиеся на своей территории, принимали статус федератов. Но, во всяком случае, вестготские племена оставались потенциальными противниками империи.[3] Римские провинции были для них объектом грабежа, а при благоприятных обстоятельствах и территорией для поселения.

В 378 г. готы нанесли империи сокрушительное поражение в битве при Адрианополе, в результате которой погиб император Валент. Это поражение повергло в шок современников и вместе с тем заставило переосмыслить систему отношений Рима со своими готскими федератами. Что касается взаимоотношений между вестготским обществом, с одной стороны, Римской империей — с другой, то «готский вопрос» стал одной из самых острых политических проблем для правящих кругов римского государства.[4] Окончательно стало ясно, что варвары стали той силой, с которой уже невозможно не считаться, к тому же потеряв значительную часть своей армии под Адрианополем, римлянам были нужны не только союзники, но и войска для пополнения армии.

В 382 г. Рим и вестготы заключили между собой мирное соглашение, по которому вестготы вновь признавали себя федератами империи, они обязыва-

---

[1] *Гиббон Э.* Закат и падение Римской империи, в 7 т. Т.4. М., 1996. С. 21.

[2] *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских государств – URL: http://historylib.org/historybooks/A--R--Korsunskiy--R--Gyunter_Upadok-i-gibel-Zapadnoy-Rimskoy-Imperii-i-vozniknovenie-germanskikh-korolevstv/4 (дата обращения 30.09.13)

[3] Там же.

[4] Там же.

лись предоставлять свои военные контингенты в случае необходимости, но продолжали управляться своими вождями и были свободны от налогов.

Однако, как и в прежние времена, мир был недолгим и в 410 г. вестготы во главе с Аларихом захватили и разграбили Рим. Это стало результатом целого комплекса факторов, складывавшихся в предыдущие годы. Италия в начале V в. была плохо подготовлена к тому, чтобы выдержать такое серьезное испытание, как вторжение вестготов. [1] Для этой части империи, как и для других, был характерен кризис в экономике, основанный на эксплуатации провинций. К тому же нехватка рабочих рук, несмотря на большое количество рабов и колонов, приводила к запустению многих территорий, и они оставались не возделанными [Zosim. V. 42]. Рим получал хлеб из Испании и Африки, и потому нарушение поставок из этих провинций грозило обернуться голодом.

Не менее острым был кризис политический. Сенат в Риме играл роль совещательного органа, реальное руководство политической жизнью принадлежало имперской бюрократии. Армия в основной своей части состояла из варваров. Сенаторам было предоставлено право заменять постановку рекрутов платежами. Внутри господствующего слоя империи происходила борьба. В Западной империи, как и на Востоке, часть правящих кругов занимала «антигерманскую» позицию, оказывала сопротивление фактическому правителю Запада Стилихону, добивавшемуся компромисса с вестготами.[2] Периодически усиливались противоречия между Западной империей и Восточной, прежде всего, из-за восточной Иллирии (Дакийского и Македонского диоцезов), на которую претендовал Стилихон.

Итогом этого стало убийство Стилихона и прихода к власти «антигерманской партии» во главе с Олимпием, после чего началось истребление германских наемников на римской службе и их семей.

В ответ на это Аларих выступил против Рима. С 408 по 410 г. имели место готские походы на Рим; во время переговоров вестготы требовали огромной контрибуции, выдачи готам германских рабов, права поселиться в римских провинциях (Венециях, Норике, Далмации), должности командующего имперской армией для Алариха.[3] Однако, несмотря на захват и разграбление Рима, Аларих был готов к соглашению с империей в обмен на земли для поселения и военный союз с Римом против всякого, кто проявил бы к ним враждебные намерения (Zos. V.42).

Еще более интересными сведения Иордана, согласно которым Аларих хотел бы жить с римлянами так, как будто оба народа составляли единое целое, взамен он просил земли для поселения в Италии (Jord., 152). То, что за походами вестготов вовсе не стоял план уничтожения Римской империи, показывает прежде всего политика Алариха, который всегда стремился к переговорам с

[1] Там же
[2] Там же
[3] Там же

римскими властями[1]. Так, Аларих провозгласил своего императора, только когда выяснилось, что Гонорий уклоняется от заключения мира. Впрочем, и этот поступок, в сущности, не угрожал самой системе: он явился признанием внутренних устоев Римской империи. Аларих считал, что следует стремиться к установлению договорных отношений непременно хоть с каким-нибудь императором. Он никогда не рассматривал возможности образования собственного, полностью юридически независимого от Рима государства[2]. О том, что среди знатных вестготов были люди, которые думали по-другому, говорит высказывание Атаульфа. Во время своего пребывания в Нарбонне он сказал, что поначалу он хотел разрушить Римскую империю, чтобы установить на ее месте империю готов. Однако непривычка его соплеменников к законам и дисциплине убедила его в том, что будет лучше, если вестготы войдут в историю как воссоздатели Римской империи (Oros. VII, 43).

Таким образом, можно выделить следующие причины противоречий между Римом и вестготами. Во-первых, политические кризисы в империи, усобицы и столкновения различных группировок во власти дистабилизировали ситуацию в государстве, привлечение федератов в качестве военных союзников на ту или иную сторону приводило к втягиванию их в конфликты. Чувствуя возможность своего влияния на внутриполитические дела империи, вестготы увеличивали свои запросы как награду за ту или иную помощь. Во-вторых, упадок и деградация такого важнейшего института как римская армия. Неспособность самостоятельно справляться с внешнеполитическими угрозами приводила к необходимости искать компромиссы и заключать союзнические соглашения.

Рим попадал в такую ситуацию, когда, с одной стороны, он не мог выдворить варваров за пределы империи, т.к. для этого не хватало военного потенциала и военной мощи, а с другой стороны, нуждался в военной помощи этих самых варваров для борьбы с новыми угрозами. В-третьих, борьба в кругах вестготской знати, не позволявшая выработать единую линию взаимоотношений и определявшаяся личными взглядами по отношению к Риму того или иного вождя. В-четвертых, заинтересованность самих вестготов в таком союзнике как Римская империя. Несмотря на все кризисные явления римского государства, оно по-прежнему представляло силу, и было необходимо вестготам в качестве защитника от своих врагов (например, гуннов).

THE PROBLEM OF ROMAN-VISIGOTHS' ALLIANCE IN FOURTH – FIRST QUARTER OF THE FIFTH CENTURY A.D

D.V. Naumov

The article considers roman-visigoths' alliance in IV – first quarter of the fifth century A.D. It is highlights inconsistency and ambiguity of alliance this political forces. It is also analyzed reasons leads to the contradictions Romans and Visigoths.

Key words: Late Antiquity, Rome, Visigoths, allies.

---

[1] *Клауде Д.* История вестготов - URL:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/klaude 02.php (дата обращения 30.09.13)

[2] Там же.

СЕРАПЕУМ В АЛЕКСАНДРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

М.А. Руднева

В статье рассматривается главный храм посвящённый Серапису в Александрии Египетской – Серапеум. Отмечаются изменения, происходившие с храмом на протяжении его существования. Также рассматривается оценка античными авторами факта разрушения храма.

Ключевые слова. Серапеум, Александрия Египетская

Культ синкретического божества Сераписа получил своё распространение ещё в эллинистический период. С этого времени Серапеумы, храмы, посвящённые этому божеству, стали строить в крупнейших городах античного мира. В Александрии Египетской культ Сераписа приобрёл особое значение, Серапис считался покровителем города.

Этим фактором, а также значительной численностью населения города было обусловлено большое количество частных святилищ этого божества. Также здесь были небольшое святилище Сераписа и Исиды, а также грандиозный храм в Ракотиде, египетском квартале Александрии.

Сведения об этом храме в период поздней античности можно найти в труде Аммиана Марцеллина (ок. 330 – после 395 г.) «История», в оригинале «Res Gestae» («Деяния»). Труд принадлежит к числу наиболее значительных в исторической литературе Древнего Рима. Сохранившаяся часть (книги XIV-XXXI) охватывает период 353-378 годов.

Немаловажное значение в исследовании имеют произведения Климента Александрийского (ум. ок. 217 г.) - христианского апологета и проповедника Священного Писания среди эллинистических книжников, основоположника Александрийской богословской школы.

Важным источником по изучаемой проблеме является «Церковная история» Руфина Аквилейского или Турания (345–410 гг.) римского церковного писателя. Труд является продолжением произведения «Церковная история» Евсевия, к которой Руфин написал продолжение в двух книгах.

Из трудов «Церковная история» Сократа Схоластика (ок. 380–439 гг.) и одноименного произведения Эрмия Созомена Саламинского (ок. 400-450 гг.), находящихся в тесной взаимосвязи друг с другом, можно получить информацию о разрушении храма в 391 г.

Не менее важным в изучении Александрийского храма является единственное уцелевшее сочинение византийского историка и софиста Евнапия под названием «Жизнеописания софистов».

Александрийский Серапеум был построен во время правления Птолемея I Сотера (в 323-283/282 гг. до н.э.) и был достаточно простым. Посвященный Серапису храм сооружался по античному канону, однако включал и некоторые египетские элементы.

Известно, что храм несколько раз расширялся и перестраивался. Основное святилище Сераписа и двор с колоннами были сооружены в период правления Птолемея III (правил 246-222 гг. до н.э.). Созданием храма занимался архи-

тектор Пармениск. Внутри здания находилась колоссальная статуя скульптора Бриаксида, созданная в эллинистических традициях. Она не сохранилась, но известна из древних описаний и копий. Климент Александрийский сообщает, что она была сделана из различных материалов и окрашена темно-синим цветом (Clem. Protr. 48, 5). Статуя изображала восседающего бога с роскошной шевелюрой и бородой, и по некоторым сведениям была 12 метров в высоту.

Описание статуи можно найти и у Руфина Аквилейского: «В нем (Серапеуме) стояла настолько огромная статуя Сераписа, что правая рука его касалась одной стены, а левая другой. Это чудовище, как передают, было выполнено из всякого рода металла и древесины» (Ruf. HE. XI, 23).

Напротив основного здания вдоль западной части его длинной оси было сооружение, напоминающее по своей форме древнегреческую стою, судя по всему, также построенное в это время[1]. Назначение этого здания неизвестно, однако оно могло быть храмом Исиды[2]. При этом Дж. Мак-Кензи предположила, что расположенное южнее, вокруг спуска в подземные помещения, Т-образное здание построено раньше - в эпоху правления Птолемея I или Птолемея II, а квадратная лестница, ведущая вниз, была сооружена прежде этого строения[3].

Большая часть Серапеума была построена в римский период и первые века после Рождества Христова[4]. В правление римского императора Траяна (98–117 гг.) во время восстания евреев храм был разрушен. Позже, в царствование императора Адриана (117-138 гг.) святилище было восстановлено. Была поставлена большая статуя быка Аписа, обнаруженная в 1895 г. В настоящее время она хранится в греко-римском музее Александрин.

Примерно в 181 г. храм эллинистического времени сгорел во время пожара, о чем сообщает Климент Александрийский около 190 г. н.э. (Clem. Alex. Protr. LIII. 2). После этого святилище Сераписа было расширено, а по наружному периметру храм был обнесен одним рядом коринфских колонн (периптер)[5]. У него появился и атриум, из которого можно было попасть в разветвленные подземные помещения. Силами императора Клавдия (41-54 гг.) храм доводится до размера больших святилищ (185 х 92 м).

В ходе археологических раскопок, проведенных А. Роу во время Второй мировой войны (1944 г.) были обнаружены остатки его фундамента и находившаяся поблизости молельня Харпократа. К настоящему моменту не осталось никаких следов наружных частей этих сооружений. Однако сохранилось несколько вырубленных в скале коридоров, которые, возможно, служили помеще-

---

[1] *McKenzie J.* Reconstructing the Serapeum in Alexandria from the Archaeological Evidence // Journal of Roman Studies. 2004. № 94. P. 73–121.

[2] *Давыдова А.Б.* Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Исторические науки. 2009. № 2. С. 83-91.

[3] Там же.

[4] *Wilkinson R.H.* Die Welt der Tempel im Alten Ägypten. Wissenschaftliche Buchgesellschaft. Darmstadt, 2005. S. 102-103.

[5] *Давыдова А.Б.* Там же.

ниями, где совершались мистерии Сераписа. Ниши этих коридоров могли служить для хранения папирусов из библиотеки, находившейся при этом храме. На территории храма Сераписа возвышается единственный сохранившийся монументальный памятник, оставшийся от городского ансамбля позднеантичной эпохи. Речь идет о колонне Помпея, в действительности, возведенной в честь Диоклетиана после 297 г., когда император подавил длившийся 8 месяцев мятеж жителей города. Высота колонны, высеченной из красного гранита, вместе с базой и капителью составляет 26,85 м. Она поражала всех европейских путешественников, посещавших Египет, начиная с XV в.

Судя по отзывам современников, в поздней античности храм поражал своей грандиозностью, гармоничностью форм и неповторимостью архитектурного облика. Так, Аммиан Марцеллин в своём труде пишет «В городе [Александрии] есть очень высокие храмы. Выделяется среди них Серапей. Моя речь бессильна описать его. Обширные, окруженный колоннадами дворы, статуи, дышащие жизнью, и множество других произведений искусства, все это украшает его настолько, что после Капитолия, которым увековечивает себя достославный Рим, ничего более великолепного не знает Вселенная. В этом храме были помещены книжные сокровища неоценимого достоинства. Но древние писатели единогласно свидетельствуют, что когда, во время Александрийской войны при диктаторе Цезаре, город подвергся разграблению, сгорело 700 тысяч томов, которые были собраны неусыпными трудами царей Птолемеев».

Не менее яркое описание оставил Руфин Аквилейский: «О храме Сераписа в Александрии, я полагаю, не только все слышали, но многие также и знают. Место то, поднятое на сто или того больше шагов вверх не природой, но руками и трудом, растянулось четырехугольником на все стороны, занимая огромное пространство. А все сооружения, воздвигнутые там, где возвышение заканчивается полом, снабженные бесчисленными светильниками и потайными святилищами, отделенные друг от друга, использовались для различных служб и тайных обрядов. Сверх того, по краям всего этого пространства были расположены экседры и пастофории (палаты), а также дома, поднимающиеся в высоту, в которых обычно находились служители храма или те, кого именуют чистыми, то есть те, кто себя очищают. Портики же, расположенные четырехугольными рядами позади всего этого периметра, замыкают собой все пространство. Со стороны восхода солнца так было устроено весьма маленькое окно, что днем, когда вносили статую Солнца для приветствия Сераписа, в специально рассчитанное время с появлением статуи солнечный луч, проникая через это окошко, освещал рот и губы Сераписа, так что смотрящему народу казалось, будто солнце поцелуем приветствует Сераписа. Был также и другой обман, вот какого рода. Известно, что природа магнита такова, что он привлекает и притягивает к себе железо. Фигура Солнца как раз для того была выполнена мастером из тончайшего железа, чтобы камень, в чьей силе, как мы сказали, притягивать железо, закрепленный на потолке, когда статуя оказывалась как раз под лучом солнца, природной силой притягивал к себе железо, и народу бы казалось, будто статуя поднимается и повисает в воздухе. И чтобы скорое падение не изобличило эту [хит-

рость], пособники обмана говорили: «Взошло солнце, чтобы, поздоровавшись Сераписом, уйти восвояси» (Ruf. HE. XI. 23).

В период поздней античности храм продолжал оставаться религиозным культурным центром. «Благодаря храму Сераписа Александрия была словн некая священная вселенная: число тех, кто стекался в нее отовсюду, приближа лось к числу ее собственных граждан, и все они после того, как выполняли ри туалы поклонения божеству» (Eunap. Vita soph. VI.2). Здесь наравне с мистери ями и религиозными обрядами велась активная научная деятельность в знамени той Александрийской библиотеке.

В 381 г. в правление Феодосия был созван 2-й Вселенский собор и на не провозгласил христианство единственной государственной религией, обязатель ной для всей империи.

Приблизительно в 391-392 гг. патриарх Феофил Александрийский полу чил разрешение от императора на разрушение языческих храмов. В 391 г. хри стиане разрушили храм Диониса, театр, значительную часть античных статуй но главное - грандиозный Серапеум.

Церковные историки Сократ Схоластик, Эрмия Созомен, Руфин называ ют различные поводы, побудившие власти к действию. Наиболее общей являет ся точка зрения, что христианами были обнаружены доказательства злодеяни язычников в виде человеческих жертвоприношений. В свою очередь, Евнапий описывая гибель храма, сообщает, что христиане не гнушались воровством разрушили и увезли всё, кроме больших камней, которые нельзя было унести (Eunap. Vita soph. VI.2). Статуе отрубили голову, и она также подверглась уни чтожению.

После этого, по разным версиям на месте храма была образована церков (Soz. HE. VII,15) или была создана община монахов из пустыни (Ruf. HE. XI 23).

Разрушение Александрийского Серапеума, мы понимаем как конец его использования в качестве места поклонения Сераписа. Древними и современ ными писателями было замечено, что это событие было кульминацией движе ния для пресечения всех нехристианских культов в Египте в V в.

«АРХЕОЛОГИЯ» ФУКИДИДА И «ВВЕДЕНИЕ» ЗОСИМА: НАЧАЛО И ЗАВЕРШЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

О.С. Грудинина

Наше исследование посвящено сравнению двух наиболее значимых, по нашему мнению, для античного времени историков. Главной задачей было про ведение параллели между одним из первых трудов античности - «Истории» Фу кидида - и «Новой историей» Зосима, которая завершает античную классиче скую традицию.

Фукидида по праву можно назвать первым античным историком, так как он во многом, что касается написания истории, был новатором. Его «История», если выражаться современным языком, носила монографический характер. Он первым конкретно обозначил границы своего исторического исследования, выделив рамки только Пелопоннесской войны, исключая из историографии географию и этнографию.

Автор истории Пелопоннесской войны противостоит своим противникам, а особенно Геродоту, утверждая, что его произведение не носит легендарного характера, оно не является произведением для развлечения слушателей, но оно должно в будущем служить политикам и государственным деятелям, которые на основе знания событий прошлого могли бы легче принять решение в конкретной ситуации.

Главной задачей историка, по его мнению, является отыскание истины и верная передача событий. Но прийти к правде можно только через критическое рассмотрение свидетельств о событиях. Фукидид он стал создателем исторической критики, произведя отбор и критический анализ источников.

Зосима же мы можем назвать последним античным историком, пишущим в классической традиции. Собственно, наше исследование построено на противопоставлении этих двух личностей, представителей «ранней» и «поздней» традиций. Фукидид и Зосим, как бы очерчивают границы Римской империи, находясь в самом начале ее расцвета, и на грани ее крушения, соответственно. Что касается личностей историков, то оба они принадлежали к аристократии, имели хорошее образование и высокие государственные должности. Сравнить по этнической принадлежности мы их не можем по причине неизвестности места рождения Зосима.

Что касается цели написания их трудов, то оба автора пишут их целенаправленно, о чем сами же и говорят, отмечая желание показать «историю как она есть». И Зосим, и Фукидид, используют разделение труда на главы, так называемые книги, выделяя при этом «введение», в котором каждый из них описывает историю Греции изначальную, показывая быстрое и стремительное развитие государства.

Труды обоих авторов делятся на книги, которые в свою очередь разделены на небольшие главы. Для вводной части оба автора отводят первые книги, но у Фукидида первая книга занимает гораздо больше места. Но если сравнивать их тематически, то объем введения сильно не различается, т.к. в первой книге Фукидида выделяют «археологию», что и является описанием Греции до Пелопоннесской войны, вторая же половина I книги посвящена объяснению причин и предпосылок войны. В самом начале своего введения Зосим обращается к Полибию, считая его достоверным источником информации для объяснения причин исторических событий. Фукидид же упоминает Гомера, как автора известных поэм, доказывая этим разрозненность полисов во время Троянской войны.

Если Фукидид ставит целью своего труда описание Пелопоннесской войны, то Зосим лишь вкратце о ней упоминает, говоря в самом начале своего введения, что пока все полисы не были разрознены, иноземцы не могли добиться

власти над Грецией. Далее Зосим пишет о времени Александра, и о его походах. Что касается именно этого момента, то Фукидид не упоминает о нем. Фукидид большое место во введении отводит для описания Эллады до Троянской войны, говоря о незначительности этой территории и отсутствии массовых совместных деяний. Зосим же начинает свой рассказ только с Троянского похода. И свое введение Зосим доводит до утверждения власти Октавиана.

Как вывод можно отметить, что оба автора признают разрозненность и самостоятельность полисов Эллады, что не создавало проблем, пока не началась борьба среди полисов за гегемонию. Тематически, далее у них идут расхождения, т.к. Зосим и Фукидид в своих введениях пишут о разных периодах. Каждый выделяет наиболее важные периоды и события, по своему мнению. Как у двух представителей античной традиции, у них можно увидеть довольно несложный язык написания, их тексты легко читаются. Но, в силу разных временных промежутков их деятельности, их все же нельзя ставить на один уровень и необходимо рассматривать сквозь призму веков, которые их разделяют.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ОБРЯДА ПРИНЯТИЯ В ОГЛАШЕННЫЕ В I-VII ВВ.

А.Д. Стржалковская

В статье рассматривается история древнехристианского обряда принятия в оглашенные в период с I по IV вв. Приводятся отрывки из древних источников, подтверждающих существование данного обряда. Описывается чин обряда так, как его совершали в древней Церкви в рассматриваемый период.

Ключевые слова: обряд, оглашенные, развитие, христианство

В настоящее время в состав чина принятия в оглашенные входят следующие действия: руковозложение, крестное знамение и молитва, которую читает священнослужитель[1]. Этот чин совершают непосредственно перед обрядом крещения.

Вопрос истории обряда принятия в оглашенные в первые века рассматривается в труде А.И. Алмазова «История чинопоследований Крещения и Миропомазания (I-XIX вв.)», где отмечается, что сведений о том, как принимали в оглашенные во времена апостолов, т.е. в первой половине первого века, не имеется[2]. Отметим только то, что, вероятно, в апостольские времена принимали в оглашенные всех, кто желал креститься, имел веру и раскаивался в грехах, а зная всю простоту и несложность обрядов того времени, этого могло быть достаточно для принятия в оглашенные[3].

---

[1] *Алмазов А.И.* История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань: Типография императорского университета, 1884. С.104.
[2] Там же.
[3] Там же.

Конец I – начало II вв. – этот период в истории христианской Церкви получил название у некоторых исследователей «эпоха мужей апостольских», также не располагает сведениями о том, как происходило принятие в оглашенные. По словам А.И. Алмазова, первые свидетельства о рассматриваемом обряде встречаются в памятниках церковной литературы III в.[1] Некоторую информацию А.И. Алмазов находит в актах св. Квирина Нойского и Тертуллиана (165-240 гг.)[2], но эти сведения обрывочны и не дают нам достаточного представления о чине обряда.

В IV в. сведения об обряде принятия в оглашенные отличаются большей ясностью и подробностью. Чин этого обряда, как дошел он до IV в., можно представить в таком виде: пресвитер или епископ задавал вопросы человеку, желающему стать оглашенным относительно его побуждений вступления в Церковь, и это было как испытание. На основании полученных ответов и посторонних свидетельств о его жизни, которые собирали диаконы, принималось решение принимать или нет. Само принятие совершалось молитвою, соединенною с возложением рук и крестным знамением.[3] О том, что о желающем стать оглашенным действительно собирались сведения, и с ним проводилась беседа, мы находим упоминание в источнике, датируемом 380 г. «Апостольские постановления»: «Кто впервые приходит к тайне благочестия, тех пусть приводят диаконы к епископу или пресвитерам, и пусть изследуют причины, почему пришли они к слову Господню, а приведшие пусть свидетельствуют о них, точно изследовав касающееся их. Пусть изследуют также и поведение и жизнь их, и рабы ли они или свободные... Желающий огласиться пусть оглашается три года; но, если кто прилежен и имеет благорасположение к делу, да будет принят; ибо ценится не время, но поведение... Всякий верующий или верующая, встав поутру от сна, прежде нежели начнет делать дело, пусть умоется и помолится; а если будет какое слово поучения, то слово благочестия да предпочтет делу. Верующий или верующая, как и в предыдущем постановили мы и в посланиях научили, пусть держат себя к слугам милостиво[4]. А кающихся принимайте, ибо такова воля Божия о Христе. Оглашенных, по наставлении в начатках веры, крестите»[5].

Далее, если говорить обо всех частях обряда в IV в., свидетельство о руковозложении встречается у Сульпиция Севера (363-429 гг.) в подробном описании жития святого Мартина Турского (316-396 гг.): «Тогда вся толпа, вознеся крик к небу, признала Христа Богом, и потом все стали припадать к коленям блаженного мужа, истово требуя, дабы он сделал их христианами. И он немедля, прямо посреди поля, всех через возложение руки объявил оглашенными и тогда же, обернувшись к нам, сказал, что вполне разумно свершать оглашение в поле, где обычно почитаются мученики»[6]. Общее упоминание об этом обряде мы

---

[1] Там же.
[2] Там же. С. 106-107.
[3] Там же. С. 105.
[4] Апостольские постановления (в русском переводе). Казань, 1864. Книга 8, гл. 32.
[5] Там же. Книга 6, гл. 18.
[6] Сульпиций Север. Сочинения. М.: РОССПЭН. 1999. Диалог II, гл. IV, стих 8-9.

находим у Евсевия Кесарийского в его сочинении «О жизни блаженного василевса Константина»: «Здесь, проводя время в храме мучеников, он воссылал к Богу усердные молитвы и прошения, когда же ощутил конец своей жизни, то подумал, что пора уже очиститься ему от прежних прегрешений, ибо веровал, что все, в чем он согрешил, как смертный, будет снято с души его силой мистических молитв и спасительным словом крещения. Размышляя таким образом, он преклонял колена на землю, изливал молитвы пред Богом, исповедовал в самом храме грехи свои и здесь в первый раз удостоился молитвенного возложения рук»[1].

Этот вопрос не остался без внимания на II Вселенском соборе в Константинополе в 381 г. 7-е правило собора гласит: «Присоединяющихся к православию и к части спасающихся еретиков принимаем по следующему чиноположению и обычаю. Ариан, и македонян, и савватиан, и новатиан, – называющих себя чистыми и лучшими, и тессарадекатитов или тетрадитов, и аполлинаристов, когда они дают письменные удостоверения и предают анафеме всякую ересь, мудрствующую не так, как мудрствует святая кафолическая и апостольская Церковь Божия, принимаем, запечатлевая, то есть, помазуя сперва святым миром чело, и очи, и ноздри, и уста, и уши; запечатлевая их, говорим: «Печать дара Духа Святаго». Евномиан же, крещающих единократным погружением, и монтанистов, называемых здесь фригами, и савеллиан, держащихся мнения о сыноотечестве, и делающих другое, нетерпимое, и все прочие ереси, всех, которые из них желают присоединиться к православию, принимаем, как язычников. В первый день делаем их христианами, во второй оглашенными, потом в третий заклинаем их с троекратным дуновением в лицо и в уши их: и таким образом оглашаем их, и заставляем их долгое время пребывать в Церкви и слушать Писание; и потом уже крестим их»[2]. В данном правиле приведено более подробное описание обряда принятия в христианство, и описаны новые действия, которые должен совершать священнослужитель, когда принимает в оглашенные. К древнему чину (его подразумевают, как утверждает А.И. Алмазов, под фразой «делаем их христианами»[3]) принятия в оглашенные, который состоял из руковозложения, молитвы и крестного знамения, добавилось троекратное дуновение в лицо и уши.

Подводя итоги, можно сказать, что за IV век обряд принятия в оглашенные сохранил в себе древние действия и приобрел некоторые новые черты. Сравнительно с предыдущими веками обряд получил гораздо большее развитие, чему очень сильно содействовала радикальная перемена в истории Церкви[4].

В V в. составные элементы чина были те же самые[5]. Что касается принятия в число оглашенных в VI-VII вв., то не имеется свидетельств об этом обряде

---

[1] Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М.: Лабарум, 1998. Книга IV, гл. 61.
[2] Деяния Вселенских соборов. СПб.: Аксин эстин, 2006. Т. 1. С. 116.
[3] *Алмазов А.И.* История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань: Типография императорского университета, 1884. С. 108-109.
[4] Там же. С. 110.
[5] Там же. С. 111.

в восточной Церкви, однако исследователи считают, что он сохранил все прежние черты.[1]

Итак, обряд принятия в оглашенные существовал с первых веков, но по имеющимся данным наиболее отчетливо проявился лишь в IV веке, где и встречаются наиболее детальные его описания. К концу IV века он состоял из двух частей: сначала священнослужители проводили беседу с человеком, желающим стать оглашенным, потом собирались сведения об этом человеке, а на основании полученной информации принималось решение. Если решение было положительным, то на втором этапе проводили собственно обряд, который состоял из руковозложения, крестного знамения и молитвы. После II Вселенского собора в Константинополе в 381 г. произошло некоторое разделение для желающих стать оглашенными. Людей, относящихся к различным религиозным верования и течениям, стали принимать в оглашенные по-разному.

THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE RITE DECISION TO READ OUT AT THE 1- 7 CENTURIES A.D.

A.D. Strzhalkovskaya

The article examines the history of the ancient Christian rite adoption catechumens during the period from I to IV centuries .. Excerpts from ancient sources, confirming the existence of this rite. Describes the ritual rank, as it made in the early Church in the period under review.

БОГОСЛОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В АЛЕКСАНДРИИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ХРИСТИАНСКОЙ НАУКИ И ШКОЛЫ

О.А. Манохина

Утвердившись в Александрии, христианство для большего успеха над умами должно было в научном отношении «дорасти» до уровня классической языческой науки. Александрия изначально была городом ученых, одной из характерных черт ее жителей был интерес к наукам, но интересовались они, прежде всего тем, что имело форму научную, философскую. Приверженцы христианской церкви в этой ситуации просто обязаны были создать в Александрии свою научную школу. Здесь христианам легче всего было приобрести то образование, которое сделало бы их равными с язычниками. Так называемый Музей, ставший после Рождества Христова, помимо научного, еще и учебным заведением, делал легким и доступным для христиан самое серьезное образование. Знаменитая Александрийская библиотека давала уникальные возможности для самой глубокой борьбы с врагами христианства. После этого становится неудивительно, что в Александрии сложился важнейший центр христианской науки, и была основана важнейшая христианская научная школа. К сожалению, не сохранилось никаких исторических известий о том, при каких конкретных условиях возникла здесь христианская школа. В Александрии, нередко бывали случаи обращения к

[1] Там же. С. 112.

христианству людей с классическим образованием, которые, приняв христианство, хотели более подробно и основательно ознакомиться с принятой ими религией; для этой цели они поручались наставлению лучших, наиболее просвещенных христиан. Когда число таких образованных язычников, обратившихся в христианство и желавших более глубокого знания христианства, увеличилось, вуозникла христианская школа, группировавшаяся вокруг ряда наиболее подготовленных христианских учителей. Александрийская школа у древних писателей известна как катехизаторская. Без сомнения, к неофитам, врученным для наставления христианскому учителю, могли присоединиться и язычники, еще не крещенные, но желавшие вообще ознакомиться с истинами новой религии, или из простого любопытства, или по склонности к христианству, а история жизни Оригена действительно свидетельствует, что такие лица приходили в его школу[1]. Так, естественным образом, по мере роста общины христиан, могло возникнуть Александрийское христианское училище (III в.).

Широкое энциклопедическое образование, которое давала Александрийская школа, было особенно важно для христианской апологетики, так как, чтобы объяснить христианскую веру и Св. Писание грекам, необходимо было тщательно изучить их образ мышления. Именно здесь, в Александрийской школе, богословы стали применять исключительно аллегорический метод экзегезы. Интересный пример александрийской «аллегоризации» Писания мы находим в «Послании Варнавы», где уже можно отметить тенденцию к натянутым толкованиям, иногда не имеющим ничего общего с реальностью; злоупотребление методом было присуще многим экзегетам Александрийской школы. С одной стороны, они понимали необходимость и важность ветхозаветной истории, но, с другой стороны, аллегоризация всех, даже мельчайших деталей этой истории избавляла толкователей от необходимости принимать эту историю всерьез, а это делало Ветхий Завет куда более приемлемым для греческого ума. Св. Писание в понимании представителей аллегорической школы экзегезы было чем-то вроде криптограммы, имело эзотерический смысл, доступный лишь избранной элите образованных интеллектуалов, но скрытый от простых непосвященных смертных.

С IV в. авторитет Александрийской школы стал постепенно увядать. Заблуждения Оригена и вызванные ими оригеновские споры подорвали значение школы. Его сочинения считались источником новых ересей. Чрезмерный аллегоризм подорвал доверие и к александрийскому способу объяснения Библии. Вследствие оригеновских и арианских заблуждений пришлось также отказаться и от прежнего метода. Более здравомыслящие из ариан, желая уяснить все тайны веры, в подтверждение своих положений ссылались на буквальный смысл казавшихся для них благоприятными мест Писания. Надо было, поэтому исследовать буквальный смысл в связи со всей системой веры, по определенным об-

---

[1] Reconsidering Eusebius: Collected papers on literary, historical, and theological issues / Ed. by Sabrina Inowlocki, Claudio Zamagni. Leiden, Brill, 2011. Евсевий Кесарийский. Церковная история. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1993.

щепризнанным правилам, и научно разъяснить всякое недоуменное место. Такого метода придерживался св. Афанасий Великий в своих «Четырех книгах против ариан»[1]; но этот метод получил особое значение в начавшей процветать с IV в. Антиохийской школе, слава которой затмила блеск Александрийской школы. С переселением Родона в Сиде в Памфилии (395 г.) закончился ряд известных по именам настоятелей Александрийской школы, и о самой школе с того времени уже не упоминается.

Как в самой Александрии, этом средоточии неоплатонической философии, так и в христианской катехизической школе преобладало умозрительно-идеалистическое направление духа, склонное к созерцанию и мистике, вследствие чего и объяснение Св. Писания было аллегорически-таинственным. Упрек в платонизме и неоплатонизме, согласно которому александрийцы будто бы ввели в христианское учение идеи этих философских систем, в этой общей форме неоснователен. Форма изложения, способы выражения и метод нередко сближали александрийских христиан их с неоплатониками, частью потому, что они до своего обращения сами обучались этой философии, частью потому, что сами обстоятельства вынуждали их пользоваться ее терминологией и методом, чтобы бороться с еретическими гностиками. Учителя и ученики в Александрии вообще придерживались эклектизма, выбирая подходящее им из всех философских систем и пользуясь этим для поддержания и распространения христианства. Несмотря на эти недостатки, Александрийская школа имела огромное значение для распространения и защиты христианской веры, для библейской критики и экзегетики. В.Н. Дмитриевский отмечает, что значение этой школы для христианства признается всеми специалистами. Таким образом, подтверждается значимость трудов всех представителей Александрийского богословского училища[2].

ЖИЗНЬ ПРОПОВЕДНИКА ВУЛЬФИЛЫ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА У ГОТОВ

С.А. Галкина (Тула)

В статье рассматриваются вопросы, связанные с жизнью готского проповедника Вульфилы и выясняются обстоятельства христианизации племени готов. Делается вывод о том, что деятельность Вульфилы, во многом оказалась успешной благодаря особым обстоятельствам, подготовившим почву для принятия готами христианства.

Ключевые слова: Вульфила, Римская империя, готы, христианство, арианство.

Из сообщений древних авторов (Iordanes, Philostorgis) нам известно, что христианство проникло к готам в III в. через пленённых ими каппадокийцев и

[1] Афанасий Великий. Четыре слова против ариан // Patrologia Graeca.
[2] *Дмитриевский В.Н.* Александрийская школа: Очерк из истории духовного просвещения от I до начала V века по Р. Хр. Казань, 1884.

фригийцев[1]. В следующем (IV) веке христианство проникает к придунайским готам, благодаря деятельности проповедников Авдия и Вульфилы. Именно Вульфилу император Константин Великий называл «Моисеем нашего времени» а соотечественники позднее сравнивали с ветхозаветным пророком Ильей (Philostorg. Hist. eccl. II. 5; Auxent. Max. diss. 62). Современная историография называет Вульфилу апостолом готов[2].

Жизнь и деятельность этого готского проповедника представляет для исторической науки огромный интерес. Среди исследователей продолжаются споры по поводу того, в каком году родился Вульфила, к какому роду принадлежал, кто были его родители, почему он проповедовал христианство арианского толка и при каких обстоятельствах он получил сан епископа.

Время жизни Вульфилы определяют в хронологическом промежутке между 311 и 383 гг.[3] Большинство современных исследователей сходятся в том, что Вульфила был потомком каппадокийских христиан, захваченных в плен дунайскими готами во время их набегов в Малую Азию ещё во 2-й пол. III в.[4] Как сообщает Филосторгий, которому мы обязаны важными сведениями об Вульфиле, готский епископ происходил из Каппадокии, предки его были взяты в плен совершавшими грабительские набеги готами в деревне Садагольфина в городском округе Парнасс и выведены за Дунай (Philostorg. Hist. eccl. II. 5). Считается, что это произошло в 264 г.[5] X. Вольфрам, правда, приходит к выводу, что предки Вульфилы стали пленниками дунайских готов еще в 257 г.[6] Распространено мнение, что отец Вульфилы был готом, а мать капподакийкой, но это лишь предположение. Однако то, что он знал готский, латинский и греческий языки, позволяет считать его, по крайней мере, наполовину готом[7].

По свидетельству Филосторгия, между 332 и 337 гг. в составе готского посольства 20-летний Вульфила впервые посетил новую столицу Византийской империи Константинополь (Philostorg. Hist. eccl. II. 5). Как он попал туда, тоже неизвестно. Существует предположение, что он попал туда не по своей воле, а в свите сына готского короля Ариариха, отправленного в Константинополь отцом в качестве заложника после поражения готов в 332 г. от легионов Константина Великого[8].

Скорее всего именно в Константинополе он и получил те знания и опыт, которые позже позволили ему перевести Библию на готский язык.

---

[1] *Васильев А.А.* Готы в Крыму: В 2 ч. Ч 1. // ИРАИМК. 1921. Т.1. С. 266-287; *Буданова В.П.* Готы в эпоху великого переселения народов. СПб.: Алетейя, 2001. С. 172.
[2] *Thompson E.A.* Early Visigothic Christianity // Latomus. Bruxellus, 1962. Bd. XXI. Fase. 3. P.508.
[3] *Lippod A.* Wulfila // Pauli's – Wissowa Realencyclopädie der classischen Altertums-wissenschaft. 1961. Bd. IX. S. 512-531.
[4] *Зиньковская И.В.* Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010. С. 56–57.
[5] *Schmidt L.* Die Ostgermanen. Neudruck, 1969. S. 215; *Schaferdiek K.* Germanmission // Reallexikon col für Antike und Christentum. Stuttgart, 1978. №10. S. 502.
[6] *Вольфрам X.* Готы. СПб.: Ювента, 2003. С. 115.
[7] *Мецгер Б.М.* Ранние переводы Нового Завета. М., 2002. С. 403; *Зиньковская И. В.* Ук. соч. С. 57.
[8] Там же. С. 57.

Споры вызывает и социальное положение Вульфилы. Его имя готское, и означает «волчонок»[1], но оно не даёт представления о социальном статусе готского проповедника. По нашему мнению, его отец был из знатного рода, поскольку, не имея определённого социального ранга Вульфила, не мог бы быть включён в состав посольства на высшем уровне[2]. Кроме того, юноша был достаточно образован; известно, что в Константинополе он четыре года (338-341 гг.) находился под влиянием Евсевия Кесарийского (Philostorg. Hist. eccl. II. 5). Существует и мнение, что он был учеником митрополита Готии Феофила[3].

Подтверждает аристократическое происхождение Вульфилы и то, что он так быстро возвысился от простого чтеца до епископа, не служив никогда, в качестве дьякона и пресвитера[4]. Здесь ему, вероятно, сыграло на руку то, что с 332 г., когда разбитые Константином готы «впервые поверили в христианство», не хватало духовных лиц, а Вульфила прекрасно подходил для этой роли, и у него была возможность быстро сделать карьеру[5].

В возрасте 30 лет Вульфила был рукоположен в сан епископа (Auxent. Max. diss. 53)[6], для задуманной императором христианской проповеди среди варваров. С этой миссией он направился к задунайским готам, которыми правил Антанарих[7]. Там он в 341-348 гг. проповедовал христианство, причем арианского толка, и его авторитет был очень велик среди готов[8]. По нашему мнению, проповедник отправился в Барбарикум уже с переведенной на готский язык Библией. Среди письменных источников по истории готов в IV в. Библия Вульфилы занимает особое место[9]. Однако при всей обширной историографии, посвященной этому источнику[10], остается неясным, в какой же степени она могла повлиять на то, что немалая часть готов довольно быстро решила принять христианство. Был ли, в этой связи, пропуск перевода Ветхого Завета сознателен, или эти книги готской Библии до нас просто не дошли[11]?

---

[1] *Krause W.* Handbuch des Gotischen. München, 1968. F.15; *Lippold A.* Ulfila // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaften. 1961. II. 17. col. F. 512. Имя Вульфилы по-гречески, на готомезийском диалекте, засвидетельствовано на бронзовой печати с о. Корфу, которая, вероятно, принадлежала ему самому (*Вольфрам Х.* Ук. соч. С. 115. Прим. 15).

[2] *Щукин М.Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2005. С. 203.

[3] Там же

[4] *Вольфрам Х.* Ук. соч. С. 116

[5] *Schaferdiek K.* Op. cit. Col. 498 sq.

[6] *Вольфрам Х.* Ук. соч. С. 115

[7] *Зиньковская И.В.* Ук. соч. С. 58.

[8] Там же. С. 58; *Буданова В.П.* Ук. соч. С. 173.

[9] *Зиньковская И.В.* Ук. соч. С. 56-67.

[10] *Lippod A.* Op. cit. Coll. 512-531; *Schäferdieck K.* Wulfila. Vom Bischof der Goten zum Gotenbischof // Zeitschrift für Kulturgeschichte. 1979. №90. S. 253-292; *Rubin Z.* The Conversion of the Visigoths to Christianity // Museum Helveticum. 1981. №38; *Schwarcz A.* Reichsangehörige Personen gotischer Herkunft. Prosopographische Studien. Wien, 1984; *Heather P.* The Crossing of the Danube and the Gothic Conversion // Greek, Roman, and Byzantine Studies. Duce University. 1986. №27. P. 28-91; *Heather P., Matthews J.* The Goths in the fifth Century. Liverpool, 2004. 196 p.

[11] *Вольфрам Х.* Ук. соч. С. 114-115.

Мы не будем отрицать, что роль в христианизации готов самого Вульфилы, безусловно, выдающегося проповедника[1], бесспорно, огромна. Однако не будем забывать, что его деятельность хорошо вписывалась в изначально особые отношения готов с Римской империей. Способствовали успеху его проповеди и ряд других обстоятельств. Напомним, что ещё в конце 1-й трети III в., то есть в самом начале появления готов в Северном Причерноморье, у этого народа не было других союзников на новых землях, кроме Рима. Даже, несмотря на последующие военные конфликты с империей, эти особые отношения, по-видимому, продолжали сохраняться. Одновременно уже на самом раннем этапе миграционные процессы привели к началу разложения традиционных племенных верований. Кровопролитные события скифских войн 2-й пол. III в., когда готы полностью растеряли основы своей древней религии, по-видимому, сделали этот процесс необратимым.

Принятие христианства являлось для придунайских готов вопросом большой политической важности. Переход от старой веры к новой для них стал фактическим шагом от варварства к цивилизации. Все это в значительной степени повлияло на то, что готы раньше других германских племён полностью переселились на территорию империи, причем с успехом пересекли её всю с востока на запад, создав на её территории долговечные варварские государства. Такой успех в синтезе германских и римских элементов[2] был бы невозможен без своевременного принятия готами христианства, которое во многом нивелировало варварские традиции и сократило процесс адаптации готов к античной культуре.

THE PREACHER ULFILAS'S LIFE AND CHRISTIAN PROPAGATION AMONG THE GOTHS

S.A. Galkina (Tula)

In the article the questions connected with life of the Gothic preacher Ulfilas's are observed and the circumstances of Gothic christianization are discovered. The author draws to the conclusion that Ulfilas's activity was successful because of special circumstances which had prepared the ground for adopting Christianity.

Key words: Ulfila, Cappadocia, Byzantine Empire, Arianism.

ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА АНАСТАСИЯ I: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С РИМОМ[3]

Н.В. Коломиец

В статье рассматривается церковная политика Анастасия I, а именно взаимоотношения с Римскими папами. Отмечаются попытки Анастасия не допустить церковного раскола, а также анализируется влияние Теодориха на политику Пап, проводимую в отношении Константинополя.

Ключевые слова: Анастасий, Теодорих, «Энотикон», церковный раскол, монофизитство.

---

[1] *Marchand J.* W. The sounds and phenomens of Wulfila's Gothic / Janua Linguarum. Series practica № 25. The Hague, 1973.

[2] *Мюссе Л.* Варварские нашествия на Европу: германский натиск. СПб., 2006. С. 47.

[3] Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта НИУ «БелГУ» 2013 г.

Монофизитский раскол не следует воспринимать только как спор церковный, в значительной степени это было явление, вызванное многочисленными политическими причинами и мировоззренческими расхождениями между Востоком и Западом. К политическим причинам следует отнести в первую очередь «германский вопрос» и проблему сохранения целостности территории Римской империи, ко второй группе – вопрос о статусе в церкви Римского епископа.

Анастасий, будучи миролюбивым человеком, совсем не желал вводить что-либо новое, тем более в церковный порядок. Он всеми способами стремился, чтобы все церкви жили в мире и без смут и чтобы подданные пользовались глубоким покоем[1]. Образ его мыслей можно охарактеризовать не как религиозное безразличие, а скорее как беспристрастность.

Поставив перед собой целью обеспечить единство и мир для Церкви и Империи, царь искренне возмущался, что кто-нибудь из римлян может быть подвергнут наказанию или иным неприятностям за свой образ мыслей. Отдавая отчет в невозможности объединить все восточные области, он, все же, до конца верил в «Энотикон» Зенона, искренне полагая, будто тот способен сохранить внешнее единство церкви. Его религиозную толерантность легко комментируют тот факт, что далеко не все ближнее окружение императора солидаризовалось с ним по вопросу Халкидона. Например, двоюродный брат царя Помпей и его жена Анастасия тяготели к восстановлению отношений с понтификом и во время ссылки патриарха Македония поддерживали того деньгами.

Идея единства Церкви была в то время сильно распространена, многие христиане искренне переживали по поводу свершившегося раскола церквей и прекращения общения с Римом. Поэтому император поддержал «Энотикон», позволяющий хоть как-то смягчить остроту ситуации и не создавать неразрешимых проблем во внутренней политике.

Примирительная позиция императора, убежденность, что, сохраняя единство Церкви, он создает необходимые условия для устраивающей всех вероисповедальной формулы, встречала устойчивое сопротивление со стороны Римских епископов. Они решительно вмешивались в дела Востока, не всегда оглядываясь на фигуру императора. Смерть Зенона вдохнула новые надежды в сердца понтификов о скором достижении поставленной ими цели. Как только произошла коронация нового царя, послы из Рима, сенаторы Фауст и Ириней, являвшиеся одновременно представителями Теодориха Великого, предъявили императору Анастасию требование папы и короля исключить имя патриарха Акакия из диптихов. Когда им в этом было отказано, папа Геласий (492-496) обратился с посланием к епископам Иллирика, в котором призывал их не подчиняться Константинополю, т.е. императору.

Рим зашел уже слишком далеко в упрочении собственной власти, и папа Геласий безапелляционно заявлял, что в «доме греков одни еретики». В своем сочинении Геласий пришел к тому выводу, что существование Церкви и Импе-

[1] Евагрий Схоластик. Церковная история. III, 30.

рии единственно возможно в условиях дуализма властей. Христос, как истинный rex et pontifex («настоящий царь и священник»), разделил власть между императором и священниками. Следовательно, и те, и другие участвуют во власти Христовой, но каждый в своей области. Очевидно, в таких условиях любое вмешательство папы в духовные дела остальных Поместных Церквей не просто обоснованно, но необходимо. Соответственно, вмешательство царя в вопросы веры – суть отступление от генерального принципа, и приветствоваться не могут. Он изложил свою теорию в письмах императору Анастасию. «Славный император, - пишет он царю, - существует два учреждения, которые в первую очередь управляют этим миром. Первое – освященный авторитет высших иерархов, а другое – царская власть. Бремя, которое несут священники, тяжкое, поскольку им приходится давать отчет перед судом Бога также и за деяния императоров, властвующих над людьми». Последовательный в своей доктрине, папа Геласий обосновал, что папская власть есть источник любого канонического права, понтифик неподсуден никакому суду, но сам может вершить оный над любой церковью и ее предстоятелем. По сути дела, при Геласии завершилось формирование учения о примате паства в Кафолической Церкви[1].

Анастасий, склонный к монофизитскому толкованию тайны Боговоплощения, сумел поставить зарвавшихся понтификов на место, и, ясно понимая истинные интересы Римской империи, последовательно вел свою примиряющую политику[2].

Когда Геласий умер, взошедший на его кафедру папа Анастасий (496-498 г.) склонялся к примирительной политике, но вскоре и он скончался. После смерти папы Анастасия в Риме столкнулись две партии, каждая из которых решила выдвинуть собственного кандидата на Римский престол. Национальная римская партия во главе с сенатором Фаустом видела выживание Рима в последовательной реализации идеи о превосходстве кафедры св. апостола Петра и являлись созидателями самодостаточного папства. Они намеревалась поставить на его место Симмаха, в то время как оппозиционная партия, состоявшая из сторонников мирной, провизантийской политики, выдвинула кандидатом архипресвитера Лаврентия. Обе партии схватились в кровавой схватке, на улицах Рима произошли беспорядки, появились жертвы, и тогда обе стороны обратились к Теодориху. Когда оба кандидата непосредственно отправились в Равенну, где находился двор остгота, и прибегли к его помощи, как третейского судии, остгот максимально использовал ситуацию в свою пользу и остановился на кандидатуре Симмаха, яростного халкидонита. Созванный в марте 499 г. собор в Риме лишь констатировал выбор Теодориха о личности будущего понтифика.[3] Для Константинополя это была настоящая политическая революция. Не говоря уже о том, что до этого времени традиционно выбор Римского епископа во многом

[1] *Гергей Е.* История папства. М., 1996. С. 49.
[2] *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т.1. С. 456.
[3] *Пфайльшифтер Г.* Теодорих Великий. М., 2006. С. 90, 91.

определялся решением императора, которого здесь незаконно заменила фигура варварского короля.

Естественно, византийский император не оставался «слепым» в данной ситуации, и не мог не заметить, сколь уверенно и настойчиво Римский епископ пробивает дорогу для признания за собой высших прерогатив, практически уже неподконтрольных царю, в ущерб целостности Римской империи.

Ссылаясь на нарушения, выявленные в деятельности папы Симмаха (498-514), сторонники Лаврентия неоднократно пытались сместить первого с престола. Но неизменно они наталкивались на твердую позицию Теодориха, особенно на Соборе 506 г. Тогда, чувствуя всю шаткость своего положения, Симмах отправил своего посланника к Теодориху, всерьез опасавшемуся войны с Константинополем. Он убедил короля остготов сделать своей выбор не на стороннике мирного урегулирования вопроса схизмы с Востоком – Лаврентии, а на себе, убежденном противнике монофизитского Востока. На Соборе 506 г. Симмах был сохранен в своем сане.

В 514 г. Римским папой стал Гормизда (514-523). Это побудило императора вновь начать новую переписку с Римом. В письме папе от 28 декабря 514 г. царь выразил желание созвать новый Вселенский Собор в Гераклее на Пропонтиде, и повторил это предложение в следующем послании от 12 января 515 г.; и папа принял эту идею с полным сочувствием. С разрешения Теодориха Великого он направил к императору своих посланников. Инструкция, данная им, гласила, что предложение царя можно принять, если тот открыто признает Халкидон и «Томос» папы св. Льва Великого, анафематствует Нестория, Евтихия, Тимофея Элура, Петра Кнафея, Петра Монга и Акакия, а также передаст на рассмотрение папы дела всех лиц, на которых придут жалобы, как на преследователей сторонников Халкидона.[1]

До конца 515 г. шли переговоры, завершившиеся отъездом послов в Рим с посланием Анастасия к папе. Были большие надежды, что переговоры завершатся успешно, но этому мешали два обстоятельства. Так, в своем ответе император охотно соглашался признать Халкидон и «Томос», а также Нестория и Евтихия, но категорично не желал предать проклятию остальных вселенских архиереев, поскольку, по его словам, это может вызвать большие волнения в Церкви, и был, конечно, прав. Но папа не удовлетворился царя, и категорично настаивал на выполнении всех своих условий. В 516 г. Гормизда издал «Правило веры», в котором утверждал как незыблемый принцип, что Римская церковь всегда хранила неповрежденную веру, и что в ней одной – «цельная и истинная твердыня христианской религии».

В 517 г. Анастасий созвал Собор в Константинополе, куда прибыло до 200 епископов, включая римских легатов. Но император не решился открыть его заседания, поскольку было очевидно, что по основным пунктам расхождений никакого соглашения достигнуть не удастся. В последнем письме папе Гормизде от 11 июля 517 г. император обоснованно писал о невозможности принять тре-

---

[1] *Пфайльшифтер Г.* Указ. соч. С. 92-93.

бования папы об анафематствовании целого ряда вселенских патриархов, а затем добавил, что он не считает возможным обращать свои просьбы к тем, кто проявляет высокомерное презрение к просящим. «Мы можем снести, - писал Анастасий, - что нас обижают и вменяют в ничто, но мы не допускаем, чтобы нам отдавали приказания». Так закончилась еще одна попытка прекратить церковный раскол, на этот раз также неудачная.

Таким образом, на протяжении всего правления Анастасий пытался договориться с Римом о прекращении церковного раскола. Нежелание римских пап идти на сближение с восточными епископами, а также сильное влияние Теодориха сводило на нет все усилия императора.

THE CHURCH POLICY OF ANASTASIUS I: RELATIONS WITH ROME

N.V. Kolomijez

The paper considers Anastasius's church policy: relations with Rome. Also in this article there are considered Anastasius's attempts not to admit church split of the Church and analyzed influence of Theoderich on the Popes' policy concerning Constantinople.

Key words: Church, Anastasius, Byzantium, Rome.

ПУЛЬХЕРИЯ, ЕВДОКИЯ, ВЕРИНА – ВИЗАНТИЙСКИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ V В.

Ю.Ю. Чуева

В средние века единоличное правление женщины было делом неслыханным, она сама по себе служила лишь средством достижения власти или номинально правила непродолжительное время под влиянием придворных политиков. Это характерно в основном для Западной Европы с ее феодальным строем и диктатом церкви. В Византии же напротив, женщина и ее социальная роль была несколько выше, чем в Европе. Женщина в византийском обществе могла из обычной гетеры превратиться в императрицу, например, Феодора, жена Юстиниана. Еще в V в. в Византии правили такие знаменитые женщины как Пульхерия, Евдокия, Верина.

Пульхерия родилась 19 января 399 г. в семье византийского императора Аркадия и его жены Элии Евдоксии. Будущая императрица была знатного происхождения, ее мать происходила из франков. Пульхерия еще в молодом возрасте взяла на себя воспитание младших сестер и будущего императора Феодосия. Таким образом, от нее зависело будущее целой империи. Как женщину современники характеризуют ее с исключительно положительной стороны, как и ее воспитание Феодосия. Например, Сократ Схоластик писал: «В царском дворце он учредил порядок, подобный монастырскому: вставал рано утром и вместе со своими сестрами пел во славу Божию антифоны»[1].

---

[1] См.: Сократ Схоластик. Церковная история.

В 414 г., в возрасте 15 лет, Пульхерия была провозглашена августой и стала регентшей над императором Феодосием. Одновременно она дала обет безбрачия, посвящая свою девственность Богу. Пульхерия стала практически единоличным правителем. В ее царствование империя процветала. Созомен так описал заботу Пульхерии о государственных делах: «Приняв на себя заботы правления, Пульхерия римским миром управляла прекрасно и весьма благопричинно, делала хорошие распоряжения, скоро решала и излагала, что должно, старалась правильно говорить и писать на языках латинском и греческом, и славу всего, что делалось, относила к брату».[1] Как и каждый правитель Византии Пульхерия не избежала религиозного вопроса, особенно остро он встал на востоке: волнения в Александрии, резня христиан в Персии.

7 июня 421 г. император Феодосий вступил в брак с образованной и привлекательной дочерью философа из Афин Афинаидой, принявшей в крещении имя Евдокия. Именно Пульхерия нашла жену для своего царствующего брата, и с той поры её влияние на государственные дела начало ослабевать. Отойдя от государственных забот, Пульхерия посвятила все силы религиозной и благотворительной деятельности, одновременно сражаясь с Евдокией за влияние на императора.

Жизнь и происхождение Евдокии описаны у Иоанна Никиусского, Амартола, Константина Манассии. Будущая императрица изначально была язычницей и носила имя. Афанаиды. Иоанн Малала пишет о ней: «Юная женщина с замечательной внешностью, утончённая в манерах, с хорошей фигурой, обладающая даром красноречия, эллинка, девственница и дочь философа».[2] Отец Евдокии оставил ей незначительное наследство, которое братья отказались ей выдать. После свадьбы с императором, Евдокия вызвала братьев в столицу и назначила на высокие посты. Это говорит о стремлении утвердиться у власти и создать основу для собственной политической деятельности.

Современники признали Евдокию просвещенной императрицей. В 422 году во время празднования победы над персами Сократ Схоластик заметил: «Да и сама супруга царя написала стихи героическим размером, потому что почиталась женщиной умной»[3]. При содействии императрицы был открыт университет в Константинополе.

В 428 г., после появления несторианской ереси, Евдокия встала на сторону мужа, который симпатизировал Несторию и созвал Эфесский собор, не имея цели осудить его[4] (Пульхерия же не разделяла взгляды брата и поддерживала Кирилла Александрийского). Несмотря на это, Собор осудил учение Нестория, с чем впоследствии согласился и Феодосий. Это был триумф Пульхерии, начинавшей было утрачивать свою роль в делах управления империей. Борьба двух императриц на этом не закончилась, в нее был вовлечен патриарх Флавиан. Ев-

---

[1] Созомен. Церковная история, 9.1.
[2] Иоанн Малала, XIV. 366.
[3] Сократ Схоластик. Церковная история, 7.29
[4] Иоанн из Никиу. Хроника, LXXXVII. 29.

докия решила с его помощью отстранить Пульхерию от управления государством посредством посвящения в диакониссы. Узнав о заговоре, Пульхерия смирилась и удалилась в Евдомон. Действия Евдокии вызвали взрыв негодования у клерикальной партии, и она была подвержена опале. Феодосий стал подозревать ее в супружеской измене и отправил в ссылку в Иерусалим.

С 443 г. Евдокия жила в Иерусалиме сначала как императрица, затем как частное лицо. Она прославилась благотворительной деятельностью. Рядом с базиликой Гроба Господня был построен великолепный дворец для иерусалимских епископов, она восстановила разрушенные более столетия назад стены Иерусалима, считая, что именно к ней относятся строки 50-го псалма: «Ублажи, Господи, благоволением (по-гречески - Евдокия) Твоим, Сион, и пусть воздвигнутся стены Иерусалимские». Бурная строительная деятельность Евдокии была схожа с деятельностью императрицы Елены, в результате чего в легендах произошло их отождествление. Так коптское предание об обретении Животворящего Креста приписывает его находку Евдокии.[1]

Евдокия стала покровительствовать монофизитам и всерьез увлеклась их учением. История возвращения Евдокии незадолго до смерти в лоно православия весьма подробно описана у историков, а также в агиографической литературе, так как её раскаяние было важно для факта её канонизации.

Скончалась Евдокия 20 октября 460 г., пережив своего мужа Феодосия и соперницу в борьбе за влияние на императора Пульхерию.

Интересной личностью была императрица Верина, жена Льва I. Верина вышла замуж за Льва, офицера армии Восточной Римской империи фракийского происхождения.

Со смертью императора Маркиана пресеклась правящая династия, и Сенат должен был избрать нового императора. Им стал Лев I в 457 г. Реальную же власть Аспар желал сохранить за собой. В борьбе за власть на сторону Льва встали исаврийские федераты и их командир Зенон. Союз между Львом и Зеноном был скреплен женитьбой последнего на дочери императора. Именно ребенок от этого брака стал императором Львом II.

Так как Лев II был слишком мал, чтобы править, Верина и Ариадна решили короновать Зенона в качестве соправителя, что и было сделано 9 февраля 474 г. Но уже 17 ноября Лев II умер, и Зенон стал единственным императором с Ариадной в качестве императрицы.

Властолюбивая Верина не стала довольствоваться ролью вдовствующей императрицы. После смерти внука она решила возвести на престол своего брата Василиска. Был составлен заговор против Зенона, который был вынужден бежать из столицы. В заговоре участвовали военачальник Илл, любовник Верины Патрикий, Теодорих Страбона. После воцарения Василиска был убит любовник императрицы Патрикий. Верина обвинила брата и начала плести интриги в пользу зятя Зенона. В 476 г. военачальник Илл перешел на сторону Зенона, их объединенная армия осадила Константинополь, и Зенон вернул себе трон.

---

[1] *Деревенский Б.Г.* О местонахождении Голгофы и гробницы Христа.

Вскоре между Вериной и Иллом возникла вражда. Причиной её была причастность Илла к казни Патрикия. В 477 г. она предприняла первое покушение на него, наняв убийцу. Покушение не удалось, и через год она совершила ещё одну попытку, на этот раз, воспользовавшись помощью своего фаворита Эпиника. Попытка вновь провалилась, а Эпиник подтвердил причастность к заговору Верины. Илл добился от Зенона изгнания Верины из Константинополя.

В 483 г. Илл поднял мятеж против Зенона. Верина всё ещё оставалась императрицей и поэтому могла короновать нового Августа. Илл освободил её из заключения и убедил её короновать военачальника Леонтия. Верина сотрудничала с ними, но, вероятно, доверия между ними не было, так как вскоре Илл сослал её в крепость Папирий в Исаврии. Мятеж Илла не удался, вместе с Леонтием он укрылся в укреплённой Папирии, а войска Зенона осадили крепость.

Верина умерла вскоре после начала осады. Была ли её смерть насильственной или нет - неизвестно. Согласно Иоанну Малале, после завершения осады тело Верины было найдено и отправлено Ариадне для погребения.

Таким образом, налицо несколько особенностей в жизни и деятельности императриц Ранней Византии (V в.), которые их роднят: происхождение, характер, политическая деятельность. Во многом судьбы этих женщин похожи, они смогли оставить свой след в истории – путем знаменитого благочестия или вероломного коварства.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ К VI ВЕКУ

Е.В. Гущин

Война всегда была определяющей чертой римской истории, и период поздней античности не составляет исключения. Возникшая как приморская культура, античная цивилизация расширяла свои границы, не только путем прямых завоеваний, но и на основе постепенного развития хозяйства и включения новых территорий в единую экономическую систему Средиземноморья[1]. Эти земли, отчасти завоеванные, отчасти возделанные и превращенные в цветущие фермы и богатые города манили варварский мир. Наиболее интенсивные периоды военных действий, когда империя боролась с персидскими и германскими вторжениями в середине III в., и персидских и арабских завоеваний в начале седьмого – время практически постоянной войны. В средней и поздней республике (300-30 гг. до н.э.) был редок год, в котором легионы не выступали в поход[2]. Тем не менее, темп, с которым велись войны, не был одинаков.

В монархической системе Августа были прекращены гражданские войны. «Когда республиканское войско перестало существовать..., и у юлианской пар-

---

[1] *Болгов Н.Н.* Основные проблемы восточно-римской и ранневизантийской политики на Северном Понте // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2008. № 1(41). Вып. 5. С. 128.

[2] *Lee A.D.* War in late antiquity: a social history. Blackwell Publishing, 2007. P. 1.

тии не осталось другого вождя, кроме Цезаря, который, отказавшись от звания триумвира, именуя себя консулом и якобы довольствуясь трибунскою властью для защиты прав простого народа, сначала покорил своими щедротами воинов, раздачами хлеба - толпу и всех вместе - сладостными благами мира, а затем, набираясь мало–помалу силы, начал подменять собою сенат, магистратов и законы, не встречая в этом противодействия, так как наиболее непримиримые пали в сражениях и от проскрипций, а остальные из знати, осыпанные им в меру их готовности к раболепию богатством и почестями, и возвысившиеся благодаря новым порядкам, предпочитали безопасное настоящее исполненному опасностей прошлому» (Tacit. Annales. 1,2).

В целом же созданная Августом военная система сохраняла два фундаментальных, восходящим к древним традициям принципа: единство статуса гражданина и легионера и закрепленную за высшими сословиями монополию на командование[1]. Августом были заложены настолько прочные основы новой военной организации, что в течение долгого времени оставалось лишь приспосабливать к изменяющейся ситуации уже имеющеюся структуру. В его правление был определен способ комплектования, установлены отличия вспомогательных войск от легиона, условия прохождения службы и статус ветеранов. Создание профессиональной постоянной армии позволило накапливать и передавать военный опыт.

В начале III в. Принципат значительно реже предпринимает активные действия по расширению границ, на первый план выходит оборона. В это время и возникает Византия, из хаоса и неуравновешенности третьего века, во времена мятежных императоров, отчаянно пытавшихся вернуть престиж императорской власти[2]. Война была определяющей чертой поздней античности, поскольку ее периодичность внесла значительный вклад в значительные изменения в государстве. Неудивительно, что эти изменения затронули реорганизацию вооруженных сил. Дальнейшим отражением данной тенденции было использование термина милиции не только в военной службе, но и к службе государственной[3]. Еще одним важным аспектом, было то, что возросшие требования к квалификации полководцев устранили сенаторскую монополию на высшие командные должности.

Говоря о северной границе и народах в регионах за пределами Рейна и Дуная в течение III-IV вв. германские племена представляли более серьезную угрозу по сравнению с их предками во время принципата. По-видимому, это связано с их слиянием в более крупные племенные образования, иногда описанные в современных дискуссиях как конфедерации[4]. В III в. были потеряны Дакия и Декуматские поля, совершены вторжения варваров в Галлию, Балканы и Греция. В конце III в. Рим собрался с силами и даже восстановил границы, но в

---

[1] *Махлаюк А., Негин А.* Римские легионы в бою. М.: Эксмо: Яуза, 2012. С. 32.
[2] *Браунворт Л.* Византия, которая спасла Запад. М.: Астрель, 2012. С. 9.
[3] *Lee A.D.* War in late antiquity: a social history. Blackwell Publishing, 2007. C. 2.
[4] Ibid. C. 6.

середине IV в. опустошению снова подверглись Галлия и Балканы[1]. Периоды затишья сменялись мощными ударами варваров: вторжение 376 г., начавшееся на нижнем Дунае, лишило Римскую империю всей территории Галлии к югу от Луары; вторжение 406 г., начавшееся на Рейне, лишило империю части Испании и всей Африки; вторжение 455 г. вывело Италию из-под контроля константинопольских императоров[2].

Так же, как и причины персидской агрессии в середине III в., германская активность может быть косвенно связана с римским воздействием на племена, которое непреднамеренно способствовало активной централизации политических структур варваров. Варвары еще видели в Риме торгового партнера, покуда его армия была достаточно сильна, и активно вели сделки. При всей своей первозданной агрессивности, мир варваров был заинтересован в поддержании торговых отношений с Римом[3]. Когда варварский мир (к которому римляне относили и Персию) становится опасным, в Риме начинают принимать законодательные меры, регулирующие отношения с ним в экономической сфере, целью которых было ограничение его материальных возможностей и сохранение своего военного превосходства[4]. Следовало не допустить создания благоприятных условий для варваров. Экспорт провианта, военного снаряжения, оружия, лошадей, денег, вьючного скота, точильных камней, железа, зерна, соли, передача заложников и чего-либо ценного в военном отношении стали расцениваться как преступление против римского народа и соответствующим образом наказываться. Вероятно, такого рода правовые нормы начали действовать со времени Марка Аврелия[5]. Подобные нормы действовали и при Юстиниане, т.к. жители побережй Красного моря не могут купить у римлян ни железо, ни какой-либо другой металл (Proc. B.P. 1.19.24).

Римская империя как бы заново возродилась из хаоса III в., когда варвары опутошали цветушие области Средиземноморья, инфляция привела к полному расстройству денежную экономику, а многочисленные и малоизвестные императоры, сменявшиеся почти каждые год–два, больше боролись с друг другом, чем с внешним врагом[6]. Доведенные до отчаяния призрачные императоры пытались добыть средства, уменьшая количество серебра в монетах, но вызванная этим инфляция лишь нанесла ущерб экономике, и большая часть империи вернулась к натуральному обмену[7].

Из этого кризиса ее вывел император Диоклетиан, создав систему тетрархии. Исходя из огромных размеров Римской империи и сложности организации

---

[1] *Шувалов П.В.* Секрет армии Юстиниана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. С. 9.
[2] *Томпсон Э.А.* Римляне и варвары. Падение Западной империи. СПб : Ювента, 2003. С. 20.
[3] *Колосовская Ю.К.* Рим и мир племен на Дунае. I-IV вв. н.э. М.: Наука, 2000. С. 184.
[4] *Ермолова И.Е.* Внешняя торговля в поздней Римской империи. GAUDEAMUS IGITUR: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, Г.Р. Цецхладзе. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.
[5] *Бартошек М.* Римское право. Понятия, термины, определения. М.: Юридическая литература, 1989. С. 341.
[6] *Шувалов П.В.* Секрет армии Юстиниана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. С. 20.
[7] *Браунворт Л.* Византия, которая спасла Запад. М.: Астрель, 2012. С. 19.

связи между Римом и пограничными армиями, он решил разделить военное командование между четырьмя большими регионами[1]. Была создана коллегия правителей, которая состояла из двух старших императоров – «августов»: Диоклетиана на Востоке и Максимиана на Западе; их помощниками стали два младших правителя, «цезаря» - соответственно, Галерий и Констанций. Цезари должны были сменить августов после окончания их правления и также назначить себе в помощь двух соправителей. Тетрархия первоначально показала свою эффективность, однако она расстроилась после того, как Диоклетиан отрекся от престола в 305 г., принудив отречься и своего соправителя, августа Максимиана. Он прекратил хаос и восстановил стабильность – вполне достаточно, чтобы оправдать титул второго Августа; но, к сожалению, оказался в тени человека, что пришел к власти девятнадцатью годами спустя.[2]

В 323 г. император Константин, разбив последнего противника Лициния, стал единоличным правителем. Константин считал, что система тетрархов, установленная Диоклетианом, ради того, чтобы преодолеть военный кризис, требовавшая присутствия императора на каждой из подвергавшихся угрозе границ, была нежизнеспособной, и не успокоился, пока не вернул монархическую власть[3]. В армии выделены были два основных рода войск - пограничные войска и несколько мобильных боевых армий, находившихся в распоряжении императорского двора и готовых к отражению внешней агрессии[4]. Провинции были разделены на административные округа для большего удобства административного и фискального управления.

В 313 г. Константин издал эдикт о религиозной терпимости, узаконивший христианство, но на этом остановился и не стал делать его единственной религией в империи[5]. Еще одним аспектом политики Константина, повлиявшем на византийскую армию в бедующем, стал договор с готами 332 г.[6] Таким образом, был положен институт федератов[7]. Но как вид войск, федераты появилась только при Феодосии[8].

Однако, при всех стараниях императора Константина, большие размеры империи и значительные различия интересов Востока и Запада объективно способствовали разделению государства. Восток и Запад фактически управлялись разными людьми, хотя система тетрархии не возрождалась.

В 395 г. император Феодосий разделил империю на две части. Запад в управление получил одиннадцатилетний Гонорий, Восток восемнадцатилетний Аркадий. 395 год считается годом окончательного разделения на две половины,

---

[1] *Хэлдон Дж.* История византийских войн. М.: Вече, 2007. С. 18.
[2] *Браунворт Л.* Византия, которая спасла Запад. М.: Астрель, 2012. С. 29.
[3] *Шейнэ Ж.К.* История Византии / Пер. с фр. М.: Аст Астрель, 2006. С. 9.
[4] *Хэлдон Дж.* История византийских войн. М.: Вече, 2007. С. 20.
[5] *Браунворт Л.* Византия, которая спасла Запад. М.: Астрель, 2012. С. 35.
[6] *Щукин М.Б.* Готский путь. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.
[7] *Рябцева М.Л., Болгов Н.Н.* Готские федераты Боспора и готы – федераты Византии на Боспоре // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия. История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. № 1(72). Вып. 13. С. 19.
[8] *Шувалов П.В.* Секрет армии Юстиниана. СПб: Петербургское востоковедение, 2006. С. 65.

хотя официально сохранялась фикция единой империи, и императорские указы публиковались от имени обоих императоров[1]. Сыновья Феодосия и находились под влиянием полководцев и придворных. Германские полководцы Стилихон и Гайна были фактическими правителями. При их управлении западная часть империи начала распадаться. Некоторое время Стилихону, одному из военачальников Феодосия и опекуну его сына Гонория, ставшего новым императором Западной империи, удавалось сдерживать натиск готов, но Стилихон был дискредитирован падением рейнской границы в 406 г., когда восточные германцы, за которыми последовали алеманны и франки, наводнили Галлию и Испанию[2]. В 410 г. после новых восстаний были потеряны британские провинции. В том же году Рим был разграблен визиготами.

Все чаще вождей варварских племен удавалось подкупать территориальными приобретениями, в результате которых на территории империи возникали в той или иной степени независимые племенные образования. В результате этой политики к 430 г. уже целые области находились под управлением варваров, формально считавшихся федератами или союзниками империи, а фактически являвшихся независимыми: вандалов в Северной Африке, свевов в Испании, визиготов на юге Франции и Испании и др.[3]

Когда германский вождь Одоакр в 476 г. низложил последнего императора Запада, Италия уже находилась под контролем германских войск и управлялась их полководцами. Латиноязычный Запад и сама Италия оказались в руках варваров. Некоторые римские полевые армии comitatenses просуществовали еще несколько десятилетий после того, как limitanei пограничной обороны были сметены; но сохранение окруженных и изолированных земель, подвластных варварам, автономных военных областей, вроде Северной Галлии, лишь подчеркивало распад имперской системы как таковой[4]. Но нельзя сказать, что дух Римской империи был повержен. Запад практически полностью стал варварским, но Рим в миропонимании византийцев остался прежним. Восточная и Западная империи уже давно шли своими путями, и катострофа последней ничего не поменяла. 476 год был отмечен только отправкой в Константинополь императорских регалий и установлением, согласно которому вавbooрварские короли признавали верховную власть единого императора Константинополя; таким образом, их власть оказывалась другой природы[5]. Хотя вся власть на Западе была в руках германских правителей, которые выдавали себя за наместников[6], именно последнее давало идеологическое обоснование реставрации империи, предпринятое Юстинианом.

---

[1] *Левченко М.В.* История Византии. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. С. 28.

[2] *Конноли П.* Греция и Рим. Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков. М.: Эксмо-Пресс, 2009. С. 169.

[3] *Хэлдон Дж.* История византийских войн. М.: Вече, 2007. С. 23.

[4] *Андерсон П.* Переходы от античности к феодализму. М.: ИД «Территория будущего», 2007. С. 111.

[5] *Шейнэ Ж.К.* История Византии. М.: Аст Астрель, 2006. С. 10.

[6] *Oman C.W.* The Byzantine Empire. London: T. FISHER UNWIN, LTD., 1892. P. 73.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В ВИЗАНТИИ В СЕРЕДИНЕ VI В.

М.М. Синица

В первой половине VI в., а именно в период правления императора Юстиниана I, восточная часть Римской империи переживала подъем. Во внешней политике был отбит натиск варваров, отвоеваны утерянные в части Римской империи на Западе (Северная Африка, Италия, Испания)[1]. Во внутренней – была упорядочена система управления, кодифицировано законодательство[2], в экономике наблюдалась стабилизация хозяйства в провинциях[3], проводилось широкомасштабное строительство - восстанавливались и строились новые города, укрепления, дороги, порты, в течение многих веков сохранилось множество храмов, построенных в этот период; в социальной сфере окончательно сформировалась новая византийская общность... Вся эпоха воспринималась как «великая» во все последующие времена[4]. Все эти масштабные преобразования стали возможны благодаря устойчивой централизации власти в руках императора в VI в., которая и достигла пика в эпоху этого императора[5].

Императорская власть в VI в. не была ограничена законом – сформировался образ императора и автократора[6], неограниченная монархия была объективным условием реальности, старые античные нормы политической организации не могли обеспечить выживаемость и существование такой империи как Римская[7]. Но данная власть была не легитимной с точки зрения правовых норм на которых основывалась традиционная римская государственность[8] - в VI в. легитимность императорской власти опиралась на три составляющие: 1) авторитет, данный от Бога, 2) поддержка сената и народа, 3) опора на армию[9], - поэтому возникла потребность для обоснования ее законности, в первую очередь для образованных слоев византийского общества.

В VI в. византийская интеллектуальная элита по-разному относилась к власти василевса. С одной стороны, император позиционировал себя в качестве восстановителя и хранителя старых античных принципов управления государством[10]. Но фактически его власть была ничем не ограниченной монархией: он рассматривался в качестве «живого закона», обладал правом законодательной

---

[1] *Удальцова З.В.* Особенности экономического, социального и политического развития Византии (IV – первая половина VII в.) // Культура Византии IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 39.
[2] *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 235.
[3] *Maas M.* John Lydus and the Roman Past. London; New York, 1992. P. 18.
[4] *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты... С. 258.
[5] *Maas M.* John Lydus and... P. 14.
[6] Ibid. P. 15.
[7] *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. В 2-х тт. Т.2. СПб., 2000. С. 211.
[8] *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. В 2-х тт. Т.1. СПб., 2000. С. 53.
[9] *Maas M.* John Lydus and... P. 41.
[10] Ibid. P. 47.

деятельности, после кодификации им был издан запрет на любое комментирование законов Дигест, он обладал непререкаемым авторитетом в судебных решениях, все должности исполнительной власти были связаны с ним напрямую, как глава Церкви контролировал исповедание ортодоксального христианства[1] – это было сродни тирании, которая была неприемлема для гражданина Римской империи[2].

Для образованной и лояльной к императору части византийского общества необходимо было снять это противоречие. Поэтому разрабатываются концепции, в которых делается попытка провести разграничение между понятиями «тирания» (τυραννίς), «автократия» (αὐτοκρατία), «басилейя» (βασιλεία).

Наиболее системно это разграничение разработано в произведении Иоанна Лида «De magistratibus populi Romani[3]».

Иоанн Лид представлял собой тип образованного бюрократа – это был интеллектуал, занимавший важный пост в Восточной префектуре претория – ключевом департаменте в имперской управленческой системе[4]. Его служба чиновника определяла его лояльность к существующей системе власти и императору, но классическое воспитание и образование – он происходил из знатной семьи города Филадельфия, получил очень хорошее образование, владел латинским языком, в начале VI в. (начиная с 511 г.) слушал лекции неоплатоника Агапия в константинопольском университете – определили его пристрастие к традиционным античным идеалам и ценностям[5]. Поэтому его отношение к существующей системе управления было весьма специфичным – он не одобрял изменений и преобразований в механизмах управления, придерживался традиционных норм, сложившихся в республиканском Риме и древнегреческом полисе[6]. Кроме того, на него оказало сильное влияние учение Аристотеля о цикличном развитии мира, позволившее ему выдвинуть теорию об упадке и восстановлении сформировавшихся в античности систем и процессов, что отрицало их необратимую трансформацию или исчезновение[7]. Подход к власти императора также был вполне в духе античных представлений, но с поправкой на лояльность к правителю.

В первой книге вышеуказанного произведения Иоанна Лида, которая посвящена республиканским институтам управления в Древнем Риме, в ее начале дается анализ и современных форм власти, и именно там проводится разграничение между понятиями «басилейя», «автократия» и «тирания»[8].

Сначала Иоанн Лид рассматривает сущность «басилейи» - это идеальный тип формы государственной власти, представляющий собой монархическое гос-

---

1 Ibid. P. 15.
2 *Ростовцев М.И.* Общество... Т.1. С. 53.
3 См.: Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Ioannes Lydus. Bonnae impensis ed. Weberi, 1837.
4 *Kelly C.* Ruling the Later Roman Empire. Cambridge, Massachusetts; London, 2004. P. 11.
5 *Удальцова З.В.* Из византийской хронографии VII в // ВВ. 1984. Т.45 (70). С. 54 -65.
6 *Kelly C.* Ruling the Later . P. 15.
7 *Maas M.* John Lydus and... P. 89.
8 Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. I.3-4.

ударство. При басилейе верховная власть принадлежит василевсу – государю, который есть одновременно также и гражданин, подчиняющийся, как и все остальные граждане, своим собственным установлениям, данным им уже в качестве правителя, а его власть санкционирована добровольным согласием и выбором остальных граждан. Василевс подчиняется законам, они господствуют в обществе, государь никогда не посягает на изменение формы государственной власти, он относится к своим подданным как отец и вождь. Власть и положение василевса не определяются или регулируются какими-то рациональными предпосылками, они иррациональны – сама судьба возносит на престол того, кто наиболее выдается среди других людей своим могуществом. Кроме судьбы указывается на божественное происхождение власти правителя: «[василевса] нам Бог и надлежащего времени разумность охотно дарили»[1]. Опора на иррациональное ярко показывает нелегитимность власти василевса - с точки зрения римского республиканского устройства системы управления, которое было в определенной степени образцом для византийской государственности[2].

Далее дается характеристика сущности тирании: тиран увлекается собственными желаниями, действует по произволу, не соблюдает законов, сам принимает законы без решения сената – в этом ярко проявляется господство республиканской идеологии Древнего Рима в системе представлений о государственной власти Византии в VI в., хотя в реальности еще в конце III в. оформилась система домината, эволюционировавшая к VI в. в сторону абсолютной монархии[3].

Разница между двумя формами государственного устройства подчеркивается в конце рассуждений – василевс направляется законами, а тиран сам направляет действие законов, по собственному произволу[4].

Затем Иоанн Лид, описывая зарождение института цезарей (I в. до н.э.), дает характеристику автократии, которая, по его мнению, возникла именно тогда. Это не тирания и не басилейя, автократия возникает во время общественных смут, сопровождаемых произволом и самовластием в управлении, она призвана установить правопорядок и соблюдение законности в обществе и представляет собой власть, аналогичную власти полководца в армии в момент подготовки к сражению, когда в войске должна царить дисциплина и порядок и подчинение только одному начальнику[5].

Таким образом, можно выделить несколько основных составляющих данной концепции:

- басилейя, тирания, автократия – формы монархической власти;
- басилейя – идеальная форма власти, она выбирается самими людьми как наилучшая;
- басилейя естествена и обусловлена иррационально – судьбой, Богом;

---

[1] Ibid. I.3.
[2] *Maas M.* John Lydus and... P. 89.
[3] Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. I.3.
[4] Ibid. I.3.
[5] Ibid. I.4.

- при басилейе правитель – выдается среди других;

- при басилейе правитель следует законам, принимаемым совместно с лучшими людьми (сенат);

- при басилейе отношение правителя к подданным аналогично отношению отца в семье;

- тирания и автократия - не басилейя, это худшие формы правления;

- при тирании правитель – раб своих желаний;

- при тирании правитель действует по своему произволу, не соблюдая законов, не утверждая их вместе с лучшими людьми;

- при автократии в руках правителя сосредотачивается неограниченная власть для поддержания порядка.

Данные представления позволяли определить степень легитимности власти правителя с точки зрения республиканских традиций, их выработка должна была ограничить произвол и самовластие автократора. Появление такой концепции свидетельствует об усилении монархической власти, которая начинает выходить за определенные рамки, в представлении современников становясь тиранической. Об этом свидетельствуют дальнейшие рассуждения Иоанна Лида о власти тирана – о том, что именно тираны себя любят называть δεσπότης (господин, хозяин по отношению к рабам, повелитель), а хороший правитель старается этого избегать[1], но в VI в. это наименование в титулатуре стало нормой, и император резко агрессивно относился к тем, кто не выполнял этого[2]. Это сближает автора с позицией другого представителя интеллектуальных кругов - Прокопия Кесарийского, в произведении «Тайная история» прямо утверждавшего, что Византия находится под властью тирана[3], который превысил принятые издревле для василевса полномочия: «...Среди новшеств, введенных в государстве Юстинианом и Феодорой, есть и следующее. Издревле сенат, являясь к василевсу, обычно воздавал ему почет следующим образом. Муж-патрикий приветствовал его, припадая к правой стороне его груди. Василевс же, поцеловав его в голову, отпускал его. Все остальные же удалялись, преклонив перед ним правое колено... ...При Юстиниане же и Феодоре и все прочие [сенаторы], и те, которые имели сан патрикия, оказавшись в их присутствии, тотчас подали перед ними ниц с распростертыми руками и ногами и поднимались не прежде, чем облобызают им обе ноги...»[4].

Такой взгляд на власть василевса был характерен для философов-неоплатоников VI в. (Дамаский, Симпликий)[5], противостоя христианской идеологии. В их учении наблюдается преемственность с идеями, возникшими в предыдущие эпохи.

---

[1] Ibid. I.5.

[2] *Kaldellis A.* Identifying Dissident Circles in Six-Century Byzantium: The Friendship of Prokopios and Ioannes Lydos // Floriregium 21. 2004.

[3] Procop. Caes. Hist. Arc. I. 6-10.

[4] Там же. XXX.21-23.

[5] *Kaldellis A.* Identifying Dissident...

Концепция монархической власти Иоанна Лида не была порождением VI в., она сформировалась достаточно давно, развиваясь в традициях Платона, неоплатоников, неопифагорейцев, перипатетиков, стоиков и киников... С IV в. также огромное значение приобрела христианская концепция, сформулированная Евсевием Кесарийским.

Попытаемся определить истоки представлений Иоанна Лида в более ранних учениях.

Идея судьбы как источника власти правителя ярко выражена в произведениях Гомера, недаром в качестве примера Иоанн Лид берет Аякса Саламинского[1] – персонажа троянского мифологического цикла. В «Илиаде» Агамемнон, например, характеризуется так:

«...пространнодержавный Атрид Агамемнон... /...

О, Агамемнон блаженный, судьбой отличенный с рожденья!»[2]

Идея разумной монархической власти формируется в IV в. до н.э. в произведении Платона «Государство»: «...жалкие вожделения большинства подчиняются там [в идеальном государстве] разумным желаниям меньшенства...»[3]; «... и у правителей и у подвластных существует согласное мнение о том, кому следует править...»[4], выбор правителя определяется его достоинствами[5], государство основывается на следовании законам, данным божественным образом. В нем развиваются 4 основных добродетели: мудрость, мужественность, рассудительность и справедливость[6]. У правителя гнев и вожделение подчинено разумному началу[7]. Для правления выбираются выдающиеся люди, которые достигли высот познания, они подчиняются установленным в государстве законам[8]. Идеальное государство по форме правления представляет собой монархию или аристократию[9]. Тирания – наихудшая форма правления, тиран следует своим прихотям и желаниям, нарушая любой из установленных обычаев и законов[10]. Государство, управляемое царем, и тирания - противоположны: первое самое благородное, а второе самое низкое[11].

Далее платоновские идеи о власти развиваются в работе Аристотеля «Политика»: здесь происхождение института царской власти рассматривается как эволюция отношений в семье, власть царя уподобляется власти главы семейства[12]. Монархическое правление (царская власть), названное Аристотелем

---

[1] Ioannis Lydi. De Magistratibus Romanis. I.3.
[2] Hom. Il. III.178–182 / Пер. В.В. Вересаева. М.-Л., 1949.
[3] Plato. Res. IV.431.
[4] Там же. IV.431.
[5] Там же. IV.433.
[6] Там же. IV.427.
[7] Там же. IV.441.
[8] Там же. VII.519–520.
[9] Там же. IV.445.
[10] Там же. IX.574.
[11] Там же. IX.576.
[12] Aristot. Polit. I.VII.

βασιλεία[1],отличается от тирании тем, что в первом случае целью является общая польза, а во втором – выгоды одного правителя[2].

С началом эллинистической эпохи и появлением автократии Александра Македонского, разрабатываются идеи эллинизма, где рассматривается βασιλεία – государство по типу восточной деспотии, характерными признаками которого были: монархическая форма правления с неограниченной властью правителя, его обожествление, создание культа, пышный двор, опора на бюрократию и армию; монарх являлся персонифицированным государством. Данный тип считается непосредственным предшественником византийской государственности[3].

Несмотря на это, продолжают разрабатываться концепции разумного начала монархической власти: так, в работе «Всеобщая история» Полибия указывается: «не всякое единовластие может быть без оговорок названо царством, но такое только, в котором управляемые уступают власть по доброй воле и в котором властвует не столько страх или сила, сколько рассудок»[4].

У римских авторов также прослеживается идея полезности монархической власти. Тит Ливий указывает в своем труде «История Рима от основания города», что власть первых царей вплоть до Тарквиния Гордого была полезна и нужна римскому народу, так как сплотила его, также что они основали новые части Города[5]. Но все же римская историческая традиция была больше республиканской – Корнелий Тацит, например, в работе «Анналы» резко негативно относится к тому, что Гай Юлий Цезарь начал «...подменять собой сенат, магистрат и законы...»[6].

Эта борьба имперской и сенатской тенденций в римской политической мысли была характерным явлением для всего периода существования Римской империи[7]. Но с эпохи принципата комплексно начинают подниматься проблемы правителя и его власти, ее соотношения с властью сената и народа, проблемы ее законности[8].

В речи представителя кинической и стоической философии Диона Хрисостома «О царстве» дается объяснение, какой должна быть власть императора, проводится четкое разграничение ее с тиранией. Хороший монарх, по мнению философа, должен заботиться о благе подданных, быть благочестивым, воздержанным, щедрым[9], доброжелательным и приветливым[10], труды предпочитать богатству[11]. Для солдат он должен быть как сослуживец, для соратников – как

---

[1] Aristot. Polit. III, 1279a [30] – [35].
[2] Aristot. Polit. III.IV.2-4.
[3] *Курбатов Г.Л.* Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии IV – первой половины VII в. С. 100.
[4] Polyb. Hist. VI.4.
[5] Liv. II.1.
[6] Tac. Ann. I.2.
[7] *Курбатов Г.Л.* Политическая теория... С. 101.
[8] Там же. С. 101.
[9] Dio Chrysostom. The First Discourse on Kingship. 12-14.
[10] Ibid. 20.
[11] Ibid. 21.

друг, а для народа – как отец[1]. У остальных людей он должен вызывать чувство уважения и восхищения, а не ненависти и страха[2]. Также качествами правителя являются искренность и правдивость[3], справедливость[4], благородство[5]. Стремясь жить в мире, он должен быть подготовлен к войне[6]. Одним из самых ясных признаков качества власти царя Дион Хрисостом считает отношение к нему людей после смерти – хорошего царя хвалят не только при жизни, но и после смерти[7]. Далее философ противопоставляет истинную царскую власть и тиранию, приводя изящную легенду о Геракле двух женщинах – олицетворявших царскую власть и тиранию. Царская власть обладает следующими свойствами: величие, красота, достоинство, устойчивость, вокруг нее изобилие и процветание; ее сопровождают Справедливость, Общественный порядок, Мир и Закон – без них она не может принимать ни одного решения[8]. Вторая – Тирания - противоположна первой: путь к ней был опасен, измазан кровью и усеян трупами; ее престол был гораздо богаче украшен, чем у первой, но неустойчив и основание качалось, для нее характерны беспорядок, хвастовство, роскошь, тщеславие, ложное смирение, презрение в лице, отсутствие самообладания и постоянная подозрительность, тоска, гнев и готовность к террору; настроение резко меняется от радости к гневу, сама она вызывала ужас и ненависть; окружали ее Жестокость, Высокомерие, Беззаконие, Интрига, приводящие ее к падению, вместо Дружбы – Лесть рабски услужливая и алчная, больше других готовая к предательству и убийству[9].

С наступлением эпохи домината еще активнее стали обсуждаться в речах риторов проблемы императорской власти. Ярким примером могут служить речи оратора и философа IV в. Фемистия Пафлагонского, который, несмотря на провинциальное происхождение, занимая придворные должности при пяти императорах, ухитрился подняться по служебной лестнице и к концу жизни достигнуть должности городского префекта[10]. Из его ораторского наследия сохранились 34 речи, часть из которых представляет собой панегирики императорам, где обосновывается его концепция восприятия императорской власти: он обосновывал божественное происхождение императорской власти и ее разумное начало, император – это воплощенный закон, сравним с богом, являясь его избранником, поэтому достоин царской власти, поэтому именуется «вскормленным и рожденным Зевсом», а империя - есть мимесис небесного устройства; царь отличается от тирана гуманностью и благой волей, его царственность заключается в добро-

---

[1] Ibid. 22.
[2] Ibid. 25.
[3] Ibid. 26.
[4] Ibid. 35.
[5] Ibid. 34.
[6] Ibid. 27.
[7] Ibid. 33.
[8] Ibid. 70–75.
[9] Ibid. 76–83.
[10] История греческой литературы в 3 тт. Т.3. М., 1960. С. 301–305.

детелях, а не во внешних инсигниях, его правосудие превосходит косную строгость законов, одно из основных качеств царя – человеколюбие[1].

Продолжением этой темы можно считать произведение неоплатоника Синезия Киренского. Речь Синезия Киренского «О царстве» во многом опиралась на речи Диона Хрисостома и Фемистия, развивая их идеи, но ее коренное отличие было в том, что она подвергает острой критике существующий порядок вещей, затрагивает животрепещущие вопросы – впервые вопрос о царской власти рассматривался применительно к существующим условиям, а не абстрактно[2]. Об императоре он пишет: «...Тот, кого больше всего одарил бог и кому дал возможность еще совершенным мальчиком называться великим императором, тому необходимо переносить всякий труд, воздерживаться от всяких жизненных удобств, отказывать себе в сне, принимать на себя бремя великих забот, если только он хочет быть достойным имени императора...»[3]. Далее указывает на сходство и различие императорской власти и тирании. Эти формы правления сходны в том, что обеспечивают господство одного человека над множеством людей[4], а различие в том, что император «соединяет свои интересы с благом подданных, ...готов страдать, чтобы оградить их от страданий, ...подвергается за них опасности, лишь бы только они жили в мире и безопасности, ...бодрствует днем и ночью, чтобы им не было причинено никакого вреда...»[5], а тиран «пользуется властью неумеренно, употребляет ее на удовольствия и забавы, думая, что она должна служить к удовлетворению всех его страстей, кто считает выгодным начальствовать над многими, если они служат его прихотям...»[6]. Писатель заключает: «...император свои склонности подчиняет законам, а для тирана его склонности служат законом. Власть - вот то, что у них общего, а [образ] жизни - противоположный»[7]. Продолжая свою речь, философ обосновывает божественность получения императором власти и ее подобие небесной: «...бог, являющийся первообразом разумных вещей, дал как бы образец своего провидения и приказал, подражая небесному, исправлять несовершенства земного...»[8], и далее призывает императора сохранять незыблемым существующий строй: «...подобает никогда не оставлять строй, в котором ты поставлен...»[9]. Основными свойствами государя писатель считает: благочестие, самообладание, управление собой, своими страстями, ум, внутреннее спокойствие[10].

Кроме вышеперечисленных концепций императорской власти необходимо рассмотреть также и христианскую, которая имела, можно сказать, одно из

---

[1] Фемистий // Античная философия Словарь [Электронный ресурс]. http://enc-dic.com/phyantich/Femisti-261/
[2] *Левченко М.В.* Синезий Киренский. О царстве. Предисловие // ВВ. 1953. Т.6 (31). С. 327–357.
[3] Sines. De regn. 5.
[4] Там же. 5.
[5] Там же. 6.
[6] Там же. 6.
[7] Там же. 6.
[8] Там же. 8.
[9] Там же. 9.
[10] Там же. 10.

ключевых значений в становлении культа императорской власти в первой половине VI в. – император Юстиниан I считался управляющим империей по Божьей благодати, ввел в титулатуру императора название Κύριος (Господин), первым употребил титул Φιλόχριστος (Христолюбивый)[1]. Она разрабатывалась знаменитым церковным историком Евсевием Кесарийским в его трудах, посвященных царствованию императора Константина. В них утверждалась самобытная, не опиравшаяся ни на какие предыдущие традиции концепция императорской власти, рассматривающаяся в качестве полученной от христианского Бога и, опираясь на Его атрибутивные свойства, провозглашавшая абсолютную монархию без каких бы то ни было условий ограничения, очищая императорский произвол санкциями Божьего провидения. Монарх выступает в качестве проводника воли Божией, поэтому с него снимается ответственность за любые действия. Именно в христианской концепции царской власти в полной мере обыгрывается омонимия значения слова «василевс»[2].

Христос признавался единственным виновником и источником власти василевса-победителя, от Бога он заимствует образ верховного царствования и управляет в подражании небесной форме[3]. Василевс приводит всех «...к единородному и спасительному Слову подвластных себе жителей земли... ...заботится о спасении каждого на управляемом им корабле жизни..., ...посвящает самому Всецарю царскую свою душу и преданный Богу ум...»[4], «...для слуха всех народов проповедуются слова, наставления и убеждения к честной и благочестивой жизни..., ...как бы истолкователь воли Всецаря Бога...»[5]; за что Бог «...соответственно благоговейному чествованию себя, умножая благодеяния, награждает его долгими периодами царствования...», «...Бог, Всецарь, сам соделывает его правление над народами земли сильным и юным, как будто бы оно только теперь возникает...»[6], «...От этого [Божественного] всеобъемлющего разума он [василевс] разумен, от этой мудрости мудр, от причастия этому благу благ, от общения с этой правдой праведен, по идее этой умеренности умерен, от приятия этой высочайшей силы мужественен...»[7]. Все подданные – это «...сыны василевса...»[8], т.е., утверждается значение власти императора как отца. Еще один интересный момент заключается в определении и обосновывании наилучшей формы правления: «...закон царского права именно тот, который подчиняет всех единому владычеству. Монархия превосходнее всех форм правления, многоначалие же, составленное из членов равного достоинства, скорее есть анархия и мятеж. Посему-то, один Бог (не два, не три, не более, ибо, многобожие есть

---

[1] *Maas M.* John Lydus and. . P. 15.

[2] Это название употребляли для обозначения Господа и монарха, что обыгрывается в обосновании божественного происхождения власти василевса.

[3] Eus. Caes. Or. Ad Const., 1.

[4] Там же. 2.

[5] Там же. 10.

[6] Там же. 3.

[7] Там же. 5.

[8] Там же. 1.

тоже безбожие), один Царь, одно Его Слово и один царский закон, выражаемый не речениями и буквами, не в письменах и на таблицах, истребляемых продолжительностью времени, но живое и ипостасное Слово Бога, предписывающее волю Отца всем, которые покорны Ему и следуют за Ним...»[1].

Таким образом, можно сделать вывод об источниках концепции власти императора в VI в.: естественность басилейи и санкционированность ее судьбой или Богом восходит к Гомеру, неоплатонизму, также христианству и восточным учениям, сформировавшим эллинистическую идеологию; характеристика правителя как выдающегося среди других людей – к платоновским представлениям идеального управления, учениям стоиков и неоплатоников; главенство законов и идея совместного управления с лучшими людьми – к платоновским представлениям и республиканизму Древнего Рима, идеализация власти – к учению Платона и Аристотеля, а также к христианской концепции. Представления о тирании сформированы на основе концепций Платона, Аристотеля, учений стоиков, киников, неоплатоников IV–V вв. Идея неограничеснности власти – к христианскому учению, уподобление ее власти отца – к идеям Аристотеля и христианству.

Еще можно заметить, что развитие концепций власти правителя всегда связано с периодом упадка демократии и республиканизма и усилением монархических тенденций: идеи Платона возникли во время упадка греческого полиса, Аристотеля – появления эллинистических монархий, Тита Ливия – становления принципата, Диона Хрисостома – начала расцвета и развития принципата в сторону монархии, Евсевия, Синезия и Фемистия – установления и господства домината; таким образом, можно считать появление монархических концепций индикатором усиления политической власти монарха, они фиксировали это как свершившийся факт, санкционировали принятие этого обществом, но при всем том как бы противостояли этой тенденции, вводя ее в определенные рамки.

ВНЕШНЯЯ КРАСОТА ЖЕНЩИНЫ В ПОНИМАНИИ ВИЗАНТИЙЦЕВ НА ПРИМЕРЕ ФЕОДОРЫ

О.С. Тринёва

Актуальность данной темы заключается в том, что благодаря словесному описанию портрета византийской императрицы, сделанного некоторыми исследователями мы сможем представить положительные и отрицательные характеристики женской внешности того времени.

Главными источниками и при описании императрицы Феодоры являются: труд Прокопия Кесарийского «Тайная история», в котором дается внешнее описание интересующей нас личности, а также автор представляет нам нелицепри-

[1] Там же. 3.

ятные сведения о жизни Феодоры до вступления в брак с Юстинианом. Кроме труда Прокопия, отдельные аспекты жизни Феодоры были описаны в середине VI в. одним из её приближённых - епископом Иоанном Эфесским в его сочинениях: «Жития восточных святых» и «Церковная история».

Также деятельность императрицы в области религии, описание её внешности и одеяний представляет нам в своих многочисленных трудах по истории Византии - известный французский ученый Шарль Диль.

Влияние византийских женщин, основывалось на мужской слабости, на их увлеченности женской красотой. И это подтверждается многими примерами. Остается выяснить, что в те времена считалось привлекательным, и какую роль внешние данные играли в судьбах женщин. На эти вопросы мы попытаемся ответить, рассматривая личность императрицы Феодоры.

Феодора имела скромное происхождение. Она родилась в Сирии, а по некоторым, менее достоверным, сведениям – на Кипре в конце V в.; точная дата ее рождения неизвестна. Отец рано умер. Мать осталась одна с тремя дочерьми. Детство Феодоры прошло в бедности и нужде. Впоследствии она стала актрисой мимического театра. Здесь мы встречаем одно из первых внешних описаний о ней, используемых Прокопием Кесарийским: «Была она необыкновенно изящна и остроумна. Из-за этого все приходили от нее в восторг»[1] Но сам автор считал, что в её успехе виновата не природная красота, а неприкрытое бесстыдство и распущенность. Впрочем, какими-либо достоверными фактами это не подтверждалось.

Скорее всего, мнение Прокопия Кесарийского было сформировано сплетнями, которые присущи актерской среде, и завистью, что доказывает нам то, что Феодоре действительно было чему завидовать - внешней притягательности и следствие этому излишнему вниманию мужчин. [2]

Знаменитый же византолог Ш. Диль, затрагивая эту щепетильную тему, писал: «Некоторые психологические черты Феодоры, ее заботы о бедных девушках, погибавших в столице чаще от нужды, чем от порочности, меры, предпринятые ею для их спасения и их освобождения "от ига постыдного рабства"... а также несколько презрительная жестокость, которую она всегда выказывала мужчинам, до известной степени подтверждают то, что передают о ее молодости... Но можно ли поверить вследствие этого, что приключения Феодоры производили тот страшный скандал, какой описывает Прокопий, что она была действительно из ряда вон выходящей куртизанкой?.. Не надо упускать из виду, что Прокопий любит представлять развращенность выводимых им лиц в размерах почти эпических... Я... был бы очень склонен видеть в ней... героиню более банальной истории – танцовщицу, которая вела себя так же, как во все времена ведут себя женщины ее профессии»[3].

---

[1] Proc. Caes. Arc.: Прокопий. Тайная история. М.: Веста, 1991. С. 346.

[2] *Величко А.М.* История византийских императоров. От Юстина I до Феодосия. Т. III. М., Вече, 2012. С. 199.

[3] *Диль Ш.* Византийские портреты. М.: Искусство, 1994. С. 84–85.

Из этого суждения мы можем сделать вывод, что внешняя привлекательность играла в судьбах женщин очень неоднозначный характер, приносила им немало бед и несчастий, не смотря на их сословие и положение в обществе.

Следует отметить, что тот же Ш. Диль упоминает, что епископ Иоанн Эфесский, «близко знавший Феодору, из уважения к великим мира сего не сообщил нам подробно всех оскорбительных выражений, которыми, по его же словам, поносили императрицу благочестивые монахи – люди, известные своей грубой откровенностью»[1].

В дальнейшем исследователи сообщают нам, что с «бурной молодостью» было покончено и Феодора выходит замуж. Но брак оказался для неё несчастным и, оставшись с малолетней дочерью, будущая императрица ищет наставления и утешения у святых монахов[2].

В Александрии, куда она перебралась в ходе жизненных исканий, Феодора всерьез занялась своим образованием, читала книги отцов Церкви и внешних писателей и, обладая незаурядными способностями, на редкость проницательным умом и блестящей памятью, стала со временем, подобно Юстиниану, одним из самых эрудированных людей своего времени, компетентным знатоком богословия.

Это является для нас примером того, что, несмотря на сомнительное прошлое и выразительную внешность женщина могла при условии особого желания и прилежания получить достойное образование и просвещаться по интересующим её вопросам.

Несмотря на благочестивое поведение о Феодоре и в дальнейшем будут ходить не хорошие слухи и отзывы, но это не помешает племяннику императора увлечься ею, благодаря её внешней красоте и однозначно незаурядному внутреннему миру. Узнав Феодору, он полюбил ее с удивительной преданностью и постоянством, и это впоследствии, в пору их брака, выражалось во всем, в том числе и в его деятельности правителя, на которую Феодора влияла как никто другой.

Обладавшая редкой красотой, проницательным умом и образованием, которое Юстиниан умел ценить и в женщинах, блистательным остроумием, удивительным самообладанием и сильным характером, Феодора сумела пленить воображение своего высокопоставленного избранника.[3]

И даже те, кто её недолюбливал, не преуменьшали её красоты и острого ума. Так, Прокопий Кесарийский в своей «Тайной истории» отдает должное внешней привлекательности императрицы: «Феодора была красива лицом и к тому же исполнена грации, но невысока ростом, бледнолица, однако не совсем белая, но скорее желтовато-бледная; взгляд ее из-под насупленных бровей был грозен»[4]. Это своего рода прижизненный словесный портрет, тем более досто-

---

[1] Там же. С. 83.

[2] *Величко А.М.* История византийских императоров. От Юстина I до Феодосия. Т. III. М., Вече, 2012. С. 215.

[3] *Hatzaki, Myrto.* Beauty and the Male Body in Byzantium. 2009.

[4] Прокопий Кесарийский. Тайная история. М.: Веста, 1991. С. 351.

верный, что он соответствует тому ее тоже прижизненному, но уже мозаичному изображению, которое сохранилось в апсиде равеннской церкви святого Виталия.

Ш. Диль в своем труде также дает внешнее описание императрицы, давая характеристику её портрету более позднего времени: «Под тяжелой императорской мантией стан кажется выше, но менее гибким; под диадемой, скрывающей лоб, маленькое нежное лицо с несколько как бы похудевшим овалом, большим прямым и тонким носом выглядит торжественно, почти печально. Одно только сохранилось на этом увядшем лице: под темной линией сросшихся бровей прекрасные черные глаза… все еще озаряют и как будто уничтожают лицо»[1].

Изысканное, поистине византийское величие облика августы на этой мозаике подчеркивают ее царственные одежды: «Длинная, покрывающая ее мантия из фиолетового пурпура внизу отливает огнями в мягких складках вышитой золотой каймы; на голове ее, окруженной нимбом, высокая диадема из золота и драгоценных камней; волосы переплетены жемчужными нитями и нитями, усыпанными драгоценными камнями, и такие же украшения сверкающими струями ниспадают ей на плечи»[2].

Несмотря на низкое происхождение Феодоры, Юстиниан все же смог обойти закон и жениться на ней. Впоследствии Императрица Феодора играла важнейшую роль в политической жизни. Она стала святой. И простые люди ставили её на одну ступень с императором, принося им обоим государственные присяги.

Таким образом, внешняя красота и изощренный ум, принесли когда-то простой актрисе низкого происхождения могущество и влиятельность, о котором мечтали многие.

На примере описания Феодоры мы можем наблюдать неоднозначное отношение к женской красоте. Она принесла ей и много возможно не имеющих под собой основания наговоров, и внимание самого императора Юстиниана.

Из всего выше сказанного мы можем сделать вывод, что отношение к женской красоте в то время во многом схоже с отношением к женской красоте и в наше время. Хрупкость фигуры и утонченность черт лица возможно были наиболее притягательными для мужчин того времени, но это не может дать нам полную гарантию того, что женщины с другой внешностью не привлекали к себе внимания.

Единственное, что мы можем утверждать, так то, что совокупность красоты и ума могли изменить судьбу любой женщины и сделать её жизнь лучше, кака в Ранней Византии (на примере Феодоры), так, видимо, и в другие исторические эпохи.

---

[1] *Диль Ш.* Византийские портреты. М.: Искусство, 1994. С. 79.
[2] Там же. С. 85.

О «ХРОНИКЕ» ИОАННА МАЛАЛЫ

А.В. Кобзева

В замечательной по богатству византийской историографии существовали два главных, резко отличавшихся друг от друга по форме и содержанию, типа: научная история и популярная всемирная хроника. Историки, писавшие для избранного круга образованных людей, старательно поддерживали классические традиции, образцами для них служили Геродот, Фукидид, Полибий. Историки не любили широких рамок и предпочитали описывать события современные и недалекого прошлого, иногда связанные с какой-нибудь местностью. Напротив, хронисты дают *всемирную историю* от сотворения мира по возможности до воцарения современного им императора. Авторы этих «хроник» - обычно монахи, интересовавшиеся общим ходом мировой истории, но искавшие в книге вместе с поучением и легкого развлечения. В простонародном вкусе хронисты нагромождают факты самого пестрого содержания, изображая с особой тщательностью душевные и телесные свойства замечательных людей, чудесные явления и народные бедствия, как голод, мор, землетрясения и т.п. Руководящая точка зрения у хронистов - церковная, вследствие чего у них сохраняется библейская хронология, а при изображении древней мифологии и героической истории заметна церковно-апологетическая тенденция.

Хронисты пишут на общепонятном языке, приближающемся к презираемой образованными византийцами народной речи; их труды - настоящие народные книжки, снабженные иногда даже рисунками. Эта популярная форма была причиной широкого распространения хроник, не только среди населения византийской империи, но, в переводе, также и на латинском Западе, особенно среди обращенных византийцами в христианство восточных и славянских народов: сирийцев, армян, грузин, булгар, сербов и русских, получивших от византийцев первые сведения о всемирной истории. Метод хронистов чрезвычайно прост. Они ограничивались извлечениями из исторических сочинений и хроник своих предшественников, причем для каждой эпохи пользовались обыкновенно одним каким-либо источником.

Обычай старейших хронистов рассматривать всемирную историю с точки зрения своей ближайшей родины; так, у Малалы в центре повествования поставлена Антиохия. Автор Хроники – сириец по происхождению и по прозванию Иоанн Малала (греч. Μαλάλας или Μαλέλας). По-сирийски это слово значит «ритор» (или даже «говорун»); по-видимому, оно было обозначением должности и социального положения "ритора" – защитника в суде или адвоката. Жил Иоанн Малала в V-VI вв., сначала в родной для него Антиохии, затем в Константинополе. Хроника его, видимо, была написана уже в столице империи.

Хроника Иоанна Малалы, состоящая из 18 книг, начинает изложение событий «от начала мира» и завершается царствованием императора Юстиниана, доводя рассказ до 568 г. или даже до 573 г. Греческий оригинал Хроники дошел до нашего времени в единственном списке XII в. (Оксфордская библиотека им.

Бодлея, № 128), который к тому же фрагментарен, обрывается на 563 г. и имеет ряд лакун в начальных частях. Пропуски лишь отчасти могут быть восстановлены по немногим фрагментам других греческих списков, а также по сохранившемуся тексту древнеславянского перевода. Кроме перевода на славянский существует грузинский перевод Хроники[1].

По типу и стилю изложения Хроника Малалы рассматривается как специфически христианско-византийская монашеская хроника. Она примыкает к "народным" книгам своего времени. Автор стремился приноравливать свое произведение к вкусам и потребностям широких масс.

На протяжении всего повествования автор дает краткие, но выразительные характеристики изображаемым историческим деятелям. Наряду с этим Малала излагает на страницах своего труда античные мифы и сказания, например о Геракле, о Троянской войне и др., повествует о первобытных верованиях. Так, он сообщает о человеческих жертвоприношениях при закладке древних городов. Согласно оценке известного специалиста по византийской литературе К. Крумбахера, Малала стремился создать "простонародную" книгу без оскорбления "престолов и алтарей" в привлекательном и доступном для масс изложении[2].

Благодаря Хронике Малалы средневековые византийские читатели (а благодаря переводу - и славяне) получали интересные для них сведения об античной литературе, науке и культуре: о философах Платоне и Аристотеле, о писателях Эсхиле и Вергилии, о «семи чудесах света». Текст Хроники Малалы встречается вперемежку с текстами Хроники Амартола, библейских книг, «Александрии», «Истории Иудейской войны» и других переводных произведений в таких дошедших до нас более поздних компиляциях, как "Летописец Еллинский и Римский" (в обеих его редакциях), Архивский и Виленский хронографы[3], в ряде хронографов особого состава XV-XVI вв. Поэтому славянский текст Хроники Малалы приходится восстанавливать, собирая его буквально по крупицам из разных рукописей. Эта задача была выполнена в основном на рубеже XIX и XX вв. В.М. Истриным.

В отличие от Хроники Амартола, издания и исследования отдельных частей Хроники Иоанна Малалы в славянском переводе Истрин опубликовал в разной периодике, ставшей сейчас почти недоступной[4].

В недавнее время изучением славянского перевода Хроники Малалы с успехом занималась Э.М. Шусторович[1]. Той же Хронике посвящены статьи М.М. Копыленко и З.В. Удальцовой.

---

[1] Ioannis Malalae chronicon / Ed. L. Dindorf. Bonnae, 1831.

[2] *Krumbacher K.* Geschichte der Byzantinnischen Literatur Aufl. 2. München, 1897. S. 326.

[3] Описание названных хронографов см. в кн.. *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 317-361.

[4] Кн. I Хроники Иоанна Малалы издана В.М. Истриным в Записках Академии наук (сер. VIII, т. I, вып. 5. СПб, 1897. С. 1-29); кн. II - в Летописи историко-филологического общества при Новороссийском университете (т. X Визант.-сл. отделение, вып. VII. Одесса, 1902 С. 438-486); кн. III почти не сохранилась в списках; кн. IV - в Летописи историко-филологического общества при Новорос ун-те (т. XIII, Визант -сл. отд., вып. VIII. Одесса, 1905); кн. V - там же (т. XVI, Визант.-сл. отд., вып. IX Одесса, 1910. С. 1-51).

Не до конца выяснены источники, откуда Малала черпал сведения об античности. Как и другие хронисты Византии, он обычно цитирует предшественников, не называя их имен. Все же можно утверждать, что одним из главных источников Малалы была Хроника Юлия Африкана, древнейшего раннехристианского хрониста, писавшего в III в. Использовал он также Хронику Несториана, доведенную до 474 г., труды хронистов Павсания, Домнита, Феофила и Тимофея. В распоряжении Малалы имелись также так называемые «Пасхальные таблицы», при помощи которых определялся день празднования пасхи на ряд десятилетий, городские анналы Антиохии и (для последних частей Хроники) Константинополя.

Борьба двух тенденций - античной, языческой, и средневековой, христианской, - пронизывает хронику Малалы, который, естественно, этого и подозревает, думая, что его произведение вполне соответствует христианским канонам.

Сочинение Иоанна Малалы послужило источником для многих византийских хронистов. Так, еще в VI-VII вв. его уже переписывали Иоанн Эфесский, анонимный автор Пасхальной хроники, Иоанн Никиусский и Иоанн Антиохийский. Еще больше заимствовали из хроники Иоанна Малалы более поздние хронисты. Такую необычайную славу этого памятника обусловили простота изложения и безыскусственность описаний.

Несмотря на распространение в Древней Руси, это важное сочинение до сих пор не имеет современного научного русского перевода, что значительно снижает возможности работы с ним.

ВИЗАНТИЙСКО-ИРАНСКАЯ ВОЙНА 528-532 гг. В «ХРОНОГРАФИИ» ИОАННА МАЛАЛЫ И «ВОЙНЕ С ПЕРСАМИ» ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

К.О. Попков

Статья посвящена сравнительной характеристике XVIII книги «Хронографии» Малалы с I книгой «Войны с персами» Прокопия. Отмечается историческая ценность хроники как источника по византийско-иранской войне 528-532 гг. Проводится сопоставительный анализ событий войны с целью показать общие и особенные аспекты в изложении событий византийско-иранских отношений в VI веке.

Ключевые слова: «Хронография» Малалы, «Война с персами» Прокопия, сравнительный анализ, византийско-иранская война 528-532 гг.

Взаимоотношения Византии и Ирана в VI в. оказали глубокое впечатление на современников. Это нашло отражение в сочинениях современников Юстиниана. Среди них первейшее место занимает Прокопий Кесарийский. В то же время до сих пор нет полноценного исследования, посвященного анализу «Хро-

---

[1] См.: *Шусторович Э.М.* 1) Древнеславянский перевод Иоанна Малалы (история изучения) // Византийский временник. 30. М., 1969. С. 136-152; 2) Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе // ТОДРЛ. 1968. Т. XXIII. С. 62-70.

нографии» Иоанна Малалы как источника по византийско–иранским отношениям в эпоху Юстиниана. Между тем хроника, являясь жанром «тривиальной» литературы, является доказательством глубокого отпечатка, который оказали войны с Ираном на все общество. Кроме того, сведения «Хронографии» помогут в некоторой степени посмотреть на события с другой стороны. Поэтому изучение Хроники и анализ ее содержания в сравнении с трудом Прокопия представляется актуальным. При исследовании данной проблемы были использованы XVIII книга «Хронографии» Иоанна Малалы[1] и I книга «Истории войн Юстиниана»[2] Прокопия, посвященная войне с персами.

Начало военных действий Малала относит к 528 г. Он сообщает, что в этом году персидский царь Кавад напал на царя лазов Статия за то, что он присоединился к византийцам. Тогда Юстиниан отослал на помощь лазам стратилатов Гильдериха, Кирика и Иринея. Но из-за разногласий стратилатов в сражении погибло много римлян, и поэтому стратилат Петр по приказу василевса отстранил их от экзархии[3]. Прокопий в I книге «Войны с персами» не упоминает об этом важном событии. Но можно предположить, что в данном случае ошибся сам Малала. Дело в том, что Прокопий рассказывает о подобном, но относит это ко времени правления Юстина. Прокопий рассказывает, что лазы не хотели в одиночку вести охрану Лазики и василевс назначил войско под командованием Иринея для охраны этих земель. Однако из-за плохих условий вскоре византийские войска покинули крепости в Лазике и их без труда заняли персы[4]. Можно предположить, что сообщения Малалы и Прокопия относятся к одному и тому же событию. Во-первых, логично упоминание хронистом того, что причиной нападения Кавада на лазов было их присоединение к римлянам. Тот же Прокопий писал, что причиной, по которой не удалось заключить мирный договор, было недовольство персов тем, что римляне безправно владеют издревле подвластной персам Лазикой[5]. Во-вторых, и у Прокопия, и у Малалы василевс отправляет в землю лазов Иринея.

Далее Малала и Прокопий сообщают о сражении в Месопотамии[6]. Интересно, что оба источника могут в данном случае дополнять друг друга. Хронист не сообщает о причинах вторжения в пределы Византии персидского войска. Прокопий же пишет, что Юстиниан приказал Велисарию построить крепость в Миндуе, находящейся у самой границы с Ираном. Однако персы запротестовали, не позволяя далее что-либо строить, грозя вторжением[7]. Кроме того, Малала добавляет, что наряду с боевыми действиями в Месопотамии, персы начали войну в Лазике и Персоармении. В хронике содержится более подробные сведе-

---

[1] The chronicle of John Malalas. Melbourne, 1986.
[2] Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / пер. А.А. Чекаловой. М., 1993.
[3] Mal. XVIII. 4.
[4] B.P. I. XII. 1–19.
[5] Ibid. I. XI. 28.
[6] См.: B.P. I. XIII. 2–8; Mal. XVIII. 26.
[7] B.P. I. XIII. 2–4.

ния о сражении и его участниках. Если Прокопий упоминает лишь о Велисарии, Вузе и Куце[1], то Малала к числу участников сражения относит также Севастьяна с отрядом исавров, дукса Финикии Проклиана, комита Василия, филарха Тафару. Прокопий сообщает, что римляне подверглись жестокому избиению, а некоторые попали в плен, а Иоанн Малала уточняет: Тафара и Проклиан были зарублены, Севастьян и Василий и Куца были взяты в плен. В хронике отмечается, что Велисарий спасся бегством, а Прокопий ничего об этом не говорит.

Согласно Хронике, в 529 г. происходили переговоры между персами и византийцами. Малала сообщает, что в июле 529 г. Кавад принял в качестве посла Гермогена,[2], который вернулся из Ирана с ответным посланием царя Ирана. В послании говорилось, что из-за постоянных войн казана Ирана пуста. Поэтому Кавад ставит условие: или Византия присылает золото, или персы начнут войну. В послании сообщалось, что персы дают на подготовку Византии к войне 1 год[3]. Действительно, битва при Даре состоялась через год, в июле 530 года, как сообщает Прокопий[4]. Сведения об этом сражении у Прокопия обширнее, ведь он лично принимал в нем участие. При этом сведения источников противоречивы. По Малале послами к персам были назначены Руфин и Александр, однако Кавад задержал их прием[5]. А Прокопий отмечает, что Юстиниан послал к Каваду лишь Руфина, причем велел ему оставаться в Иераполе у Евфрата до своего распоряжения[6]. Также у Малалы Мирам (Мирран) – это родовое имя, а у Прокопия – это должность главнокомандующего всеми войсками[7]. Хронист сообщает, что поединок произошел между Суникой и Сагом, а Прокопий рассказывает о поединке Андрея с двумя персами[8].

Малала и Прокопий сообщают, что после поражения персов при Даре византийцы отправляют послов, желая заключить мирный договор с Ираном. Но сведения двух источниках далее разнятся. Малала сообщает, что на исходе сентября послы римлян прибыли из Персии с заключенным договором. Византийский хронист даже приводит его текст[9]. Далее хронист пишет, что когда Руфин вновь прибыл в Иран, Кавад уже отказался от заключенного мирного договора. Согласно Хронике, причиной расторжения договора стали золотоносные горы, которые в тот момент принадлежали Византии, а до этого были под властью Персии. Малала сообщает, что раньше кое-кто из римлян и персов брали внаем эти горы за 200 либр золота, но с тех пор, как горами завладел император Анастасий, римляне одни получали установленную плату[10]. Прокопий дает совер-

---

[1] B.P. I. XIII. 5.
[2] Mal. XVIII. 36.
[3] Ibid. XVIII. 44.
[4] B.P. I. XIII. 12.
[5] Mal. XVIII. 50.
[6] B.P. I. XIII. 11.
[7] Прокопий Кесарийский. Война с персами Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993. С. 471.
[8] B.P. I. XIII. 29 – 37.
[9] Mal. XVIII. 53.
[10] Ibid. XVIII. 54.

шенно другие данные. Хотя Руфин и был отправлен послом к Каваду для заключения мира, персидский царь отверг это предложение, заявив, что персы продолжат войну, пока римляне не выполнят одно уз условий: или будут вместе с персами охранять Каспийские ворота, или разрушат город Дару[1]. Но все же оба источника здесь перекликаются. Прокопий после описания сражения при Даре переходит к изложению событий, происходивших в это время в Армении[2]. В частности, Прокопий рассказывает об овладении римскими войсками крепостью Фарангием, откуда персы, добывая золото, отправляют его своему царю. Золотоносными рудниками, согласно источнику, Кавад поручил управлять местному жителю Симеону. Но в разгар войны Симеон решил перейти на сторону римлян и отдал им Фарангий, однако добываемое золото он решил не отдавать ни одной из держав. Как отмечает Прокопий, римляне довольны были и тем, что враги потеряли свои доходы из данного рудника[3]. Таким образом, сведения Малалы о причинах расторжения договора из-за золотоносных рудников хотя и не подтверждаются данными Прокопия, но все же, согласно этому же источнику, могли иметь место.

В обоих источниках упоминается о вторжении персов во главе с Азаретом в пределы Византии весной 531 г. При этом Прокопий сообщает, что по совету царя сарацин Аламундара персы вторглись не в Месопотамию, а в Евфратисию, где нет ни одного укрепленного города, ни значительной военной силы[4]. Византийский хронист просто отмечает, что стратилат персов Азарет вторгся в пределы римлян. Более того, у Малалы Аламундар появляется в Каллинике, городе Осроены[5] (хотя по Прокопию сам же сарацинский царек и предупреждал об опасности вторжения в Осроену). Велисарий, узнав о вторжении, двинулся на помощь[6]. Прокопий сообщает, что когда римские войска прибыли к городу Халкиде, им стало известно, что неприятель находится в местечке Гаввулон[7]. А Малала сообщает более подробно, как римляне обнаружили персов: Суника проходил недалеко от Гаввулона и заметил некоторых персов и сарацин и узнал их замысел[8].

Далее Малала и Прокопий переходят к описанию сражения. Сведения о расположении римских войск в обоих источниках в целом одинаковы. Прокопий говорит, что Велисарий выстроил фалангу в одну линию и расположил ее таким образом, что на левом крыле была вся пехота, на правом – Арефа и его сарацины. Малала пишет, что на южном фланге расположился Арефа с исаврами Дорофеем и Мамантием, а на северном – Суника и Сима. Сведения о самом ходе сражения у авторов неоднозначны. Малала говорит, что первоначально персы

---

[1] B.P. I. XVI. 4 – 8.
[2] Ibid. I. XV.
[3] B.P. I. XVI. 30.
[4] Ibid. I. XVII. 30-39.
[5] Mal. XVIII. 60.
[6] См.: B.P. I. XVIII. 4; Mal. XVIII. 60.
[7] B.P. I. XVIII. 8.
[8] Mal. XVIII. 60.

бросились на Сунику и Симу, а Прокопий сообщает, что сначала лучшие из персидской армии напали на Арефу и его сарацин. У Прокопия Арефа первым бежит с поля боя, а в хронике – доблестно сражается до последнего. В «Войне с персами» Велисарий храбро сопротивляется до ночи превосходящим численно персам, а у Малалы полководец одним из первых покидает поле брани. Однако в отношении героической смерти Аскума оба источника не противоречат друг другу[1].

Сообщая об осаде Мартирополя, Прокопий пишет, что никто не решился противостоять персам и поэтому те начали осаду города. И только лишь когда войско Кавада узнало о смерти своего царя, они сняли осаду[2]. Малала же сообщает, что Кавад приказал не возвращаться без взятия крепости. Но римляне прекрасно защищались, и когда персы услышали, что к городу подходит Сита, они отступили, боясь попасть в окружение[3].

Затем Прокопий и Малала повествуют о переговорах по поводу заключения перемирия. Малала сообщает, что Хосров написал императору послание о заключении перемирия на 3 месяца, и Юстиниан приказал заключить перемирие, а послам – Стратигию и Руфину – вернуться в Византий[4]. Прокопий же сообщает, что после снятия осады Мартирополя к персидскому царю отправились Руфин, Гермоген, Александр и Фома. Хосров предложил следующие условия мира: командующий войсками Месопотамии впредь должен находиться в Константине, а не в Даре; укрепления в Лазике остаются за Персией; Византия возвращает Ирану Фарангий и Вол; персидский царь получает 110 кентинариев. Послы сообщили Хосрову, что они согласны на все, кроме уступки персам крепостей в Лазике. Руфин сообщил Юстиниану об условиях мира, и император приказал заключить мирный договор на этих условиях. Но вскоре Юстиниан пересмотрел свое решение и отправил письмо, решительно запрещающее отдавать персам укрепления в Лазике. В связи с этим Хосров уже не счел нужным заключать мирный договор[5]. Наконец, оба автора сообщают, что спустя какое-то время мирный договор между Византией и Ираном был заключен. Прокопий указывает, что римляне возвратили персам Фарангий и крепость Вол, а также заплатили деньги; Иран же вернул Византии укрепления в Лазике[6]. Малала говорит об условиях более обобщенно: персам была отдана часть Фарангия, а Византия вернула крепости, захваченные персами[7].

Таким образом, XVIII книга «Хронографии» Иоанна Малалы является важным историческим источником по византийско-иранским отношениям в VI веке. Несмотря на жанр тривиальной литературы, хроника содержит много дополнительной информации по войне Византии с Ираном 528–532 гг. Мы увиде-

---

[1] См.: B.P. I. XVIII. 30–50; Mal. XVIII. 60.
[2] B.P. I. XXI. 23–28.
[3] Ibid. XVIII. 66.
[4] Mal. XVIII. 68-69.
[5] B.P. I. XXII. 1–12.
[6] B.P. I. XXII. 15-19.
[7] Mal. XVIII. 76.

ли, что многие события этой войны сирийский хронист знал не хуже участника данных событий – Прокопия Кесарийского. Хроника раскрывает и некоторые проблемные аспекты, такие как объективная оценка деятельности Велисария, скрытые причины войны, роль отдельных личностей в войне (таких как Суника, Арефа, Руфин, Гермоген, Аламундар и др.). Также в Хронике присутствуют сюжеты, о которых не упоминает Прокопий Кесарийский.

BYZANTINE-IRANIAN WAR OF 528-532 YEARS IN THE "CHRONOGRAPH" OF JOHN MALALAS AND THE "WAR AGAINST PERSIA" OF PROCOPIUS CAESAREAN

K.O. Popkov

The article is devoted to comparative description book XVIII of the Chronicle of Malalas with book I of the Persian War of Procopius and notes the historical value of the chronicle as a source about the Byzantine-Iranian war of 528-532 years. It is carried out a comparative analysis of the events of the war in order to show the general and particular aspects of events in the Byzantine-Iranian relations in the 6th century.

Key words: the Chronicle of Malalas, The Persian War of Procopius, comparative analysis, the Byzantine-Iranian war of 528-532 years.

МАВРУСИИ В ПОЭМЕ КОРИППА «ИОАННИДА»

Н.Е. Третьякова

В работе представлено описание маврусиев как народа, проживающего на территории Византийской Африки, после Вандальского изгнания (534 г.), на основании комплексного анализа исторического источника «Иоаннида» Крескония Коррипа.

Ключевые слова: маврусии, Крескониий Корипп, Северная Африка, византийская провинция

В настоящее время при изучении Африки особое внимание уделяется политической, экономической и военной ситуации в этом регионе, где вовсе лишена внимания культура местного населения, которых Прокопий объединяет под общим названием маврусиев (мавры). Цель данной работы – исследовать и рассказать о культуре туземного народа Северной Африки и о том, что же представляли собой эти племена.

Африкой называлась территория, включавшая в себя Тунис и побережье ливийского плоскогорья (Триполитания), средиземноморскую часть Атласа и кромку высоких степных равнин, а также Сеуту и ее окрестности на западе. Византийскую Африку дополняла Сардиния, отнятая у вандалов в 534 г. Карфаген – столица византийской Африки.

Важным и основным источником в изучении этой проблемы стала эпическая поэма Кориппа «Иоаннида», написанная в VI в. вскоре после описываемых в ней событий.

Сам Корипп имел африканские корни, а, следовательно, географические, этнографические и религиозные сведения, вероятно, искажать ему не было смысла, чего нельзя сказать о вопросах, касающихся его покровителей и их личных и имперских интересов.

Так как культура впитывает в себя все социально-экономические, политические процессы, то и эти стороны мы, в основных чертах, рассмотрим в

очерке. Вернемся к источнику – «Иоанниде». Основным фоном поэмы служит политическая и военная ситуация в Провинции, однако, среди основного, красной нитью прослеживается описание материальной и духовной культур. Как известно, после падения Вандальского Королевства в Африке следует череда вспышек гражданских войн и восстаний местного населения против императорской власти. «Под прикрытием пышных фраз и многообещающих деклараций»[1] правительство Юстианиана немедленно после разгрома вандалов начинает фактически восстанавливать в Северной Африке старые порядки римского государства, чем вызывает недовольство у местного населения.

Подлинный характер политики византийских завоевателей очень скоро почувствовали все туземные племена Северной Африки. Еще со времен Мария эти племена вынуждены были почти непрерывно вести борьбу за свою независимость. Пользуясь разобщенностью и межплеменными столкновениями мавров, неизбежными в условиях разложения родового строя, римляне оттеснили их от моря, захватили у них лучшие земли и частью силой, частью подкупом вождей поставили многие из этих племен в зависимое от себя положение. С приходом вандалов мавры добились на короткий срок независимости, но вскоре вновь вынуждены были обороняться, на этот раз - от посягательств вандальской знати.

В своей поэме Корипп представляет политическую ситуацию в регионе отнюдь не новой или необычной. «Как и в прежние века, римская власть находится в союзе с меркантильными интересами города и с аграрными интересами соседнего сельского населения»[2], чему, разумеется, противятся мавры. Постоянны вспышки конфликтов происходят между маврами, многие из которых были кочевники-скотоводы и земледельцами, которые были поселены на границах римлянами. Туземные племена населяли три региона за пределами римской границы, внутри Бизацены, Большого Сирта и Нумидии. «Некоторые из них - земледельцы, хотя их хозяйства выглядят несколько примитивно»[3]. «Другие – рыбаки»[4], «а у многих есть большие стада крупного рогатого скота, которые они используют как для питания, так и для защиты в бою»[5]. Однако общее присутствует у всех племен: «несмотря на эти различия, они разделяют общую любовь к движению с места на место, находят радость в войне, смелость и доблесть в бою»[6].

Кто же такие мавры? Незамедлительно следует ответ. На протяжении долгих веков - борцы за независимость, испытывающие постоянный гнет со стороны империи; помимо этого, лишенные плодородных земель и выхода к морю.

---

[1] *Удальцова З.В.* Народные движения в Северной Африке при Юстиниане // Византийский временник. 1952. V. С. 15-48.
[2] *Shea J.* Introduction // F.C. Corippus. Iohannis. Lewiston, 1998.
[3] Ioh. II.72-73, 145-148, 156-157.
[4] Ioh. II. 120-122.
[5] Ioh. II.93-96, 396-399.
[6] Ioh. II.159-161, III.273-275, VI.240-241.

Естественно, все вышесказанное является причиной постоянных бесчинств, набегов и восстаний мавров на территории византийской провинции.

Вторую часть очерка мы посвятим духовной культуре туземных племен. Какая же религия лежит в основе рассуждений Кориппа? Следует начать с того, что для самого Кориппа было важно получить одобрение императора. Император – защитник христианской церкви. Вывод: молитвы, ритуалы и сверхъестественное, или сверхъестественное вмешательство в человеческие дела, все христианизированы. Не нужно забывать и о том, что все «инаковерующие, т.е. ариане, донатисты, иудеи, язычники, подвергались преследованиям; им запрещалось отправлять церковные обряды, занимать какие-либо общественные и административные должности»[1]. Но в поэме встречаются греко-римские божества, которые предстают как персонификации космических и сверхъестественных сил. Таковы «Тетис как море»[2], «Олимп как небо»[3], «Феб как солнце» [4], «Кинфия как луна» [5], «Церера как хлеб»[6] и «Вакх как вино»[7]. У Кориппа так же встречается использование образа Юпитера, как бога неба и дождя; встречается описание Ада, который именуется как «стигийские волны»[8], Тартар[9] и Орк[10], однако именования использует в христианском смысле. Казалось бы, зачем, использовать древнегреческий мифологический термин «Тартар» для описания Ада, который закрепился к VI в. в христианской традиции. Возможно, это и есть тот самый отголосок смешения Христианства и Язычества, который имел место быть среди туземцев.

Но, несмотря на гонения язычников, Корипп в «Иоанниаде» четко описывает культы богов, которым поклонялись мавры. В первую очередь, это бог Аммонон, место поклонения которому находится в оазисе Сива, и который почитается древними греками как бог пророчествующий, и представлявшийся ими в виде рогатого Зевса. Следующим по важности богом туземцев был Гурзил – бог войны. Как сообщется, «Гурзил является сыном Аммона и телицы»[11]. Гурзил действительно помогал африканцам в сражениях, и они молились ему в ходе битв. Кориппом упоминаются также еще два божества: Синифер[12] и Мастинам, который назван Тенарийским Юпитером, и которому, как говорят, посвящались человеческие жертвоприношения. «Прозвище Тенарийский, так же, как и упо-

---

[1] Procop De bello Vandalico, II, XIV, § 13, 14, 15; Id. Historia arcana, XVIII, § 10.
[2] Ioh. I.130.
[3] Ioh. I. 259.
[4] Ioh. II.157.
[5] Ioh. II.418.
[6] Ioh. III. 324.
[7] Ioh. VII. 70.
[8] Ioh. I. 401.
[9] Ioh. IV. 213.
[10] Ioh. VI. 12.
[11] Ioh. II.110-111.
[12] Ioh. VIII.305-306.

минание о человеческих жертвоприношениях, внушает нам мысль о том, что он мог быть богом подземного мира»[1].

Помимо языческих божеств, Корипп очень красочно описывает африканские ритуалы, одним из которых является посещение Гуенфана, отца Анталы, храма Аммону, когда жрица, сделав свое предсказание, умирает.

Подводя итог, следует отметить, что, в поэме основой духовной культуры является христианство, на фоне которого Корипп описывает языческие культы африканских племен. И опять же, описывает настолько красочно, как бы подчеркивая то, что все они противоречат духу христианского общества. На самом деле духовная культура туземцев была сложной и испытавшей влияние античного язычества. Однако, христианство неумолимо проникало в языческие культы и ритуалы маврусиев и оставляло там свои следы.

Подводя итог, нужно отметить, что находясь в тяжелой социальной и политической ситуации, маврусии смогли, хоть и на короткое время сохранить свою культуру. Назвать ее полностью специфической нельзя, так как красной нитью прослеживается классическая традиция, и христианская, которая к тому времени проникла в среду обитания маврусиев. Но в целом такая культура есть, иначе вряд ли Кресконий Корипп столь ярко описал бы культы и обряды африканских племен на фоне утверждения византийской власти.

MAVRUSII IN THE POEM "IOANNIS" BY CORIPPUS

N.E. Tretyakova

This paper describes mauri as people who living in the Byzantine Africa after the expulsion of vandalism (534) and based on a comprehensive analysis of the historical source "Ioannis" by Creskonius Corippus.

Keywords: mauri, Creskonius Corippus, North Africa, the Byzantine province.

ХРИСТИАНЕ, ЯЗЫЧНИКИ, ИУДЕИ И МАНИХЕИ В ГАЗСКОЙ ОБЛАСТИ VI В. (по материалам «Переписки Варсануфия и Иоанна Газских»)

А.В. Курбанов

В статье исследуются отношения между христианами, язычниками, наследниками грекоримской религии, иудеями и манихеями в Газской области в VI века. Наше исследование основывается на важном источнике христианского происхождения, «Переписке Варсонофия и Иоанна», который содержит около 850 писем, адресованных мирянам, монахам и епископам. Корреспонденты описывают последствия принятия законодательства Юстиниана в сфере религии, свидетельствуют о том, что языческие праздники сохраняли своё значение вплоть до VI века и рассказывают нам об их друзьях нехристианах.

Ключевые слова: Варсануфий и Иоанн, Газа, Палестина, межрелигиозные отношения.

В доисламский период своей истории Газа являлась крупным торговым перекрёстком Римской империи. С востока город омывало Средиземное море, связывавшее его с основными центрами Средиземноморья, на север шла дорога

[1] Ioh. VIII. 308-315.

в Сирию и Ливан, на восток – в Аравию и в Персию, а на юг отходил единственный сухопутный путь в Египет. В Газе не только пересекались торговые пути, но и, благодаря её многонациональности, встречались различные религиозные течения: христианство, язычество, иудаизм и манихейство. О численности их представителей достоверно ничего не известно. Единственное, что можно сказать, это то, что, несмотря на долгое сопротивление христианству, к VI веку большую часть населения Газы стали составлять христиане.

Представителей всех религий, существовавших в Палестине, объединяла общая греческая культура и язык. Эллинизация достигла здесь значительных успехов. В ходе археологических раскопок палестинских синагог были обнаружены мозаики с надписями не на иврите и не на арамейском, а на греческом, который, очевидно, стал разговорным языком в иудейских общинах[1]. В домах некоторых богатых евреев были обнаружены фрески на античные языческие сюжеты[2]. Примечательно также, что мозаики и церквей, и синагог в Газе были сделаны одними и теми же мастерами[3], поэтому в некоторых случаях археологам бывает трудно отличить одно от другого.

Другим объединяющим фактором являлось римское государство и его законы. Как известно, главное средство укрепления внутреннего единства империи Юстиниан усматривал в унификации, именно поэтому он стремился ослабить любые группы, основанные на этнических, конфессиональных или корпоративных связях. Он желал, чтобы в государстве был один закон и одна вера. При подобном убеждении не могло быть и речи о терпимом отношении к представителям других религий и еретических учений.

Юстиниан, однако, делал различия между верованиями. Например, в отношении к манихейству законодательство было наиболее строгим: за исповедование этой религии полагалась смертная казнь. Несколько иной характер носили преследования язычников: языческий культ был запрещён законом, сами его адепты были лишены права занимать какие-либо должности на государственной и общественной службе (кроме муниципальных должностей). Впрочем на деле антиязыческие преследования были не столь суровыми, и если отдельные его представители не были откровенно настроены против христианства, то их оставляли в покое. Особым образом имперское законодательство выделяло иудаизм, последователи которого, в отличие от язычников, не подвергались официальным гонениям. За иудеями признавалось право на общинную и религиозную жизнь, но в то же время запрещалось сооружение новых синагог, хотя, как свидетельствует археология, этот запрет соблюдался не очень строго[4].

Разумеется по одним только законодательным актам нельзя судить об отношении христианской общины к другим вероисповеданиям и тем более о взаи-

---

[1] *Ovadiah A.* The Synagogue at Gaza // Ancient Synagogues Revealed / ed. L.I. Levine. Jerusalem, 1981. P. 129-132.

[2] *Irshai Od.* Confronting a Christian Empire: Jewish Life and Culture in the World of Early Byzantium // Jews in Byzantium: Dialectics of Minority and Majority Cultures. Leiden; Boston, 2012. P. 29.

[3] *Ovadiah A.* Les mosaïstes de Gaza dans l'antiquité chrétienne // Revue biblique. 82. 1975. P. 552-557.

[4] *Irshai Od.* Confronting a Christian Empire .... P. 42-41.

моотношениях их представителей друг с другом. Для освящения этой темы требуется привлечь источники личного происхождения. В данной статье мы рассмотрим сведения из «Переписки Варсануфия и Иоанна Газских». Варсануфий и Иоанн жили в VI веке в монастыре под управлением аввы Серида близ деревни Тавата (Θαυβαθα) в Газской области. В этой обители существовала необычная практика: монахи, миряне и даже епископы писали свои вопросы на дощечках, которые затем настоятель относил Варсануфию, а другой служитель - Иоанну; получив ответы, они передавали их вопрошавшим. Часть этой большой переписки дошла до нас – это около 850 писем и записок.

В переписке Варсануфия с неким епископом, по всей видимости, патриархом Иерусалимским Петром[1], мы встречаемся со случаем, который наглядно показывает отношение самих христиан к представителям других религий. Так, некто из иноверцев (ἀλλοεθνής) был схвачен в «пространстве верных» (χώρα τῶν πιστῶν), то есть на литургии верных, во время которой было запрещено присутствовать некрещёным. Народ предложил его убить или сжечь. Варсануфий, конечно, ответил, что убийство - это нехристианское дело, но всё же посчитал, что такой поступок нельзя оставить без наказания, и предложил высечь нарушителя и взять с него штраф, после чего передать какому-нибудь богобоязненному человеку, чтобы тот его просветил и научил христианской вере (SC 822).

Этот же епископ рассказал Варсануфию, что после опубликования предписания Юстиниана, направленного против язычества, многие пришли креститься. Речь здесь идёт, скорее всего, о событиях 529 года, когда Юстиниан начал активную антиязыческую кампанию. Епископ находился в затруднительном положении, ему хотелось отказать пришедшим креститься. Во-первых, искренность их желания стать христианами вызывала сомнения. А, во-вторых, они обратились с просьбой совершить обряд крещения на Светлой Седмице, тогда как в древней Церкви по сложившейся традиции желающие стать христианами проходили катехизацию в течение всего Великого поста, которая затем заканчивалась их крещением в Лазареву Субботу или в Великую Субботу. К VI веку эта практика постепенно отмирает в ряде регионов Римской империи по той причине, что большинство крещаемых начинают составлять дети, неспособные пройти курс оглашения[2]. Подобная ситуация свидетельствует о том, что традиция оглашения была ещё достаточно жива на тот момент в Палестине, где далеко не все были христианами. Варсануфий считал, что желающих стать членами Церкви надлежит принять и совершить над ними крещение либо на праздник Вознесения Господня, то есть через примерно месяц после их обращения, либо через год, как и полагалось, в Великий пост. В эти дни им надлежало готовиться, а не праздновать вместе с «верными» Пасху. Интересно, что в случае, если окажется, что кто-либо из них действовал, руководствуясь лишь одним страхом

---

[1] К такому выводу пришёл Дервас Читти: *Читти Д.* Град пустыня: Введение в изучение египетского и палестинского монашества в христианской империи. СПб., 2007. С. 223.

[2] *Гаврилюк П.Л.* История катехизации в древней церкви. М., 2001. С. 262-267.

перед императорским предписанием, то такого следовало не изгонять, а увещевать и ещё больше наставлять (SC 821).

Далее епископ сообщил, что манихеи, избегая наказания, удалились в другое место, чтобы креститься формально без прохождения положенной катехизации и бесед с епископом. Варсануфий в этом случае оказался намного более принципиальным, и тон его письма сменился с благодушного на весьма строгий. В отношении этой ситуации он привёл евангельскую цитату: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Мф.7:6). Он ответил, что необходимо написать всем священникам, особенно тем, которые невнимательно относятся к такого рода делам, и объяснить им, кто такие манихеи, и как долго их нужно катехизировать, чтобы стало возможным их принятие в лоно Церкви. Мы видим, что Варсануфий, как и современное ему законодательство, был гораздо более суров к манихеям, чем к язычникам.

С чем связано подобная жёсткость по отношению к манихейству? Это можно объяснить тем, что при таких суровых гонениях на представителей этой религии в Византии оставались жить лишь самые преданные последователи Мани. Появление таких проповедников, лишь формально крещёных, могло смутить малообразованные или легковозбуждаемые умы в христианской среде и в дальнейшем привести к возникновению различных толков. Многие христиане и сами нуждались в катехизации. Так, некоторые из корреспондентов говорили о том, что ходят к чародеям сами, или их знакомые, или слуги (SC 753-755).

Несмотря на многочисленные запреты, язычество продолжало жить, отмечались языческие праздники, во время которых устраивались театральные представления (SC 836) и конские бега, которые христиане с удовольствием посещали (SC 645). Интересно, что устроителями языческих празднеств с театральными представлениями были газский правитель (ἄρχων) (SC 836) и один из газских граждан, «великий и сильный» (τις μέγας καὶ δυνατὸς πολίτης) (SC 837), проживавший в Константинополе. Из ответа явствует, что оба они были христианами, и потому получили соответствующее вразумление от Варсануфия.

Создаётся впечатление, что настороженность в отношении к иноверцам со стороны христиан проявлялась, прежде всего, в вопросах, связанных с совершением религиозных практик, и мало касалась повседневной жизни, в которой представители разных религий мирно сосуществовали. Многие торговые люди в Газе были иноверцами и на своих праздниках приносили кровавые жертвы, после чего продавали идоложертвенное на рынке (SC 777). У христиан были друзья среди иудеев и язычников, которые даже приглашали их на свои праздники и присылали в эти дни подарки, и печалились, если их друзья христиане не приходили или не принимали подарков (SC 775-776). Подобный случай мы встречаем в переписке, когда у Варсануфия спросили, что делать, чтобы не обидеть в такой ситуации друга, к тому же человека значительного (μέγας). Старец предложил этому христианину призвать друга войти в его положение, сказав ему так: «ведь ты из-за твоей любви ко мне никогда не станешь нарушать заповеданного преданием вашим, и я не заключу из этого, что ты презрел любовь твою ко мне. И мы также имеем предание от Бога через святых отцов наших и

учителей никогда не вкушать ничего на празднике иноверцев (ἀλλοεθνής). Итак, этим я отнюдь не оскорбляю свою любовь к тебе» (SC 776). Таким образом, Варсануфий чётко разграничивал две разные сферы жизни: религиозную, изолированную от проникновения иноверцев, и общественную, где поощрялись добрые отношения с представителями других вероисповеданий. Это подтверждает и другой случай. Один благочестивый мирянин задал вопрос: «Вино, которое я хочу выжать на своём прессе, принадлежит иудеям: не грех ли будет сделать это?» Старец ответил с иронией, сделав аллюзию на евангельскую цитату (Мф 5, 45): «Если, когда идёт дождь, Бог посылает дождь только на твоё поле, а иудейское оставляет, тогда и ты не выжимай вина для них. Однако Бог человеколюбив ко всем и посылает дождь на праведных и неправедных» (SC 686). По этой же причине Варсануфий одобрил давать благословлённую священниками пищу иноверцу, ибо благословение не может потерпеть от него никакого вреда, но, наоборот, способно привести его к «познанию истины» (SC 752).

Таким образом, «Переписка Варсануфия и Иоанна» даёт представление о сложной атмосфере религиозных противоречий в 30—40-е годы VI в. Несмотря на трудности, последователям разных религий удавалось мирно сосуществовать в одном обществе вплоть до начала VII века, пока с востока не пришли завоеватели и не разрушили как церкви, так и синагоги.

Принятые сокращения:

SC - Barsanuphe et Jean de Gaza. Correspondance / Introd., texte crit., notes Neyt F., Angelis-Noah P. de, trad. Regnault L. T. I-III (=Sources Chrétiennes 426, 427, 450, 451, 468). Paris, 1997–2002.

CHRISTIANS, PAGANS, JEWS AND MANICHEANS IN THE REGION OF GAZA IN 6TH CENTURY A.D. A study based on The Letters of Barsanuphius and John of Gaza

A.V. Kurbanov

This article explores the relationship between Christians, non-Christian adherents of the Greco-Roman religion, Jews and Manichæans in the Gaza region of the 6th century A.D. Our research relies on an important source of Christian origin, the Correspondence of Barsanuphius and John of Gaza, which contains about 850 letters to lay people, ascetics, and bishops. It offers rich details in our field: the correspondents narrate on the consequences of Justinian religious laws, testify that the pagan festivals survived well into the 6th century and tell us about their non-Christian friends.

Keywords: Barsanuphius and John of Gaza, Gaza, Palestine, Interreligious relationship.

К ВОПРОСУ О ПРЕРОГАТИВАХ ВЛАСТИ ТЕОДОРИХА ВЕЛИКОГО КАК КОРОЛЯ ГОТОВ И ИТАЛИЙЦЕВ

О.В. Головина

В данной статье рассматривается вопрос, касающийся прерогативов власти короля-варвара, Теодориха Великого, в Италии. Отмечается, что власть Теодориха распространялась не только на готов, но и на италийцев. Однако власть короля-варвара была ограничена. Также отмечается, что сам Теодорих не стремился захватить всю полноту власти над римлянами, тем самым проявил свою мудрость и дальновидность.

Ключевые слова: Теодорих Великий, Остготское королество, варвар, королевская власть, прерогатива.

После смерти Одоакра единственным правителем Италии является Теодорих (475-526 гг.). Пришедший к власти император Анастасий (491-518) не спешил дать согласие Теодориху быть официальным правителем Италии. Лишь в 497 г. в Италию из Константинополя были отправлены эмблемы власти императора (одежды). Позднеримский историк Иордан пишет: «На третий год по вступлении своем в Италию Теодорих, по решению императора Зенона, снял с себя частное платье и одежду своего племени и принял пышное царское облачение уже как правитель готов и римлян» (Iordanes. Getica. 295).

Важнейшим вопросом является вопрос о прерогативах королевской власти. В историографии по этому вопросу нет единого мнения. Романисты отрицают суверенный характер власти остготских королей и рассматривают их лишь как высших чиновников на службе империи. Например, по мнению Т. Моммзена[1], власть Теодориха как короля распространялась исключительно на готов, римлянами он управлял только как командир войск[2]. Ученые-романисты[3], в свою очередь, согласны с Эннодием, который приравнивал власть Теодориха к власти римского императора (Ennodius. Panegyricus Theoderico regi dictus. 77, 87).

Король владел правом верховного военачальника. Но после покорения Италии Теодорих уже не участвовал в военных действиях, а поручал непосредственное командование войсками другим знатным готам.

Королевские эдикты, которые издавали готы в Италии, свидетельствуют о том, что Теодорих и его преемники пользовались верховной административной, судебной и законодательной властью. Административная власть заключалась в том, что король имел право контролировать все должностные лица государства и назначать государственных чиновников на все должности центрального и провинциального управления и регламентировать их деятельность. Король мог вмешиваться в дела римского сената, рекомендуя ему принимать те или иные административные меры (Cassiodorus. Variae. I, 30, 44; II, 3, 16, 24, 32; VIII, 21.). Остгоскому королю принадлежала верховная юрисдикция. Король мог контролировать деятельность не только верховного суда, но и провинциальных судей, направлять им свои решения и осуществлять надзор за их исполнением. Все это свидетельствует о широких прерогативах королевской власти в области суда и судопроизводства.

Остготскому королю принадлежала и законодательная инициатива. Но по политическим соображениям Теодорих и его преемники не называли свои предписания законами, а издавали лишь эдикты и рескрипты. Этим они хотели подчеркнуть, что в своей законодательной деятельности руководствуются установлением римского права, по которому издание законов является прерогативой лишь императора. Однако в действительности же эдикты и предписания остгот-

---

[1] *Mommsen Th.* Gesammelte Schriften. VI, S. 477, 481 f.

[2] *Удальцова З.В.* Италияы в VI веке. М., 1976. С. 142.

[3] См. например, *Hashagen J.* Kulturgeschichte des Mittelalters. Hamburg, 1950. S. 223.

ских королей имели в Италии силу закона[1]. Важнейшим источником и законодательным памятником периода правления Теодориха является, изданный им эдикт[2]. Этот документ, прежде всего, является примером римского права, приспособленного к готам, и регулирующего их отношения с римлянами. Цель этого эдикта - защита римской гражданственности и римской культуры. Закон Теодориха предстает перед нами как первое проявление римской государственной идеи среди варваров-германцев.

Кроме административных, судебных, законодательных и военных обязанностей король Италии обладал обширными прерогативами в области внешней политики. От его имени объявлялись войны, подписывались мирные договоры, велись дипломатические переговоры и переписка с правителями соседних государств, отправлялись и принимались посольства, заключались и расторгались союзы.

Постепенно королевская власть в Остготском государстве эволюционировала и это, прежде всего, проявилось в том, что начинает складываться, при содействии церкви, концепция о ее священном характере (Cas. Var. I, 2.1; III, 15; IV, 29.2; VI, 7.6; VIII, 8. 2-3, 32.1; X, 16.2, 17.2; XI, 2) . Растет внешний блеск, окружающий особу короля и королевский двор (Ennodius. 44, 89); отстраиваются королевские дворцы в Равенне, Вероне и Риме, в честь остготского короля воздвигаются статуи (Procopius Caesarensis. De bello Gothico. I, 6.5, 24.22; III, 20.29), его деяния и подвиги предков воспеваются и прославляются.

Ярким примером изменения характера королевской власти является стремление Теодориха передавать ее по нисходящей мужской линии в роде Амалов, но при этом и династический принцип наследования сохранялся, хотя и с некоторыми отступлениями (Cas. Var. VIII, 3.1, 4.3; IX, 24.8). Некоторые же исследователи стремятся вопреки фактам доказать, что династический принцип наследования никогда не нарушался в Остготском королевстве[3].

Также тот факт, что уже Теодорих (а затем и его преемники) чеканили монету от своего имени, указывает на столь высокий уровень власти остготского короля Италии. Однако все же на остготских монетах вместе с монограммами остготских королей помещалось имя и изображение византийского императора. Это предпринималось для того, чтобы не нарушать многовековой традиции и окончательно не порывать связи с империей. Таким способом одновременно отдавалась дань уважения римским императорам. Правда, в особых случаях остготские правители чеканили монету (даже золотую) только со своим именем и

---

[1] *Удальцова З.В.* Указ соч. С. 144.

[2] Эдикт Теодориха / Пер. И.А. Дворецкой // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. М., 1964. С. 157-178, 180-182.

[3] См. например, *Pflughk-Harttung J. von.* Die Trongfolge im Reiche der Ostgoten. Weimar, 1889. S. 203-229.

изображением[1]. Так, например, сохранился золотой солид с легендой и лицевым изображением короля Теодориха[2].

Однако власть Теодориха не была неограниченной. Прокопий передает слова неких готов, которые, в свою очередь, отмечали, что Теодерих никогда не принял ни одного закона, ни письменного, ни устного (Proc. VI . 6, 17, 20). Он имел право издавать «эдикты» и делал это в рамках римского законодательства, хотя свои уточнения он толковал весьма свободно[3]. Послы также отмечали, что Теодерих всегда позволял Восточным императорам назначать западных консулов4. Король не мог предоставить готу римское гражданство, назначить его в римское государственное учреждение или сенат. Однако Кассиодор упоминает момент, где Теодорих в некоторой степени свои полномочия превысил. Он назначил гота Аригерна членом римского сената и представил его как «почти» римского гражданина (Cas. Var. IV. 16). И это не единственный подобный случай.

Таким образом, Теодорих был королем готов по праву своего народа, королем Италии – в силу завоевания, по выбору своего народа и с невольного согласия побежденных. Получив эмблемы власти, Теодорих, таким образом, уже с утверждения императора мог считать себя королем Италии и управлять ею так же, как управляли Италией императоры.

ДИОДОР, ДИОНИСИЙ, ГЕРОДИАН И КОСЬМА ИНДИКОПЛОВ В «БИБЛИОТЕКЕ» ПАТРИАРХА ФОТИЯ

А.А. Костюкович

Насколько известно, самым знаменитым и широко известным трудом Фотия Константинопольского является его «Библиотека». Это своеобразный конспект книг, которые читал Фотий, как христианских, так и языческих авторов. «Библиотека» содержит 280 кодексов, которые обычно сопровождаются критическими заметками патриарха, относящиеся к содержанию и к литературной форме этих произведений и к мировоззрению этих авторов. Данный труд является весьма ценным в мировой науке, так как сохранил ценные сведения о тех церковных памятниках, которые на сегодняшний день утеряны. Этот труд был написан еще до того, когда Фотий стал патриархом и вовсе не предназначался для издания.

---

[1] О монетах и монетном обращении в Остготском королевстве см. *Friedländer J.* Die Münzen der Ostgothen. Berlin, 1844; *Kraus F.F.* Die Münzen Odovacars und des Ostgothenreiches in Italien. Halle, 1928; *Werner J.* Silbermünzen Theoderichs des Grossen // Badische Fundberichte. III, 3. 1933. S. 89 f.

[2] *Удальцова З.В.* Указ.соч. С. 146.

[3] *Томпсон Э.А.* Указ.соч. С. 68.

[4] *Mommsen Th.* Ges. Schr. VI. S. 459-465.

Кодекс 70. Диодор Сицилийский. Древнегреческий историк и мифограф, родом из Агириума на Сицилии. Фотием было прочитано 40 книг этого историка. Стиль Диодора патриарх оценивает, как ясный, бесхитростный и превосходно подходящий для истории. Он не подпадает под чрезмерное влияние аттицизма или старинного способа выражаться, но с другой стороны он вовсе не опускается до уровня обыденного языка. Он скорее имеет склонность к стилю промежуточному между этими двумя, избегая фигур речи и тому подобное притворство, и только пользуется языком басни, по обычаю поэтов, там, где он рассказывает легенды о богах и героях.[1] Первые шесть книг Диодора были посвящены событиям до Троянской войны, в следующих одиннадцати события в Мире от взятия Трои до смерти Александра Великого, в остальных двадцати трех - события до времени, когда разразилась война между кельтами и римлянами под руководством Юлия Цезаря.

Далее Кодекс 83. Дионисий Галикарнасский, Истории. Это - ритор и историк. Он приехал в Рим в 30 г. до н.э. и оставался там до самой своей смерти (7 г. до н.э.). Он был автором многочисленных риторических работ, некоторые из которых сохранились, самого важного из древнегреческих ораторов. Фотием было прочитано двадцать его книг истории. В основном его история начинается с прибытия Энея в Италию после падения Трои, подробно описывает основание Рима, рождение Ромула и Рема и другие события до войны римлян против Пирра, царя Эпира. Книга заканчивается третьим годом 128-й Олимпиады, от которого, сообщает автор, начитает историю Полибий из Мегалополиса. Стиль и слог его письма Фотий характеризует с некой новизной. Дионисий пишет с простым повествованием, но встречаются слишком резкие переходы, к которым читатель первоначально не готов. Также, в тексте встречается некие отступления в тексте, которые, по мнению Фотия, дают читателю отвлечься и проявить больший интерес к книге. В целом, как пишет Фотий: «Одним словом, изящество его стиля, смешивая подробности и отступления, смягчает композицию, которая имеет склонность к черствости.»[2]

Кодекс 84. Дионисий Галикарнасский. Краткое изложение историй. Фотий прочитывает краткое изложение историй Дионисия в пяти книгах и двадцати томов. Стиль письма изыскан, но далеко не приятен, отмечает Фотий. Труд весьма полезен. Не содержит в себе лишней информации, которая не пригодилась бы читателю. Стиль краткий, его композиция и манера выражаться для ушей слушателя звучат несколько резковато. В остальном стиль не годится для извлечения, но отнюдь не соответствует полной и обширной истории.[3]

Кодекс 99. Геродиан, История. Геродиан - греческий историк, автор «Истории от Марка Аврелия» в 8 книгах, охватывающей 180-238 гг. Три последних книги представляют наибольшую познавательную ценность. Фотий ознакомился с восьми книгами этого сочинения. История рассказывает о Римской империи по

---

[1] Cod. 70.
[2] Cod. 83.
[3] Cod. 84.

кончине Марка Аврелия до избрания младшего Гордиана. Фотий пишет: «Стиль писателя ясный, блестящий и приятный; его манера - избегать крайностей, не слишком много уделяет красоте слога, что нарушает естественную прелесть обыденного языка, но и не допускает небрежностей, как вырождения к посредственности в жертву по всем правилам искусства. Он не испытывает чувство гордости за то, что является излишним, при этом не упускает ничего, что нужно, одним словом, он несколько уступает во всех наилучших качествах историка.»[1]

Кодекс 36. Косьма Индикоплов, Христианская топография. Здесь Фотий дает оценку трудам Косьмы. Косьма Индикоплов («Индийский кормчий»), александрийский купец, живший в VI в. Он побывал в Аравии и Восточной Африке. Книга начинается с защиты определенных церковных догм доказательствами, взятыми из Священного Писания. Стиль плох. Автор рассказывает много того, что невероятно с исторической точки зрения, так что он может справедливо рассматриваться как баснописец, но не как заслуживающий доверия авторитет. «Он говорит, что солнце только вдвое больше, чем два "климата»; что ангелы не живут на небе, но над твердью и общаются с нами, что Христос во время Вознесения вошел в пространство между небом и твердью, и что только это и есть Царство Небесное; и тому подобные глупости.»[2]

Рассмотренные кодексы позволяют представить разнообразие читательских интересов патриарха и степень понимания им рассматриваемых работ.

---

[1] Cod. 99.

[2] Cod. 36.

СООБЩЕНИЯ

ИСКУССТВО БАКТРИИ В ПОЗДНЕАХЕМЕНИДСКИЙ ПЕРИОД

В.Н. Гордиенко

Рассматриваются главные особенности материальной культуры Бактрии в ахеменидский период Также отмечаются хронологически относящиеся к данному периоду тенденции единения Востока и Запада на примере такого вида искусства как скульптура.

Персидское имперское искусство оказало сильное влияние на Центральную Азию. Это касалось и религиозных культов, распространенных по всей территории персидского государства. Бактрийцы, несмотря на то, что их земли располагались на периферии персидской державы, ощущали единство с персами и мидийцами и впитывали отголоски новых культурных веяний из центральных областей.

При Артаксерксе II древние иранские культы Анахиты и Митры, которые почитались задолго до царствования этого царя, нашли особенно широкое распространение в персидском государстве[1]. По сообщению Бероса, Артаксеркс II ставил статуи Анахиты для почитания в Вавилоне, Сузах, Дамаске, Экбатанах, Персеполе, Бактрах и Сардах (FHG, II, 508). Статуэтки Анахиты найдены при раскопках в Бактрии, Согдиане и Хорезме[2]. Древнеиранская богиня уже представляется персам антропоморфной. Ее иконография была, скорее всего, сопоставлена с иконографией Артемиды. Статуи же создавались, скорее всего, греческими скульпторами.

В развалинах храма у персепольской террасы были обнаружены вотивные надписи, в которых Анахита отождествлялась с Артемидой и «царицей Афиной», Аполлон и Гелиос - с Митрой, Зевс - с Ахура-Маздой.

Однако нельзя говорить о каком-то широком распространении «греко-иранского» стиля в искусстве и религиозного синкретизма на территории Бактрии. Такие страны, как Бактрия, были далеки, консервативны и сохраняли исконную иранскую культуру, в отличие от ближневосточных иранцев, воспринявших многие достижения греческой культуры. Это сказалось во многих областях жизни: и в быту, и в ведении боя, и в экономике, и, очевидно, в религиозных представлениях.

Близость к кочевому миру скифских степей также откладывала отпечаток на культуру Бактрии и тем более Согдианы, входившей впоследствии в состав Греко-Бактрии[3].

Такая разница культур оказала не последнее влияние на то, что центральноазиатские иранцы оказали серьезное сопротивление иноземной армии Александра Македонского.

ART OF BACTRIA IN THE AHEMENID PERIOD

V. Gordienko

In article there are the main features of material culture of Bactria in the Achaemenid period when they are mainly being based. Also it views tendencies of a unification of the East chronologically concerning the given period and the West on an example of the sculpture.

---

[1] *Дандамаев М.А., Луконин В.Г.* Культура и экономика Древнего Ирана, 1980. С. 313.
[2] *Якубовский А.* Культура и искусство Средней Азии. Л., 1940. С. 9.
[3] *Попов А.А.* Греко-Бактрийское царство. СПб., 2008. С. 162.

ДОМАШНЕЕ ВОСПИТАНИЕ В РАННЕМ РИМЕ ДО II В. ДО Н.Э.

Ю.И. Болдеску

С самых давних времен римское общество нуждалось в мальчиках, способных, став мужчинами, пахать, растить урожай и сражаться, чтобы защитить свой народ. Рождение следующих дочерей, после первой, считалось несчастьем.[1]

Человеческая жизнь не считалась древними римлянами чем-то священным, что нужно сохранить любой ценой. Они были готовы убить при рождении любого слабого, уродливого, болезненного, ненормального или даже здорового, но лишнего младенца, однако прежде, чем это сделать, пятеро их соседей должны были осмотреть ребенка и согласиться со смертельным приговором родителей.[2] Такие безжалостные способы контроля роста населения можно найти среди многих примитивных сообществ. Тем не менее, поскольку римляне помнили выходцев из своего доисторического прошлого, они отказались от варварской практики отдавать нежеланных детей на съедение собакам или диким животным.[3]

На протяжении всей римской истории до появления христианства не было никаких юридических или моральных норм, запрещающих убивать или бросать своих детей. Раздоры между мужем и женой, крайняя нужда и другие причины могли подтолкнуть недоброжелательно настроенных родителей к избавлению от нежеланного ребенка. Смерть была лишь одним из рисков, которым подвергался младенец. Поскольку, хотя в соответствии с римским правом свободнорожденный ребенок, брошенный родителями, не мог быть обращен в рабство, он зачастую не имел понятия о своем происхождении и возможности прибегнуть к закону, даже если ему становилось об этом известно.[4]

Известно, что Ромул, который предположительно составил закон, по которому римляне должны были сохранять при себе всех сыновей, хотя им не нужно было о них заботиться больше, чем о старшей из своих дочерей, издал в то же время закон, запрещающий убивать ребенка до достижения им трехлетнего возраста. Такая трехгодичная отсрочка давала родителям время, чтобы составить представление о действительном характере ребенка.[5]

Следуя древней традиции индоевропейских народов, через девять дней после рождения мальчика или через восемь дней после рождения девочки проводилась торжественная церемония либо дома, либо в храме. Тогда ребенок «освящался» или «очищался», и ему на шею вешали амулет на счастье (буллу), круглый или в форме сердца. Амулет был из золота, если родители богатые, или из кожи, если они были бедны. Считалось, что он оберегает от всего дурного. Мальчики носили этот амулет, пока им не исполнится 14–16 лет, девочки – до замужества. Это было одно из суеверий, которые римляне унаследовали от этрусков и всегда соблюдали.

Именно на этой церемонии ребенку давали имя. В древности довольствовались двумя именами, но приблизительно после 300 г. до н.э. мальчику всегда давали три имени – имя его клана или рода, которому предшествовало его личное имя, и за которым следовало его семейное прозвище. У девочек не было собственных имен: они были из-

---

[1] *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М.: Высшая школа, 1988.
[2] *Сергеенко М.Е.* Жизнь древнего Рима. М.-Л.: Наука, 1964.
[3] *Жураковский Г.Е.* Очерки по истории античной педагогики. М.,1963.
[4] *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М.: Высшая школа, 1988.
[5] *Гиро П.* Частная и общественная жизнь римлян. СПб.: Алетейя, 1995.

вестны под родовым именем отца в женской форме (то есть в родительном падеже). Имена иногда создавали путаницу, особенно в старых и авторитетных аристократических семействах, где многим мальчикам давалось имя их отцов: сын Цицерона тоже носил имя Марк Туллий. В указателях и справочниках семейные прозвища использовались для мужчин, женская форма родового имени – для женщин.[1]

Римская традиция требовала, чтобы родители обучали всех своих детей, которых они решили воспитать и выпустить в мир, – «ut omnes liberos susceptos educarent necesse est», – но она оставляла детей целиком и полностью во власти их отцов. Точно так же, как мог лишить их жизни при рождении, так он сохранял власть над их жизнью и смертью, пока сам был жив, после чего его старший сын становился главой судеб членов семьи.[2]

Многое из того, что мы знаем об обучении детей в период ранней республики, следует из немногочисленных сохранившихся до наших дней записей Катона Старшего (234–149 гг. до н.э.), который усиленно стремился сохранить обычаи своих предков.[3]

С первых дней основания города дети Рима каждое утро обычно начинали с поклонения богине огня, Весте, у семейного очага. С незапамятных времен эта дань таинству огня глубоко укоренилась в душе каждого римлянина. Ни один религиозный сан не был столь почитаем в Риме, как девы-весталки, которые поддерживали символический священный огонь в храме Весты на Римском Форуме. Появление таких жриц восходит к церемониальным обрядам юных дочерей семейства у домашнего очага.

На огне готовилась пища, взятая из кладовой, охраняемой пенатами. В каждом доме были свои семейные лары – Lares familiaris. Сражаться за «Lares et Penates» (ларов и пенатов) означало защищать дом и очаг – все самое священное и ценное в жизни.[4]

В сознательном возрасте римские дети ежедневно бывали свидетелями почестей, воздаваемых очагу и домашним богам. Вырастая, они становились столь же набожны; у них появлялись собственные просьбы, и они беспрекословно соблюдали ритуалы, к которым их приобщили отец и мать. Матери учили девочек исполнять все обязанности хозяйки дома. Веками эти навыки передавались от матери дочери с несущественными изменениями.[5]

Точно так же с раннего детства мальчиков учили идти по стопам отцов и готовиться к жизни, которую он вел, будучи земледельцем, солдатом или одним из городских старшин, избираемых служить на протяжении года магистратом. Если глава семьи был одной из ведущих политических фигур, и каждый день с раннего утра его посещали люди, ищущие его совета и помощи в своих делах, то мальчики обычно сидели рядом с отцом, прислушиваясь к советам, которые тот давал, и к его замечаниям после того, как просители уходили.

Они также сопровождали отца, когда он отправлялся на публичное выступление или когда его приглашали отобедать с друзьями и соседями. Мальчики сидели с семьей за столом; они помогали подавать еду и напитки, и после обеда один из них просил домашних богов принять подношение. На торжественных религиозных церемониях и на похоронах родственников они также были свидетелями.[6]

---

[1] Там же.
[2] *Коуэл Ф.* Древний Рим. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2006.
[3] *Гиро П.* Частная и общественная жизнь римлян. СПб.: Алетейя, 1995.
[4] *Коуэл Ф.* Древний Рим. Быт, религия, культура. М.: Центрполиграф, 2006.
[5] Там же.
[6] *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М.: Высшая школа, 1988.

ГОРОДСКОЙ СТРОЙ В РИМСКОЙ ГАЛЛИИ

А.А. Гречухина

Вопрос о городском строе в римских провинциях всегда представлял научный интерес, ведь города в первые века Римской империи были не только средоточием социально-экономической и политической жизни, центрами развития и распространения античной культуры, но и опорными пунктами романизации. Рим сумел установить в обширных рамках империи политическое и в известном смысле социальное единство. Степень романизации отражает неравномерность развития не только отдельных провинций, но и различных областей внутри их.

Вопрос о городском строе переплетается с проблемой взаимоотношения города и деревни. При положении о том, что в античности город господствовал над деревней, фактическое положение вещей допускает и в эту эпоху большое разнообразие проявления этого взаимоотношения, что обусловлено историческими особенностями развития отдельных провинций, в частности, степенью романизации и сохранением пережитков общинно-родового строя.[1]

Чтобы разобраться в особенностях муниципального устройства Римской Галлии, следует разделить все галльские общины римского времени на две категории: группа общин, называвшихся римскими колониями и общинами латинского права, и группа общин, которые подобных титулов не имели. Общины первой группы имели римско-латинский тип социально-административного устройства, который они получали от императора. Это была латинская коллегиальная система управления городом: дуумвиры, эдилы, квесторы. Однако, городские общины с римским и латинским правом занимали лишь незначительную часть галльской территории. Четыре пятых всей страны были заняты галльскими общинами, которые сложились во времена независимости, сохранили прежние названия, прежнюю территорию и границы, и в момент присоединения к империи не получили муниципального устройства от императорского правительства, сохранив также и прежнюю социально-административную организацию.

Исследователями подчеркивается, что кельтская цивитас, как административно-политическая организация, сохранилась и в римское время в полной неприкосновенности. К. Жулльен, например, утверждает, что и в римское время галльские общины продолжали оставаться теми же сущностями, какими они были в эпоху независимости[2]. По мнению А. Гренье, Рим внес здесь изменения только в том смысле, что способствовал высвобождению некоторых галльских племен от клиентской независимости и за счет этого увеличилось несколько число цивитатес.[3] П. Гаксо говорит, что римляне все оставили на прежних местах: обычаи, привычки, традиции.[4]. Но такие утверждения, по меньшей мере, неточны. Они справедливы только в той части, в какой относятся к территориальным рамкам цивитас и ее подразделениям, пагам. Но понятие цивитас, как социально-политической организации, не может сводиться только к территории. Оно связано с формой управления, гражданством, характером социальных отношений.

Галло-римская цивитас - это вполне сложившийся социально-политический организм, с четко оформленным государственным аппаратом, социальными отношениями.

---

[1] *Белова Н.Н.* Городской строй в Римской Галлии в первые века н.э. // АДСВ. Вып.1. УрГУ. Свердловск, 1960. С. 35.

[2] *Jullian C.* Historie de la Gaule. T. IV. Paris, 1914. P. 362.

[3] *Grenier L.* Manuel d'Archeologie gallo-romaine. T. V. Paris: Picard, 1931-1934. P. 148.

[4] *Gaxotte P.* Histoire des Franqais. Paris: Flammarion. 1951. P. 68-69.

Важным изменением в прежнем устройстве цивитас в римское время было изменение характера и роли городского центра. И это было связано с римской политикой консолидации местной аристократии, в которой Рим видел естественную опору своей власти в провинциях. В первые века нашей эры наблюдался бурный рост городов в Галлии.[1]

Одной из характерных особенностей галльской цивитас и в римскую эпоху оставались обширные размеры ее территории. Это было следствием того, что галло-римская цивитас выросла из кельтской племенной организации и что в римское время она продолжала сохранять ее следы.

Таким образом, галло-римская цивитас даже по внешней своей структуре значительно отличалась от кельтской: за ней прочно утверждаются территориальные границы, контингент населения,

Галло-римское общество приобретает, благодаря римскому влиянию, определенную структуру, как внешнюю административно-политическую, так и внутреннюю, социальную, через утверждение римского муниципального строя.

Также важен вопрос о степени муниципализации городского строя в Галлии. По этому вопросу в историографии имеются различные взгляды. Одни считают, что романизация Галлии представляла собой очень медленный процесс и муниципальное устройство в Трех Галлиях получило лишь слабое распространение. Другие, наоборот, склонны слишком преувеличивать романизацию Галлии и с точки зрения ее темпов, и с точки зрения широты распространения.

Во-первых, муниципализация далеко не была, как мы увидим дальше, сплошной. Во-вторых, сам муниципальный строй в некоторых случаях выглядел довольно искусственным насаждением внутри местных цивитатес. Они оказывали влияние на местные порядки, способствовали их романизации, но полностью вытеснить их не могли.[2] Но можно сделать заключение, что там, где утвердился муниципальный строй в Галлии, он обнаруживал все типичные его черты.

В каком взаимоотношении находился муниципальный строй города с остальной территорией цивитас, т.е. с сельскими местностями или пагами, распространялась ли на них власть муниципальных органов города и какова была организация самих пагов? Этот вопрос обусловлен двумя обстоятельствами: отмеченной выше особенностью галльской цивитас, территория которой отличалась обширностью размеров и чаще всего имела несколько городов, один из которых являлся главным центром. Здесь были возможны различные формы сосуществования центра с другими частями цивитас. Второе - это то, что в исторической литературе этот вопрос решается по-разному.

Наиболее правильным было бы, разумеется, изучение каждой области в отдельности. Но это не представляется возможным пока что в силу состояния источников: надписи не всегда отражают связь города с селом, их значительно меньше для сельских мест гостей, а распределение их весьма неравномерно.

Таким образом, муниципализация городского строя в I-II вв. в Галлии была далеко не завершенной. Наряду с цивитатес с римским и латинским правом имелись общины, свободные или федеративные, управлявшиеся на основе местных обычаев и законов. Муниципальная организация была чаще ограничена собственно городом и непосредственно к нему прилегавшими землями, в то время как подавляющая часть остальной территории цивитас продолжала жить собственным строем.

---

[1] *Grenier L.* Manuel d'Archeologie gallo-romaine. T. V. Paris: Picard, 1931-1934. P. 689-690.

[2] *Машкин Н.А.* Городской строй римской Африки // ВДИ. 1951. 1. С. 71.

РИМСКИЙ ВОЕННЫЙ ЛАГЕРЬ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПОВ РИМСКОЙ ТОПОГРАФИИ

А.С. Ниминская

Вопрос римского военного лагеря актуален в настоящее время, так как римская эпоха выдвинула ей одной присущий тип города, а именно город-военный лагерь (стоянку римского гарнизона)[1]. Помимо письменных данных о военном лагере, до наших дней сохранились и археологические данные. Поэтому актуальность данного вопроса заключается в сопоставление письменных и археологических данных.

Перед нами была поставлена задача, определить уникальность римского военного лагеря, его типы и сопоставить данные письменных источников с археологическими.

План римского военного лагеря[2] почти всегда представлял собой квадрат или прямоугольник, по осям которого проходили две главные улицы: одна, идущая с севера на юг, - "Cardo" и вторая с востока на запад - "Decumanus". Эти улицы либо пересекали весь лагерь, соединяя противостоящие ворота, либо упирались одна в другую подобно букве Т. Римляне обращали большое внимание на планировку и застройку городов, что можно видеть уже из трактата Витрувия. В своем трактате Витрувий говорит[3] о выборе места для города, рекомендуя тщательно учитывать климат, а также принимать в расчет местные природные богатства, обеспечивающие город продовольствием и производственным сырьем. Придавая значение строительству оборонительных стен, Витрувий связывает проблему обороны с планировкой самого города, говорит о размещении городских центров, о пропорциях форумов, о расположении статуй и многих других вопросах теории городского строительства, многократно ссылаясь на греческие примеры.[4]

До нас дошли два подробных описания римского военного лагеря, относящиеся к разным периодам истории. Одно принадлежит Полибию и относится ко времени Пунических войн, следовательно, к эпохе, имевшей важное значение для развития военного дела у римлян под влиянием великих полководцев Пирра и Ганнибала (рис. 1). Второе принадлежит Гигину, жившему при Траяне, следовательно, относится к тому периоду, когда военное искусство римлян, благодаря собственным великим полководцам и борьбе римского оружия и римской тактики с равными силами, достигло высшей степени совершенства (рис. 2).

Полибию известно только деление легиона на манипулы и на принципов, гастатов, триариев и велитов, и он описывает лагерь тогдашнего консульского войска, состоявшего из двух легионов с принадлежащими к нему союзниками. Гигин, напротив, делит легион по принципу, установившемуся со времени первых гражданских войн, на когорты с одинаковым вооружением и описывает военный лагерь, состоявший из трех легионов и значительного числа воинских отрядов, не обязательно к нему принадлежавших. Самое главное отличие между военным лагерем Полибия и военным лагерем Гигина является форма. Лагерь, описанный Полибием, имеет форму квадрата (quadrata)[5], а у Гигина он на одну треть больше в длину, чем в ширину (tertiata, но не треугольный)[6].

---

[1] *Токмаков В.Н.* Армия и государство в Риме. От эпохи царей до Пунических войн. М., 2007. С. 96.
[2] Там же. С. 69.
[3] M. Vitruvivs Pollio. De architectura. Liber III.
[4] Там же.
[5] Pseudo-Hygini De munitionidus castrorum, I-VI.
[6] Там же.

Однако, проанализировав подробную характеристику лагерей Полибия и Гигина, которая дана в трактате «De munitionidus castrorum» (авторство приписывается некоему Псевдо-Гигину (Pseudo-Hygini)), мы пришли к выводу, что основные черты военного лагеря Полибия служили образцом для всех последующих времен, а лагерь Гигина есть не другой тип лагерного устройства, а только видоизменение лагеря Полибия.

Самым известным римским военным лагерем, сохранившимся до наших дней, считается крепость Харакс (Харакены[1]) на мысе Ай-Тодор в Крыму. В нашем исследовании мы сравнивали крепость Харакс свыше упомянутым лагерем Полибия. Мы пришли к выводу, что Харакс отличается от классического прямоугольного лагеря. Общее: Харакс имеет преторий (палатку главного полководца), деление на казармы, главные ворота, форум, алтарь и ораторскую кафедру полководца (трибунал)[2].

Различия:

1.Харакс имел 3 ворот (главные ворота на север, двое других на северо-восток и на северо-запад). 2 Харакс расположен на холме и имеет естественное укрепление (обрыв), в свою Очередь лагерь Полибия – расположен на плоской территории и не имеет укреплений. 3. Харакс имел всего 500 солдат, в то время как лагерь Полибия включал 6 тысяч человек. 4. Харакс имел Маяк.

Таким образом, военный лагерь Харакс имеет как общие, так и различные черты. Мы не можем с полной точностью утверждать, что Харакс это другой тип лагеря, однако так же не можем говорить о том, что он построен по типу Полибия. Скорее всего, Харакс – это более поздний лагерь и его структура была приспособлена к условиям местности.

Подводя итоги, следует сказать, что военная структура и тот тип города, предложенный римлянами, оказался настолько удачным, что впоследствии данный вид лагеря нашел отражение в аналогичной военной структуре других более поздних государств.

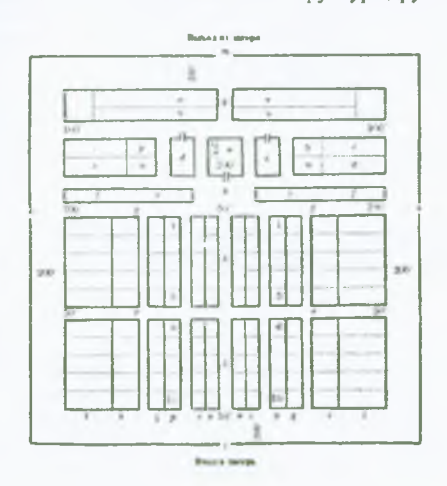


Рис. 1. Военный лагерь Полибия.

---

[1] Plinii Hist. Nat. IV, 86.

[2] Газета «Новое время». 23 ноября 1910 г

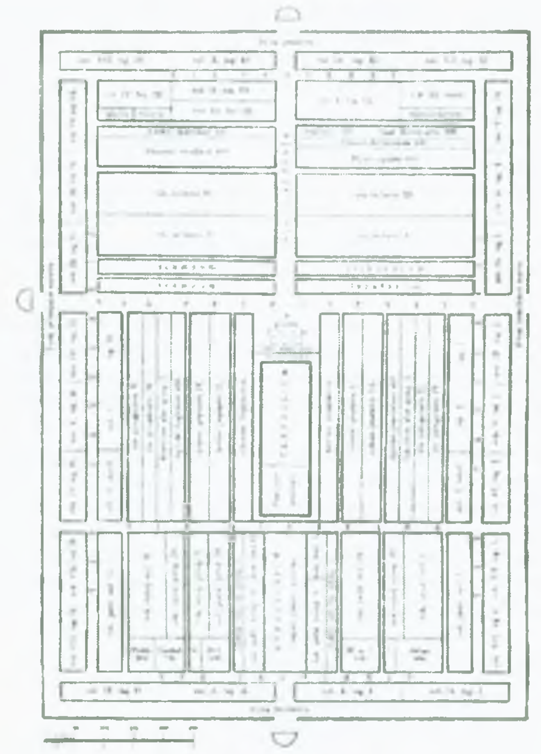


Рис. 2. Военный лагерь Гигина.

ЖИЗНЬ ЛИБАНИЯ ПО ЕГО АВТОБИОГРАФИИ «ЖИЗНЬ, ИЛИ О СВОЕЙ СУДЬБЕ»

Д.С. Гудов

Либаний - один из выдающихся людей своего времени. Все его труды есть ценнейший исторический источник и литературный памятник, именно поэтому целью работы будет изучение биографии Либания, написанной им самим, для лучшего понимания его сочинений, их цели и достоверности. Кроме того, такая яркая личность заслуживает пристального изучения, ведь Либаний - знаменитый ритор и преподаватель, крупнейшая литературная величина IV в.

Его причисляют к последним риторам языческой античности, учителям красноречия многих последующих поколений. Известны имена 134 его учеников. Из его школы вышло немало христианских ораторов и проповедников, например, Иоанн Златоуст.

В автобиографии «Жизнь, или о своей судьбе» сам Либаний про себя говорит следующее: «Мне следует попытаться переубедить тех, кто составил себе неверное мнение о моей судьбе: одни считают меня счастливейшим изо всех людей ввиду той широкой из-

вестности, которой пользуются мои речи, другие несчастнейшим изо всех живых существ, из-за моих непрестанных болезней и бедствий, между тем и то и другое далеко от истины: поэтому я расскажу о прежних и нынешних обстоятельствах моей жизни и тогда все увидят, что боги смешали для меня жребий судьбы...».

Сочинения Либания были введены в научный оборот в России в начале XX в. Единственный перевод его произведений на русский язык был осуществлён деканом историко-филологического факультета Императорского Казанского университета С. Шестаковым. К сожалению, до сих пор нет полного издания его коруса писем.

Можно сказать, что жизненный путь Либания был ярким, и большая его часть была в гуще общественной жизни, что делает автобиографию еще более важной для изучения.

АРМЕЙСКИЕ РЕФОРМЫ ВАЛЕНТИНИАНА I

Д.В. Манаков

Валентиниан I был одним из последних сильных римских императоров. Его правление ознаменовалось значительным укреплением империи. В частности, он приложил огромные усилия, чтобы укрепить армию.

Валентиниан был, согласно Аммиану Марцеллину, "первым, кто повысил самоуважение солдат, подняв их статус и увеличив собственность к невыгоде общественных интересов" (Amm. Marc. XXVI, 2). Например, он дарил солдатам сельскохозяйственное оборудование, семена и прочие орудия труда, разрешал им в свободное время заниматься сельским хозяйством и работать на земле (поскольку других работников найти было трудно). Солдаты отнеслись к этому негативно, это было расценено как чрезмерная снисходительность. Они считали, что утрачивают свое влияние на политическую ситуацию. В реальности все оказалось намного проще, на самом деле солдатам никогда не платили особенно щедро, и изменения, произведенные Валентинианом I, просто должны были поднять их заработки на сколько-нибудь терпимый уровень.

Но забота о солдатах не была первостепенной задачей для Валентиниана. В первую очередь он беспокоился об обороноспособности всего государства. Для этого требовалась надежная граница. При нем началось строительство гигантской фортификационной системы вдоль всего берега Рейна, предназначенной для обороны от множества германских племен[1]. Эти фортификационные сооружения представляли собой глубоко эшелонированные и связанные между собой укрепления различного типа. Они долгое время весьма эффективно защищали Галлию от набегов варваров.

Параллельно с Валентинианом границы укреплял и его соправитель Валент. Например, в развалинах римского форта на землях современной румынской Добруджи обнаружили поврежденную латинскую надпись. Она была сделана в 369 г. для увековечения тогдашних побед: «Господин наш непобедимый цезарь Флавий Валент, победитель, величайший триумфатор, вечный август, после победы и покорения готов на варварской земле, когда празднование пятилетней годовщины его правления счастливо совпало с победой, построил для защиты государства эту заставу трудом солдат своих первых легионов, наиболее ему преданных»[2].

---

[1] *Кравчук А.* Галерея римских императоров. Доминат. М., 2012. С. 310.
[2] Там же. С. 312.

Основной проблемой войск в походах всегда было снабжение. В первую очередь требовалось обеспечить солдат пропитанием. Валентиниан произвел реорганизацию снабжения войск провизией в полевых условиях. Была налажена доставка зерна войскам, находящимся недалеко от моря, на кораблях из отдаленных провинций империи[1]. Легионы, воевавшие в 367-369 гг. с вестготами на территории современной Румынии, а возможно и с остготами на территории Молдавии и Украины, смогли долго и непрерывно находиться в регионе проведения военных операций далеко от своих баз. Солдаты дважды переправлялись по понтонным войскам через широкую реку, огнем и мечом опустошая земли.

Таким образом, человек, посвятивший большую часть своей жизни службе в армии, став императором, смог улучшить ее состояние и повысить боеспособность. Выходец из армейской среды, блестящий офицер, Валентиниан как никто другой понимал, какие изменения необходимо провести в армии.

РОЛЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ В СТАНОВЛЕНИИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГИИ ПРИ ФЕОДОСИИ II МАЛОМ

А.Н. Красникова

Правление Феодосия II Малого с 402 по 450 г. не отличалось многообразием событий. Когда Феодосий получил право управлять страной, он был слишком мал, и за него управлял несколько лет регент Амфимий, а затем его сестра Пульхерия. Самыми крупными событиями были борьба с гуннами и церковный вопрос. Если борьба с гуннами была непосредственно связана с деятельностью Феодосия, то в церковном вопросе активное участие принимает его семья. Феодосий и в юном возрасте, и в зрелых годах не выходил из-под влияния окружавших его и приближенных лиц. С 414 г. можно считать уже определившимся влияние Пульхерии, сестры Феодосия. Она не только активно участвовала в политической, но и в религиозной сфере. Пульхерия была провозглашена августой, а сенат назначил ее новым регентом над своим братом Феодосием. Одновременно она дала обет безбрачия в Софийском храме, и посвятила в дальнейшем всю свою жизнь служению Богу. Ее малолетние сестры Аркадия и Марина принесли такой же обет вместе с ней и провели свою жизнь как благочестивые монахини. При правлении Пульхерии императорский двор начал походить по своему внутреннему состоянию на монастырь. День начинался с пением псалмов и чтения Евангелия, неукоснительно правились все положенные выработавшимся уже церковным уставом службы, соблюдались посты, и из двора исходило самое широкое благотворение.

Тем самым Феодосий с детства рос в религиозной обстановке. Он усвоил идеал благочестия, и твердая вера была основной чертой его духовного склада. Он любил общество духовных лиц и сам приобрел с течением времени глубокое знакомство со Священным Писанием. Его интересовали книги духовного содержания, и составил впоследствии во дворце богатую богословскую библиотеку. В церковных источниках Пульхерию провозглашали как святую, говорят о божественных откровениях, которые ее посещали, и она осталась в памяти потомства в ореоле святости. При правлении Пульхерии были изданы ряд указов связанные с язычниками и иудеями.

Влияние сестры на брата было так велико, что она вместе со своим другом искала жену императору. Главным критерием поиска являлось то, что она должна быть красави-

---

[1] Там же. С. 311.

цей и принадлежала к церковному роду, а если такая не найдется, то главное, чтобы была красивой. И такая девушка нашлась в Константинополе, это была гречанка Афинаида, дочь афинского философа Гераклита. Увидев ее, Пульхерия восхитилась красотой, и забрала ее во дворец. Феодосий сразу влюбился в нее. Воспитанная в Афинах, умственном центре тогдашнего язычества, Афинаида оставалась язычницей. Ее обучили христианскому закону, окрестили и дали имя Евдокии. В 423 г. Евдокия была провозглашена августой. Примирившись с благочестивой обстановкой жизни двора, она сама сочиняла поэмы на религиозные темы. Между августами вспыхнуло недоверие, и из-за этого императорский двор разделился на две части, одни были старонниками Пульхерии другие Евдокии. Но все равно как бы Евдокия не старалась наладить с Пульхерией отношения, разлад был очевиден. Но это не мешало Евдокии путешествовать по святым местам, и получать все больше знаний о христианской религии. Все полученные новшества она пыталась реализовать в Константинополе. Также она активно принимала участие во Вселенском соборе, но после того как ее уличили в якобы измене мужу, она решила уехать из столицы в Иерусалим, где в дальнейшем осталась жить и посвятила себя служению богу.

Тем самым, можно сказать, что ближайшее окружение очень сильно повлияло на самого Феодосия и на его отношение к духовной жизни. Он активно участвовал в борьбе с ересями, вкладывал много средств для развития христианства в Византии.

К ТОПОГРАФИИ РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО КОНСТАНТИНОПОЛЯ: ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЛЕКСА БОЛЬШОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРЦА

Е.С. Минаев

Большой, или Святой дворец в Константинополе оставался главной резиденцией византийских императоров на протяжении восьмисот лет, с 330 по 1081 гг. Он был заложен Константином Великим между Ипподромом и Св. Софией, перестроен Юстинианом и расширен Феофилом.

Дворец находился в восточной части города, рядом с собором Святой Софии и ипподромом; представлял собой сложный комплекс парадных и жилых зданий, дворов, портиков и храмов, которые вместе образовывали особый дворцовый район Константинополя[1]. Наиболее ранние здания Большого дворца были заложены и построены в 20-30-х гг. IV в. императором Константином I Великим одновременно с началом строительства новой столицы Римской империи. Для Большого дворца был выбран обширный прибрежный район к югу от античного Виза́нтия и собора Св. Софии. В то время здесь находилось несколько загородных вилл, и по площади район был приблизительно равен старому городу. Большой дворец занял квартал, примыкавший к центру и ограниченный с северо-запада площадью Августеон, термами Зевксиппа и ипподромом, с северо-востока - старой стеной Виза́нтия. С юга и востока основной ансамбль дворца был окружен прибрежными парками с небольшими строениями, среди которых со временем возникли еще 2 дворцовых комплекса: Вуколеон и Манганы. Большинство парадных базилик и храмов дворцового района были, как и собор Св. Софии, ориентированы на юго-восток[2].

Развитие дворца в V-VI вв. было, как правило, связано со строительством новых зданий и комплексов на юго-западе от этого первоначального ядра; со временем большее значение приобрела юго-западную часть комплекса. На юго-западе от Дельфиака возник

[1] *Labarte J.* Le palais Impérial de Constantinople et ses abords. P., 1861.
[2] *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1986.

ряд парадных помещений: Консисторий, Августеон, Оноподион и Триклин аккувитов. За ними располагался дворец Дафна - центральная часть юго-западного комплекса, который переходами соединялся с кафисмой - императорской ложей ипподрома. Позади дворца Дафна, на юго-западе от него, первоначально также находились жилые покои императорской семьи, а еще далее бóльшую часть территории прибрежного склона занимал циканистирион - площадка для игры в поло, сооруженная при Феодосии II в 1-й пол. V в. В эту же эпоху развитие Большого дворца в юго-западном направлении достигло своего предела: возле берега Мраморного моря были построены парадная гавань и примыкавший к ней дворец Вуколеон (дворец «быко-льва», назван по украшавшей его с IX в. фантастической скульптуре)[1].

Большой дворец сильно пострадал в 532 г. при большом пожаре во время восстания «Ника!» в Константинополе. После пожара Августеон был расширен и украшен белыми портиками, поддерживаемыми двумя рядами колонн, земля была выстлана мрамором. На площади неподалеку от Золотой колонны, от которой расходились дороги империи, была возведена бронзовая колонна, увенчанная конной статуей Юстиниана. Перед зданием Сената был выстроен портик с шестью беломраморными колоннами, украшенный статуями. В термах Зевскиппа, где Константин собрал коллекцию античных статуй, Юстиниан приказал восстановить разноцветные мраморные орнаменты, пострадавшие в пожаре. С юго-западной стороны, под портиками находились железные двери, которые вели в сени, называемые Халкой. Войдя в двери, проходили полукруглым двором в большую залу с куполом, который Юстиниан вторично перестроил в 558 г. Пол был сделан из цветного мрамора, окаймляющего большую круглую плиту из порфира[2]. Панели стен тоже были из цветного мрамора. По верху располагались большие мозаичные полотна, изображавшие Юстиниана и Феодору в праздничных одеждах в окружение сенаторов, сцены вандальской и итальянской войн, триумф Велисария, представляющего побежденных королей императору. Двустворчатая бронзовая дверь вела из ротонды Халки в караульные помещения, называемые портиками схолариев, протекторов и кандидатов. Это были обширные залы, служившие помещениями для дворцовой стражи, и, кроме того, они включали парадные комнаты, в одной из которых находился под куполом большой серебряный крест. Наконец, по широкой аллее, окаймленной колоннами и прорезающей квартал гвардейцев, попадали в сам дворец, где вступали в большой Консисторион - тронный зал, в который с трёх сторон вели двери из слоновой кости, задрапированные шелковыми занавесями. Стены были украшены драгоценными металлами, пол убран коврами. В глубине залы на трехступенчатом возвышениями между двумя статуями Ники с распущенными крыльями находился трон, покрытый золотом и драгоценными камнями. Над троном возвышался золотой купол, поддерживаемый четырьмя колоннами. Позади трона три бронзовые двери открывались на лестницы, которые вели во внутренние покои[3]. Рядом с Консисторионом находился большой Триклиниум девятнадцати лож, в котором устраивались пиры в честь иностранных послов или высоких сановников, проводились некоторые церемонии - коронование императрицы, прощание с покойным императором. Рядом находилась церковь Спасителя, служившая во времена Юстиниана дворцовой церковью. Все строения фасадами были направлены в сторону Августеона. Позади возвышался большой дворец Дафна.

---

[1] *Nordhagen P.J.* The Mosaics of the Great Palace of the Byzantine Emrerors // BZ. 1963. Bd. 56. S. 53-68.
[2] *Диль Ш.* Юстиниан и Византийская цивилизация в VI веке. СПб., Типография Альтшулера 1908. Книга 1, гл. 3. С. 76-89.
[3] Там же. С. 76-79.

Вход во дворец находился против юго-восточных ворот ипподрома. Дворец был двухэтажным и имел два крыла, которые окружали большой двор, часть которого занимал личный манеж императора. Первый этаж занимали придворные службы. На втором этаже находились личные покои императора, в том числе самые роскошные залы палат. Это были три залы - «триклиниум Августеос», «восьмиугольная гостиная» и «коитон Дафны». Залы дополнялись широкой террасой, с которой открывался вид на море. Терраса являлась частью галереи Дафны, в которой находилась статуя нимфы, которую привез Константин из Рима. С другой стороны находилась галерея, соединявшая церковь Св. Стефана, Дафну с ложей императора на ипподроме «Кафизмой», которая представляла собой дворец, где позади ложи находились комнаты для приёмов и отдыха. Для жилья использовались два дворца, находившиеся между Дафной и морем - Хризотриклиниум и Трикон[1]. Комплекс священных палат дополнял уединённый «триклиниум Магнавра», отреставрированный Юстинианом. Ко дворцу были пристроены галереи, соединившие его со Св. Софией. Таким образом, император мог перейти из ипподрома в церковь.[2]

В настоящее время дворец почти полностью разрушен; лучше других зданий сохранился Вуколеон.

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭСТЕТИКЕ

И.О. Кривко

IV-V вв. называют «золотым веком» святоотеческой письменности[3]. Ранневизантийские мыслители в своих суждениях о красоте опирались на богатые и разнообразные эстетические традиции поздней античности. Официальное признание христианства, вступление в христианские общины большого числа знатных и образованных людей и связанное с этим изменение социального состава и политического положения христианства в Империи привели к определённым изменениям и в эстетических представлениях «отцов церкви»[4]. Идет активная «христианизация» многих представлений античности.

Макарий Египетский считал человека венцом творения, более ценным даже, чем ангелы и архангелы, так как только человека Бог создал по своему образу и подобию, наделил его свободой воли[5]. В конце IV в. Немесий написал специальный антропологический трактат «О природе человека», в котором использовал многие соображения, высказанные как античными мыслителями (Аристотелем, Галеном, стоиками), так и ранними христианами-апологетами, каппадокийцами. Человек, по мнению Немесия, занимает ключевое положение во Вселенной, ибо он был создан как завершающее звено творения для связи в единое целое мира духовного и материального[6].

Еще античная философия научилась различать духовные (душевные) удовольствия и телесные. В патристике итог этому разграничению подвел Немесий Эмесский, и в его редакции оно вошло и в византийскую культуру. «Из удовольствий одни суть душевные, другие - телесные. Душевные, конечно, те, которые свойственны одной только душе

---

[1] *Nordhagen P.J.* The Mosaics of the Great Palace of the Byzantine Emrerors // BZ. 1963. Bd. 56. S. 53-68.
[2] *Tunay M.I.* Byzantine Archaeological Findings in Istanbul during the Last Decade // Ibid. P. 217-233.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Макарий Египетский. Духовные преполезные беседы о совершенстве / Пер. Моисея (Гумилевского). В 2-х ч. М. 1782.
[6] Немесий Эмесский. О природе человека / Пер. Ф. Владимирского. М., 1904.

самой по себе, каковы удовольствия, возникающие при занятиях науками и при созерцании. Эти ведь и им подобные свойственны одной только душе. Телесные же удовольствия - те, которые происходят при участии души и тела и которые поэтому называются телесными; таковы удовольствия, касающиеся пищи и совокуплений»[1]. Если Немесий пытался более или менее объективно разобраться во всех удовольствиях, полагая, что «естественные» удовольствия необходимы человеку, то большинство его коллег по вере, негативно оценивая чувственные удовольствия, абсолютизировали духовные наслаждения как изначально данные человеку.

Постановка духовного неутилитарного наслаждения в качестве основного идеала и главной цели человеческого бытия привела христианство к эстетизации культуры, к перенесению решения многих важных проблем культуры в эстетическую сферу, наконец, к сакрализации некоторых эстетических феноменов[2]. Ранние византийцы, продолжавшие традиции ранней апологетики, неразрывно связывали красоту с наслаждением. Все прекрасное возбуждает в человеке вожделение: чувственно воспринимаемая красота, как правило, - плотское; духовная красота - стремление души; первая ведет к чувственным наслаждениям, вторая - к духовным. Отсюда - общая тенденция христианских мыслителей к отказу от первой и устремленности ко второй[3]. Однако, на практике это не всегда получалось, да и чувственно воспринимаемая красота (особенно природная, сотворенная Богом) далеко не всегда вела к чувственным наслаждениям. Византийцы постепенно учились и в ней прозревать более глубокие уровни прекрасного, и от неё получать духовное наслаждение. Чаще же в этот период чувственно воспринимаемая красота поощряется византийцами не сама по себе, но приводится в качестве своеобразных параллельных, или метафорических образов для перехода к разговору о более высоких уровнях красоты - нравственной красоте или духовной.

На одно из первых мест выходит в этот период в эстетике идея абсолютной, божественной красоты, «истинно прекрасного»[4]. Идея абсолютной красоты играла в византийской философско-религиозной системе несколько иную роль, чем у античных мыслителей. Она не была для них предметом умозрительных рассуждений, но выступала важнейшим элементом их гносеологии. Красота, о чем знали уже в античности, влечет к себе познающего, и «познание осуществляется любовью, ибо познаваемое прекрасно по природе».[5] Отсюда особое внимание Псевдо-Дионисия к «абсолютно прекрасному», которое он определяет, опираясь на известную мысль Платона и не без влияния плотиновских идей. Таким образом, истинно прекрасное, т. е. божественная красота, является у автора «Ареопагитик» и образцом, и творческой причиной всего сущего, и источником всего прекрасного, причиной гармоничности мира, но также и предметом любви, пределом всех стремлений и движений.

Псевдо-Дионисий различает три основные ступени красоты: 1) абсолютную божественную красоту, истинно прекрасное; 2) красоту небесных существ - чинов небесной иерархии; 3) красоту предметов и явлений материального мира, видимую красоту. Все три уровня объединены наличием в них некой общей информации об абсолютной красоте - «духовной красоты», содержащейся на каждом уровне в соответствующей мере. Эта «духовная красота» и составляет гносеологическую ценность всего прекрасного.

---

[1] Немесий Эмесский. О природе человека / Пер. Ф. Владимирского. М., 1904.
[2] *Бычков В.В.* Малая история византийской эстетики. Киев: Путь к истине, 1991.
[3] Там же
[4] *Каплан М.* Византия. М.: Вече, 2011
[5] *Бычков В.В.* Малая история византийской эстетики. Киев: Путь к истине, 1991

Византийские мыслители видели «в теле человеческом много красоты, стройности, взаимной соразмерности частей», но телесная красота не вызывала у них таких восторгов, как у Лактанция. Для Макария Египетского тело - «прекрасный хитон»[1], о котором последняя заботится лишь как о своей одежде. И не телесной красотой украшается человек, но красотой нравственной, душевной. Многим женщинам, по мнению Феодорита, красота служит для улавливания людей «в сети греха»[2]. Нил Анкирский, осуждая распространение моды на роскошные одежды и предметы домашнего обихода, подчеркивал, что внешняя красота обманчива, она часто скрывает сущность вещи (явления), далеко не всегда прекрасные. Человек должен заботиться, прежде всего, о красоте своей души, т. е. о нравственных помыслах и делах. Одежда же должна быть простой, удобной, соответствующей фигуре. Если хитон «соразмерен телу», то он и удобен, и красив. Одежда «не по плечу» и выглядит на человеке безобразно, и мешает во всякой работе[3].

Относительно прекрасного материального мира и человека, византийцы IV-VII вв. практически полностью разделяли взгляды своих предшественников-апологетов, т. е. им также были свойственны постоянные колебания от принятия земной красоты к отказу от нее и обратно, доходящие на уровне культуры в целом до своеобразной антиномии красоты – её одновременного восхваления и порицания, принятия и неприятия.

РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА В СИРИИ

О.В. Алимова

Художники и архитекторы многочисленных и пестрых по своему этническому составу и художественным традициям областей империи - Сирии, Египта, Малой Азии, балканских провинций, Италии - имели значительные достижения в выработке собственного художественного стиля, во многом отличавшегося от стиля классического искусства Греции и Рима[4].

В рассматриваемое время в живописи, ваянии, зодчестве происходил пересмотр всех ценностей, созданных античностью. Повсеместно наблюдаются глубокие сдвиги в мировоззрении, разрыв с идеалами прошлого, проявляющиеся в разных формах и в различной степени[5].

В IV-VI вв. на территории Сирии сложилась местная ранневизантийская художественная школа. Жилые кварталы со временем утратили ясную и точную планировку, свойственную геометрически правильно расположенным кварталам эллинистических городов. Все чаще стали встречаться узкие и кривые улицы. Города обычно со всех сторон опоясывали оборонительные стены с башнями. В городах Сирии были созданы и значительные светские здания.

В гораздо большей степени, чем о гражданском строительстве, мы осведомлены об архитектуре церковных зданий, многие из которых либо в первоначальном, либо в искаженном переделками виде дошли до нашего времени. Признание христианства официальной религией, покровительство и материальная помощь, оказывавшаяся византийским правительством новому культу, стимулировали широкое и повсеместное строитель-

---

1 Макарий Египетский. Духовные преполезные беседы о совершенстве. М., 1782.
2 *Бычков В.В.* Малая история византийской эстетики. Киев: Путь к истине, 1991.
3 Там же
4 Всеобщая история искусств в 6-ти томах / Под ред. А.Д. Чегодаева. М., 1960. Т. 2. С. 74
5 Там же. С. 76.

ство церквей. Распространенным типом церковного здания с IV столетия стала базилика. В Сирии около 500 базилик и небольших зальных церквей IV-VII вв. В небольших по размерам, коротких базиликах опорами служили колонны или столбы. Атриум отсутствовал. Внутри в центральном нефе размещались экседры, в которых находились священники во время литургии катехуменов. Входы в базилику чаще располагались на южном фасаде, полукруглые изнутри апсиды с симметричными пастофориями с северной и южной сторон снаружи вписывались в прямоугольные очертания[1]. Вплоть до середины V в. в Сирии господствуют такие их формы, при которых на несущих вертикальных опорах - колоннах или столбах - располагаются горизонтали прямых архитравов. Типичные для этого времени капители колонн сохраняют еще близость к античным - коринфским и композитным. Однако реалистические формы аканфа вырождаются в более схематические и орнаментальные.

Сирийские архитекторы уделяли большое внимание разработке нартекса и западного фасада. В некоторых базиликах восточная - алтарная - часть здания отделялась от основного зала поперечно расположенным нефом - так называемым трансептом. С запада был расположен другой поперечный зал - нартекс. Иногда постройка имела во втором этаже хоры; на них входили по лестницам, размещавшимся в западной части базилики.

Перед церковным зданием устраивался открытый четырехугольный двор, или атриум, окруженный крытой колоннадой. В центре атриума находился колодец, служивший для омовения.

Замечательные образцы таких построек — церкви в Дейр-Турмапине, Кальб-Лузе, в монастырском комплексе, построенном близ Алеппо в Калат-Семоне (монастырь Симеона Столпника). Двухбашенный фасад сирийских базилик оказал большое влияние на развитие ромайской архитектуры[2].

Наряду с постройками базиликального типа в IV-V вв. возводились и так называемые центрические. Такой план характерен для погребальных сооружений и крещален, обычно небольших по размерам. Здесь применялись купольные перекрытия, располагавшиеся на перекрестии или над многогранным и круглым основанием.[3]

Для решения новых задач художники использовали в одних случаях - традиционные античные формы изображения, подвергая их лишь некоторым изменениям, в других - эти формы полностью перерабатывались. Однако всегда и везде памятники живописи были отмечены особенностями нового, спиритуалистического стиля. Важнейшей его чертой являлся отказ от объемности, свойственной античному реалистическому искусству. В создании нового стиля важную роль сыграли местные художественные традиции Сирии. Сирийская художественная школа довела до высокой степени совершенства технику стенной мозаики, позволившую добиваться неведомых до того декоративных эффектов в композициях[4]. Этот стиль развился не сразу. Его создатели опирались на достижения своих предшественников. Воспроизводя черты человеческих лиц, художники широко использовали приемы, разработанные мастерами портрета I-II вв.

Яркие красочные эффекты византийской мозаичной живописи были связаны своим происхождением с многоцветными украшениями, введенными в моду варварами - в предметах вооружения и одеждах. Внедрение новых этнических элементов оказало воздействие и на художественные вкусы, нашедшие воплощение в искусстве живописи.

---

[1] Культура Византии IV – первая половина VII века / под ред. З.В. Удальцовой. М., 1984. С. 389.
[2] Там же. С .393.
[3] Там же. С. 389.
[4] *Щапова Ю.Л.* Византийское стекло. М., 2008. С. 17.

Таким образом, особая по стилю архитектура получила распространение во внутренних районах Сирии. Очень быстро, уже в последней трети V в., специфический язык сирийской архитектуры достигает совершенства.

К ИСТОРИИ ГОРОДОВ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПАЛЕСТИНЫ

С.В. Скачко

История Палестины насчитывает несколько десятков тысяч лет. Через Палестину проходил большой торговый путь, шедший из Египта в Сирию[1]. Ремесла и торговля стали основой образования многочисленных городов[2].

Сепфорис - город в Палестине, получивший это название, благодаря своему положению (высоко на горе), напоминая птичье гнездо. Сепфорис впервые упомянут как административный центр Галилеи в период царствования Александра Янная (100 г. до н.э.). Эту же роль город выполнял при римском проконсуле Габинии. Во времена царя Ирода – это центр одной из тетрархий. В 4 г. до н.э. город попал в эпицентр восстания Иуды Галилеянина и был разрушен карательной экспедицией Квинтилия Вара. Затем был отстроен и превращен в резиденцию Ирода Антипы, который обнёс Сепфорис крепостной стеной. Во время Первой Иудейской войны Сепфорис не присоединился к восстанию, открыв ворота легионам Веспасиана, и в итоге не пострадал. На чеканившихся в это время монетах Сепфорис называется Эйренополисом. При Адриане город был переименован в Диокесарию, а еврейские власти города были заменены администраторами-неевреями, однако ввиду преобладания еврейского населения через несколько десятилетий был восстановлен еврейский городской совет. В начале III в. Сепфорис стал центром еврейской духовной жизни. Нееврейское население Сепфориса в это время было языческим и романизированным, на что указывают богатые мозаики, сохранившиеся в вилле II в. и изображающие Диониса и Афродиту.

В ходе восстания против императора Констанция Галла в 351-352 гг. в Сепфорисе располагалась штаб-квартира руководителя восстания, за что жители города после подавления мятежа были наказаны, но город, по-видимому, уцелел, однако в 363 г. был разрушен землетрясением. Отстроенный Сепфорис ещё несколько веков сохранял под византийским владычеством функцию еврейского духовного центра и окончательно утратил это значение лишь после арабского завоевания в VII в. В византийский период, помимо еврейского, росло христианское население города, строились многочисленные церкви, а христиане принимали участие в городском самоуправлении. На определённом этапе город был центром епархии.

Кесáрия - древний город, располагавшийся на средиземноморском побережье современного Израиля. Город был назван Иродом в честь римского императора Октавиана Августа, передавшего ему в дар ранее утерянные иудеями земли. Город также называли Caesarea maritima, а после окончательного превращения Иудеи в римскую провинцию Палестина, в употребление вошло ещё одно название Кесария Палестинская. В 31 г. до н.э. Август передал поселение иудейскому царю Ироду, который к 10 г. до н.э. полностью перестроил его, превратив в крупный портовый город. В течение I в. н.э. большую часть жителей составляли сирийские греки. Также в городе жило много богатых евреев.

---

[1] *Lewin. Ariel.* The Archaeology Of Ancient Judea And Palestine. Getty Publications, 2005. P. 33-204.

[2] *Панченко К.А.* Регионы и периферия Византии. Сирия и Палестина // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С. 192–197.

Отсюда арестованного апостола Павла отправляют в Рим. Кесария стала основным портом Палестины и часто упоминается в Новом Завете. После падения и разрушения Иерусалима, Кесария стала столицей Палестины, и её епископы пользовались значительным влиянием.

Вид на развалины древней Кесарии.

Городской порт был вырезан из участка побережья - это обеспечивало защиту от штормов и высоких волн. Порт Кесарии имел одну из самых впечатляющих гаваней того времени. Она была сооружена на побережье, не имеющем изначально никаких природных гаваней, и между тем, приобрела огромное коммерческое значение: она даже соперничала с гаванью Клеопатры в Александрии.

Театр.

Мозаичный пол в банях.

Акведук.

По мере того, как Кесария расширялась и повышался уровень жизни горожан (в частности, с построением бань), возникла необходимость в доставке в город дополнительной воды - уже из более отдалённых подземных источников. Для этого были построены две системы водоснабжения: «высокий» и «низкий» акведуки.

«Высокий» акведук состоял из трёх водоводных линий, построенных в разное время. Первая линия была построена, вероятно, во времена Ирода: она доставляла в город воду из источников Шуни, находившихся в 12 км к северо-востоку от Кесарии. Акведук опирался на дугообразные перекрытия, хорошо сохранившиеся до наших дней; уже на подходах к городу с севера, он пересекал небольшую гряду из песчаника по специально прорубленному в породе небольшому туннелю. Конечный участок первой линии проходил параллельно морю и входил в город с севера. На этом участке водный канал акведука был закрыт сверху каменным потолком-сводом, видимо, для того, чтобы ветер не заносил в воду прибрежный песок. Вторая линия была возведена во времена императора Адриана силами риских солдат, о чём свидетельствуют надписи, оставленные на каменных табличках вдоль акведука. Эта линия была значительно шире, чем первая, она несла воду из источников реки Танинним: сначала вода текла по специально вырытому в горной породе туннелю, длиной в 6 км, затем её нёс открытый акведук длиной в 5 км. Третья линия появилась в византийскую эпоху. Со временем, открытый участок второй линии акведука значительно просел из-за того, что был построен на болотистой почве. Чтобы возобновить доступ воды, эпоху поверх уже существующей второй линии акведука была надстроена новая, более высокая водоносная линия, а находящаяся под ней старая, просевшая линия была засыпана. «Низкий» акведук был сооружён в византийскую эпоху.

Во времена Византии город продолжил свой рост, в связи с чем потребовалось построить дополнительную водную артерию. Новый акведук доставлял воду из источников, находившихся в 5 км к северу. Так как эти источники были расположены ниже уровня города, строителям пришлось возвести несколько плотин, в которых вода поднималась на достаточный для дальнейшей транспортировки уровень. Вода текла по вырытому в песчанике каналу, закрытому каменным сводом на близких к берегу моря участках. В непосредственной близости к городу, канал проходил прямо под арками более древнего «высокого» акведука и вместе с ним пересекал городскую черту.

Хама́т-Гаде́р (Гадара) - урочище в долине реки Ярмук у южного подножия плато Голан (юго-восточнее Генисаретского озера). Название связано с наличием пяти горячих источников (42°С), обладающих целебными свойствами благодаря большой концентрации солей. В Гадаре был построен второй по величине в Римской империи купальный комплекс. Во II в. началось строительство бань X римским легионом. В античные времена посетителями купален были выдающиеся греческие философы и учителя, такие, как

Мелеагр и Филодем. Рядом с великолепными купальнями в римский период была построена синагога с прекрасным мозаичным полом. Гадера с ее горячими источниками была частью Декаполиса – района греческих городов. Здесь, на земле гадаринцев, Иисус и апостолы в течение долгого времени странствовали, исцеляли и проповедовали. До сих пор сохранились постройки римско-византийского периода. Некоторые из них были повреждены в VII в. и восстановлены при Омейядах[1].

Попадая под влияние то одних, то других стран, Палестина приобрела намного больше, чем она получила бы, развиваясь самостоятельно: архитектура, религия, литература и многое другое.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В ВИЗАНТИЙСКОМ РОМАНЕ ЕВМАТИЯ МАКРЕМВОЛИТА

О.С. Гринёва

При рассмотрении женского образа в Византии мы будем опираться на одно из наиболее известных произведений жанра позднеантично-византийского романа – «Повести об Исминии и Исмине», автором которого является Евматий Макремволит[2]. Это произведение создает яркий и характерный образ женщины. Несмотря на то, что автор основывается на античном материале, он вносит в него отдельные коррективы, тем самым, создавая новую, специфически византийскую атмосферу произведения в целом.

Данная повесть находится в тесной зависимости от романа Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт», как по сюжетной линии, так и по самому изложению. Но главное отличие «Повести» заключается в том, что она написана, исходя из новых эстетических запросов и для нового круга читателей.

В произведениях данного жанра женщина во многом выступает как символ души и разума, а также является очень религиозной и богобоязненной. Это в новых условиях является положительной характеристикой женщины и, возможно, немного возвышает ее относительно положения в обществе.

Также рассматривается отношение к религии. Если женщина язычница, то она зачастую описывается неприглядно. Такая женщина обязательно будет бесплодна и покинута мужем. Женщина же, принявшая христианство, отличается возложенной на нее особой благодатью: рождением многих сыновей, любовью и уважением мужа.

В рассматриваемом нами произведении герои подвластны волнующим их страстям, но, несмотря на это, женский образ и женщина в целом не осуждается и не рассматривается скептически. Она вызывает интерес и любопытство. Женщина представляется разумной, духовно сильной, целомудренной, послушной законам Божьим. Образ женщины изображает триумф любви. И эта любовь не осуждается, она не вызывает презрения и осуждения. Эта любовь является торжествующей.

Образ женщины не рассматривается только с практической стороны. Не подчеркивается исключительно ее способность к деторождению. Женщина выступает целостной личностью, и, несмотря на проделки и козни недоброжелателей и врагов, она духовно

---

[1] *Густерин П.Н.* А. Медников и его роль в истории арабистики // Православный Палестинский сборник. Вып. 107. М., 2011.

[2] Последнее издание: СПб.: Алетейя, 2009

очищается и выступает высокоморальной и символизирующей чистоту на строгий суд читателя.

Итак, в данном произведении, как и в других такого жанра, образ женщины достаточно возвышен. Она выступает символом любви и добродетели, символизируя собой чистоту, послушание и смирение, несмотря на испытываемые сильные страсти и чувства.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

СПАРТАК. БУНТ НЕПОКОРНЫХ (МАКС ГАЛЛО)

С.В. Алымова

Макс Галло - историк, биограф и политик, ставший писателем, чьему перу принадлежат более 80 произведений: романы, эссе, исторические исследования, статьи. Но имя ему сделали исторические романы, которые были переведены с французского и стали мировыми бестселлерами. Жестокие убийства, интриги, изощренная ложь, исторические коллизии и приключения – все это есть в его пенталогии «Римляне».

Первая книга из пенталогии Макса Галло - «Спартак. Бунт непокорных». Вновь история, любовь, героические подвиги и крайне простой язык. Книга о человеке, так мечтавшем стать гражданином Рима и бороться за его честь. О человеке, полностью разочаровавшемся в римских устоях и ставшего врагом империи. Кровавая история непокорности и неукротимого духа. Красивый пример лидерства, заставившего аморфную толпу сплотиться и пойти против сложившихся устоев. Спартак, на первый взгляд, всего лишь бывший гладиатор, заставил Рим впасть в панический ужас. «Он унижал и убивал преторов, консулов, их солдат, выступавших против него. Он оказался непобедимым, войска под его натиском обращались в бегство и Рим дрожал».

Автор дает главному герою «Бунта непокорных» царское происхождение, словно оправдывая этим незаурядные способности этого человека. Проданного в рабство Спартака римляне сделали гладиатором, обреченным на смерть, а ему суждено было стать «консулом рабов».

Трагедия этого, несомненно, талантливого и сильного человека в том, что его теория разошлась с практикой. Спартаку так и не удалось сделать из сбившегося в кучу сброда подобие римской когорты, способной воевать. «Стая жадных, голодных животных», «свора пьяных псов», «собаки» – это о них - решили идти напролом, оставляя за собой руины и горы трупов, наслаждаясь властью и свободой, которых были лишены. Недаром говорят, что из бывших рабов получаются самые жестокие хозяева! Их бесчинства показаны глазами одного из римских центурионов, и в своей жестокости восставшие едва ли уступают римлянам. Бывшие рабы, они верили, что теперь они свободны и безнаказанны. Спартаку и его ближайшему окружению приходится сдерживать их, тратить время и силы на наведение порядка и поддержание дисциплины в этом подобии войска… Лишь малая часть этой толпы соблюдала дисциплину, необходимую на войне.

Спартак приказал им учиться строиться в шеренги, маршировать и сражаться одной линией, чтобы производить впечатление единой армии, а не толпы вооруженных хулиганов. Но разве реально за несколько недель превратить стадо в армию, а рабов в солдат? Один из римских военачальников сравнил подготовку воина с ковкой меча. Для этого нужны годы. У Спартака не было времени выковать меч. Чтобы добиться послушания, вождю восставших рабов пришлось казнить одного из них для устрашения остальных, возомнивших, что война – это грабеж и бесчинства.

Спартак надеялся, что плебеи и бедные горожане присоединятся к рабам и восстание охватит Рим и провинции. Но надежды так и остались надеждами…

В «Бунте непокорных» показана жизнь гладиаторов и рабов, патрициев и торговцев, хотя автор явно не ставит своей целью дать исторически верное описание быта и нравов той эпохи. У него другие задачи. Для Макса Галло роман – это жанр гипотезы, в

который можно внедрить все элементы реальности, но отнюдь не только факты. Скользкий мрамор Сената, схватки гладиаторов не на жизнь, а на смерть, кровь и песок римских арен, любовь и предательство становятся мозаикой, причудливо выложенной автором.

«Те, о ком помнят, - не умирают...» Эту фразу вслед за Спартаком повторит Гай Фуск Салинатор, спасшийся во время восстания. Этот римлянин посчитает своим долгом рассказать потомкам о подвигах Спартака, свидетелем которых ему довелось стать. Чтобы трагедия «консула рабов» не была затоптана, погребена, уничтожена, как бы ни хотели этого римляне... Быть может, именно поэтому пескам истории не удалось поглотить кровь, пролитую за свободу. «Чтобы людям запомнились не только крики боли, кресты и проигранная война Спартака, но и для того, чтобы они не забывали о радости быть свободными, избегнуть участи животного и познать человеческую надежду."

Свое выступление хочется закончить эпиграфом данной книги: «Он был рабом. Гладиатором. Одним из тех, чьи тела рвут когти, кромсают зубы, пронзают рога обезумевших зверей. Одним из тех, чьи жизни зависят от прихоти разгоряченной кровью толпы. Как зверь, загнанный в угол, он рванулся к свободе. Несмотря ни на что. Он принес в жертву все: любовь, сострадание, друзей, саму жизнь. И тысячи пошли за ним. И среди них были не только воины. Среди них были прекрасные женщины. Разделившие его судьбу. Его дикую страсть, его безумный порыв».

КОЛИН МАККАЛОУ. «ЖЕНЩИНЫ ЦЕЗАРЯ»

А.А. Гречухина

Автор книги, которую я прочитала, Колин Маккалоу проживает в Австралии и является нашим современником. Многие знают ее произведение «Поющие в терновнике», и тем более восхищаются фильмом, созданным по этой книге.

Но я представлю ее другую, не менее насыщенную, великолепную книгу из цикла «Владыки Рима» - это Женщины Цезаря, которая была написана в 1996 –относительно недавно и уже покорила многие сердца интересующиеся античной литературой.

Для начала, хочется сказать, что эту книгу очень удобно читать. Маккалоу предусмотрела неудобства, которые могут возникнуть у читателя, и поместила в свою книгу всевозможные карты, изображения бюстов героев, словарь латинских слов и глоссарий. Читать такое произведение становится не только очень интересно, но и приятно, есть ощущение, что автор позаботился о том, чтобы было комфортно.

Если открыть не начало книги, а прочитать послесловие, то можно узнать о том, какую сложную работу провела Маккалоу, прежде чем писать книгу. И меня поразило то, как Маккалоу внимательно отнеслась к читателю в плане достоверности информации. Она не только допускала возможность неточностей (что вероятно в написании исторического романа), но и указывала на собственные, специально сделанные ею ошибки с объяснениями. Бесспорно, это подкупает. Ради сохранения логики изложения ею были допущены некоторые незначительные неточности в описаниях и хронологии, например такие, как диалог между Цицероном и Клодием во время сопровождения ими кандидатов на курульных выборах.

Есть люди, которые очень не любят, когда романизируют историю. Однако как способ исторического исследования роман может быть полезен – при условии, что автор тщательно ознакомился с реалиями того периода, о котором он пишет. Тринадцать лет до начала написания первой книги цикла – «Первый Человек в Риме» – и до сих пор, Макка-

лоу вела и ведет исследования в одном и том же направлении, перечитывая все касающееся темы, от древних источников до работ современных ученых.

Обычно романист работает, исходя из простых предпосылок: чтобы сюжет был понятен читателю. Это не так легко. Характеры всех исторических персонажей должны быть правдивыми – как с точки зрения истории, так и с точки зрения психологии. Например, ни в одном из древних источников Цезарь не упоминается как человек с причудами, несмотря на щегольские каймы на длинных рукавах его туники, которые он носил в молодости. О нем пишут как о человеке, который всегда поступает крайне разумно и обоснованно. Суд над Рабирием отдает если не капризом, то, по крайней мере, чистым озорством со стороны Цезаря. Кроме того, это говорит о его проницательности, особенно если он устроил суд над Рабирием для того, чтобы предупредить Цицерона, куда senatus consultum ultimum может завести старшего консула и Сенат. Некоторые ученые полагают, что это своеобразное предупреждение прозвучало еще до того, как случился мятеж Катилины, и были казнены без суда римские граждане. Цезарь являлся гением – да, но все же он не был наделен такого рода предвидением. Сперва он ждал событий, а потом действовал.

Проблема заключается в том, что наши интерпретации исторических событий склонны искажаться вследствие нашего знания о том, что произойдет после. Глядя на прошлое из будущего, мы знаем то, чего люди, действующие в данный момент, знать не могут. Мы ведь видим, как современные политики слепо бросаются от одного решения к другому, даже после хорошего совета и самокритичного анализа своих действий. Великие государственные деятели обладают предусмотрительностью, но даже самый великий из них не может видеть будущее так, как на это претендует провидец. Действительно, средний политик зрит не дальше следующих выборов. Особенно справедливо это утверждение по отношению к политикам поздней Римской Республики. Они жили в атмосфере постоянных войн, у них имелся только один год, за который они должны были успеть что-то совершить, чтобы быть замеченными. Они подвергались внезапным репрессиям со стороны своих политических противников, а отсутствие полноценных политических партий не давало возможности строить даже краткосрочные планы. Отдельные политики пытались планировать на годы вперед, но зачастую их собственные сторонники выступали против того, что казалось им узурпацией прав и идей других людей.

Если говорить об образах романа, то видно, что автор рада была приняться за жизнеописание именно женщин. Считается, что "Древний Рим - столица правящих мужчин" Но так ли это на самом деле? Женщины играли немаловажную роль в политике. И пусть у них не было права голоса, влияния их никто не лишал. С помощью своего положения в обществе, статуса, репутации они не только помогали правильной циркуляции слухов в городе, но и соблазняя одних мужчин, действовать во благо себе или своему окружению.

Интриги, которые плелись вокруг знатных домов в Риме, играли немаловажную роль в жизни всего города и нередко даже вершили судьбы начинающих и опытных политиков и воинов. Если у мужчин было распространено ораторство, как способ достижения цели, то у женщин ничего не происходило без доли хитрости и коварства.

Здесь каждый выживал, как мог. Цезарь - не исключение. Это именно он - властный, рассудительный, расчетливый, великодушный. Его холодный рассудок всегда предшествовал горячим эмоциям и сердцу. А может, и не совсем так.

Любовь делала его уязвимым, а Цезарь это ненавидел.

Именно о слабости Гая Юлия в книге и пойдет речь. Женщины окружали его постоянно - мудрая мать, наивная Юлия, несколько жен, многочисленные знакомые. Цезарь

редко изменял своим принципам и постоянно использовал их в своих интересах. Его желали и им восхищались, однако сам он редко попадал в сети Амура.

Однако книга состоит не только из любовных похождений. Огромное влияние здесь уделено именно политике. Известные еще с детства герои оживают перед читателем, и от этого чтение становится более увлекательным.

А что же с женщинами? Женщины Цезаря - это его мудрая мать Аврелия, его дочь Юлия, весталки, для которых он стал pater familias и Сервиллия, мать Брута... А чтобы узнать какое место в жизни Цезаря занимала каждая из них, стоит прочитать эту книгу.

ФИЛИПП ГРИФФИН. «КОРОЛЕВА ЛЕГИОНОВ АФИНЫ»

А.А. Казначеева

Автором романа «Королева легионов Афины» является Филипп Гриффин. Исторический роман «Королева легионов Афины» в 2006 г. в категории «Историческая литература» завоевал бронзовую медаль в Независимом издателе.

Как известно, в V вв. н.э. над Римской империей нависла угроза со стороны варварских племен. Принцесса Урсула – главная героиня романа вынуждена защищать своими силами территорию Британии от саксов, пиктов и кельтов, поскольку мужчины в это время воевали вне территории на стороне Рима. Для того чтобы выйти из затруднительного положения, британская принцесса Урсула собирает армию из двадцати тысяч девушек и обеспечивает охрану границ Британии.

Когда крушение Рима становится неизбежным, принцесса возглавляет женское войско в поход в Италию на Великую Свадьбу Легионов. Однако её планы не осуществляются. В начале похода Урсула со своими воительницами сталкивается с полчищами гуннов. Великая Свадьба Легионов ставится под угрозой, тем более, что войско мужчин в Риме преследуют неудачи, а главная героиня романа узнает о гибели своего возлюбленного Константа. Последний эпизод рассказывает нам о решительном и хитроумном плане британской принцессы, который ей был и осуществлен.

Сейчас на месте страшных событий, происходивших приблизительно в IV–V вв., в немецком городе Кельне на Урсула-плац стоит церковь Святой Урсулы. Необходимо отметить, что на территории старинного Кельна в те времена происходило много кровавых событий и, лишь единицы из них были зафиксированы в хрониках. Не каждая трагедия стала предметом подробного рассказа. В Золотой палате церкви Кельна находятся останки женщин, принявших мученическую смерть.

В стене вмурован камень Клематия с надписью, которая плохо поддается расшифровке. Скорее всего, она была сделана после самих страшных событий. В историческом романе упоминается имя реально существовавшего человека – Клематия, однако нет информации о том, кем были эти воительницы и как оказались в тех местах. Однако уже этот факт свидетельствует о реально произошедшем событии, в результате которого погибли тысячи женщин.

Папские духовники, после пребывания гагиографов из Ватикана, услышав от местного населения эту историю, предложили свою версию событий. Именно так появилась «Святая Урсула», которая решительно повела одиннадцать тысяч женщин на мученическую смерть. Немецкие исследователи, в отличие от духовников, обратили внимание на то, что женщины были хорошо вооружены, умели ездить верхом и были знакомы с искусством ведения боя. Священники не стали отрицать этот факт, поэтому на иконах Урсула изображена с колчаном стрел.

По мнению Филиппа Гриффина, истина и заключается в том, что она утеряна. Для нас до сих пор остается загадкой, кто были эти женщины и что в результате с ними произошло. Тем не менее, автор романа «Королева Легионов Афины» попытался воедино собрать обрывки донесенного до нас историей с основными постулатами легенды об Урсуле. В романе также упоминаются и другие имена: Пинноса, Бриттола, Марта, Саула и Кордула. Однако, автор с уверенностью утверждает, что это реальные личности, поскольку эти имена дошли в образцах устного народного творчества, а затем были записаны папскими духовниками.

Таким образом, исторический роман Филиппа Гриффина «Королева Легионов Афины», несомненно, самое популярное произведение начала XXI века, повествующее о подвиге британской принцессы Урсулы, которая повела армию женщин на Континент и приняла ужасную смерть от рук гуннов. Однако, несмотря на многочисленные исторические факты о существовании женщин-воительниц, роман все-таки является лишь образцом художественной литературы.

И.А. ЕФРЕМОВ. «ЭЛЛИНСКИЙ СЕКРЕТ»

С.В. Бабаян

Я хотела бы познакомить вас с рассказом замечательного писателя Ивана Ефремова «Эллинский секрет». Данный рассказ - второе литературное произведение, написанное в 1942 году в серии «Рассказов о необыкновенном». В его основе лежала идея «генной» памяти, которая производила мистическое впечатление. Далее эта идея преобразовывалась и была окончательно сформулирована в романе «Лезвием бритвы». Иван Антонович Ефремов (9 апреля 1908 - 5 октября 1972 г.) - русский советский писатель - фантаст, учёный - палеонтолог, социальный мыслитель. «Эллинский секрет» был написан во время войны, все созданные серии рассказов сочетали в себе научную фантастику и приключения.

Главными героями являются профессор Израиль Абрамович Файнциммер и лейтенант Виктор Филиппович Леонтьев. Повествование начинается с благодарности профессора гостям, которые в трудные времена не забыли его поздравить с юбилеем. После Файнциммер начинает рассказывать необычайный случай из жизни. Он занимается исследованием человеческого мозга и работы психики. Его основным направлением была психофизиология мозга. Изучал процессы памяти, выяснял ее природу. И, как любой ученый, в тайне мечтает сделать открытие в области науки.

Суть его открытия заключалась в нахождении фактов, доказывающих передачу отпечатков памяти по наследству, из поколения в поколение. Вся его работа была направлена на поиск опытом доказанных фактов.

И вот к нему обращается лейтенант Леонтьев, прошедший войну и получивший ранение в руку. Леонтьев - скульптор, и больше всего в своей жизни он желает запечатлеть в слоновой кости облик своей возлюбленной, но разные видения и галлюцинации о Древней Элладе пугают его.

Что это? Опыт его предков? Наследие старины? Он не знает. Для профессора Файнциммера же это шанс доказать существование памяти, что передаётся из поколения в поколение.

Постоянные образы в голове Леонтьева, которые выстраивались как картинки, появлялись отрывками, моментами. Каждое следующее видение продолжало предыдущее. И тогда у профессора возникла идея, что они могут быть каким-то образом связаны

между собой, иметь что-то общее. Действительно, каждое следующее видение продолжало предыдущее, дополняло его. Файнциммера волновал вопрос, связанный с родословной лейтенанта, с его предками. Поговорив об этом с Леонтьевым и узнав, что родители его деда были с Кипра, после чего переселились в Грецию, а потом уже в Россию, Крым его предположение оказалось верным. Задача была ясна, и теперь необходимо было лишь усилить проявления памяти поколений до какого-то предела, значимого для самого Леонтьева. Теперь стало ясно, что и идея создать статую возникла именно у него - неслучайна. Оставалось лишь ждать... и вот через пару дней Леонтьев сообщил о том, что он наконец-то смог войти в тот дворец, то здание, которое постоянно видел. Внутри были статуи, сосуды, столики. Это и была мастерская скульпторов. Спустя 2 дня он вновь позвонил профессору и сказал, что его странствия по древнему миру кончились. Встретившись, Леонтьев показал профессору большой лист бумаги, покрытый непонятными знаками. Их он увидел в своем новом видении: лежала квадратная плита из гладкой меди, покрытая знаками, а рядом - кинжал и стеклянная чаша. Профессор, еще раз уточнив, что это именно Эллада, решил отправиться к ученому, эллинисту. Мастер принялся смотреть материал, и сделал вывод, что этот отрывок написан наиболее древним для Эллады способом. Ему удалось сразу перевести название: Скульптур по слоновой кости. Тогда эллинист рассказал, что в древней Элладе художники знали секрет делать слоновую кость мягкой и благодаря этому лепили совершенные произведения, но этот секрет был безвозвратно утрачен... Содержание отрывка: химический рецепт этого средства. Получается, что художник вспомнил этот утраченный рецепт через десятки поколений. Ученый был удивлен, услышав всю историю Леонтьева.

После профессор рассказал все своему пациенту и было ясно, что огромное желание создать статую Ирины, воля и напряжение всех сил помогли ему вызвать из области подсознательного картины древней зрительной памяти. Художник был счастлив, так как он сможет теперь осуществить свою мечту.

Спустя некоторое время Леонтьев вместе с Ириной пришли к профессору. Он рассказал, что его статуя уже готова, и он посвятил ее науке.

Видимо, это первое произведение Ефремова, в котором он обращается к столь важной в его творчестве теме античности. Формально главная фантастическая идея произведения, на которой и построен сюжет, – это гипотеза о так называемой памяти поколений.

Однако можно выделить еще один вопрос, который встаёт перед многими, кто соприкасается с античным искусством, конкретнее – с древнегреческой скульптурой: возможно ли в современном мире возрождение искусства того высочайшего эстетического уровня, который был характерен для античности? И более широко: возможна ли – в будущем человечества – реализация тех высоких представлений о физической и духовной красоте человека, которые воплощены в лучших образцах классической античной скульптуры?

В своём рассказе Ефремов фактически допускает возможность хотя бы частичного приближения к этой цели.

Обратимся к истории: рассказ был написан в годы войны. У писателя было естественное стремление сказать — несмотря ни на что, мы победим, мы отстроим наш мир, мы будем творить! Все беды уйдут, останется только прекрасное! И все будет хорошо, потому что за нами - наши предки, которые помогут нам, дадут силы, подскажут, как решить проблемы.

Описываемые события можно понимать, в частности, как глубокую веру в победу, недаром герой-скульптор является боевым офицером, находящимся в тылу по причине серьёзного ранения.

Несмотря на свою фантастичность, данная история подаётся автором как реальный случай, который просто произошёл. И рассказывается всё, как было. И никаких ненужных подробностей, всё обыкновенно и достоверно — очевидец рассказывает об увиденном.

Таким образом, И.А. Ефремов отметил глубочайшую взаимосвязь жизненных обстоятельств: "И в человеческом существовании незаметные совпадения, давно наметившиеся сцепления обстоятельств, тонкие нити, соединяющие те или иные случайности, вырастают в накрепко спаянную логическую цепь... Если проследить всю цепь, а затем распутать начальные ее нити, можно прийти к некоему отправному моменту, послужившему как бы спусковым крючком или замыкающей кнопкой".

Такой логической цепью и была жизнь этого удивительного человека, созданная его собственной волей. А его "кнопкой" были тяга к знаниям и неистребимый интерес к новому, неизвестному, воспитанные книгами в детстве и юности.

Он прожил всего 65 лет, но сумел за это короткое время прожить десятки ярких, насыщенных жизней и осуществил мечту детства - проник в неведомое, объял мыслью время и весь мир! Таким он навсегда и останется в памяти людей. Иван Антонович Ефремов - Человек, проложивший дорогу через прошлое к будущему.

ЯН ПАРАНДОВСКИЙ. «ЭРОС НА ОЛИМПЕ»

Н.Е. Третьякова

Ян Парандовский – польский писатель. Автор с юности увлекался греческой мифологией. Однако, на протяжении жизни, говорил, что знания его не являются знаниями [illegible] чого. Он всегда старался избегать научного анализа мифов. В свою же очередь создавал на основе греческих мифов свои новеллы, «творчески осмысляя и излагая в прекрасной литературной форме». Известность автор приобрел после издания книги «Мифология», предназначенной для юного читателя. А взрослому читателю, в свою очередь, адресовал слегка шутливое дополнение к «Мифологии» - «Эрос на Олимпе». Как говорил сам Парандовский: «Когда неполных два года назад я работал над «Мифологией», я с сожалением увидел, как много необычайно интересного материала не смогло попасть в мою книгу из высших педагогических соображений. И когда меня коробило при кастрировании греческих мифов, я брал ту или иную историю и ради собственного удовольствия развертывал ее в рассказ, наполненный старыми образами и новыми домыслами». В этой книге автор сосредоточил внимание на любовных приключениях олимпийских богов. Описаны, в частности, похождения Зевса и интриги его ревнивой супруги Геры, роман Арея и Афродиты, тринадцатый подвиг Геракла, приключения козлоногого бога Пана и живописное шествие Диониса.

Вы конечно можете спросить, почему столь много внимания автор отводит «любовным приключениям» героев и богов Олимпа? Ответ на этот вопрос кроется в самой первой новелле под названием «Эрос на Олимпе». Парандовский отходит от классического Пантеона, и, вместо Зевса –всевластного повелителя, ставит на самую вершину Эроса – бога Любви. И если подумать, то со стороны обычного читателя, это действительно так. Ведь Эросу подвластны все: боги, цветы, люди, звери…Я думаю, здесь можно бесконечно перечислять. «Эрос – четыре буквы, в которых заключен весь ритм жизни»! Эроса представляли красивым мальчиком с крыльями, он летал, где хотел, имея всегда с собой маленький лук и колчан, наполненный стрелами. Стрелы его были двух видов:

золотые, которые очень быстро разжигали чувство, и оловянные, которые закрывали сердце от любви.

И не было такого существа, неподвластного Эросу. Но вот парадокс. Сколько храмов стоит Посейдону - повелителю морей; Афродите – богине красоты; Деметре – богине плодородия. А у Эроса нет храмов. Один только стоит в Беотии, в котором черный таинственный камень хранит его имя. Не нуждается он в каменных святынях, потому что любое сердце – божье или человеческое – его храм. Другим богам несут жертвы на алтарь, а у Эроса нет таких алтарей. «Для него каждодневными излияниями льются слезы возлюбленных, для него расцветают незабудки первых поцелуев, для него блестят влажные глаза в святилищах любовных ночей, и к нему, срываясь с губ, устремляются молитвы, движимые тайными страстями».

Как же точно удалось Парандовскому провести эту красную ниточку значимости и важности Эроса, что и самому думается о том, что над всем Олимпом, на самой вершине должен восседать Эрос, господствующий как над внешней природой, так и над нравственным миром людей и богов, управляя их сердцем и волей.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. ЛАДИНСКОГО «В ДНИ КАРАКАЛЛЫ»

Д.В. Наумов

Роман русского писателя «первой волны» эмиграции Антонина Петровича Ладинского «В дни Каракаллы» (во Франции вышел под названием XV легион) переносит читателя в мир Римской империи III века. Повествование ведется от лица неизвестного мальчика из греческого города Томы на побережье Черного моря, находящегося на периферии античного мира. Юноша (имени которого мы так и не узнаем) никогда и не помышлял когда-нибудь выбрать за пределы своего городка, зная об остальном мире лишь по рассказам бродячего философа Аполлодора. Философ сумел перевернуть детское восприятие мира главного героя и передать ему свой философский взгляд на вещи – «…старый безбожник разрушил мою детскую веру в небожителей, и я пустился в житейское плавание с душою, освобожденной от жалких предрассудков и ложных суеверий…». Размеренная жизнь античного города, как и привычная жизнь главного героя, была нарушена прибытием в один летний солнечный день римского корабля «Амфитрида». Приплывший римский посланник привез жителям города эдикт императора Каракаллы, изданный в 212 г. н.э. Этот документ даровал всем свободным жителям римских провинций права римских граждан. Но простым людям он не сулил ничего хорошего, а облагал лишь новыми налогами в пользу империи. Мудрый Аполлодор объяснял это одному из жителей города: «Ты будешь платить новые налоги, коих до сих пор, как провинциал, не вносил в сокровищницу августа».

Вскоре необходимость заставила администрацию городка направить гонца в Рим, и этим гонцом стал главный герой. С этого момента начинается его длительное путешествие по Римской империи. Юноша сталкивается с разными людьми, разными испытаниями, многое из увиденного им заставляет его пересмотреть свои прежние взгляды, но вместе с тем, уроки Аполлодора позволяют герою разбираться в жизненных хитросплетениях. По пути в Рим герой вынужден пристать к римских легионам, идущим для защиты границ, от неожиданно напавших варваров. Юноша видит отчаянную борьбу варварских племен, желавших перебраться на римскую территорию и таким образом спастись от более жестоких соседей.

Попав ко двору римского императора, юноша знакомится со многими людьми, особенно яркое впечатление на него произвел поэт Вергилиан, с которыми они стали друзьями. Благодаря его словам, главный герой впервые начинает задумываться о тех причинах, которые в конечном счете приведут Рим к краху и которые начинают проявляться в это время. «Глупцы», слывущие за философов обрекают Рим на гибель – так считает придворный поэт. За время своего путешествия юноша посещает самые отдаленные уголки империи, знакомится с разными людьми. Прежние горизонты мира для провинциала расширяются до невероятных размеров, скромный юноша получил необыкновенную возможность увидеть целый мир, которым и была в то время Римская империя. Герой увидел Олимп и пирамиды, Тир и Сидон, Антиохию и Иерусалим и многие другие города. Он побывал в Александрии, Карфагене и Парфии, «в Арморике слышал, как шумит океан, и в Галлии смотрел на блаженные розоватые побережья и оливковые рощи».

Глазами юного героя перед нами предстает Римская империя того времени, со всеми ее городами и провинциями, многими народами населявшими ее. Главный герой, несмотря на свою молодость, видит проблемы современного ему общества и за кажущимся великолепием и нерушимостью Рима, он видит первые признаки заката некогда могущественной империи.

РОБЕРТ ХАРРИС. «ПОМПЕИ»

Е.Д. Козьякова

Роберт Харрис родился в английском г. Ноттингеме. Окончил Селвин-колледж в Кембридже. Работал журналистом ВВС и политическим редактором в газетах. В произведении «Помпеи» перед читателем предстает побережье Неаполитанского залива за три дня до извержения вулкана Везувия в I веке нашей эры. Можно сказать, что речь идет не только о самих Помпеях, а обо всех городах, лежащих недалеко от Везувия, которым суждено на себе испытать страшные силы природы. Что же касается жанра, то точно назвать его, пожалуй, не получится. Основным событием является сама катастрофа извержения. Но в данном произведении можно увидеть и детективную линию, и любовную. Здесь читатель может увидеть подробнейшее описание системы водоснабжения Римской империи, жизнь и взаимоотношения разных слоев населения, рассмотренных с разнообразных ракурсов. Интересно описание и самого быта того времени: это и одежда, и разнообразные интерьеры, и беседы. Сама жизнь того времени показывается в живописных красках. Сюжет держит читателя в напряжении от начала и до конца за счет наличия загадок и тайн.

Одним из важных моментов этого произведения можно назвать и внедрение в придуманный сюжет реальных исторических персонажей: так одним из них можно назвать римского историка Гая Плиния Старшего, который так на самом деле погиб во время извержения на побережье в Стабиях.

Повествование начинается за пару дней до извержения Везувия, и основной линией, которая идет через весь сюжет до момента начала катастрофы, служит сюжет с починкой Римского водопровода. Читатель может увидеть подробное описание того, как организовано водоснабжение в Римской империи. И может даже показаться, что Римский водопровод является одной из самых невообразимых и лучших вещей, созданным человеком когда - либо.

Первая часть книги – это собственно жизнь до извержения. Показан город Мизены, жара, роскошная жизнь и бедность, жизнь и смерть, рабы и хозяева. И каждый имеет

свою историю, свою внутреннюю трагедию, свою заботу. Весь народ занимается своими ежедневными делами, ищут решения возникающих проблем, и даже не догадываются о том, какое страшное испытание подкинет им природа. Описание производит сильнейшее впечатление, и читая, невольно начинаешь сопереживать героям.

Так сложилось, что главный акведук Аква Августа пересох на пути от Помпей к Неаполю, и прибывший акварий – Аттилий должен в скором порядке найти неисправность, и устранить ее. И пока Аттилий занимается починкой водопровода, он должен разобраться в том, куда пропал предыдущий акварий, который работал на том участке; должен оказаться в Помпеях во время праздника в честь Вулкана; так же встретить фактического правителя города Амплиата; а так же познакомиться с дочкой этого правителя - Корелией. И, что самое интересное, такие насыщенные события происходит в какие-то три дня.

На протяжении этих дней, автор красочно показывает знаки, которые дает природа. Люди не могут разгадать их, потому что были устремлены взглядами в будущее. Эти описания настолько захватывающие и одновременно страшные, что остается только удивляться – как можно было не заметить таких предзнаменований беды! Это и вода, с примесью серы, и жуткий грохот, исходящий из-под земли, и пепел без огня. Не сопереживать в итоге, просто не получается.

Помпеи того времени – это небольшой зажиточный городок, которым управляет Нумерий Попидий Ампиаст, который разбогател на строительных подрядах вольноотпущенных. Он держит в руках всю городскую верхушку. Прежний акварий был на содержании у Ампиаста, и Аттилий случайно узнает, какое огромное количество кубометров воды незаконно изымалось самим Ампиастом из императорских резервуаров. Но природа и Везувий изменяет не только ландшафт, но и судьбы героев произведения.

Второй частью можно назвать непосредственно само извержение. Казалось бы, беспечный отдых и жизнь людей, ничего не подозревающих о буйствах стихии, прерывается страшным событием. Люди, не подозревающие о таких событиях и спокойно жившие в благоприятном климате, попадают под извержение вулкана. Мало кто в полной мере понимает, чем на самом деле опасна разбушевавшаяся стихия, и как спастись от этой напасти. Описание самого извержения и землетрясения показывается настолько детально, что вызывает ощущение реальности происходящего. Атмосфера, созданная автором, заставляет сопереживать героям.

Жители мало понимают, чем вызвано такое страшное природное явление, и предполагают совершенно странные, казалось бы, оправдания стихии стихии. Так, например, как говорил Плиний: *"Быть может, это земля наказывает нас за жадность и эгоизм, подумал префект. Мы постоянно мучаем ее железом и деревом, огнем и камнем. Мы вкапываемся в нее и сваливаем ее в море. Мы долбим в ней шахты и выволакиваем оттуда ее внутренности, и все ради того, чтобы надеть на чей-то красивый пальчик кольцо в драгоценным камнем. Так как же мы можем обвинять землю за то, что ее временами трясет от гнева?"* Даже сейчас современные люди до конца не могут объяснить точные причины извержений, то что можно говорить о людях, живших в I веке нашей эры?

И в заключение, хочется сказать, что книгу можно назвать познавательной. В книге выбран непростой путь, попытаться восстановить картину исторических событий, показать, как реагировали разные слои населения, их эмоции и чувства перед лицом страшной катастрофы. И автору, я считаю, удается окунуть читателя в прошлое событие, подобрать такие слова в описании, которые бы заставляли не отрываться от повествования.

«ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ПОМПЕЙ» Э. БУЛЬВЕР-ЛИТТОНА

Д.Е. Богданов

Каждый раз, открывая художественную книгу, читатель готовится к путешествию в творение авторской фантазии – миры воинов и магов, покорителей далёкого космоса или рыцарей, сражающихся за любовь прекрасной дамы. Он сострадает героям и становится свидетелем разворачивающегося на страницах книги действа – он верит в то, что это происходит.

К сожалению, не всякий автор может наградить своего читателя ощущением реальности описанного – Эдвард Бульвер (титул барона Литтона он получил через 10 лет после написания книги «Последние дни Помпей») справился с этой задачей в совершенстве.

В 1833 г. молодой англичанин, автор нашумевшего романа «Пелэм, или Приключения джентльмена», посетил юг Италии и, конечно же, не мог не посетить Помпеи, расположенные неподалёку от Неаполя. Спровоцировало его интерес и то, что как раз в это время живописец Карл Брюллов завершил работу над картиной «Последний день Помпеи», которой восхищалась вся Европа, а в Италии вместо приветствия даже задавали вопрос: «Вы уже видели картину русского художника Брюллова?». Бульвер увлекся Помпеями: исходил вдоль и поперек все раскопанные объекты, изучая каждую надпись и каждое изображение, стал постоянным посетителем Неаполитанского королевского музея, в котором хранилась большая часть археологических находок, и увлеченно читал труды своих современников и римских авторов, узнавая детали быта древних помпеян.

Главным персонажем произведения является добросердечный афинянин Главк, влюблённый в красавицу Иону. Их счастью препятствует алчный египетский жрец Арбак, опекун Ионы. Важным персонажем также является слепая рабыня-торговка Нидия, которой Главк выкупил свободу.

Это произведение точно передаёт социальную структуру древнеримского общества, чётко отделяя богатых и знатных от бедных и рабов. Представитель первых, Главк, к примеру, живёт в собственном роскошном доме, который, по описанию, соответствует дому трагического поэта в Помпеях, в то время как раб, развлекающий его друзей песнями на пиру, влачит жалкое существование.

Многие из героев «Последних дней Помпеи» ощущают скорую катастрофу: они взволнованы, погружены в себя и с унынием размышляют о будущем. Везувий неспокоен, но люди не спешат покинуть столь любимый город, ожидая, видимо, что их его гнев не коснётся, как то было раньше. Они продолжают заниматься своими привычными делами, искать своё счастье и хотят жить, наслаждаясь каждым днём. Их планам не суждено сбыться – наступает 23 августа 79 года…

Нельзя сказать, что произведение Эдварда Бульвера является в полной мере исторической реконструкцией, поскольку в тексте эпизодически появляется всего один реально существовавший персонаж – Плиний Старший, однако, автору удалось вплоть до мельчайших деталей воссоздать трапезу аристократов, жреческие обряды и, конечно, римские термы.

Всякий решивший посетить Помпеи может повторить маршрут героев книги, увидеть описанные автором фрески и мозаики, войти в тот самый храм, жрецом которого был коварный Арбак. Визит в Помпеи – город, где время однажды остановилось, оставляет неизгладимое впечатление – ощущение путешествия в прошлое, ощущение погружения в вечность.

Каждый день героев книги «Последние дни Помпеи» мог быть прожит ими в действительности – они идут по улицам, которые может увидеть каждый, и используют предметы, выставленные в музеях. Они – фантазия, но самая реальная. Они зовут увидеть мир, который был. Они – лишь тени исторической действительности в одеянии художественного вымысла.

П.А. ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ. «РОКСОЛАНА»

М.Ю. Лопатина

Павел Архипович Загребельный (25 августа 1924 г., с. Солошино Полтавской области - 3 февраля 2009 г., Киев) - знаменитый украинский писатель, Герой Украины, лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии УССР имени Т.Г. Шевченко.

П. Загребельный является автором многих рассказов, повестей, исторических романов. Однако наибольшую известность и популярность среди читателей завоевал роман "Роксолана", написанный им в 1980 г.

Здесь он повествует об удивительной судьбе украинской девушки Настасьи Лисовской, угнанной в XVI веке с Украины и проданной на стамбульском невольничьем рынке в рабство. Обладая блестящим умом, необыкновенной силой воли и привлекательной внешностью, она из бесправной рабыни стала женой султана Сулеймана Великолепного (Завоевателя) – самого могущественного султана Османской империи. Овладев вершинами тогдашней восточной и европейской культуры, эта знаменитая женщина под именем Роксоланы вошла в историю и играла значительную роль в политической жизни своего времени.

Первая половина XVI в. была временем, когда турки вместе с подвластными им татарами беспощадно грабили территории юго-восточной Европы. «Священная война» мусульман за свою веру имела целью порабощение христиан и оправдывала любые злодеяния. В 1512 г. волна опустошительных набегов докатилась и до современной Западной Украины, которая находилась тогда под властью Речи Посполитой. Разорение и горе, принесенное ими, были так велики, что до сих пор живут в фольклоре зарубками памяти о турецкой неволе и образе лютого врага. Через всю Украину тянулись скорбные дороги невольников - в крымский город Кафу (современная Феодосия), на самый большой рынок рабов, а затем через море - в Стамбул. Этот путь проделала в числе других полонянок и девочка, поповская дочь из городка Рогатин Настя Лисовская. Автор удивительнейшим образом описывает внешность и характер Настасьи: «молодая белотелая девчушка с волосами червонного золота, отливающими огнем потусторонним, пятнадцатилетняя, дерзкая, непокорная, смешливая и беззаботная!»

На рынке в Стамбуле её выкупил Ибрагим – визирь султана Сулеймана, изначально в свой гарем, но затем передал её в гарем Топкапы, в подарок султану. Именно в этом месте и начнётся дальнейшее возвышение Настасьи, правда не сразу. Она получит имя Хюррем, что означает весёлая, смеющаяся. Родит падишаху сына (и не одного!). Станет главным помощником Сулеймана в политических делах. Вся её деятельность будет направлена на возвышение в гареме, самообразование (она много времени проводила в библиотеке, читая книги), строительство различных зданий и сооружений в Стамбуле. Наибольшей известностью пользовался район Стамбула между Аксараем и Фатихом (бывший Аврет-базар), названный в честь Султанши и сохранившийся до нашего времени.

Что касается дел сердечных, то П. Загребельный показывает, как Хюррем любила и в то же время ненавидела Сулеймана. Ненависть эта заключалась в порабощении и постоянном воспоминании о своём народе, какой мучительной каре он подвергается.

И умирая, она радовалась, что наконец-то обретёт свободу, освободится от гнета и насилия. Павел Архипович так выразил свои мысли: «Она умерла не от времени, а от страданий... Только росы и дожди будут находить дорогу к похороненной под исламским камнем этой удивительной, тяжко одинокой и после смерти женщине, которая не затерялась и не затеряется даже в век титанов!».

Собственно, роман - это история борьбы никому не известной девушки и женщины за свою личность, за то, чтобы уцелеть, сохранить и уберечь себя, а затем вознестись над окружением, быть может, и над всем миром.

С исторической точки зрения, данное произведение трудно назвать достоверным. Действия и события, описываемые в романе, не всегда соответствуют исторической действительности. Наблюдается и путаница с историческими персонажами (например, что не Ибрагим, а Рустем-паша подарил Роксолану Сулейману I). Но это отнюдь не уменьшает ценности произведения. Так как в этом вопросе стоит учитывать 2 аспекта:

1) Во-первых, отсутствую достоверные исторические факты (нет точных сведений об имени девушки, о её внешности, характере, семье, родине). Историки опираются в большинстве случаев на рассказы послов, бывавшие в те времена в Топкапы. Да и гарем, в котором провела большую часть своей жизни Роксолана – это покрытая мраком и тайной история.

2) Во-вторых, это свободный исторический роман, а не научный труд. Поэтому упрекать автора в тех или иных вопросах достоверности, на мой взгляд, излишне.

РЕЦЕНЗИИ

ЖИВОЙ КОНСТАНТИНОПОЛЬ
(ИВАНОВ С.А. В ПОИСКАХ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. М., 2011. 752 с.)

А.М. Болгова, Н.Н. Болгов

Один из крупнейших отечественных византинистов Сергей Аркадьевич Иванов[1] выпустил уникальную книгу, которую он писал более 10 лет. В традиционную форму путеводителя он вложил совершенно новое содержание и попытался рассказать со всей наглядностью, где и как увидеть в современном Стамбуле или, точнее, сквозь современный Стамбул, византийскую столицу – Царьград, Константинополь[2].

Замысел книги и ее исполнение дают для начинающего ученого (аспиранта, студента) практически исчерпывающую информацию о тех памятниках, которые сохранились в современном инокультурном мегаполисе. Собственно, и опытный специалист там найдет для себя много интересного[3].

Константинополь и его древности находятся в уникальном положении. Если древности Афин или Рима, несмотря на нахождение среди современного города, принадлежат, в общем-то, той же культуре, ее потомкам и наследникам, как и древности Северного Причерноморья для России и Украины, то Константинополь поглощен иной культурой, иной цивилизацией. Геополитические устремления Российской империи вплоть до 1917 г. в отношении Царьграда, как известно, не осуществились. Вряд ли они осуществятся и в обозримом будущем. Поэтому ныне, в XXI веке, особенно остро встает вопрос актуализации культурного наследия, находящегося в иной среде.

Избранная автором форма повествования, помимо того, что книга очень полезна специалистам, позволяет обратиться и к широким кругам «путешественников», которые во все большем количестве посещают Стамбул. Расширение интереса к Византии, несомненно, полезно для формирования исторического сознания.

Книга состоит из 16 глав, рассказывающих об основных памятниках Нового Рима и его окрестностей. В нее включены также указатели имен и терминов, дан список императоров, генеалогические таблицы, а также расписание работы музеев (с. 734).

---

[1] *Иванов С.А.* Византийское миссионерство. М., 2003; *Иванов С.А.* Византийское юродство. М., 1995; *Ivanov S.* Holy fools in Byzantium and Beyond. Oxf., 2006 и др.

[2] Элементы такого подхода (по крайней мере, иллюстрации, реконструкции) были использованы нами в кн.: *Иваницкая Я.Ю., Болгов Н.Н.* Античные памятники Константинополя. Белгород, 2011.

[3] Отдаленный аналог, впрочем, не акцентирующий внимание на сопоставление византийских памятников и топографии Стамбула: Byzantine Constantinople: Monuments, Topography and Everyday Life / Ed. N. Necipoglu. Leiden, 2001.

Издание снабжено огромным количеством иллюстраций, карт и схем. Каждая глава сопровождается списком литературы.

Хронологический принцип в изложении материала уступает топографическому, то есть, памятники описываются по районам города. Такой метод, «хронотоп», был использован в свое время авторами книги об античном и византийском Херсонесе Таврическом[1], с той разницей, что над Херсонесом практически нет нового города. Тем не менее, акцент по памятникам сделан в пользу ранневизантийского периода, и это не случайно в силу их большей древности и важности в формировании городского облика Константинополя.

Конечно, для специалиста было бы лучше, если многочисленные цитаты из источников сопровождались бы ссылками на цитированные места, но и без этого в принципе можно обойтись. При необходимости эти места достаточно легко устанавливаются.

Личное знакомство с византийскими памятниками Константинополя, хотя и очень кратко, смогли установить и преподаватели, и студенты кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения. Во время перелета в Рим и пересадки в аэропорту Стамбула, несмотря на краткость времени, группа участников I Школы археологических и гуманитарных исследований в Италии совершили поездку в центр Стамбула, район св. Софии, и смогла пока, по крайней мере, в буквальном смысле прикоснуться к памятникам (октябрь 2012 г.). Будем надеяться, что в недалеком будущем это знакомство будет более основательным и научно-специальным.

Таким образом, книга С.А. Иванова совершенно необходима всем изучающим историю Византии. И современная относительная доступность Стамбула (еще 20-25 лет назад частная поездка туда была совершенно невозможна, 10-15 лет назад – непосильна финансово) делает ее в высшей степени актуальной и полезной.

Новый Рим предстает в этой книге совершенно живым в совокупности всех своих памятников. И вывод, который делает читатель, заключается в том, что древностей здесь сохранилось совсем не мало, ничуть не меньше, чем в Европе. Фактор же инокультурности в современных условиях отходит на второй план. А это значит, что Царьград впервые за последние 6 столетий вновь становится ближе нам, россиянам.

---

[1] *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000

ПЕРЕВОДЫ

ХОРИКИЙ. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ 2,5

М.А. Сорокина, Н.Н. Болгов

2. Этот вводный рассказ объяснит, что каждому следует платить его благодетельностью лучшей его способности

Я думаю, что хорошо строить и созерцать храмы, которые обильны и наполнены необыкновенной щедростью. Это также приятно для тех, кто созерцает эти храмы, чтобы затем рассказать об их красоте остальным людям.

Много лет тому назад это было целью для одного мудрого человека из Галикарнаса, которого звали Геродот. Он «видел города многих людей и приходил в эти города, что бы узнать их устройство жизни», он видел храмы Вавилона с его высоких башен и описал их для других достаточно широко и полноценно.

Рассказ Геродота может быть приукрашенной сказкой, потому что он любил сказки, или же этот рассказ может быть и правдивой историей. Но даже если это и правдивая история это не сможет превзойти твой шедевр.

Пока нам не нужны дворцы Вавилона, нам нужен рассказ Геродота, но не рассказывающий нам невероятную историю, не восхваляющий царя Крёза или царя Кандавла, кого греки называли Мирзил, не такие рассказы, а те, что восхваляют (в достоинство манеры хранителя и всё что он создаёт) жреца и всё, что он создаёт.

Это не кажется не уместным для меня, однако, чтобы прославить его я расскажу историю.

Для примера, я буду использовать Аттическую историю и назову её Делийской, если ты пожелаешь. Геродот дал субъективное мнение о Делосе в этом рассказе. Там пишется:

На острове Делос афиняне празднуют фестиваль. Во время праздника многочисленные поэты собирались вместе из разных мест либо для того, чтобы прославить фестиваль или чтобы распространять своё искусство или по обеим этим причинам. Гомер был среди них.

Остальные поэты не хранили молчания, просто Гомер пел лучше всех. Это правда, что они слушали его одного, но все они пели в согласии, как будто Музы одарили каждого из них.

Не злись, мой друг, если кто-то сейчас опишет храмы лучше, чем он. Если человек не может сказать что-то, это не правильно, что он воздерживается от речи, которую он хочет сказать.

5. Это вступление поведает, почему студенты часто просят [автора о чем-либо] рассказать, но он не делает этого до этого момента

Я восхищаюсь, высказыванием Гигеса Лидийца, и верю, что это было одним из превосходных высказываний античности. Я подразумеваю высказывание о «человеке, заботившимся о своём деле».

Раньше я часто напевал это себе. И когда я видел молодых людей, пытающихся силой заставить меня говорить. Я говорил им такие слова: «Ты думаешь, что я вошёл сюда, чтобы расплавить руду в золото, как они говорят, охотнее, чем дать ораторское выступление – это для людей, которые способны выслушивать это? Или ты не знаешь, что в бродящем вблизи и выслеживаемым мною человеке – те знания, о красноречии, которое в сборе их всех вместе, позволят мне делать такие публичные выступления, из–за которых я буду в не меньшей опасности, чем Терпандр с Лесбоса. Когда он играл на лире помощник стоял у выхода и спрашивал, кто хотел услышать Терпандра. Когда он выкрикивал свой вопрос, он предлагал лиру, которую приносил с собой. Он требовал, чтобы каждый, кому интересно поиграть на лире, сыграл мелодию правильно, или уходил, потому что он был не способен услышать, как играет Терпандр».

Когда я сказал это, я подумал что мне стоит уйти из этой толпы. Но они меня повторно окружили в круг и спросили ещё раз. Каждый пытался выступить энергичней другого. И в этой ситуации я сказал: «Не будьте слишком нахальными». Когда они услышали слово «нахальный», они посмотрели друг на друга. Каждый из них толкал локтём рядом стоящего и, взяв свою одежду, шептал несколько слов. Всё, что я услышал, было: «Этот парень трус». Это возмутило меня, я признаюсь. Я был оскорблён таким замечанием, и я напомнил себе о вашей доброжелательности ко мне в прошлом. Так я заявил, что я не испугался в той сложной ситуации.

НАУЧНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ «КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ» В 2012 Г.

Н.Н. Болгов, Н.Е. Третьякова, М.И. Дорохов, Е.Д. Козьякова, М.А. Руднева, М.М. Синица, Д.В. Наумов

ВЫПОЛНЕНИЕ НИР В 2012 Г.

№ п/п	Наименование темы	код ГРНТИ	Руководитель должность, уч. степень, уч. звание	Исполнители	
				ФИО	Статус (ППС, УВП, аспиранты, студенты и др.)
1	Человек Поздней античности – идеалы и реальность	03.09.23 03.09.25	Н.Н. Болгов, д.и.н., проф.	Ю.Н. Агаркова, А.Ю. Рышковская, О.В. Головина, В.Н. Кузнецов. Д.Е. Богданов, А.Б. Сулейманова, М.М. Синица, Н.Е. Третьякова, О.С. Грудинина, Д.В. Манаков.	Асп. Асп. Асп. Асп. Студ. Студ. Студ. Студ. Маг. Студ. Студ.
2.	Исследование источниковедческой базы изучения сельского хозяйства Раннего Боспора	03.09.23	С.Н. Прокопенко, доц., к.и.н.	Нет	
3.	Изучение истории семьи И.М. Гревса (Гревсов - по линии отца и Бекарюковых - по линии матери) в контексте истории Белгородчины.	03.23.23 , 03.23.25	С.Н. Прокопенко, доц. к.и.н	М.Л. Рябцева	ППС

4	Труд как ценность в представлениях древних греков классического периода по данным нарративной традиции	03.09.23 03.29.00	Е.А. Семичева, к.ист.н., доц.	В.А. Дюкарев Л.В. Фирсова	Аспирант Аспирант
5	Мировоззрение и образ человека античного Боспора	03.09.23	Е.А. Красникова	Е.А. Красникова	Асп.
6	Труд в системе ценностей древних греков архаического периода по данным нарративной традиции	03.09.23	В.А. Дюкарев	В.А. Дюкарев	Асп.
7	Культурные традиции древнеримской кухни (I-V вв.)	03.09.23	А.В. Тарасова	А.В. Тарасова	Студ.
8	Пальмира – «сепаратная империя»	03.09.23	А.Б. Сулейманова	А.Б. Сулейманова	Студ.
9	Классификация демонических существ греческой мифологии по материалам античной письменной традиции	03.09.23	Н.А. Жданова	Н.А. Жданова	Студ.
10	Создание научно-образовательного ресурса в сети интернет – «Древняя жизнь» (http://bospor.professorjournal.ru/home)		Прокопенко С.Н. доц. кафедры всеобщей истории и регионоведения, канд. ист. наук	Нет	

ДИССЕРТАЦИИ

№ п / п	ФИО	Шифр специальности	Дата и место защиты. № диссертационного совета	Руководитель (научный консультант)	Тема
1.	Котина Алла Викторовна	07.00.03	29.03.2012	Н.Н. Болгов	Миф об амазонках в классической традиции
2	Стржалковская Анастасия Дмитриевна	07.00.03	29.03.2012	Н.Н. Болгов	Генезис и оформление ранневизантийской литургии
3	Денисова Ирина Викторовна	07.00.03	11.05.2012 Ставро-	Н.Н. Болгов	«Византийская Склавиния»: славяне в Греции и Малой Азии (VI-X вв.)

			поль		
4	Ермолин Александр Леонидович	07.00.03	25.10.2012	В.В. Пенской	Система расселения, обороны и этноконфессиональный состав населения Европейского Боспора в III-VI вв.
5	Харченко Юлия Викторовна	07.00.03	29.03.2012	Л.М. Коротких	Социально-политическая эволюция римского общества во 2-й пол. IV в. (по данным Аммиана Марцеллина)
6	Тарасова Любовь Валерьевна	07.00.03	31.05.2012	А.А. Масленников	Античный мир Северного Причерноморья в эпоху развитого принципата
7	Грингоф Сергей Александрович	07.00.03	25.10.2012	В.Г. Зубарев	Царский двор и администрация на Боспоре в I-IV вв.

ПУБЛИКАЦИИ

Наименование	Автор/соавторы	Вид публикации	Место публикации/выходные данные	Объем (п.л.)
Иван Михайлович Гревс и Белгородчина	Прокопенко С.Н., Рябцева М.Л.	монография	Белгород, 2012. 76 с.	5
Первобытное общество	Прокопенко С.Н., Рябцева М.Л.	Учебное пособие	Белгород, 2012. 84 с.	5,1

№ п/п	Название статьи	Автор (ы)	Вид публикации *	Место публикации/выходные данные	Страна	Объем (п.л.)
1	«Экфрасис» Христодора Коптского	Болгов Н.Н., Синица М.М.	Статья в периодическом издании	Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 13(132). Вып. 23. – Белгород, 2012. С. 14-26.	РФ	0,8
2	Византийская Африка: исторический фон «Иоанниды» Кориппа	Болгов Н.Н., Болгов К.Н.	Статья в периодическом издании	Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 19(138). Вып. 24. Белгород, 2012. – С. 23-32	РФ	0,7
3	От схолий к катенам: христианизация	Болгова А.М.	Статья в периодическом	Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Эконо-	РФ	0,5

	комментариев к текстам в Газской школе		издании	мика. Информатика. № 7(126). Вып. 22. - Белгород, 2012. – С. 74-78.		
4	Грамматики высших школ позднеантичного Востока	Болгова А.М., Елисеева О.Н.	Статья в периодическом издании	Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 13(132). Вып. 23. 2012. – С. 32-39.	РФ	0,6
5	Классическая и христианская традиции в ментальности позднеантичных интеллектуалов	Литовченко Е.В.	Статья в периодическом издании	История: электронный научно-образовательный журнал. – 2012. – Вып. 1(9): Историческая память: люди и эпохи, специальный выпуск по результатам научной конференции, проведенной совместно Историческим факультетом ГАУГН и ИВИ РАН 25–27 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: http://mes.igh.ru/magazine/content/classical-and-christian-tradition.html	РФ	0,5
6	Письма Сидония и жизнь позднеантичного общества	Литовченко Е.В.	Статья в периодическом издании	Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 7(126). Вып. 22. - Белгород, 2012. – С. 69-73.	РФ	0,5
7	Ценностный статус богатства в представлениях древних греков классического периода по данным литературной традиции	Семичева Е.А., Дюкарев В.А.	Статья в периодическом издании	Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 7(126). Вып. 22. - Белгород, 2012. – С. 16-23.	РФ	0,5
8	Провинциальная Газа в Палестине и ее писатели позднеантичного	Болгов Н.Н., Болгова А.М.	Материалы конференции	Столица и провинция: история взаимоотношений. – Воронеж: ВГУ, 2012. – С. 262-267.	РФ	0,4

	времени					
9	Бани Зевксиппа в Константинополе и «Экфрасис» Христодора Коптского	Болгов Н.Н.	Материалы конференции	Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Н.П. Соколова. – Н. Новгород, 2012. - С. 63-65.	РФ	0,3
10	К истории славян в византийской Греции	Болгов Н.Н., Денисова И.В.	Материалы конференции	Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2012. – С. 65-66.	Украина	0,15
11	Греческая (Палатинская) антология. Книга I	Болгов Н.Н., Синица М.М.	Материалы конференции	Историческое произведение как феномен культуры. - Сыктывкар, 2012. – С. 164-181.	РФ	1,2
12	Кресконий Корипп и последний латинский эпос в Константинополе VI в.	Болгов Н.Н., Болгов К.Н.	Материалы конференции	Историческое произведение как феномен культуры. - Сыктывкар, 2012. – С. 182-189.	РФ	0,5
13	Корипп и латинский эпос Ранней Византии	Болгов Н.Н., Болгов К.Н.	Материалы конференции	София Киевская: Византия-Русь-Украина. – Киев, 2012. – С. 65-69.	Украина	0,6
14	Антиковедение и византинистика БелГУ: вехи года	Болгов Н.Н., Прокопенко С.Н., Литовченко Е.В., Рябцева М.Л.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 3.	РФ	0,1
15	Фульгенций. «Мифологии» (I, 1,3,4,7-11)	Болгов Н.Н., Можелян Д.В.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С.224-226.	РФ	0,3
16	Фотий. Мириобиблион. Об ораторах и риторах IV в. (Cod. 74, 90, 165)	Болгов Н.Н., Елисеева О.Н.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 226-229.	РФ	0,3
17	Научное направление	Болгов Н.Н., Богданов	Материалы конфе-	Классическая и византийская традиция.	РФ	1

	БелГУ «Классическая и византийская традиция» в 2011 г.	Д.Е., Дорохов М.И.	ренции	2012. – Белгород, 2012. – С. 252-273.		
18	Ранневизантийская Газа и ее писатели	Болгов Н.Н.	Статья в сборнике научных трудов	Античная древность и средние века. Вып. 41. – Екатеринбург, 2012.	РФ	0, 7
19	Законодательство Юлиана о школах и его идеология	Болгова А.М., Елисеева О.Н.	Материалы конференции	Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Н.П. Соколова. – Н. Новгород, 2012. - С. 55-58.	РФ	0, 3
20	Грамматисты высших школ Ранней Византии (IV-VI вв.)	Болгова А.М.	Материалы конференции	Проблемы истории и археологии Украины. - Харьков, 2012. – С. 83-84.	Украина	0, 2
21	Три варианта сосуществования языческих и христианских элементов в ментальности позднеримских интеллектуалов	Литовченко Е.В.	Материалы конференции	Материалы VII и VIII Всероссийских научных конференций «Чтения памяти профессора В.Ф. Семенова («Семеновские чтения»). – М.: МПГУ, 2012. – С. 67-71.	РФ	0, 3
22	Основные подходы к интерпретации письменного наследия Сидония Аполлинария (V в. н.э.)	Литовченко Е.В.	Материалы конференции	Историческое произведение как феномен культуры. Вып. 7. – Сыктывкар, 2012. – С. 19-28.	РФ	0, 7
23	Организация защиты хоры городов Боспора VI-V вв. до н.э.	Прокопенко С.Н.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 55-61.	РФ	0, 4
24	Образ Другого в культуре Поздней античности: к	Семичева Е.А.	Материалы конференции	Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные	РФ	0, 3

	постановке проблемы			коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Н.П. Соколова. – Н. Новгород, 2012. - С. 70-73.		
25	«Византийская Склавиния»: славяне в Греции и Малой Азии (VI-X вв.).	Денисова И.В.	Автореф. дисс.	Ставрополь, 2012. – 30 с.	РФ	1,5
26	Христианизация женского костюма в Византии	Иваницкая Я.Ю.	Материалы конференции	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 110-111.	РФ	0,15
27	Огласительная практика восточной церкви в первые века христианства	Харченко О.А.	Материалы конференции	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 109-110.	РФ	0,15
28	Огласительная практика Восточной Церкви в первые века христианства	Харченко О.А.	Материалы конференции	Белгородский диалог – 2012. Сборник избранных научных трудов международного научного форума молодых историков. – Белгород, 2012. – С. 27-30.	РФ	0,3
29	Основные элементы классической традиции в ментальности позднеантичных интеллектуалов латинского Запада	Литовченко Е.В.	Статья в сборнике научных трудов	Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований '2012». – Выпуск 1. Том 23. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2012. – С. 84-87.	Украина	0,3
30.	Римская вилла позднеантичного времени (по данным Сидония Аполлинария)	Литовченко Е.В.	Материалы конференции	Гендер, права человека, историческое знание: актуальные проблемы и перспективы исследований: сборник статей и тезисов докладов I Всероссийской науч-	Россия	0,3

				ной конференции с международным участием. Май 2012. – Липецк, изд-во «Гравис», 2012. – С. 28-31.		
31.	Проблема определения идентификационных признаков позднеантичной интеллектуальной элиты: междисциплинарные подходы	Литовченко Е.В.	Материалы конференции	Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории: материалы III Международной конференции (Институт археологии и культурного наследия, Саратовский гос. университет, 2012) / URL: http://archaion.narod.ru/tc712_litov.pdf	Россия	0,1
32.	The basic elements of classical tradition in the mentality of Late Antiquity's intellectuals	Литовченко Е.В.		Modern scientific research and their practical application. / Ed. by Alexandr G. Shibaev, Sergiy V. Kuprienko, Alexandra D. Fedorova. Vol. J21203. (Kupriyenko Sergiy Vasilyovich, Odessa, 2012). Pp. 23-27. *Article CID: J21203-696* / URL: http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/e-journal/the-content-of-journal/j212/13781-j21203	Украина	0,3
33.	К вопросу о «понимании и интерпретации» сочинений Сидония Аполлинария (V в. н.э.)	Литовченко Е.В.	Материалы конференции	Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Международной научной конференции (Харьков, 9-10 ноября 2012 г.). – Харьков: ООО «НТМТ», 2012. – С. 54.	Украина	0,1
34.	Диалог эволюционирует…	Прокопенко С.Н.	Материалы конференции	Белгородский диалог – 2012. Сборник избранных научных трудов Международного научного форума молодых историков «Бел-	Россия	0,1

				городский диалог - 2012» (г. Белгород 5-6 апреля 2012 г.) / Отв. ред. С.Н. Прокопенко. – Белгород: ООО «ГиК», 2012. – С. 7.		
35.	Образ Другого в культуре Поздней Античности: методология проблемы	Семичева Е.А.	тезисы	Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории. – Эл. Ресурс. – URL: http://archaion.narod.ru/page2.html	РФ	0,1
36	Фемистий: античная риторика, философия и школа в Константинополе	Болгов Н.Н., Болгова А.М.	Статья в сборнике научных трудов	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ. Выпуск 4. – Белгород. 2012. – С. 22-28.	РФ	0,5
37	Демонические существа в греческой мифологии: этимология слова «демон»	Литовченко Е.В., Жданова Н.А.	Статья в сборнике научных трудов	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ. Выпуск 4. – Белгород. 2012. – С. 28-31.	РФ	0,3
38	Оформление евангельского иконографического канона в позднеантичное время: от Благовещения до Рождества	Болгов Н.Н., Манохина О.А., Пелецкая А.В.	Статья в сборнике научных трудов	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ. Выпуск 4. – Белгород. 2012. – С. 36-39.	РФ	0,3
39	[Рецензия] Войтович Л.В., Домановський А.М., Козак Н.Б., Лильо I.M., Мельник М.М., Сорочан С.Б., Файда О.В. Історія Візантії. Вступ до візантиністики. – Львів: Апріорі, 2011. – 880 с	Болгов Н.Н., Агаркова Ю.Н., Рышковская А.Ю.	Статья в сборнике научных трудов	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ. Выпуск 4. – Белгород. 2012. – С. 74-76.	РФ	0,2
40	Новое исследование ранневи-	Болгов Н.Н., Сулейманова	Статья в сборнике	Ученые записки исторического факультета	РФ	0,3

	зантийской исторической традиции	А.Б.	научных трудов	НИУ «БелГУ. Выпуск 4. – Белгород, 2012. – С. 76-79.		
41	Блеск и золото империи: новое введение в историю Византии	Болгов Н.Н., Сулейманова А.Б., Третьякова Н.Е.	Статья в сборнике научных трудов	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ. Выпуск 4. – Белгород, 2012. – С. 79-80.	РФ	0,2
42	Хроника научной жизни кафедры российской и всеобщей истории	Болгов Н.Н.	Статья в сборнике научных трудов	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ. Выпуск 4. – Белгород, 2012. – С. 85-86.	РФ	0,2
43	Диалог расширяется	Прокопенко С.Н.	Статья в сборнике научных трудов	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ. Выпуск 4. – Белгород, 2012. – С. 80-81.	РФ	0,2
44	Стажировка преподавателей кафедры российской и всеобщей истории на базе Curriculum Resource Center Центрального Европейского Университета (г. Будапешт, Венгрия)	Литовченко Е.В.	Статья в сборнике научных трудов	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ. Выпуск 4. – Белгород, 2012. – С. 82-83.	РФ	0,2

АСПИРАНТЫ

1	К истории изучения ранневизантийской литургии	Стржалковская А.Д.	Статья в периодическом издании	Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 1(120). Вып. 21. Белгород, 2012. С. 39-42.	РФ	0,4
2	Миссия к варварам в раннехристианской традиции	Звягинцев С.С.	Статья в периодическом издании	Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. № 7(126). Вып. 22. - Белгород, 2012. – С. 74-78.	РФ	0,4
3	Смерть и страдания на Боспо-	Красникова Е.А.	Статья в периоди-	Научные ведомости БелГУ. Серия: Исто-	РФ	0,4

	ре		ческом издании	рия. Политология Экономика. Информатика. № 13(132). Выпуск 23. – Белгород. 2012. – С. 14-18		
4	Миф об амазонках в классической традиции	Котина А.В.	Автореф. дисс.	Белгород, 2012. 28 с.	РФ	1,3
5	Генезис и оформление ранневизантийской литургии	Стржалковская А.Д.	Автореф. дисс.	Белгород, 2012. 26 с.	РФ	1,2
6	О таинстве крещения в ранней христианской традиции	Стржалковская А.Д.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 136-139.	РФ	0,3
7	Образ Феодоры у Прокопия	Чуева Ю.Ю.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 205-206.	РФ	0,1 5
8	Феодора: к истории образа	Чуева Ю.Ю.	Материалы конференции	Молодежь – науке. 2012. Т.1. - Псков, 2012. – С. 96-97.	РФ	0,1 5
9	Несколько замечаний о соотношении культов Митры и deus sol invictus в религиозной политике Аврелиана	Шенцов М.Е.	Материалы конференции	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 106-107.	Укра ина	0,2
10	К вопросу о происхождении культа Sol Invictus императора Аврелиана по данным нарративных источников	Шенцов М.Е.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. - Белгород, 2012. – С. 44-47.	РФ	0,3
11	Смерть и «страдания» на Боспоре	Красникова Е.А.	Материалы конференции	Белгородский диалог–2012. – Белгород, 2012. – С. 101-102.	РФ	0,1 5
12	Образ человека на Боспоре и художественные приемы его создания	Красникова Е.А.	Материалы конференции	Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2012. – С. 41.	Укра ина	0,1 5

13	Источники воссоздания образа боспорянина: Методы передачи чувств боспорскими мастерами	Красникова Е.А.	Материалы конференции	Лаборатория историка: источник и метод. - М., 2012. – С. 61-63.	РФ	0,3
14	Присциан и итоговая систематизация латинской грамматики в Константинополе VI в.	Болгов К.Н.	Материалы конференции	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 132-133.	Украина	0,15
15	Латинский Иллирик и Константинополь в VI в.	Болгов К.Н.	Материалы конференции	Столица и провинция: история взаимоотношений. – Воронеж: ВГУ, 2012. – С. 267-270.	РФ	0,3
16	Итоговая систематизация латинской грамматики в Константинополе VI в.	Болгов К.Н.	Материалы конференции	Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2012. – С. 82-83.	Украина	0,15
17	Корипп как апологет империи	Болгов К.Н.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 199-205.	РФ	0,5
18	Латинский эпический панегирик в Ранней Византии (Присциан и Корипп)	Болгов К.Н.	Материалы конференции	Молодежь – науке. 2012. Т. 1. – Псков, 2012. – С. 93-95.	РФ	0,2
19	Джиллиан Кларк и ее книга «Женщины в Поздней античности: языческий и христианский образы жизни»	Эюпова Д.Г.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 164-169.	РФ	0,4
20	Антагонизм мужского и женского в древнегреческом искусстве	Баруткин Д.Н.	Материалы конференции	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 64-65.	Украина	0,15

	(на примере эротических сцен в аттической вазописи VI-V вв. до н.э.)					
21	Оксиринхский архив папирусов как источник изучения семейных отношений в позднеантичном Египте	Прокопенко Т.Н.	Материалы конференции	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 29-30.	РФ	0,15
22	Родители и дети, особенности их взаимоотношений в позднеантичном Египте	Прокопенко Т.Н.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 186-188.	РФ	0,2
23	Положение замужней женщины в позднеантичном Египте (анализ документов Оксиринхского архива)	Прокопенко Т.Н.	Материалы конференции	Молодежь – науке. 2012. – Псков, 2012. – С. 84-86.	РФ	0,2
24	Предпосылки и подготовка западных походов Юстиниана Великого	Гущин Е.В.	Материалы конференции	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 108-109.	РФ	0,15
25	Закон Юлиана о школах: идеология, политика, направленность	Елисеева О.Н.	Материалы конференции	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 95-96.	Украина	0,15
26	Император Юлиан и его законы о школах	Елисеева О.Н.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 155-159.	РФ	0,3
27	Научно-педагогическая деятельность и просветительская миссия Ипатии	Елисеева О.Н.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 174-178.	РФ	0,3
28	Законодатель-	Елисеева	Материа-	Молодежь – науке.	РФ	0,2

	ство Юлиана Отступника о школах	О.Н.	лы конференции	2012. Т. 1. - Псков, 2012. – С. 89-91.		
29	Финал древнеегипетских культов в ранневизантийском Египте	Косовская Г.А.	Материалы конференции	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 140-141.	Украина	0,15
30	К истории древнеегипетских культов в ранневизантийском Египте	Косовская Г.А.	Материалы конференции	Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков, 2012. – С. 87-88.	Украина	0,15
31	Гораполлон – «последний египтянин»	Косовская Г.А.	Материалы конференций	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 186-188.	РФ	0,2
32	Коптское искусство в искусстве Византии	Косовская Г.А.	Материалы конференции	Молодежь – науке. 2012. Т. 1. - Псков, 2012. – С. 91-93.	РФ	0,2
33	К вопросу о политике Феодосия Великого в Причерноморье	Кузнецов В.Н.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 101-102.	РФ	0,15
34	К истории расселения готов в Крыму в III-IV вв.	Головина О.В.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 92-97.	РФ	0,4
35	Деятельность византийских монахинь по развитию иконопочитания в период иконоборчества в VIII в.	Тельной А.А.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 219-221.	РФ	0,2
36	Эволюция экспорта Раннего Боспора	Репина Е.В.	Материалы конференции	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 95-96.	РФ	0,15
37	К вопросу о рыбном экспорте Боспорского царства в III в. до н.э. – I в. н.э.	Репина Е.В.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 74-77.	РФ	0,2
38	Особенности использования	Репина Е.В.	Материалы конфе-	Молодежь – науке. 2012. Т. 1. – Псков,	РФ	0,4

	нумизматических материалов в изучении экспорта Раннего Боспора		ренции	2012. – С. 81-82.		
39	Контекстуальный анализ как метод изучения системы ценностей античного социума	Дюкарев В.А.	Материалы конференции	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 14-17.		
40	Ценностный статус наемного труда в Древней Греции классического периода (по данным исторического нарратива)	Дюкарев В.А.	Материалы конференции	Белгородский диалог-2012. Белгород, 2012. С. 13-14.	РФ	0,1
41	Ценностный статус категории «богатство» в картине мира древних римлян по данным сатирических произведений (II в. до н.э. – II в. н.э.)	Фирсова Л.В.	Материалы конференции	Белгородский диалог – 2012. Белгород, 2012. С. 22-23.	РФ	0,1
42	Басни Эзопа как отражение греческой народной мудрости (в контексте изучения ценностных доминант античности)	Дюкарев В.А.	Материалы конференции	Каразінські читания (історичні науки): Тези доповідей 65-І міжнародноі науковоі конференції. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – С.74-76.	Украина	0,2
43	Drugi sezon	Красникова Е.А., Коломиец Н.В.	Статья в сборнике научных трудов	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ. Выпуск 4. – Белгород. 2012. – С. 71-72.	РФ	0,2
44	«Полянка» снова приняла белгородцев	Фирсова Л.В.	Статья в сборнике научных трудов	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ. Выпуск 4. – Белгород, 2012. – С. 72.	РФ	0,1
45	Китей продол-	Ляховская	Статья в	Ученые записки исто-	РФ	0,1

	жается	О.В., Лужкова М.С.	сборнике научных трудов	рического факультета НИУ «БелГУ. Выпуск 4. – Белгород, 2012. – С. 72-73.		
46	Честность и лживость в представлениях древних греков по данным Ксенофонта	Наумова В.А.	Статья в сборнике научных трудов	Вестник СНО. Сборник студенческих научных работ. - Вып. XVI. – Эл. ресурс. – URL: http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/sno/detail.php?ID=201380	РФ	0,3
47	Честность и лживость в представлениях древних греков по данным Ксенофонта	Наумова В.А.	Статья в сборнике научных трудов	Белгородский диалог – 2012. Материалы международного научного форума историков. – Белгород: ГиК, 2012. – С. 11-12.	РФ	0,1

СТУДЕНТЫ

№ п/п	Название статьи	Авторы	Место издания
	без соавторства с сотрудниками вуза		
1	К вопросу о морском торговом флоте Боспорского царства в V-III вв. до н.э.: судостроение и судовладение	Лужкова М.С.	Белгородский диалог – 2012. – Белгород. 2012. – С. 96-97.
2	К вопросу о локализации центров-импортеров амфор на Боспор IV–III вв. до н.э.	Лужкова М.С.	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 82-83.
3	Афины в посреднической торговле Боспора со Средиземноморскими центрами в период Пелопоннесской войны (431-404 гг. до н.э.)	Лужкова М.С.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 61-63.
4	«Клан пещерного медведя» Джин М. Ауэл. Верхний палеолит на территории Северного Причерноморья	Лужкова М.С.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 230-231.
5	К вопросу о политической зависимости боспорских царей от Рима во второй половине I в. до н.э.	Никитин Г.П.	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 102-103.
6	Борьба Стилихона и Евтропия в изображении позднеантичных авторов	Богданов Д.Е.	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 26.
7	«Величие ничтожности»: образ Гонория у Клавдиана	Богданов Д.Е.	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 92-93.
8	Борьба Стилихона и Евтропия в изображении Позднеантичных авторов	Богданов Д.Е.	Белгородский диалог – 2012. Сборник избранных научных трудов международного научного форума молодых

			историков. – Белгород, 2012. – С. 18-22.
9	The Origin of the Russian Two-Headed Eagle Symbol	Богданов Д.Е.	Белгородский диалог – 2012. Сборник избранных научных трудов международного научного форума молодых историков. – Белгород, 2012. – С. 177-180.
10	Триумфы и бои гладиаторов в Западной Римской империи в период правления Гонория	Богданов Д.Е.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 171-174.
11	Данте: взгляд сквозь века	Богданов Д.Е.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 248-250.
12	Флавий Гонорий – император и муж	Осетрова А.В.	Молодежь – науке. 2012. Т. 1. – Псков, 2012. – С. 88-89.
13	Стажировка в Италии	Богданов Д.Е.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 276-278.
14	Двор Гонория и начало конца Западной империи	Богданов Д.Е.	Молодежь – науке. 2012. Т. 1. - Псков, 2012. – С. 87-88.
15	«Поваренная книга» Апиция и римская кулинарная традиция	Тарасова А.В.	Классическая и византийская традиция. 2012. - Белгород, 2012. – С. 50-54.
16	Античная «поваренная книга» Апиция	Тарасова А.В.	Молодежь – науке. 2012. Т. 1. - Псков, 2012. – С. 86-87.
17	De Re Coquinaria Апиция как исторический источник о кулинарных изысках римлян	Тарасова А.В.	Лаборатория историка: источник и метод. – М., 2012. – С. 94-96.
18	Культ Кибелы (Великой Матери) в античном Северном Причерноморье	Семеняка А.А.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 77-80.
19	Греко-египетская алхимия в Византии	Павлова О.Д.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 179-181.
20	Инструменты воздействия ораторов античной эпохи на публику	Цоциашвили Ю.Д.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 19-21.
21	Сравнение образов Юлиана II Отступника в трактовке Григория Богослова, ритора Либания, Аммиана Марцеллина и в «Мисопогоне»	Синица М.М.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 140-155.
22	Хроника Иоанна Малалы как исторический источник	Коломиец Н.В.	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 139-140.
23	К проблемам характера и специфики «Хроники» Иоанна Малалы	Коломиец Н.В.	Лаборатория историка: источник и метод. - М., 2012. – С. 58-61.

24	Эпоха Анастасия I в Хронике Марцеллина Комита	Коломиец Н.В.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 191-195.
25	Классификация демонов греческой мифологии в античной традиции	Жданова Н.В.	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 8-9.
26	Античная традиция о типологии демонических существ греческой мифологии	Жданова Н.В.	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 76-77.
27	Основные критерии классификации демонических существ греческой мифологии (на материале античных письменных источников)	Жданова Н.В.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 7-11.
28	Классификация демонов в греческой мифологии в античной традиции	Жданова Н.В.	Белгородский диалог – 2012. Сборник избранных научных трудов международного научного форума молодых историков. – Белгород, 2012. – С. 13-18.
29	К истории ранневизантийского аскетизма в гендерном аспекте	Ткачева Э.Н.	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 146-148.
30	Борьба за аскетизм Иоанна Златоуста	Ткачева Э.Н.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 161-164.
31	Пьер Луис. «Афродита»	Ткачева Э.Н.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 240-241.
32	Феодосий II Младший (408-450) и его время	Красникова А.Н.	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 106-107.
33	Феодосий II Младший и его эпоха	Красникова А.Н.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 189-191.
34	Гераклея. Проблемы наемничества и тирании	Дорохов М.И.	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 14-15.
35	Договор Эвмена I с наемниками: степень актуальности затрат на наемные войска в Греции и первые пенсионные выплаты наемникам	Дорохов М.И.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 21-26.
36	Р.В. Светлов. «Прорицатель»	Дорохов М.И.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С.233-235.
37	Триумф в Ранней Византии	Деминова Е.Ю.	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 133-134.
38	В.П. Поротников. «Митридат»	Деминова Е.Ю.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 236-237.

39	Нашествие галатов на Македонию	Гречухина А.А.	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 16-17.
40	О переходе галатов в Малую Азию (III в. до н.э.)	Гречухина А.А.	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 70-71.
41	Галатия в римское время	Гречухина А.А.	Классическая и византийская традиция. 2012. - Белгород, 2012. – С. 36-39.
42	Ивлин Во. «Елена»	Гречухина А.А.	Классическая и византийская традиция. 2012. - Белгород, 2012. – С. 238-240.
43	Римская Галатия	Гречухина А.А.	Молодежь – науке. 2012. Т. I. – Псков, 2012. – С. 82-83.
44	Битва на реке Арий 208 г. до н.э. и ее роль в становлении тактики конных войск Греко-Бактрийского царства	Гордиенко В.Н.	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 17-18.
45	Искусство Бактрии в ахеменидский период (на материалах храма Окса)	Гордиенко В.Н.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 11-14.
46	Аратор – латинский христианский поэт VI в.	Алымова С.В.	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 109-110.
47	Клавдиан и римский эпос начала V в.	Алымова С.В.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 169-170.
48	«Нерон» М. Галло	Алымова С.В.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 237-238.
49	А.И. Антонов. «Феодосий Великий»	Башкирцева Е.Е.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 241-243.
50	Правовое состояние негражданского населения Афин и Спарты V-IV вв. до н.з.	Казначеева А.А.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 17-19.
51	К вопросу о влиянии христианства на бытовое поведение женщин	Тринева О.С.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 159-161.
52	К истории памятников Афин в позднеантичное время	Третьякова Н.Е.	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 28-29.
53	Византийская Африка (534-540 гг.) в изображении Марцеллина Комита	Третьякова Н.Е.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 197-199.
54	Археологический сезон 2012 г.: античные экспедиции	Третьякова Н.Е., Грудинина О.С.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 274-276.
55	«Тезей» М. Рено	Третьякова	Классическая и византийская

		Н.Е.	традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 231-233.
56	Борьба между христианами и язычниками в Александрии Египетской конца IV в.	Руднева М.А.	Белгородский диалог – 2012. – Белгород, 2012. – С. 27-28.
57	Падение Александрии в 641 г.	Руднева М.А.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 211-214.
58	«Серапис» Г. Эберса	Руднева М.А.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 243-246.
59	Сарматские тамги: к проблеме интерпретации	Манаков Д.В.	Белгородский диалог – 2012. - Белгород, 2012. – С. 103-104.
60	Социальный статус гладиаторов в период Поздней империи	Манаков Д.В.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 133-135.
61	Патриарх Фотий и его «Тысячекнижие»	Костюкович А.А.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 221-223.
62	Дворцы Константинополя	Козьякова Е.Д.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 207-210.
63	«Женщина с Андроса» Т. Уайлдера	Козьякова Е.Д.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 235-236.
64	Из новых книг кафедры всеобщей истории БелГУ об античном Причерноморье	Гудов Д.С.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 123-125.
65	Источниковедческая проблематика Зосима	Грудинина О.С.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 195-197.
66	Чарльз Кингсли. «Ипатия»	Казначеева А.А.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 246-248.
67	Сырьевая база металлургии и ювелирного дела Боспорского царства. Первичная обработка железа.	Агарков В.С.	Белгородский диалог – 2012. Материалы международного научного форума молодых историков. Белгород, 5-6 апреля 2012 г. / Отв. ред. С.Н. Прокопенко – Белгород: ООО «ГиК», 2012. – С. 97-98.
68	Пальмира – «сепаратная империя»	Сулейманова А.Б.	Каразінські читання (історичні науки). – Харків, 2012. – С. 102-103.
69	Военные столкновения Рима и Пальмиры в конце III в. и их влияние на Пальмирское государство	Сулейманова А.Б.	Классическая и византийская традиция. 2012. - Белгород, 2012. – С. 47-50.

70.	Формы международных связей и организация работы дипломатических органов в Риме и Карфагене в V–II вв. до н.э.	Ходыкин И.М.	Вестник СНО. Сборник студенческих научных работ. Вып. XVI. – Эл. ресурс. – URL: http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/sno/detail.php?ID=201380
71	Приобретение и утрата политических прав в греческом обществе V-IV вв. до н.э. (по данным исторической традиции)	Казначеева А.А.	Белгородский диалог – 2012. Белгород, 2012. С. 12.
72	Формы международных связей и организация работы дипломатических органов в Риме и Карфагене в V–II вв. до н.э.	Ходыкин И.М.	Белгородский диалог – 2012. Белгород, 2012. С. 20-21.
73	Отношение христианских авторов I-III вв. к военной службе	Владимиров К.А.	Белгородский диалог – 2012. Белгород, 2012. С. 23-24
74	Участие варваров в политической борьбе Восточного и Западного дворов Римской империи в последней четверти IV века	Богданов Д.Е.	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 4. – Белгород, 2012. – С. 31-36.
75	Drugi sezon	Коломиец Н.В.	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 4. – Белгород, 2012. – С. 71-72.
76	Китей продолжается	Лужкова М.С.	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 4. – Белгород, 2012. – С. 72-73.
77	Пальмира – римско-восточная держава	Сулейманова А.Б.	Молодежь – науке. 2012. Т. 1. – Псков, 2012. – С. 83-84.
в соавторстве с работниками вуза			
1	Научное направление БелГУ «Классическая и византийская традиция» в 2011 г.	Богданов Д.Е., Дорохов М.И.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 252-273.
2	«Экфрасис» Христодора Коптского	Синица М.М.	Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. № 13(132). Вып. 23. – Белгород, 2012. С. 14-26.
3	Греческая (Палатинская) антология. Книга I	Синица М.М.	Историческое произведение как феномен культуры. Вып. 7. – Сыктывкар, 2012. – С. 164-181.
4	Фульгенций. «Мифологии» (I. 1, 3, 4, 7-11)	Можелян Д.В.	Классическая и византийская традиция. 2012. – Белгород, 2012. – С. 224-226.
5	Демонические существа в греческой мифологии: этимология слова «де-	Жданова Н.А.	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ».

	мон»		Вып. 4. – Белгород, 2012. – С. 28-32.
6	Новое исследование ранневизантийской исторической традиции	Сулейманова А.Б.	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 4. – Белгород, 2012. – С. 76-79.
7	Блеск и золото империи: новое введение в историю Византии	Сулейманова А.Б., Третьякова Н.Е.	Ученые записки исторического факультета НИУ «БелГУ». Вып. 4. – Белгород, 2012. – С. 79-80.

КОНФЕРЕНЦИИ

№ п/п	Название мероприятия	Место и время проведения	Указать: зарубежное мероприятие/российское мероприятие	ФИО участника/участников	Ранг (международное, всероссийское, зональное, городское и др.)	Вид: конференция, совещание, семинар, пр.	Тема доклада
1	Классическая и византийская традиция. 2012	Белгород, НИУ «БелГУ» (6 октября 2012 г.)	российское	Прокопенко С.Н.	международное	конференция	«Организация защиты хоры городов Боспора VI-V вв. до н.э.»
2.	Лазаревские чтения - 2012	Украина, г. Севастополь Севасто стополь польский филиал МГУ им. М.В. Ломоносова (3-4 октября 2012 г.)	зарубежное	Прокопенко С.Н.	международное	конференция	«Ойкос как хозяйственная единица Боспора IV-III в. до н.э.»
3	«Современные	Одесса, 23-31	зарубежное	Литовченко	междуна-	научно-практическая	Основные элементы

	направления теоретических и прикладных исследований '2012»	марта (заочная)		Е.В.	родное	конференция	классической традиции в ментальности позднеантичных интеллектуалов латинского Запада
4	Гендер, права человека, историческое знание: актуальные проблемы и перспективы исследований	Липецк, май 2012	российское	Литовченко Е.В.	всероссийское с международным участием	научная конференция	Римская вилла позднеантичного времени (по данным Сидония Аполлинария)
5	Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории	Институт археологии и культурного наследия, Саратовский гос. университет, 27-30 сентября 2012	российское	Литовченко Е.В.	международное	конференция	Проблема определения идентификационных признаков позднеантичной интеллектуальной элиты: междисциплинарные подходы
6	Историческое произведение как феномен культуры	Сыктывкар, 19 октября 2012	российское	Литовченко Е.В.	международное	научная конференция	Основные подходы к интерпретации письменного наследия Сидония Аполлинария (V в. н.э.)

7	Проблемы истории и археологии Украины	Харьков, 9-10 ноября 2012	зарубежное	Литовченко Е.В.	международное	научная конференция	К вопросу о «понимании и интерпретации» сочинений Сидония Аполлинария (V в. н.э.)
8.	Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросскультурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти проф. Н.П. Соколова	г. Н.-Новгород, 25-27.09.2012	российское	Семичева Е.А.	международная	конференция	Образ Другого в культуре Поздней античности: к постановке проблемы
9.	Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории	г. Саратов, 28.09.2012-01.10.2012	российское	Семичева Е.А.	международная	конференция	Образ Другого в культуре Поздней Античности: методология проблемы
10	Столица и провинция: история взаимо-	ВГУ, Воронеж, 26 февраля 2012	российское	Болгов Н.Н.	региональное	конференция	Провинциальная Газа в Палестине и ее писатели поздне-

	отношений	г.					античного времени
11	Столица и провинция: история взаимоотношений	ВГУ, Воронеж, 26 февраля 2012 г.	российское	Болгова А.М.	региональное	конференция	Провинциальная Газа в Палестине и ее писатели поздне-античного времени
12	Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Н.П. Соколова	ННГУ, Нижний Новгород, 27-28 сентября 2012 г.	российское	Болгов Н.Н.	международная	конференция	Бани Зевксиппа в Константинополе и «Экфрасис» Христодора Коптского
13	Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в истори-	ННГУ, Нижний Новгород, 27-28 сентября 2012 г.	российское	Болгова А.М.	международная	конференция	Законодательство Юлиана о школах

	ческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Н.П. Соколова						
14	Проблемы истории и археологии Украины	ХНУ, Харьков, 9-10 ноября 2012 г.	зарубежное	Болгов Н.Н., Денисова И.В.	Международная	конференция	К истории славян в византийской Греции
15	Историческое произведение как феномен культуры	СыктГПУ, Сыктывкар, 19 октября 2012 г.	российское	Болгов Н.Н.	международная	конференция	Греческая (Палатинская) антология. Книга I
16	Историческое произведение как феномен культуры	СыктГПУ, Сыктывкар, 19 октября 2012 г.	российское	Болгов Н.Н.	международная	конференция	Кресконий Корипп и последний латинский эпос в Константинополе VI в.
17	Классическая и византийская традиция. 2012	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Болгов Н.Н., Прокопенко С.Н., Литовченко Е.В., Рябцева М.Л.	Международная	конференция	Научное направление БелГУ «Классическая и византийская традиция» в 2012 г.
18	Могилянские чтения	Киев, НКПИ КЗ, 6-7 декабря 2012 г.	зарубежное	Болгов Н.Н., Болгова А.М., Манохина О.А.	международная	конференция	К истокам пещерных монастырей: Каппадокия

19	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Болгов Н.Н.	международная	конференция	Итоги НИР студентов, магистрантов и аспирантов исторического факультета НИУ «БелГУ» за 2011 г.
20	Археологический сезон. 2012	БелГУ, 31 октября 2012 г.	российское	Денисова И.В.	вузовская	конференция	Археологическая экспедиция "Цитадель" ХНУ им. В.Н. Каразина (Херсонес Таврический): итоги работ 2011-2012 гг. и перспективы дальнейших исследований.

АСПИРАНТЫ

1	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Наумова В.А.	международная	конференция	Честность и лживость в представлениях древних греков по данным Ксенофонта.
2	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Дюкарев В.А.	международная	конференция	Ценностный статус наемного труда в Древней Греции классического периода (по данным исторического нарратива).
3	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля	российское	Дюкарев В.А.	международная	конференция	Ценностный статус категории «бо-

		2012 г.					гатство» в кар-тине мира древних римлян по данным сатирических произведений (II в. до н.э. – II в. н.э.).
4	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Прокопенко Т.Н.	международная	конференция	Оксиринхский архив папирусов как источник изучения семейных отношений в позднеантичном Египте.
5	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Репина Е.В.	международная	конференция	Эволюция экспорта Раннего Боспора.
6	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Красникова Е.А.	международная	конференция	Смерть и "страдания" на Боспоре.
7	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Гущин Е.В.	международная	конференция	Предпосылки и подготовка западных походов Юстиниана Великого.
8	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Гущин Е.В.	международная	конференция	Огласительная практика Восточной Церкви.
9	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Иваницкая Я.Ю.	международная	конференция	Христианизация женского костюма в Византии.
10	Археологический сезон. 2012	БелГУ, 31 октября 2012 г.	российское	Косовская Г.А.	вузовская	конференция	Мирмекийская АЭ Гос. Эрмитажа (2012).
11	Художе-	БелГУ,	россий-	Фирсо-	вузов-	конферен-	«На Запад-

	ственная литература по истории	20 февраля 2012 г.	сийское	ва Л.В.	ская	ция	ном фронте без перемен» Э.М. Ремарка.
12	Славные даты года. 2012	БелГУ, 8 октября 2012 г.	российсийское	Тельной А.А.	вузовская	конференция	Жизнь и творчество М.И. Дейнеко (к 75-летию со дня рождения заслуженного артиста России, уроженца Белгородчины)
13	Лазаревские чтения - 2012	Севасто стополь, ЧФ МГУ, 3-4 октября 2012 г.	зарубежное	Репина Е.В.	международная	конференция	Развитие экспорта Боспора в VI в. До н.э. – I в. н.э.
14	Лазаревские чтения - 2012	Севасто стополь, ЧФ МГУ, 3-4 октября 2012 г.	зарубежное	Красникова Е.А.	международная	конференция	Представления о человеке на Боспоре: становление и эволюция
15	Лазаревские чтения - 2012	Севасто стополь, ЧФ МГУ, 3-4 октября 2012 г.	зарубежное	Головина (Ляховховская) О.В.	международная	конференция	К истории расселения готов в Крыму в III-IV вв.
16	Лазаревские чтения - 2012	Севасто стополь, ЧФ МГУ, 3-4 октября 2012 г.	зарубежное	Кузнецов В.Н.	международная	конференция	Северное Причерноморье в политике Феодосия Великого
17	Патрио-	Белго-	россий-	Рыш-	между-	конференция	Деятельность

	тизм и единение общества в истории России	род, НИУ «БелГУ» (21 декабря 2012 г.)	сий-ское	ковская А.Ю.	народное		РПЦ на Белгородской земле в период Отечественной войны 1812 г.
18	Могилянские чтения	Киев, НКПИ КЗ, 6-7 декабря 2012 г.	зарубежное	Манохина О.А., Рышковская А.Ю.	международная	конференция	К истокам пещерных монастырей: Каппадокия
19	Образ прошлого	Воронеж, ВГУ, 23-24 марта 2012 г.	российское	Фирсова Л.В.	международная	конференция	Эволюция идей дуализма права в европейской традиции.
20	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Баруткин Д.Н.	международная	конференция	Антагонизм мужского и женского в древнегреческом искусстве (на примере эротических сцен в аттической вазописи VI-V вв. до н.э.)
21	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Дюкарев В.Н.	международная	конференция	Басни Эзопа как отражение греческой народной мудрости (в контексте изучения ценностных доминант античности)
22	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Елисеева О.Н.	международная	конференция	Закон Юлиана о школах: идеология, политика, направленность

23	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Болгов К.Н.	международная	конференция	Присциан и итоговая систематизация латинской грамматики в Константинополе VI в.
24	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Косовская Г.А.	международная	конференция	Финал древнеегипетских культов в ранневизантийском Египте
25	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Шенцов М.Е.	международная	конференция	Несколько замечаний о соотношении культов Митры и Deus Sol Invictus в религиозной политике Аврелиана
26	Лаборатория историка: источник и метод	Москва, ГАУГН, 21-22 ноября 2012 г.	российское	Красникова Е.А.	международная	конференция	Источники воссоздания образа боспорянина. Методы передачи чувств боспорскими мастерами
27	Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории	Псков, 2-6 апреля 2012 г., ПсковГУ	российское	Репина Е.В.	всероссийская	конференция	Особенности использования нумизматических материалов в изучении экспорта Раннего Боспора
28	Актуальные проблемы отечественной и всеоб-	Псков, 2-6 апреля 2012 г., ПсковГУ	российское	Прокопенко Т.Н.	всероссийская	конференция	Положение замужней женщины в позднеантичном Египте (ана-

	щей истории						лиз документов Оксиринхского архива)
29	Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории	Псков, 2-6 апреля 2012 г., ПсковГУ	российское	Елисеева О.Н.	всероссийская	конференция	Законодательство Юлиана Отступника о школах
30	Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории	Псков, 2-6 апреля 2012 г., ПсковГУ	российское	Косовская Г.А.	всероссийская	конференция	Коптское искусство в искусстве Византии
31	Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории	Псков, 2-6 апреля 2012 г., ПсковГУ	российское	Болгов К.Н.	всероссийская	конференция	Латинский эпический панегирик в Ранней Византии (Присциан и Корипп)
32	Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории	Псков, 2-6 апреля 2012 г., ПсковГУ	российское	Чуева Ю.Ю.	всероссийская	конференция	Феодора: к истории образа
33	Историческое произведение как феномен культуры	Сыктывкар, СыктГУ, 19 октября 2012 г.	российское	Болгов К.Н.	международная	конференция	Корипп как апологет империи
34	Проблемы истории и археологии Украины	Харьков, ХНУ, 9-10 ноября 2012 г.	зарубежное	Болгов К.Н.	Международная	конференция	Итоговая систематизация латинской грамматики в Константинопо-

							ле VI в.
35	Проблемы истории и археологии Украины	Харьков, ХНУ, 9-10 ноября 2012 г.	зарубежное	Красникова Е.А.	Международная	конференция	Образ человека на Боспоре и художественные приемы его создания
36	Проблемы истории и археологии Украины	Харьков, ХНУ, 9-10 ноября 2012 г.	зарубежное	Косовская Г.А.	Международная	конференция	К истории древнеегипетских культов в ранневизантийском Египте
37	Курбатовские чтения	Санкт-Петербург, 27-30 ноября 2012 г.	российское	Кузнецов В.Н.	всероссийская	конференция	Образ Феодосия Великого у христианских и языческих авторов
38	Курбатовские чтения	Санкт-Петербург, 27-30 ноября 2012 г.	российское	Головина О.В.	всероссийская	конференция	Италия при Теодорихе Великом (493-526 гг.): Остготское королевство как реализация идеи единого готско-римского государства
39	Одесские чтения	Одесса, ОНУ, 16-17 марта 2012 г.	зарубежное	Репина Е.В.	международная	конференция	Экспортные поставки Боспора в VI – 1-й трети III в. до н.э.
40	Одесские чтения	Одесса, ОНУ, 16-17 марта 2012 г.	зарубежное	Болгов К.Н.	международная	конференция	Иллирик – латинский регион Ранней Византии
41	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Дюкарев В.А.	международная	конференция	Контекстуальный анализ как метод изучения системы ценностей

							античного социума
42	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Шенцов М.Е.	международная	конференция	К вопросу о происхождении культа Sol Invictus императора Аврелиана по данным нарративных источников
43	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Репина Е.В.	международная	конференция	Рыбный экспорт Боспорского царства в II-II вв. до н.э.
44	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Головина О.В.	международная	конференция	К истории расселения готов в Крыму в III-IV вв.
45	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Кузнецов В.Н.	международная	конференция	К вопросу о политике Феодосия Великого в Причерноморье
46	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Стржалжалковская А.Д.	международная	конференция	О таинстве крещения в ранней христианской традиции
47	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Эюпова Д.Г.	международная	конференция	Джиллиан Кларк и ее книга «Женщины в Поздней античности: языческий и христианский образы жизни»
48	Классическая и визан-	БелГУ, 6 октября	российское	Елисеева О.Н.	международная	конференция	Ипатия и ее школа

	тийская традиция 2012.	2012 г.					
49	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Косовская Г.А.	международная	конференция	Гораполлон – «последний египтянин»
50	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Прокопенко Т.Н.	международная	конференция	Родители и дети, особенности их взаимоотношений в позднеантичном Египте
51	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Болгов К.Н.	международная	конференция	Имперская идея в «Иоанниде» Крескония Кориппа
52	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Чуева Ю.Ю.	международная	конференция	Образ Феодоры у Прокопия
53	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Пелецкая А.В.	международная	конференция	Ранневизантийский город Газа
54	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Тельной А.А.	международная	конференция	Деятельность византийских монахинь по развитию иконопочитания в период иконоборчества
55	Историческое произведение как	СыктГПУ, Сыктывкар,	российское	Болгов К.Н.	международная	конференция	Кресконий Корипп и последний латинский

	феномен культуры	19 октября 2012 г.					эпос в Константинополе VI в.

СТУДЕНТЫ

1	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Жданова Н.А.	международная	конференция	Классификация демонов в греческой мифологии в античной традиции.
2	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Казначеева А.А.	международная	конференция	Проблема утраты и приобретения политических прав в греческом обществе V-IV вв. до н.э. (по данным исторической традиции).
3	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Дорохов М.И.	международная	конференция	Гераклея. Проблемы наемничества и тирании.
4	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Гречухина А.А.	международная	конференция	Нашествие галатов на Македонию.
5	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Гордиенко В.Н.	международная	конференция	Битва на реке Арий 208 г. до н.э. и ее роль в становлении тактики конных войск Греко-бактрийского царства.

6	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Ходыкин И.М.	международная	конференция	Формы международных связей и организация работы дипломатических органов в Риме и Карфагене в V-II вв. до н.э.
7	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Владимиров К.А.	международная	конференция	Отношение христианских авторов I-III вв. к военной службе.
8	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Богданов Д.Е.	международная	конференция	Борьба Стилихона и Евтропия в изображении позднеантичных авторов.
9	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Руднева М.А.	международная	конференция	Борьба между христианами и язычниками в Александрии Египетской конца IV в.
10	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Третьякова Н.Е.	международная	конференция	Памятники Афин в позднеантичное время.
11	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Лужкова М.С.	международная	конференция	К вопросу о морском торговом флоте Боспорского царства в V–III вв. до н.э.:

							судостроение и судовладение.
12	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Агарков В.С.	международная	конференция	Сырьевая база металлургии и ювелирного дела Боспорского царства. Первичная обработка железа.
13	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Никитин Г.П.	международная	конференция	О политической зависимости боспорских царей от Рима во второй половине I в. до н.э.
14	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Манаков Д.В.	международная	конференция	Сарматские тамги: к проблеме интерпретации.
15	Белгородский диалог	БелГУ, 5-6 апреля 2012 г.	российское	Красникова А.Н.	международная	конференция	Феодосий II Младший (408-450) и его время.
16	Актуальные проблемы истории Второй мировой войны	БелГУ. 12 октября 2012 г.	российское	Манаков Д.В.	международный	семинар	Боевые пловцы Италии во Второй Мировой Войне:
17	Археологический сезон. 2012	БелГУ, 31 октября 2012 г.	российское	Богданов Д.Е., Цоциашвили Ю.А.	вузовская	конференция	Помпеи, Геркуланум, Стабии на 1-й Школе в Везувианском археологиче-

							ском институте, Италия (12-20.X. 2012).
18	Археологический сезон. 2012	БелГУ, 31 октября 2012 г.	российское	Коломиец Н.В., Жданова Н.А.	вузовская	конференция	Польская археологическая миссия в Крыму (3-й сезон в Тиритаке, 2012).
19	Археологический сезон. 2012	БелГУ, 31 октября 2012 г.	российское	Красникова А.Н., Добрынина В.С.	вузовская	конференция	Порфмийская АЭ ИИМК РАН (4-й сезон, 2012).
20	Археологический сезон. 2012	БелГУ, 31 октября 2012 г.	российское	Моргунова Е.А.	вузовская	конференция	Работы Белгородского отряда ВКАЭ РАН (12-й сезон, 2012).
21	Археологический сезон. 2012	БелГУ, 31 октября 2012 г.	российское	Гребенкин И.С., Пономарева Н.А.	вузовская	конференция	Жизнь и быт БО ВКАЭ в сезоне 2012 г.
22	Археологический сезон. 2012	БелГУ, 31 октября 2012 г.	российское	Грудинина О.С., Гудов Д.С.	вузовская	конференция	«Фратрия-2012»: работы отряда ВКАЭ РАН (1-й сезон).
23	Археологический сезон. 2012	БелГУ, 31 октября 2012 г.	российское	Шпак А.А.	вузовская	конференция	Жизнь и быт отряда «Фратрия» ВКАЭ РАН.
24	Археологический сезон. 2012	БелГУ, 31 октября	российское	Дорохов М.И.	вузовская	конференция	Китейская экспедиция ННГУ 2012

		2012 г.					г. (33-й сезон).
25	Археологический сезон. 2012	БелГУ, 31 октября 2012 г.	российское	Третьякова Н.Е., Козьякова Е.Д., Манаков Д.В.	вузовская	конференция	Жизнь и быт Китейской экспедиции в сезоне 2012 г.
26	Художественная литература по истории	БелГУ, 20 февраля 2012 г.	российское	Лужкова М.С.	вузовская	конференция	Джин М. Ауэл. «Клан Пещерного Медведя» (Верхний палеолит в Северном Причерноморье).
27	Художественная литература по истории	БелГУ, 20 февраля 2012 г.	российское	Третьякова Н.Е.	вузовская	конференция	«Тезей» Мэри Рено.
28	Художественная литература по истории	БелГУ, 20 февраля 2012 г.	российское	Дорохов М.И.	вузовская	конференция	Войны диадохов в романе Р. Светлова «Наёмник».
29	Художественная литература по истории	БелГУ, 20 февраля 2012 г.	российское	Деминова Е.Ю.	вузовская	конференция	Новый роман о Митридате.
30	Художественная литература по истории	БелГУ, 20 февраля 2012 г.	российское	Козьякова Е.Д.	вузовская	конференция	«Женщина с Андроса» Торнтона Уайлдера.
31	Художественная литература по истории	БелГУ, 20 февраля 2012 г.	российское	Алымова С.В.	вузовская	конференция	«Нерон» Макса Галло.
32	Художественная литература по истории	БелГУ, 20 февраля 2012 г.	российское	Болдеску Ю.И.	вузовская	конференция	Ференц Мора. «Золотой саркофаг».
33	Художе-	БелГУ,	россий-	Ткаче-	вузов-	конферен-	«Триумф

	ственная литература по истории	20 февраля 2012 г.	сий-ское	ва Э.Н.	ская	ция	Афродиты» Пьера Луиса.
34	Художественная литература по истории	БелГУ, 20 февраля 2012 г.	российсий-ское	Гречухина А.А.	вузовская	конференция	Ивлин Во. «Елена».
35	Художественная литература по истории	БелГУ, 20 февраля 2012 г.	российсий-ское	Башкирцева Е.Е.	вузовская	конференция	А. Антонов. «Феодосий»
36	Художественная литература по истории	БелГУ, 20 февраля 2012 г.	российсий-ское	Руднева М.А.	вузовская	конференция	«Серапис» Георга Эберса.
37	Художественная литература по истории	БелГУ, 20 февраля 2012 г.	российсий-ское	Казначеева А.А.	вузовская	конференция	«Ипатия» Ч. Кингсли
38	Лазаревские чтения - 2012	Севастосто-поль, ЧФ МГУ, 3-4 октября 2012 г.	зарубежное	Сулейманова А.Б.	международная	конференция	Религиозная самоидентификация византийского историка VI в. Марцеллина Комита
39	Лазаревские чтения - 2012	Севастосто-поль, ЧФ МГУ, 3-4 октября 2012 г.	зарубежное	Лужкова М.С.	международная	конференция	Афины в посреднической торговле Боспора со средиземноморскими центрами в IV в. до н.э.
40	Лазаревские чтения - 2012	Севастосто-поль, ЧФ МГУ, 3-4 октября 2012 г.	зарубежное	Семеняка А.А.	международная	конференция	Культ Кибелы (Великой Матери) на Боспоре
41	Лазаревские чтения	Севастосто-	зарубежное	Тарасова	междунаод-	конференция	Римская кулинария

	- 2012	поль, ЧФ МГУ, 3-4 октября 2012 г.		А.В.	ная		первых веков н.э. и Северное Причерноморье
42	Лазаревские чтения - 2012	Севастополь, ЧФ МГУ, 3-4 октября 2012 г.	зарубежное	Богданов Д.Е.	международная	конференция	Роль гуннов в противостоянии императорских дворов Аркадия и Гонория на рубеже IV-V вв.
43	Лазаревские чтения - 2012	Севастополь, ЧФ МГУ, 3-4 октября 2012 г.	зарубежное	Коломиец Н.В.	международная	конференция	Археологические работы на Тиритаке в 2010-2012 гг.
44	Образ прошлого	ВГУ, Воронеж, 23-24 марта 2012 г.	российское	Дорохов М.И.	международное	конференция	Греческие наемники IV в. до н.э. в образах художественной литературы
45	Образ прошлого	ВГУ, Воронеж, 23-24 марта 2012 г.	российское	Попков К.О.	международное	конференция	Ранняя Византия в «Хронике» Иоанна Малалы.
46	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Гречухина А.А.	международная	конференция	О переходе галатов в Малую Азию (III в. до н.э.)
47	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля	зарубежное	Жданова Н.А.	международная	конференция	Античная традиция о типологии демонических су-

		2012 г.					ществ в греческой мифологии
48	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Лужкова М.С.	международная	конференция	К вопросу о локализации центров-импортеров амфор на Боспор IV-III вв. до н.э.
49	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Богданов Д.Е.	международная	конференция	«Величие ничтожности»: образ Гонория у Клавдиана
50	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Сулейманова А.Б.	международная	конференция	Пальмира – «сепаратная империя»
51	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Алымова С.В.	международная	конференция	Аратор – латинский христианский поэт VI в.
52	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Деминова Е.Ю.	международная	конференция	Триумф в Ранней Византии
53	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Коломиец Н.В.	международная	конференция	«Хроника» Иоана Малалы как исторический источник
54	Каразинские чтения	Харьков, ХНУ, 20 апреля 2012 г.	зарубежное	Ткачева Э.Н.	международная	конференция	К истории ранневизантийского аскетизма в гендерном

							аспекте
55	Лаборатория историка: источник и метод	Москва, ГАУГН, 21-22 ноября 2012 г.	российское	Коломиец Н.В.	международная	конференция	К проблемам характера и специфики «Хроники» Иоанна Малалы
56	Лаборатория историка: источник и метод	Москва, ГАУГН, 21-22 ноября 2012 г.	российское	Тарасова А.В.	международная	конференция	De Re Coquinaria Апиция как исторический источник о кулинарных изысках римлян
57	Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории	Псков, 2-6 апреля 2012 г., ПсковГУ	российское	Гречухина А.А.	всероссийская	конференция	Римская Галатия
58	Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории	Псков, 2-6 апреля 2012 г., ПсковГУ	российское	Сулейманова А.Б.	всероссийская	конференция	Пальмира – римско-восточная держава
59	Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории	Псков, 2-6 апреля 2012 г., ПсковГУ	российское	Тарасова А.В.	всероссийская	конференция	Античная «поваренная книга» Апиция
60	Актуальные проблемы отечественной и всеобщей истории	Псков, 2-6 апреля 2012 г., ПсковГУ	российское	Осетрова А.В.	всероссийская	конференция	Флавий Гонорий - император и муж
61	Историческое произведение как феномен культуры	Сыктывкар, СыктГУ, 19 октября 2012 г.	российское	Синица М.М.	международная	конференция	Палатинская антология. Книга I
62	Курбатов-	Санкт-	россий-	Сулей-	всерос-	конферен-	Религиоз-

	ские чтения	Петербург, 27-30 ноября 2012 г.	сийское	манова А.Б.	сийская	ция	ная жизнь Константинополя в Хронике Марцеллина Комита (VI в.)
63	Курбатовские чтения	Санкт-Петербург, 27-30 ноября 2012 г.	российское	Синица М.М.	всероссийская	конференция	Византийские эпиграммы AG I.1 - 18
64	Курбатовские чтения	Санкт-Петербург, 27-30 ноября 2012 г.	российское	Богданов Д.Е.	всероссийская	конференция	Роль варваров в политической борьбе Восточного и Западного дворов Римской империи в последней четверти IV века
65	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Дорохов М.И., Лужкова М.С., Богданов Д.Е.	международная	конференция	О работе СНО ИФ БелГУ в 2012 г.
66	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Жданова Н.А.	международная	конференция	Основные критерии классификации демонических существ греческой мифологии (на материале античных письменных

							источников)
67	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Гордиенко В.Н.	международная	конференция	Искусство Бактрии ахеменидского периода (по материалам храма Окса)
68	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Казначеева А.А.	международная	конференция	Правовое состояние негражданского населения Афин и Спарты V-IV вв. до н.э.
69	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Цоциашвили Ю.А.	международная	конференция	Проблемы теории и практики греческой риторики эпохи поздней классики
70	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Дорохов М.И.	международная	конференция	Образ наемника в греческих произведениях литературы им театра IV-III вв. до н.э.
71	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Гречухина А.А.	международная	конференция	Галатия в римское время
72	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Сулейманова А.Б.	международная	конференция	Военные столкновения Рима и Пальмиры в конце III в. и их влияние на

							Пальмирское царство
73	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Тарасова А.В.	международная	конференция	Апиций и римская кулинарная традиция
74	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Лужкова М.С.	международная	конференция	Афины в посреднической торговле Боспора со Средиземноморскими центрами в период Пелопоннесской войны (431-404 гг. до н.э.)
75	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Семеняка А.А.	международная	конференция	Культ Кибелы в Северном Причерноморье
76	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Гудов Д.С.	международная	конференция	Из новых книг кафедры всеобщей истории БелГУ об античном Причерноморье
77	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Третьякова Н.Е., Грудинина О.С., Красникова А.Н., Коломиец Н.В.	международная	конференция	Античные археологические отряды ИФ БелГУ в сезоне 2012 г.

78	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Манаков Д.В.	международная	конференция	Социальный статус гладиаторов в период Поздней империи
79	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Тринева О.С.	международная	конференция	К вопросу о влиянии христианства на бытовое поведение женщин
80	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Синица М.М.	международная	конференция	Сравнение образа императора Юлиана Отступника в сочинениях Григория Богослова, Аммиана Марцеллина, Либания
81	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Алымова С.В.	международная	конференция	Клавдиан и римский эпос начала V в.
82	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Деминова Е.Ю.	международная	конференция	Триумф: от римского к византийскому
83	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Богданов Д.Е.	международная	конференция	Торжественные мероприятия в Западной Римской империи в правление Гонория
84	Классическая и византийская	БелГУ, 6 октября	российское	Ткачева Э.Н.	международная	конференция	Борьба за аскетизм Иоанна

	традиция 2012.	2012 г.					Златоуста
85	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Павлова О.Д.	международная	конференция	Александрийская алхимия
86	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Сулейманова А.Б.	международная	конференция	Конфессиональная самоидентификация Марцеллина Комита
87	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Красникова А.Н.	международная	конференция	Феодосий II Младший и его эпоха
88	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Коломиец Н.В.	международная	конференция	Эпоха Анастасия I в Хронике Марцеллина Комита
89	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Грудинина О.С.	международная	конференция	Зосим: источниковедческие проблемы
90	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Третьякова Н.Е.	международная	конференция	Византийская Африка в изображении Марцеллина Комита
91	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Козьякова Е.Д.	международная	конференция	Дворцы Константинополя
92	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Сапенко В.Ю.	международная	конференция	Новые книги о финансах в Византии в VI в.
93	Классическая и византийская	БелГУ, 6 октября	российское	Руднева М.А.	международная	конференция	Падение Александрии в 641

	традиция 2012.	2012 г.					г.
94	Классическая и византийская традиция 2012.	БелГУ, 6 октября 2012 г.	российское	Костюкович А.А.	международная	конференция	Патриарх Фотий и его «Тысячекнижие»
95	Историческое произведение как феномен культуры	СыктГПУ, Сыктывкар, 19 октября 2012 г.	российское	Синица М.М.	международная	конференция	Греческая (Палатинская) антология. Книга I

СОСТАВ УЧАСТНИКОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

КИТЕЙ

1. Болгов Н.Н.
2. Дорохов Михаил
3. Семеняка Анна
4. Алымова Софья
5. Деминова Екатерина
6. Ткачева Эльвира
7. Третьякова Наталья
8. Козьякова Екатерина
9. Манаков Даниил
10. Кузьмиченко Александр
11. Руднева Мария
12. Ободенко Светлана
13. Степанов Евгений
14. Токарева Дарья
15. Мошкина Алена
16. Масловская Екатерина

ВКАЭ

1. Семичева Е.А.
2. Дюкарев Владимир
3. Фирсова Лилия
4. Наумова Виктория
5. Никитин Глеб
6. Казначеева Алена
7. Клименко Анастасия
8. Попов Анатолий
9. Моргунова Елена
10. Наумов Дмитрий
11. Тринёва Ольга
12. Гребенкин Игорь
13. Пономарева Наталья

14. Косарев Михаил
15. Конев Сергей
16. Шикерина Ангелина

ОТРЯД «ФРАТРИЯ» ВКАЭ

1. Прокопенко С.Н.
2. Рябцева М.Л.
3. Репина Екатерина
4. Павлова Олеся
5. Кучеренко Марина
6. Грудинина Ольга
7. Гудов Дмитрий
8. Костина Елена
9. Шпак Анастасия
10. Трунов Александр
11. Шумов Артур
12. Фуртаева Елена
13. Кузьменко Андрей

ПОРФМИЙ

1. Вера Добрынина
2. Алена Красникова

ТИРИТАКА

1. Гущин Евгений
2. Агарков Владимир
3. Коломиец Наталья
4. Жданова Надежда
5. Удовина Руслана
6. Суханов Евгений

МИРМЕКИЙ

1. Косовская Галина

ОСЕННЯЯ СТАЖИРОВКА В ИТАЛИИ

1. Литовченко Е.В.
2. Болгова А.М.
3. Рябцева М.Л.
4. Репина Екатерина
5. Богданов Дмитрий
6. Павлова Олеся
7. Гридасова Юлия
8. Литвинова Анна
9. Цоциашвили Юлия
10. Попов Анатолий
11. Тимохина Анастасия

ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ 2012 г.

Специальность 050401.65

№	Ф.И.О. студента (ки)	Тема	Науч. рук.
	Кузнецов Владимир Николаевич	Люди позднего Боспора (III-VI вв.)	Болгов Н.Н.
	Ляховская Олеся Витальевна	Готы в Ранней Византии	Болгов Н.Н.
	Наумова Виктория Александровна	Честность и лживость в представлениях древних греков классического периода по данным нарративной традиции	Семичева Е.А.
	Пальченко Галина Сергеевна	Юлий Цезарь и его деятельность в античной и современной историографии	Болгов Н.Н.
	Репина Екатерина Васильевна	Развитие экспорта Боспора в VI – первой трети III в. до н.э.	Прокопенко С.Н.

Специальность 030401.65

	Ломакин Даниил Сергеевич	Античный Херсонес: проблемы истории и культуры	Болгов Н.Н.

Направление 030400.62

1.	Лужкова Маргарита Сергеевна	Импорт вина на Боспор в V-III вв. до н.э.	Болгов Н.Н.
2.	Никитин Глеб Павлович	Военно-политический аспект римско-боспорских отношений в I в. до н.э. – первой половине I в. н.э.	Прокопенко С.Н.

Направление 030400.68

Магистерская программа Классическая и византийская традиция

	Агарков Владимир Сергеевич	Металл и металлообработка в экономике Боспора в VI – первой трети III вв. до н.э.	Прокопенко С.Н.
	Гущин Евгений Владимирович	Войны Юстиниана I и военное дело Византии VI в.	Болгов Н.Н.
	Тельной Алексей Алексеевич	Роль женщин в движении иконопочитания в Византийской империи в VIII в.	Болгов Н.Н.
	Фирсова Лилия Васильевна	Труд и богатство в представлениях древних римлян по данным нарративной традиции (II в. до н.э. – II в. н.э.)	Семичева Е.А.

АНТИЧНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТРЯДЫ БЕЛГУ 2013 Г.

М.И. Дорохов, Н.Е. Третьякова, Е.Д. Козьякова, М.М. Синица, М.Ю. Лопатина

8 июля 2013 г. состоялось знаменательное событие: 7 студентов историко-филологического факультета (2-4 курс) НИУ «БелГУ», сев в поезд «Москва - Керчь», отправились навстречу очередным раскопкам на городище Китей под Керчью в районе села Заветное. Знаменательным этот факт можно назвать потому, что в этом году, несмотря на все сложности и коренные изменения в составе и приоритетах экспедиции - студенты-белгородцы смогли сохранить славные традиции экспедиции и сохранили представительство БелГУ в Китее. Экспедиция приобрела нового начальника - Е.А. Молев, на протяжении многих лет - бессменный начальник и идейный вдохновитель китейцев (1974-2012) передал ведение раскопок А.В. Каряке – научному сотруднику Института археологии НАН Украины (Киев), одному из начальников сезонных экспедиций на городище Ольвия.

Участники экспедиции 2013 г. заново, практически с нуля, обустраивали лагерь. Режим дня был ужесточен, вследствие нехватки рабочих рук и большого объёма работы на городище. Поэтому вместо традиционных 6,5 часов, работы шли 9 часов для юношей и 7,5 для девушек. По результатам работы был впервые дан новый сводный план городища, включающий планы раскопов 2012 года и все планы предыдущих экспедиций. Сведенные воедино, эти планы были послойно помещены друг на друга в графических редакторах и моделирующих компьютерных программах, после чего были созданы первые примерные трехмерные реконструкции Китея с учетом особенностей современной топографии городища и вскрытых построек. Также была проведена разведка зоны радиусом в 3 км вокруг городища на предмет подъемного материала и мест хозяйственных построек на границах античных межей полей вокруг города. В результате шурфования мест, где с большей вероятностью могли находиться хозяйственные постройки – было вскрыто два места разрушенных кладок. Дальнейшая разработка была перенесена на следующий сезон в связи с нехваткой времени. Была просчитана «активная» хозяйственная зона вокруг города - примерно 700 м радиусом и вытянутая преимущественно вдоль полевой дороги. Также была проведена активная разведка побережья городища, в частности, самыми интересными находками были крупные фрагменты хиосских амфор с колпачковыми ножками. Неприятным моментом разведки являлась очень изрезанная скальными выходами и, наоборот, надводными обрывами линия берега, по которой студентам приходилось перебираться по небольшим выступам стенки обрыва, и приходилось очень аккуратно обходить места нахождения неразорвавшихся снарядов со времен бомбардировок берега в период Великой отечественной войны. Данные скопления были помечены jps координатами. Также проводились непосредственно реставрационные работы на памятнике для поддержания состояния кладок на раскопах.

В этом году, к сожалению практикантов-первокурсников не было в составе экспедиции. Однако, не смотря на все сложности и тяжелый режим работы, белгородцы с честью справились с поставленными задачами, сохранив лучшие традиции Китея. Новый формат экспедиции не потерял тех знаменательных праздников, которыми так славился Китей, а именно День Посейдона и праздник Сломанной лопаты. На выходных студенты, уже не первый раз побывавшие в Керчи, показали новичкам достопримечательности города.

В целом, этот переломный сезон в полной мере заслуживает называться началом новой, уже третьей, жизни Китейской археологической экспедиции. Крепкая сплоченная

команда китейцев доказала, что даже небольшие отряды способны выполнять довольно большие масштабы работ и с успехом реализовывать поставленные цели.

С 29 июля по 11 августа 2013 г. отряд аспирантов, магистров и студентов исторического факультета НИУ «БелГУ» (рук. – асп. Е.В. Репина) на основании Договора с Национальным музеем в Варшаве принял участие в работе Боспорской охранно-археологической экспедиции (руководитель д.и.н. В.Н. Зинько) в составе Польской археологической миссии «Тиритака» (рук. А. Твардецки). Древнегреческий город Тиритака расположен в южной части современной Керчи, в 11 км. от Пантикапея - столицы Боспорского царства, на северном берегу древнего морского залива. Площадь городища составляет около 8,5 га. Время бытования города – IV в. до н.э. – XI в. н.э. Отряд в составе 10 человек (в том числе аспирант из Саратова) продолжил исследование раскопа городища № XXVII. Студенты вели работы по снятию и вывозу грунта, зачистке строительных комплексов V в. до н.э. (вымосток, стен, помещений и т.д.). Так же следует отметить, что на территории раскопа в этом году был обнаружен румынский дот времен Второй Мировой войны. Интересным и полезным для студентов стало знакомство с новыми технологиями работы, разнообразными техническими средствами, используемыми польскими коллегами в процессе работы. Находками этого сезона стали бронзовые монеты, фрагменты расписной керамики, чернолаковая посуда, костяные изделия, изделия из камня и глины, терракота и многое другое. В ходе работ студенты получали новые и совершенствовали ранее приобретенные навыки полевых исследований. В связи с этим необходимо отметить высокий профессиональный уровень организации рабочего процесса, как на раскопе, так и на этапе камеральной обработки материала.

В 2013 г. раскопки экспедиции ИИМК РАН (нач. М.Ю. Вахтина) на городище Порфмий (с 15.07 по 6.08) (участник от БелГУ – маг. М. Синица) были сосредоточены в северо-восточной части плато. В этой части городища были заложены северная и восточная прирезка, также продолжены исследования на западной прирезке, заложенной в прошлом полевом сезоне, и в восточной части раскопа, где ранее были обнаружены помещения.

Также состоялись работы двух отрядов в составе Восточно-Крымской археологической экспедиции РАН (нач. А.А. Масленников) – 13-й сезон отряда доц. Е.А. Семичевой и 2-й сезон отряда «Фратрия» доц. С.Н. Прокопенко. Именно здесь проходили археологическую практику 2013 г. студенты-первокурсники, получившие навыки практической работы с материалом, а также ценный опыт коллективных дел в экспедиции.

Итоги сезона были подведены на ежегодной научно-практической конференции 31 октября 2013 г. и сопровождались выпуском традиционных стенгазет, а также показом фильмов и презентаций.

ПОМПЕИ, ГЕРКУЛАНУМ И СТАБИИ

Д.Е. Богданов

12 по 19 октября 2012 года группа студентов и преподавателей исторического факультета проходила Первую ежегодную стажировку в Италии в рамках подписанного договора с Везувианским международным институтом археологических и гуманитарных исследований и Фондом реставрации античных Стабий (Италия). Этот проект позволил вывести классические исследования в рамках научного направления БелГУ «Классическая и византийская традиция» на новый уровень.

После долгой дороги, включавшей поездку по ночному Харькову и прогулку по утреннему Стамбулу, фотографирование на фоне всемирно известной Айя-Софии и неизвестного продавца лепёшек, первый (для многих) полёт на самолёте, двухчасовую очередь за билетами от Рима до Неаполя и, наконец, электричку до Кастелламмаре-ди-Стабия, каждый из нас, безусловно, хотел отдохнуть и подкрепиться.

Гостеприимные итальянцы превзошли все наши ожидания, в первый же ужин накормив нас удивительно вкусными блюдами национальной кухни. Порадовавшись атмосфере уюта и комфорта, царившей в кампусе Везувианского института, мы вскоре приступили к исполнению второго заветного желания и легли спать, чтобы восстановить силы после 30 часов дороги.

Наше первое утро в Италии началось в 8 часов утра. Весёлые и отдохнувшие, мы, плотно позавтракав, поехали к Везувию. На протяжении часа поездки мы любовались видом узких итальянских улочек, виноградниками и садами цитрусовых деревьев, сосновым бором у подножия грозного вулкана и граффити, украшающим большую часть стен и зданий в южной Италии.

Нас встретил Паоло Гарделли, итальянский археолог, пожелавший стать нашим экскурсоводом. Подъём на гору-великана был нелёгок, но рассказ Паоло содержал интересные факты, едкие замечания и весьма остроумные шутки, поэтому время для нас текло незаметно. Даже ставшая хмурой погода и холодный моросящий дождь не могли испортить впечатления от подъёма на действующий вулкан.

В полдень наша довольная промокшая группа отправилась обратно в институт, делясь впечатлениями и предвкушая обед. Нашей радости не было предела, когда снова, как и за день до этого, нам принесли великолепные кушанья.

Затем мы решили погулять по Стабии – тихому провинциальному городку южной Италии, улицы которого пустеют на время сиесты и наполняются жизнью после жарких полуденных часов.

Завершался день лекцией Паоло по истории античного города Помпеи, погибшего во время извержения Везувия в 79 г. н.э. Как и утренняя экскурсия, лекция проходила на английском языке, включала в себя шутки и неожиданные сравнения, а иногда даже дополнялась русскими(!) словами (курица, мельница, бассейн, мыши). Многие факты, рассказанные Паоло, вызвали необычайный интерес и породили массу вопросов, на которые наш лектор отвечал с неподдельным удовольствием.

Утро второго дня нашего пребывания в Италии порадовало тёплым солнышком, и, после сытного завтрака, мы отправились в Помпеи. Продавцы сувениров зазывали нас на русском языке, что было весьма заманчиво… Но мы спешили прикоснуться к древности!

«Прикоснуться» получилось основательно: пока наш экскурсовод Даниэлла вдохновенно повествовала об истории города и жизни горожан до того злополучного извер-

жения, мы успели обнять большую часть колонн древнего города, потрогать фрески, украшающие пол и стены многих домов, прошагать по мостовым и сфотографировать по ходу экскурсии всё, что только было возможно. А масштабы города впечатляют!

Везувий похоронил город для современников, но сохранил его для потомков: город был засыпан в считанные минуты и, таким образом, законсервирован.

«Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!» – думал каждый из нас в ту минуту, представляя, что по этим улочкам, по которым топчутся толпы туристов из разных стран, когда-то ходили люди, для которых этот город был родным, спокойно жили и не думали, что их дома превратятся в музей.

В Помпеях можно увидеть множество восстановленных зданий и подпирающих синее небо колонн, чудом сохранившуюся бронзовую статую Аполлона и фрески, ставшие шедеврами мирового изобразительного искусства: оскалившего пса на цепи и битву Александра Великого с Дарием III, вошедшую в качестве иллюстрации даже в школьные учебники истории.

Видели мы и «пешеходные переходы», и фонтанчики для питья, видели приспособления для помола муки, пекарни и даже хлеб – жаль только, что вкусовые качества потерял, хотя, думаю, пробовать его мы бы не рискнули…

Трудно однозначно утверждать, насколько высокой популярностью пользовались публичные дома (лупанарии) у самих римлян, но нам, прежде чем попасть внутрь, пришлось отстоять в очереди туристов… К слову, подобное заведение участники экскурсии посещали впервые!

На обратном пути мы всё же поддались на уговоры лавочников, и, обвешавшись сувенирами, отправились на обед, уставшие, но счастливые.

Во второй половине дня мы поехали в курортный городок на побережье Тирренского моря – Сорренто. Первыми поселенцами города были финикийцы, а своё название он получил от греков – «земля сирен» (т.е. мифологических существ, губивших путешественников).

В Сорренто, нас сразу поразили цитрусовые рощи с пронзительным ароматом свежести, Неаполитанский залив с прозрачной водой, голубое небо… Неслучайно, многие, побывавшие в Сорренто, называют это место раем на земле. В Сорренто растут огромные лимоны: размером с небольшие дыни. Неудивительно, что лимон является символом этого города, как и, приторно-сладкий лимонный ликер («лимончелла»).

Третий день начался с лекции по виллам Стабий, которую вёл Паоло, использовавший большое количество наглядного материала и рассказавший о работах, которые проводились им лично. Стабии был крупным портовым городом. В 89 г. до н.э. он был разрушен Суллой во время Союзнических войн и не был восстановлен. Однако его территория стала использоваться для строительства вилл высшей римской аристократии и скоро стала популярным курортом. Термальные источники и горный воздух прославили эту местность. Стабии были излюбленным местом отдыха богатых патрициев, философов и поэтов.

Сразу после окончания лекции, мы с Паоло поехали на виллу Сан-Марко, одну из крупнейших вилл в Кампании. Мы увидели перистиль, украшенный газонами, с достаточно большим бассейном, окруженный колоннами. Мы обошли всю виллу, побывав в каждой из открытых комнат: в великолепном атриуме с выходами в другие помещения дома, скромных кубикулах (спальнях) и кухне, расположенной в правой части дома. У владельцев усадьбы были великолепные собственные термы. На вилле Сан-Марко нас поразили уникальные по своей полноте и сохранности комплексы настенных росписей и фресок, мозаичный пол.

После посещения виллы Сан-Марко наша группа отправилась на виллу Ариадны. Она получила свое название по фреске, на которой изображен Дионис, спасающий Ариадну с пустынного острова. Фрески на вилле Ариадны выполнены в «четвертом стиле» так называемой помпейской живописи, популярном во время правления Нерона. Стены и потолки комнат восхищают своим великолепием и сохранностью.

Даже в наши дни это строение поражает своей грандиозностью и пышным убранством и трудно даже вообразить, сколь величественным и роскошным было оно 2000 лет назад!..

Следующим объектом посещения был Геркуланум, особенность которого состоит в том, что он был погребён не под пылью, пеплом и камнями, как Стабии и Помпеи, а под 16-метровым слоем лавы, обрушившейся на город.

Удивляет также то обстоятельство, что большая часть древнего города до сих пор не раскопана, так как находится под современным Геркуланумом, тем не менее, найденные объекты превосходны и не имеют аналогов в мире. Среди них: Лернейская гидра, мозаика Тритона и даже остатки древних деревянных перил, перегородок, дверей.

Как и в других погибших городах, раскопки которых ведутся с середины XVIII века, многие шедевры античного искусства (статуи, фрески, мозаики) хранятся в Неаполитанском музее, а на прежних местах их заменяют дубликаты.

Даниэлла вновь провела интересную экскурсию, показав общественные уборные и баню, магазины и уютные жилые дома, разделённые на маленькие квартиры.

Каждый из посещённых городов имеет свои особенности: Помпеи являлись крупным торговым центром, Стабии – городом роскошных вилл, а Геркуланум – пристанищем писателей, художников и философов.

После обеда белгородская делегация отправилась на прогулку в Кастелламмаре-ди-Стабия и попали под ливневый дождь и сильный ветер, ощутив на себе капризы погоды в Кампании.

Предпоследний день нашего небольшого путешествия значительно отличался от остальных: мы отправились в Неаполь, известный во всём мире своим гостеприимством, уникальными блюдами национальной кухни и архитектурными красотами.

В ходе прогулки увидели Новый замок, известный также как замок Маскио Анджоино, сфотографировались на фоне Собора Святого Франческо и Королевского дворца, в котором, по преданию, была впервые создана пицца «Маргарита». Затем мы посетили кафе «Гамбринус», расположенное рядом с площадью Плебисцита, и Галерею Умберто I, построенную в конце XIX в. в стиле неоклассицизма и превращенную в наши дни в огромный торговый пассаж. Там каждый из нас мог загадать желание, найдя свой знак зодиака в самом центре галереи.

Вечером мы посетили два мастер-класса: «Мода в Древнем Риме» и «Жизнь древних римлян». В ходе первого занятия каждый из нас мог облачиться и сфотографироваться в одеяниях верховной жрицы храма Юноны, в белой тоге с широкой пурпурной полосой, которую носили римские патриции, или праздничной тоге Гая Юлия Цезаря.

В течение второго занятия мы посмотрели фильм о том, как проживали свой день беднейшие и богатейшие люди Рима, с утра и до поздней ночи.

Эти занятия помогли нам проверить и уточнить свои знания и вспомнить то, что мы увидели на экскурсиях в предыдущие дни.

Утром шестого дня нашего пребывания в Италии мы разделились на 2 группы. Одна, встав пораньше, отправилась на остров Капри, где запечатлела на своих фотоаппаратах невероятную красоту природы, окунулась в прозрачные морские воды и понежилась под ласковым солнцем, другая же отправилась на «последний штурм» магазинов Сорренто и Стабии.

Вернувшись в кампус под вечер, мы обменялись впечатлениями и похвастались друг другу своими покупками. Ужин был великолепен, как всегда. Шеф-повару и персоналу кухни аплодировали стоя. Насытившись, мы поспешили собрать сумки и отдохнуть перед трудной дорогой. Рано утром нас ждал путь домой.

ПЕРЕКРЕСТОК ЭПОХ И КУЛЬТУР

А.М. Болгова, Н.Н. Болгов

С 16 по 23 августа 2013 г. преподаватели кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Н.Н. Болгов и А.М. Болгова посетили по приглашению Хайфский университет (Израиль). В Археологическом институте им. Цинмана (директор М. Айзенберг, науч. сотр. А.Л. Ермолин) удалось познакомиться с методикой работ по консервации и реставрации, с техническим оснащением лабораторий. Обсуждались возможности участия студентов и аспирантов в Летней международной археологической школе на городище Гиппос (Суссита) в 2014 г.

Также состоялось знакомство с университетским Музеем Гехта, в коллекциях которого – ханаанские, древнеегипетские, древнееврейские, эллинистические, римские, византийские памятники, а также искусство XX в. (Модильяни, Утрилло и др.). Современный музей с прекрасными экспозициями дополнил впечатление от университетского комплекса на горе Кармел.

Вторая часть поездки была связана с памятниками античной и византийской истории. Скифополь (Бейт-Шеан) – столица византийской провинции Палестина II – расположен к юго-западу от Генисаретского озера (Кинерет) невдалеке от реки Иордан. Внушительный телль с мощным культурным слоем древневосточных времен, прекрасно сохранившиеся улицы (декуманус и кардо) с колоннадами, термы, римские и византийские мозаики, театр – вот далеко не полный перечень объектов Национального парка.

Кесария Приморская – столица провинции Палестина I – расположена к югу от Хайфы. Прекрасно сохранившийся участок римского акведука, руины дворца, термы, огромный ипподром и отреставрированный театр создают в совокупности невероятный эффект присутствия в ранневизантийском городе, обращенном лицом к морю, на запад. Родина Евсевия и Прокопия Кесарийских теперь стала ближе и понятнее.

Совсем иное впечатление оставляет Антиохия-Гиппос (Суссита) - город, нависающий над Генисаретским озером на Голанских высотах (около 350 м). Извилистый серпантин трассы затем тропинка наверх – и открывается великолепная панорама всего библейского озера (Галилейского моря) размером 22х12 км с невероятно голубой водой, скрывающейся в дымке от августовской жары. Длинная, но узкая улица из серых плит приводит в общественный центр, где из такого же серого камня сработаны базилика с прекрасными колоннами, небольшой театр, площадь, цистерна-водохранилище и др.

Среди прочего во время поездок по Галилее уже в обзорном порядке довелось увидеть Капернаум, Магдалу, Тивериаду, расположенные на северном и западном берегу Кинерета, а также проехать мимо Каны Галилейской, Назарета, Сепфориса. Встречались по пути и древневосточные названия – Мегиддо (Армагеддон), Кадеш, Дор и др.

Памятники совсем другой эпохи ожидали в Акко (Птолемаиде). Это мощная крепость крестоносцев Акра с подземными тоннелями и залами с огромными колоннами, и прекрасная набережная с ослепительно голубым морем…

Древневосточный порт Иоппия практически не сохранился, но на его месте возник средневековый город крестоносцев Яффа (Яффо). Он много раз перестраивался. На

его территории ведутся раскопки египетских древностей. Старый город передает колорит, главным образом, османского времени.

Конечно, нельзя было не посетить Иерусалим, где в пределах Старого города (со стенами времен Сулеймана Великолепного) удалось осмотреть гробницу царя Давида, горницу Тайной вечери, Стену плача, мечети Аль-Акса и Куббат-ас-Сахра. Но, конечно, главным здесь был храм Гроба Господня, многочисленные строения которого ныне скрывают под своими куполами и Голгофу, и кувуклий (пещерку) Гроба Господня. К храму ведет Скорбный путь, который представляет собой достаточно узкую улицу, перекрываемую шатрами торговцев. В пределах видимости была и Елеонская гора с Гефсиманским садом, от которого ныне осталось совсем немногое.

Из современных городов нельзя было не увидеть Тель-Авив - настоящий мегаполис, едва отметивший свое столетие, с небоскребами, набережной, культурными центрами и участками старой застройки в стиле конструктивизма. Относительно недалеко от города – аэропорт Бен-Гурион, а также удивительный детский парк Мини-Израиль.

Хайфа – настоящий перекресток культур и эпох. Здесь можно ощутить почти советскую атмосферу 80-х годов с русской речью на улицах, современный космополитичный город, а также увидеть жизнь ортодоксальных иудеев, живущих по религиозным заповедям. В городе расположен прекрасный Музей науки, где дети могут всё потрогать руками и проделать огромное количество физических опытов. Есть метро на гору Кармел – в новые престижные районы. Там же расположен культовый центр религии Бахаи и Бахайские сады. Огромные пляжи с почти горячей морской водой, не остывающей даже ночью, носят лирические названия, например – Бат-Галим (Русалка). До следующего раза осталось пока не состоявшееся посещение музея первобытного человека в пещерах на горе Кармел (пещеры Табун, Схул, Гамаль и Нахаль; заповедник Нахаль Меарот), где, собственно и «появился» человек разумный, а также жил неандерталец (одновременно).

В целом создалось ощущение очень маленькой (полоса шириной в 15 км и длиной в 120 км, дальше на юг – пустыня Негев; единственный «крупный» территориальный массив - Галилея), но тщательно обустроенной страны, которая ценит свою историю и историю народов, которые здесь жили. Мемориал жертв Холокоста – Яд ва-Шем в Иерусалиме – дает пример всем странам того, как надо помнить и чтить память своих соотечественников.

Солдат на улицах было почти не видно, но накануне отъезда с территории Ливана был очередной обстрел, который обошелся, к счастью, без жертв. Повышенные меры безопасности совершенно незаметны ни в аэропорту, ни в магазинах, ни на улицах. Свобода передвижения никак не страдает.

Суперсовременные технологии, хрупкость мира, колоссальное историческое наследие и влажная жара под финиковыми пальмами и гранатовыми деревьями – вот что такое современный Израиль – мировой перекресток и святое место мировых религий.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ - РАННЯЯ ВИЗАНТИЯ

СООБЩЕНИЯ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

РЕЦЕНЗИИ

ПЕРЕВОДЫ

ХРОНИКА

Научное издание

КЛАССИЧЕСКАЯ И ВИЗАНТИЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ. 2013

Материалы VII международной научной конференции молодых ученых

План 2013 г.

Ответственный редактор-составитель
Н.Н. Болгов

Сдано в печать 19.12.2013 г.
Подписано в печать 19.12.2013 г.
Бумага офсетная. Усл.печ. листов 17
тираж 200 экз. Заказ 0733

Отпечатано в типографии ООО «ГиК»,
г.Белгород, ул. Калинина, 38-А,
тел. (4722) 58-71-25
www.gikprint.ru
girichev69@mail.ru
Св-во 001071155 от 13.04.2005г.